

РУССКИЕ СПАЙНЫ

УБИТЬ
6 ИЮЛЯ

и чрбад, дол жее нъ факъ же
чбъзъ, какъ и лрнннъ бзъ а вн
и чрбад, дол жее нъ факъ же

**РУССКИЕ
СТРАИНЫ**

**ВЛАДИСЛАВ
РОМАНОВ**

**УБИТЬ
6 ИЮЛЯ**

МОСКВА

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЛИМП
1997

ББК 84 (2Рос-Рус)6

Р69

УДК 882

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление и компьютерный дизайн

А.А.Кудрявцева

Романов В.

Р69 Убить шестого июля: Роман. – М.: Олимп, ООО “Издательство АСТ”, 1997. – 480 с. – (Русские тайны).

ISBN 5-7390-0381-4 (общ.)

ISBN 5-7390-0411-X (“Олимп”)

ISBN 5-7841-0411-X (“Издательство АСТ”)

Сколько лет мы знали о том, что полубезумный сотрудник ВЧК Яков Блюмкин убил германского посла Мирбаха. Десятилетиями нам навязывалась мысль, что Ленин и его сподвижники не имели к этому убийству никакого отношения. Но кто на самом деле направил руку Блюмкина? Кому и для чего понадобилась смерть германского посла?

За прошедшие годы события эти укрылись плотным слоем лжи и умолчания. А когда стали наконец доступны спецхраны архивов и библиотек, за одной раскрытой тайной обнажились другие... Об этом повествуется в книге, об этом фильм, показанный Телекомпанией НТВ.

Р 8820000000

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

© “Олимп”, 1997

© Оформление.

ООО “Издательство АСТ”, 1997

ПРОЛОГ

Скрестив руки на груди, Троцкий меланхолично смотрел в окно, за которым молоденькие солдатики кремлевской охраны разгребали снег, расчищая дорожки к воротам. Ленин метался по кабинету, как загнанный зверь. Вошла молоденькая секретарша, черненькая, с узким красивым восточным лицом и большими глазами. Принесла на подносе три стакана чая и блюдце с сушками.

— Кто эта хорошенькая татарочка? — едва она вышла, шепотом поинтересовался Троцкий у Свердлова.

— Советую не заглядываться, — усмехнулся Свердлов. — Жена Кобы, он тебе голову оторвет!

— Что ты говоришь?! — Удивившись, проговорил вслух Троцкий. — Она же совсем юная!

— У них разница где-то двадцать лет...

— Может быть, хватит заниматься ерундой, когда идет речь о спасении советской власти! — Ильич не выдержал, схватил том речей Каутского и хлопнул книгой по столу.

— Каутским и убить можно, — развеселился Бухарин, сидевший до этой минуты в уголке на стуле и что-то быстро строчивший в блокноте.

— Все! Я выхожу из Совнаркома и из Центрального Комитета! — решительно заявил Ленин. — Вы хотите войны с немцами, мировой революции, воюйте! Но без меня!

— Решили все-таки пчелок разводить, Владимир

Ильич? — нагло пропел Бухарин, и в его глазах сверкнули озорные искорки.

— Вы посмотрите на этого розовощекого революционера, который жаждет мирового пожара, но даже в слабый февральский ветерок не забывает надеть фланелевые подштанники с тесемками! — ядовито воскликнул Ленин, бросив резкий взгляд в сторону Бухарина.

Одна из кальсонных тесемок у Николая Ивановича действительно торчала из-под брючины, и он, заметив этот непорядок, смутился и тут же ее спрятал.

— Отчего же вас, Николай Иванович, не согревает разгорающийся огонь международной революции? Идите раздувайте его! Вон как щечки горят! — не унимался Ленин. — Болтуны! Фразеры! Караси-идеалисты! Что нахмурились, Лев Давидович? Вы сегодня в состоянии миллион человек поставить под ружье? Что же вы молчите? Ни мира, ни войны! Ах, как это красиво! Генерал Гоффман не выразил вам своего восхищения в Брест-Литовске?

— Но, Владимир Ильич, отдавать немцам большую часть Украины, Прибалтику и жирный кусок Белоруссии, исконные русские земли, лишь за то, что эти сытые бюргеры не будут с нами воевать, — это ли не грабеж среди бела дня?! Да любой нормальный человек закричит: «Караул!» — и схватится за топор! — возмутился Троцкий.

— Ах, вам негде разгуляться! — язвительно воскликнул Ильич. — Хорошо, хоть ваше самолюбие не простирается дальше Западной Украины и Прибалтики. А то среди нас тут есть и такие, кому подай немедленно свободные от буржуазного гнета Северо-Американские Соединенные Штаты, а без этого они тебя и за революционера не посчитают!

Бухарин, в чей огород Ильич бросил камешек, вспыхнул и, весело оглядев всех, победно хмыкнул.

— Владимир Ильич, — попытался было возразить Николай Иванович, но Ленин его перебил.

— Помолчи пока, Бухарчик! — неожиданно ласково сказал Ильич. — Мы с вами, дорогие мои, не в Женеве и не в Лонжиомо под Парижем! Мы приказчики новой власти, которая гибнет на наших глазах! Мать, видя своего тонущего дитя, побежит вызывать спасателей или устроит дискуссию с соседями по поводу того, как вести себя на воде?! Она первая бросится в ледяную воду! И сейчас на наших глазах тонет наше дитя! И если мы немедленно, завтра же, не примем Брестский мир на любых условиях, то лучше готовиться к похоронам! И грош цена всей нашей двадцатилетней революционной борьбе, нашим титаническим усилиям по установлению большевистской власти в одной, отдельно взятой стране! Да, это похабный и грязный мир! Да, мы сознательно откупаемся от немцев территорией и деньгами! Да мы отдаем им на растерзание часть наших братьев! Но когда у человека гангреной поражена рука, то лучше ее отрубить, чтобы спасти тело! И сейчас нам важно сохранить н а ш у власть! И я вам гарантирую: мы все вернем обратно! К концу этого же года! И даже прибавим. Но сегодня как воздух нужна власть, чтобы осуществить величайший в мире социальный эксперимент: указать всем народам новый путь в будущее!

Ленин говорил с таким пронзительным напором, что у Свердлова от волнения вспыхнул слабый румянец на землисто-бледном лице. Заслушался Ильича и Бухарин.

— Мы вожди, мы кровно заинтересованы в сохранении своей власти, своей диктатуры! — делая упор на «мы», вдохновенно продолжил Ленин, ощущая, как инициатива переходит в его руки. — Так какого рожна, извините, мы уподобляемся той самой унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла! У нас столько внутренних забот, столько работы по наведению порядка и укреплению той самой диктатуры власти, что вопрос: мир или не мир

с немцами, на котором мы застряли, — самый пустяковый! Подписать и не думать! И пойти дальше!

Ленин сел за стол, взял стакан с чаем, отхлебнул, разломал сушку, стал грызть, уже заглядывая в разложенные на столе бумаги.

— Остыл, наверное, чай, — спохватился Свердлов. — Может быть, подогреть, Владимир Ильич?

Ленин махнул рукой. Троцкий тоже взял стакан с чаем, размешал тонкий слой сахара, осевший на дне. Подсел к чайному столу и Бухарин.

— Надо с немцами тогда сговариваться? — спросил Троцкий.

— Сговаривайтесь и выезжайте! — бросил Ленин.

Постучавшись, в кабинет вошла та же Надя Аллилуева, но, увидев, что все только начали пить чай, смутилась:

— Извините, я хотела поднос забрать, я попозже найду!

Она вышла. Ильич прищурился и насмешливо взглянул на Троцкого.

— Учитесь у Сталина! Он болтать не любит! Он дело делает! — съехав на сталинский акцент, заметил Ленин. — И очень скоро всех вас будет уму-разуму учить.

— Что-то есть в этой Наденьке зажигательное! — улыбаясь, отозвался Бухарин.

— Будет мир, будут и песни! — возвращая стакан на поднос, подвел черту разговора Ленин. — Яков Михайлович, отправляйте нашего бесценного теоретика перманентной революции в Брест с новым пакетом документов. И немедленно! И займитесь подготовкой резолюций к Седьмому съезду. Что улыбаетесь, мальчик Бухарчик? Ленин задиристо посмотрел на Николая Ивановича: — Не убедил?

— Я бы сказал пока так: не совсем, — ответил Бухарин.

— Эх, не была тебя жизнь, Николай! — вздохнул Ленин. — Ничего, помыкаешься со своей горе-ле-

визной — и, битый, к нам приползешь! Как думаешь, Лев Давидович, приползет?

— А куда ему деваться, — ответил Троцкий. — Если только на Спиридоновой не женится.

— Фу! — поморщился Бухарин. — Умеешь ты, Лева, за чаем гадости выковыривать!

Он поставил недопитый стакан с чаем на поднос.

— А кто мне вчера про нее романсы пел?

— По революционной части я ею даже восхищаюсь, а вот по женской, тут... — Бухарин развел руками.

— А революционная часть — это которая спереди выступает или сзади? — съехидничал Троцкий.

— Ну, знаешь! — возмутился Бухарин. — Да ты просто пошляк!

— Все, милые, спор по женской анатомии у Якова Михайловича в кабинете! — оторвавшись от бумаг, потребовал Ленин.

— Ах, какие мы романтики, — ухватывая ленинскую интонацию, поддел Бухарина Троцкий.

Они вышли в приемную и пикировались уже там, вовлекая в спор и новенькую секретаршу Наденьку.

«Дети, сущие дети! — бормотал Ленин, почти носом вода по рукописи и вычеркивая целые абзацы из своего съездовского доклада. — Мировой эксперимент в детском саду! С господином Плехановым падучая бы приключилась, узнай он, с кем я начинаю строительство государства Солнца. Он бы вмиг обозвал нас «кромешниками» или «сатанинской гвардией». А вот мы возьмем да построим! И на века построим! До нового святого пришествия!»

И он тихо, задорно рассмеялся.

«Вперед, дети Отечества, день славы настал». Почти каждое утро во время бритья он намурлыкивал эти первые строчки родного гимна, но сегодня молчал, напряженно глядя на себя в зеркало. «Le jour de gloire est arrivé». День славы настал. Желтоватая, местами стершаяся амальгама бесстрастно отражала лицо усталого сорокалетнего мужчины с черными, точно набриолиненными, слегка вьющимися волосами и глубоко посаженными темно-кариими глазами. Если б не это напряжение во взгляде, его можно было бы принять за записного сердцеда или весьма преуспевающего коммерсанта, впрочем, обе эти роли он знал наизусть, и следы их нетрудно было отыскать в самоуверенном изгибе тонких губ и в легкой сеточке морщин, убегающих от глаз, женщин часто обезоруживал этот насмешливый прищур.

Он чертыхнулся, оставив на щеке тонкую алую полоску, отжал в горячей воде салфетку, прижал ее к ранке, вернулся в комнату и, ожидая, пока затянется царапина, снова перечитал лежащую на столе телеграмму: «Любимый дядюшка приезжает утром 23 апреля, везет подарки от Валентины и Геннадия. Шура». Под дядюшкой подразумевался германский посол граф Вильгельм Мирбах, который прибывал сегодня в Москву, под именем «Валентина» проходил германский канцлер Вильгельм, а «Геннадием» был обозначен германский военный штаб. Шурой Пьер Лоран, получивший эту телеграмму из Фин-

ляндии, называл своего агента-связника, работавшего в Берлине и пересылавшего в Москву через Хельсинки всю важнейшую секретную информацию. «Шура» произошло от слова «шер», что по-французски — «дорогой, любимый», и агент, когда у него дела были в порядке, обязательно вставлял в телеграмму или донесение то или иное слово, чтобы Лоран не волновался. Поэтому слово «любимый» вроде бы не имело никакого иронического подтекста в данном случае, но Лоран помимо своей информации прочитал и его. Усмехнулся и закурил.

Самая важная часть донесения заключалась в подарках. Лоран знал, что Людендорф, проанализировав положение большевиков в России за эти пять с половиной месяцев, прошедших после революции, пришел в ужас. У большевиков катастрофически не хватало самого необходимого: хлеба, мяса, бензина, лекарств, а разруха и голод — наихудшие спутники власти. Кроме того, союзники большевиков по революции, правые и левые эсеры, выступали за продолжение войны с немцами, и Людендорф понимал, что, если сейчас не поддержать любыми средствами Ленина, его власть не продержится и двух месяцев. И тогда Брест-Литовский мирный договор, подписанный 3 марта 1918 года, окажется для немцев бомбой, подложенной под самих себя. Ибо, рассчитывая на мир с русскими, Германия сняла с Восточного фронта около ста дивизий, оголив его, и начала широкомасштабное наступление по всему Западному фронту.

За Лениным был должок, немцы щедро подпитывали его деньгами за одно обещание — вывести Россию из войны, — и он сдержал слово, Россия перестала воевать и заключила мир. Ленин по-королевски расплатился с кредиторами, отдав по Брестскому договору Германии один миллион квадратных километров территории бывшей Российской империи и пообещав шесть миллиардов марок контрибу-

ции. Присоединив к себе Прибалтику, Западную Украину и Западную Белоруссию, Германия превращалась в мощное государство, которое в случае победы в войне единолично будет царствовать в Европе. Теперь главное для Людендорфа — воспользовавшись столь благоприятной ситуацией, захватить Францию, что, увы, вполне реально. Поэтому, выполняя приказ Людендорфа, Мирбах вез заверения немецкого министерства финансов о выделении России сорока миллионов марок. За это Германия просила Ленина ликвидировать Черноморский и Балтийский флоты, что явилось бы и подтверждением намерений Советов сохранить Брестский мир, а кроме того — с ликвидацией двух флотов Россия как потенциальный военный противник перестанет существовать для Германии. Корабли Балтийского флота Германия была готова даже купить, и Мирбах вез на сей счет специальные тайные директивы. Таковы были «подарки дядюшки», и их содержание, надо думать, весьма заинтересует французского посла Жозефа Нуланса, у которого через несколько дней состоится важная встреча с Лениным. Лоран встретится с Нулансом сегодня в час дня и сможет подробно проинформировать его обо всем, а пока надо спешить: поезд Мирбаха прибывает через полтора часа и лучше приехать на вокзал пораньше чекистской братии и занять удобное место для наблюдения, ибо на вокзале будет тайный советник немецкого посольства доктор Рицлер — резидент немецкой разведки в Москве, о недожинном уме которого много рассказывали. Среди встречающих Лоран увидит и лейтенанта Леона Мюллера, эту рыжую гончую немецкого сыска, который попортил ему немало крови в свое время, а разве можно отказать себе в удовольствии увидеть всю компанию врага в сборе, а то «воюешь незнамо с кем», как любит говорить его знакомый швейцар в «Гранд-отеле» дядя Федя.

Лоран неплохо знал русский и последние полгода

говорил почти без акцента, это далось ему невероятным трудом и усидчивостью, несмотря на то что Лоран работал в России всего третий год — срок слишком малый, чтобы начать мыслить на чужом языке и полностью освоить его мелодику. Но уже в семнадцатом, когда Николай Романов отрекся от престола и власть перешла к Временному правительству, которое делало все, чтобы ее потерять, Лоран вдруг понял, что может наступить время, когда ему придется стать нелегалом. Это неизбежно, если к власти в России придут большевики, а в конце июня семнадцатого года расклад сил в Петербурге никак не был в пользу Временного правительства, хоть Лоран и пытался, как мог, помочь господам капиталистам, предоставив им секретные сведения о сговоре лидера большевиков с Людендорфом. Что явно было во вред самому Лорану.

Ведь если Ленин возьмет власть, он быстро узнает, кто подбросил Временному правительству сведения о его тайных финансовых сделках с немцами, и вышлет Лорана в двадцать четыре часа за пределы России. Пропадет агентурная сеть, которую Лоран с таким трудом налаживал эти два года в Петербурге и Москве. Тому, кто придет на его место, потребуется для этого в два раза больше времени. А чтобы стать нелегалом, надо нормально говорить по-русски, не путаясь в словах и в мелодике. Сколько времени нужно для этого нормальному человеку? Год-полтора?.. Лорану потребовалось ровно три месяца.

А неделей раньше, 21 июня 1917 года, Лоран передал министру иностранных дел России Терещенко пачку телеграмм, которыми Ленин и его секретари обменивались с Ганецким, сидевшим в Стокгольме, и Парвусом, который был связан с немецкой военной верхушкой. Из телеграмм вырисовывалась подробная картина тесных взаимосвязей между лидером большевиков Лениным и германским генштабом, который, поддерживая ленинские обещания

вывода России из первой мировой войны, выплатил ему через шведские подставные фирмы на разные нужды, в том числе и на оплату сотен большевистских агитаторов, мотавшихся по фронтам и призывавших российских солдат к братанию с немецкими пролетариями, более 50 миллионов марок.

Ларчик открывался просто: из 268 дивизий, которыми располагала Германия и ее союзники в мировой войне, 107 она вынуждена была держать на Восточном фронте против России. Война шла уже три года, а надежд на победу у Германии не было и быть не могло, пока воюет Россия. Ленин пообещал Людендорфу, что ликвидирует Восточный фронт, и надо сказать, что слова этого рыженького вождя не расходятся с делом, большевистские агитаторы, как муравьи, разъедают позиции русских войск, солдаты самовольно покидают поле брани, братаются с немцами. Даже приезд Ленина в апреле семнадцатого года в Петроград субсидировался немцами. Вот что сказал об этом Эрих Людендорф: «Помогая Ленину поехать в Россию, наше правительство принимало на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправдано: Россию нужно повалить».

Чуть позже, когда война будет уже проиграна, фельдмаршал Людендорф признается князю Жевахову: «Я нисколько не скрываю, что, устраивая у вас революцию, мы действовали сознательно и сочувствовали ей, но я повторяю, что революция была нам нужна только на срок две-три недели, в течение которого мы получили бы возможность заключить мир и прекратить войну. А добившись мира, мы имели в виду немедленно же ликвидировать революцию, выгнать большевиков и навести порядок. Мы и приступили к этой задаче...»

Какой надо было обладать уверенностью, чтоб столь серьезно говорить о таких вещах: на пару недель разрешили революцию, а потом закрыли, как

выставку. Но что же помешало? И на это у фельдмаршала есть свой ответ: «В тот момент мы еще не знали, что Франция и Англия преследовали обратные цели и были заинтересованы не только в поддержании большевизма в России, но и в насаждении его в Германии. И в том, что мы этого не знали, заключалась наша величайшая ошибка. Но теперь мы прозрели и знаем, кто прячется за большевизмом и скрывается в недрах всякого рода революций...»

Лоран никогда не сомневался в больших умственных способностях фельдмаршала, чья откровенность ему очень помогла в то время. Он подробно передал планы Людендорфа относительно Ленина, которого не без его помощи в plombированном вагоне доставили в Россию в апреле семнадцатого, председателю Временного правительства Гучкову. Встречу с последним Лорану устроил министр иностранных дел России Терещенко. Гучков выслушал сообщение представителя военной французской миссии, сделал удивленное лицо и посмотрел в сторону военноморского министра Керенского. Александр Федорович нервно заерзал на кожаном диване и допил свой коньяк.

— Господин Лоран несколько преувеличивает отдельные случаи нарушения дисциплины на фронте. Я приказал всем командирам расстреливать этих большевистских болтунов на месте, и пока угрозы разложения армии нет... — Керенский слащаво улыбнулся, взглянув на Лорана. — А что касаясь слов, кои приписываются Людендорфу, то позвольте вас спросить, господин Лоран, вы его лично интервьюировали?..

— За все, что я говорю здесь, я несу полную ответственность, — улыбнувшись, ответил Лоран. — Извините, господин председатель, — Лоран снова обратился к Гучкову, — но ваш подданный, господин Ульянов, именующий себя Лениным, фактически ведет шпионско-диверсионную работу против

России в пользу Германии, это подтверждается принесенными мною документами. По условиям военного времени в моей стране за такое бы отправили на гильотину, а ваш военно-морской министр господин Керенский лишь мило улыбается и сыплет остротами, хотя я сообщил ему обо всем этом месяц назад, как только он был назначен на этот пост. И я надеялся, что военный министр примет незамедлительные меры к устранению господина Ульянова, но этого не случилось, поэтому я и решил обратиться к вам, господин премьер-министр...

Лоран выдержал паузу и добавил:

— Я понимаю, что Александр Федорович учился с господином Ульяновым в одной школе, они земляки, их отцы были в добрых отношениях, а сам господин военный министр состоит в дружественной Ленину партии социал-революционеров...

Керенский вскинул узкое, костлявое лицо, и в глазах его блеснул гнев.

— Вы забываете, сударь, с кем говорите!

— Успокойтесь, господа! — Терещенко поморщился, плохо скрывая затаенную улыбку.

Лоран знал, что господин иностранный министр не выносил кривляку Керенского и эту пилюлю приготовил специально для министра, чтобы отблагодарить его за эту встречу.

— Сейчас главное, — продолжил Терещенко, — соединить наши усилия в борьбе с общим врагом, а я надеюсь, большевики ни у кого не вызывают симпатий. Господин Пьер Лоран — представитель французской военной миссии в России, а следовательно, наш союзник и справедливо бьет тревогу, и те документы, что он представил нам, способны потрясти самое стойкое воображение. Фактически, господа, мы имеем дело с военно-политическим заговором, целью которого еще ранее было свержение государя Николая Романова, а ныне и наше правительство...

Терещенко говорил гладко и вдохновенно. Накануне они приватно посидели на квартире Лорана. Лоран пригласил российского министра иностранных дел, чтобы вручить эти двадцать девять телеграмм, и кое-что рассказал устно о масштабах деятельности этого Ленина, о том, например, что многие теракты еще раньше устраивались на деньги крупнейших русских фабрикантов, которых обольщали мнимой борьбой за свободу и демократию, большевики ничем не брезговали, чтобы раздобыть денег для партийной кассы, они сманивали богатых наследниц, подставляя им фиктивных женихов из числа вдохновенных революционеров, а потом наследство перезрелых миллионерш тихо перетекало на счета господина Ленина и компании. Михаил Иванович Терещенко, розовощекий Мишенька, даже побледнел, услышав эти сведения, будто охранка ничего про них не знала.

— Какая им разница, чьи тратить деньги?! — усмехался Лоран. — Деньги грузинских, армянских грабителей, типа Джугашвили или Камо, которые со своими бандами совершают налеты на банки и пароходы, или Людендорфа, или Морозова?! Это люди без чести и совести, и Россия им нужна как плацдарм для захвата мировой власти, они, не стесняясь, давно объявили об этом и, представьте себе, всерьез спорят о том, что лучше: сразу разжечь мировую революцию или пока провести эксперимент — сделать революцию в России. Вот ваш Ленин, к примеру, убежден, что революция возможна в одной отдельно взятой стране, такой, как Россия. Остальные с ним спорят. А он убежден и хочет всем доказать!..

— Забавно, — улыбнулся Терещенко.

Они пили душистый «Арманьяк», закусывая его сыром.

— А вот забавного я ничего не вижу, Михаил Иванович, — ответил Лоран. — Потому что революцию он осуществит, вас отправит на виселицу и

будет проводить свой эксперимент! Неужели вам не жаль своего народа, который подвергнется этой страшной селекции?

— Вы преувеличиваете, Пьер! — отмахнулся Терещенко. — Наш народ никогда не примет эту революцию! Да, я знаю, есть кучка интеллигентов, которые кликушествуют на эту тему, но русский народ в основной своей массе верит в Бога и царя, а если мы сейчас подготовим земельную реформу и проведем ее, наделив крестьян землей, то никакие революционеры народ на бунт не поднимут! Я понимаю, что вот тут, — Терещенко помахал телеграммами, — диверсии в пользу противной стороны, и наша полиция должна этим заняться!..

Лоран тогда не смог доказать Терещенко, насколько велика опасность, заключенная в большевиках. Он даже сам немного успокоился. Все-таки в руках Временного правительства был сильный полицейский аппарат, и его средств вполне могло бы хватить для ликвидации большевистского подполья. Главное — обезвредить лидеров, а остальная масса рассеется сама по себе. Но Гучкову и Терещенко не стоит и заигрывать с этими революционными представителями. Почему Керенский, занимая столь важный пост — военного министра, именуется эсером, то есть социал-революционером, и гордится таким сомнительным званием. Сейчас, как никогда, необходимо жесткой и даже карающей рукой навести порядок в России: запретить деятельность всех партий на период военных действий, установив прочную диктатуру правых, о чем втайне мечтает Терещенко. Лорану нравился этот тридцатилетний сахарозаводчик, один из российских нуворишей, из которого, если его поднатаскать, мог получиться неплохой дипломат. Не Талейран, конечно, но совсем неплохой. Во всяком случае, урок Лорана Миша выучил наизусть и не стал кичиться собственными мыслями, как это любил делать Керенский. Хорошо,

когда у тебя есть собственные мысли, но что делать, если их нет.

Ту партию выиграл Лоран, Гучков приказал немедленно схватить Ленина, судить его как немецкого шпиона и надолго упрятать в тюрьму. Кто знает, как бы все сложилось, если б Ленин был схвачен и посажен в тюрьму. Возможно, никакой революции вообще бы не было и Лоран спокойно гулял бы сейчас по Невскому. Тогда, в июне семнадцатого, все еще можно было сохранить — и власть, и веру, и страну. Но русский язык он решил выучить. На всякий случай. В России лучше быть русским или евреем, но никак не французом, любой иностранец здесь вызывает подозрение, живи он тут хоть сорок лет. А если придут большевики, они не простят ему этот *tour de force*, не будут ждать и церемониться, как господа Гучковы, и шлепнут его при первом удобном случае. За три месяца он вытравил латинский акцент и имел в активном словаре три тысячи слов. Совсем неплохо даже для русского интеллигента, смеясь, говорила ему его обожаемая учительница Татьяна Сергеевна. Танечка, Танюша...

Он вспомнил о ней, и странная пустота вновь образовалась под сердцем. «Сентиментальный шпион» — худшее сочетание и придумать трудно.

Они простились пять месяцев назад в Петрограде. Шел пятый день новой власти, в которую еще мало кто верил. В городе было тихо, почти пустынно, лишь изредка с разных концов города доносились сухие винтовочные выстрелы, гулко раскатываясь в морозном воздухе. Таня вздрагивала каждый раз, он не выдержал и обнял ее. Она заплакала. Лоран сказал, что его отзывают во Францию и оттуда он обязательно напишет ей. «Может быть, все уладится, это же просто бунт, есть же армия, в конце концов, она должна усмирить этот революционный сброд!» — повторяла Таня, понимая, что все дело в этой проклятой революции.

— Может быть, вы уедете со мной? — тихо спросил он.

Они уже не раз говорили на эту тему — сначала шутливо: «Вот возьму и увезу тебя в Париж», потом уже серьезно, но Таня и слышать об этом не хотела: здесь родные могилы, родственники, язык, которым она занимается, еще через месяц Пьер переговорил с отцом Тани, пригласив и его вместе с сыновьями, двумя младшими братьями Тани, жить в Париж, но Сергей Матвеевич наотрез отказался. В Париже он бывал — хороший город, но чужой. Вот если Таня захочет, он препятствовать не будет, сыновей он один поднимет, пусть она на этот счет не беспокоится. Но Таня и слышать об этом не хотела. Без нее отец не справится: младшему, Михаилу, только двенадцать, он совсем еще мальчишка, сорвиголова, ему нужна маломальская женская забота, а отец просто хорохорится. Да и она с Пьером еще так мало знакома, и у него такая профессия. Но все это говорилось уже так, из глупого приличия. Лоран видел, что она его любит и мучается одной мыслью, что его могут отозвать в Париж, куда угодно — и разлучить их. За несколько месяцев до революционного переворота он предложил ей стать его женой, Таня вспыхнула, она давно ждала этого предложения. Лоран не сразу понял эту странную особенность русской женской природы: если девушка говорит «нет», и тоном непререкаемым, то это совсем ничего не значит, наоборот, если отказ выражается в столь категоричной форме, то, скорее всего, она согласна. Поэтому, когда Таня запретила говорить ему о женитьбе, он перестал, а ненароком упомянув о ней, увидел, что она давно ждала этого предложения.

— Только надо подготовиться, — сказала Таня. — Подготовиться к свадьбе. Она будет непышная, но надо пригласить всех родственников, знакомых, человек двадцать наберется, кто-то из твоих

друзей, надо подготовить стол... — Глаза ее уже светились счастьем. — Недели две на это уйдет...

И они стали готовиться, но грянула революция, и все в один миг переменялось, а еще через неделю Лорана в срочном порядке отзывали в Париж, поэтому он и звал ее с собой. Но она опять отрицательно качала головой, грустно повторяя:

— Папа не поедет, да и братья не поедут, а я не могу их бросить. Может быть, все уладится, это просто бунт, его усмирят, все уладится, я думаю, все уладится...

Она то плакала, то, выгирая слезы, улыбалась, начинала шутить, вспоминала, как они хотели затеять ремонт в доме, купили уже краски, белил, но даже тут помешала революция, и так они будут про нее говорить: это та революция, которая ремонту помешала. Она не говорила о том, что революция помешала свадьбе, словно это была запретная тема. Она шутила о дурацком ремонте, и шутки выходили грустные. Так они прощались, как казалось Лорану, целую вечность, она шептала: «Петенька, Петенька!» — будто умоляла остаться, и сердце у него разрывалось на части. В поезде, запершись в купе, он выпил двумя стаканами подряд бутылку водки и вдруг почувствовал, как боль остановилась и точно окаменела. Ему стало полегче.

Первое письмо он отправил ей из Парижа еще в конце января 1918 года, когда уже знал, что снова отправится в Россию. Но писать об этом он не мог, ибо разговор шел о его нелегальном пребывании в стране. Он стал думать, как вернется в Петроград, как они встретятся, предполагался даже вариант женитьбы, но его быстро отвергли. Наконец, сошлись на том, что Таню все же придется посвятить в некоторые обстоятельства его возвращения. Не исключалась и ее вербовка. Но не сразу, важно было знать, как она поведет себя, узнав, кто он на самом деле. Хранить же молчание было еще опасней: одна слу-

чайная встреча, и вся его маскировка лопнет. К счастью, у Тани было мало подруг и ни с одной из них Лоран не встречался. Сложнее выстраивалась схема отношений с ее отцом. Он виделся с ним два раза. И один раз с братьями. А тем временем из России пришло известие, что столицу перенесли из Петрограда в Москву. Лоран часто наезжал туда, создав в белокаменной неплохую агентурную сеть. Все проблемы мигом улетучились, и в начале апреля он уже прибыл в старую российскую столицу. А письма от Тани он так и не дождался. Оно могло затеряться. Париж и Петроград переживали нелучшие времена. Теперь ответ, может быть, и появился. Перед самым выездом он отправил Тане еще одно письмо, отправил, чтобы обезопасить себя. Он написал, что останется в Париже, фронт совсем рядом, но он ее помнит, и, если останется жив, то они обязательно встретятся. Если письмо попадет в ВЧК, то там будут знать, где он находится. Рано или поздно Ленин узнает, кто создал ему славу «немецкого шпиона» летом семнадцатого года, и внесет его имя в свой черный список. Так делали все правители во все века.

Теперь, живя в Москве по документам одесского книготорговца Ефима Петровича Добровольского, он, зная, что их разделяет всего одна ночь пути, с трудом удерживал себя от безумного шага: сесть в поезд и умчаться в Петроград. Но он не имел права с ней видаться, для разведчика такие фокусы губительны. Таня приходила к нему во снах: она сидела у окна под лампой, завернувшись в шаль, смотрела на него и улыбалась. А когда она уходила, он просыпался.

2

Граф Мирбах Лорану понравился. Старый прусский аристократ, в свои сорок семь лет он выглядел прочно, как хорошо смазанная немецкая гаубица. Это странное сравнение ему почему-то пришло на ум, пока он разглядывал статного рослого графа, с пышными усами, рядом с которым заместитель наркома иностранных дел Лев Карахан смотрелся вертлявым подростком. Да и вся посольская компания, подобранная Людендорфом, — Мюллер, Рицлер, советник Бассевитц, военный агент Шуберт — казалась мощной бульдожьей сворой в предчувствии большой охоты. Они будут отрабатывать свои деньги и держать Ленина на коротком поводке.

Мирбах заметно сдал. Лоран встречался с ним четыре года назад в его загородном берлинском доме, это было еще до августа четырнадцатого, то ли в конце апреля, то ли в мае, — чета Мирбахов устраивала светский прием, и Лорана тогда представили хозяину дома. Граф Вильгельм был молод, задирист, неравнодушен к слабому полу, любил пропустить рюмочку, вел себя легко и непринужденно, как юноша, что сразу же подкупило Лорана. В нем вовсе не было этой аристократической немецкой чопорности, ни в осанке, ни в разговоре. Он отпускал шуточки, от которых у дам краснели уши, но в этих островах не было никакой грубой сальности. Лоран тогда даже сделал ему комплимент, сказав, что он острит, как настоящий француз, в его шутках ника-

кой физиологии, каковую так любят немцы, а истинный *bel esprit*, изящный дух. На что Мирбах шепнул ему на ухо: «Французы мне всегда нравились больше, чем немцы или англичане».

Теперь у Мирбаха были грустные, усталые глаза, совсем потухшие, словно он только что вышел из госпиталя после тяжелой операции, и выглядел он совсем старичком, лет на шестьдесят. Появилась привычная немецкая чопорность и надменность. А вот первый советник Карл Рицлер, наоборот, выглядел молодо, даже молодцевато, и чувствовал себя хозяином положения. Мюллер подошел к нему с вопросом, и Рицлер, не дослушав, кивнул и дал какое-то поручение. То же и с Шубертом — приказно-административно. Мирбах же стоит как декоративная статуя. Видимо, все так и будет впредь: всем будет заправлять Рицлер, и Лорану предстоит угадывать его шаги и поступки, а тягаться с Рицлером нелегко. Он на редкость умен и непредсказуем. А если немцу выпадает ум, то тут уж держись, из этого может вырасти и великий ум. Гегель, Кант, Гете, Ницше это доказали... Мирбах наклонился к Рицлеру, сказал ему что-то на язвительной полуулыбке — терпкая, крепкая мирбаховская острота, — но в этой полуулыбке промелькнул и оттенок дружеского заискивания. Рицлер же головы к Мирбаху не повернул, как стоял прямо, так и продолжал стоять, слушая приветственную речь Карахана. Бедный Мирбах!.. Он хоть и не страдал никогда чрезмерным самолюбием, но тут придется заткнуть свои графские амбиции за пояс и идти за политическим умом на поклон к барону.

Лоран издали наблюдал за встречаей немецкого посла, стараясь не бросаться в глаза нахальным чекистским кожанкам, занявшим почти полперрона. Капало с крыши багажного пакгауза, и ледяные капли заползали за воротник. По дороге на вокзал он успел промочить ноги, и последнее обстоятель-

ство немного вывело его из равновесия. Ленин согнал немало охраны на вокзал, видимо всерьез опасаясь за жизнь представителя Людендорфа — Брестский договор стоил красному вождю немало усилий, многие из его соратников благодаря Лорану были хорошо осведомлены о тайных махинациях с немецкими деньгами и рассуждали вполне здраво: Ленин приторговывает Россией, это ясно, и поэтому популярность большевиков падает. Сегодня в местных Советах они имеют лишь четвертую часть своих сторонников, Ленин и разогнал-то Учредительное собрание потому, что сразу понял: власть фактически проиграна. У него один выход: установление собственной диктатуры, но в России это уже было — царь, самодержавная абсолютная власть, народ потерпелся и такого издевательства больше над собой не допустит. Так хотелось думать Лорану.

Григорий Голубовский, член ЦК партии левых эсеров, которого Лоран через своих агентов-латышей Бирзе и Бредиса подпитывал этой информацией, а через него и всю верхушку эсеров, относился к Ленину снисходительно. Левые эсеры сами стремились взять власть, рассчитывая, что большевики, потеряв влияние в массах, принесут им ключи от Кремля. Лорану было смешно даже слышать такие заявления, но власть левых эсеров не входила в его планы. Он помогал им в той степени, в какой можно было их использовать в борьбе против большевиков и Ленина. Он понимал, что, как только Ленину удастся установить прочную большевистскую диктатуру, он разделается с левыми, не задумываясь. Так уже не раз случалось в мировой истории.

Лоран, еще до революции собирая досье на Ленина, сумел кое-что узнать о его прошлом. Прадед по линии матери, мещанин, еврей Мошка Бланк из Волынской губернии, жил в городке Староконстантиново и имел двух детей — Абея и Израиля. Они закончили Житомирское поветовое училище, что для

мальчиков было весьма необычно, ибо там готовили повитух, акушеров. Мошка вскоре умер, дети остались сиротами, но поскольку они учились хорошо, то местный священник надумил их проситься учиться дальше, в Хирургическую академию. Но евреев туда не брали, и, прежде чем писать прошение, им надлежало принять христианскую веру, что и произошло 10 июля 1820 года. При крещении Абель и Израиль получили русские имена, соответственно Дмитрий и Александр. Крестил их в церкви преподобного Сампсония священник Федор Барсов. Новокрещенные Дмитрий и Александр тотчас отправились в Петербург и написали прошение на учебу. Лорану удалось достать его копию.

*Его сиятельству Господину Министру
духовных дел и народного просвещения
Князю Александру Николаевичу Голицыну
Житомирского поветового училища
от студентов
Дмитрия и Александра Бланков*

ПРОШЕНИЕ

Окончив курс учения в Житомирском поветовом училище и удостоверясь аттестатов об успехах в преподаваемых в оном науках и о поведении, желаем мы определиться в здешней Медико-хирургической Академии для приготовления в лекарской должности. Посему прибыли под покровительство Вашего сиятельства. Осмеливаемся всепокорнейше просить, неблаговолено ли будет приказать через кого следует принять нас в число воспитанников оной Академии, и на сие прошение учинить милостивейшее рассмотрение.

*Дмитрий Бланк
Александр Бланк*

20, июля дня 1820 года.

Александр (Израиль) Бланк и был дедом Ленина со стороны матери. Он родился в 1802 году, в 1824-м закончил Медико-хирургическую академию в Петербурге, стал лекарем, служил в разных ведомствах, одно время даже в Санкт-Петербургской полиции. В Петербурге он познакомился с Анной Гросшопф, дочерью немецкого купца из Любека Иоганна Готлиба Гросшопфа, возглавлявшего в столице России фирму «Кристиан Фридрих Шаде и сын». Гросшопф имел свой дом на Васильевском острове и числился среди десяти наиболее зажиточных немцев Петербурга. Бедному еврейскому выкресту Александру Бланку льстило такое родство, и он, не задумываясь, женился на младшей Анне, девице блеклой и невидной. Она родила мужу шестерых детей и умерла. После смерти жены Бланк с детьми уехал работать в Пермь. Воспитывать детей помогала сестра Анны, которая вела и весь дом. В 1848 году Бланк вышел на пенсию, приобрел небольшое имение Кокушкино неподалеку от Симбирска, где 17 июля 1870 года и окончил свои дни в чине надворного советника в возрасте семидесяти одного года и зная о рождении своего второго внука от дочери Марии, названного Владимиром. Владимиром Ульяновым, по отцу.

Дед Ленина был врачом, штаб-лекарем и акушером, «за расторопность и усердие, оказанные неоднократно при возвращении к жизни утопших и угоревших», ему не раз от начальства объявлялась благодарность. Сколько их было, спасенных «неоднократно» от огня и воды? Пять? Десять человек? Но он спасал, то и дело получая «за отлично-усердную службу» всемиловитивейшую награду в 800 рублей. Имея на шее пятерых дочерей и сына, он нуждался в деньгах, но делал все, чтобы дети этой нужды не чувствовали. И в забытый Богом уральский городок на Каме Пермь он поехал тоже, радея о детях. Там сразу предлагали заведование заводским

госпиталем, а из Перми перебрался с шестерыми детьми в Златоуст, где стал уже медицинским инспектором всех златоустовских госпиталей.

В надворные советники вышел уже со старшинством, штрафован никогда не был, всегда отмечался только как способный и достойный гражданин, за что 27 ноября 1847 года из купеческого звания — а начинал свой путь из мещан — был пожалован в дворянство и занесен в Дворянскую родословную книгу России. Знал ли Александр Дмитриевич Бланк, сын староконстантиновского мещанина Мошки Бланка, слабо знавшего грамоту и любившего посидеть в шинке за рюмочкой, что через три десятилетия он добьется того, что его дети будут писаться дворянами и иметь все гражданские права, какие вообще существовали в Российской империи?.. Может быть, и знал, ибо своим горбом, своим каторжным трудом всего добился и, умирая, мог с гордостью сказать детям: я сделал многое, вы сделайте еще больше.

И уже внук сделал то, от чего дед перевернулся бы в гробу: звание босяка и пролетария стало высшим сословным рангом в новом, придуманном им государстве.

Генеалогическое древо — явление замечательное: можно узнать характер человека, даже не встречаясь с ним лично. Если к еврейским и немецко-датским корням матери прибавить русско-азиатские гены отца Ленина, Ильи Николаевича Ульянова, от кого он получил скуластое лицо кочевника, то получится гремучая смесь, каковая многое объясняет во взрывчатом характере Ульянова-Ленина, его бешеном темпераменте и неиссякаемой энергии. Многие объясняет в его симпатиях к немцам и Анна Гросшопф, эти симпатии, возможно, интуитивны, но понятны. Недаром Ленин просто восхищен образцовым «германским империализмом», который, по его словам, представляет «наибольший прогресс не только в

военной мощи и военной технике, но и в крупной промышленной организации...». А причину немецкого прогресса в экономике Ленин видит в том, что Германия «раньше других государств осуществила переход к трудовой повинности». И коммунизм Ленина прост: образцовая экономическая кайзеровская машина плюс советская власть.

Документы о прадеде Ленина помогла достать из архива академии Татьяна. Лоран объяснил, что его интересует психофизиология современного революционера и, может быть, он напишет когда-нибудь диссертацию, на титуле которой он обязательно упомянет ее имя, если она не бросит его к тому времени. У них были такие внешне шутливо-ироничные отношения.

Они познакомились в самом начале пятнадцатого года, когда Лоран только приехал в Россию и вместе с членами царской фамилии поехал в один из петербургских госпиталей награждать подарками от французской военной миссии героев войны, спасших в конце четырнадцатого Францию от немцев. Тогда лишь мощное наступление русских по всему фронту и захват большей части Галиции, за которой лежали силезские земли, спасли французов от немецкой оккупации. В числе награждаемых был и погибший поручик Сергей Войтов. Царскую награду — Георгиевский крест и подарки от французской миссии — принимала его вдова, Татьяна Войтова, она работала здесь же в госпитале сестрой милосердия, и Лорана поразило ее чистое, нежное лицо, озаренное мягким светом, и завораживающие глаза, подернутые грустной поволокой. Еще работая в Германии, он был слышан о сводящей с ума красоте русских женщин. И вдруг встретил такую женщину и несколько дней ходил потрясенный этой встречей. «Чтобы избежать искушения, надо поддаться ему», — советовал Оскар Уайльд, и спустя неделю Лоран снова очутился в этом госпитале, нашел Таню. Нужно было что-то

объяснять, а он не знал, как это сделать, стоял перед ней и молчал. Дул холодный ветер, Таня сжимала края шали, наброшенной на плечи, потом сказала:

— Я вспоминала вас, после того как вы ушли... Сама не знаю почему. Сидела одна дома и вдруг вспомнила ваши глаза, вы с каким-то благоговением смотрели на меня, как на святую, и я подумала: какая трепетная и нежная у вас должна быть душа. И потом еще раз вспомнила, на второй день...

Она вдруг остановилась, посмотрела на него и сказала:

— Я ждала вас!..

И все сразу же определилось. Их прибило друг к другу так крепко, что они и дня не могли прожить не повидавшись. Лоран тогда же предложил план по поводу своего превращения в нелегала и попросил время для основательного изучения языка. Он назвал даже учителя — Татьяну Войтову, она до войны изучала филологию и русскую словесность. Разрешение было получено, и Лоран вырвал ее из госпиталя, и они отправились на дачу Войтовых в Куоккале. Был май, дни стояли солнечные и теплые, они любили друг друга, и больше их ничто не интересовало.

Они говорили обо всем, кроме одного — их будущего. Лоран сказал, что он военный, в чине капитана, что и было на самом деле, поэтому его могут послать на фронт, и Таня сразу сказала: «У нас есть только сегодняшний день, и не будем говорить о дне завтрашнем». Так они и жили — сегодня, пугаясь дня завтрашнего, дорожа каждым мгновением, точно скоро им предстояло расстаться. Они это чувствовали. Лето кончалось. Они вернулись в Петроград осиротевшими, потому что это завтра сразу приблизилось. Но благодаря лету и любви Лоран уже говорил по-русски без всякого акцента. Чуть-чуть проскальзывала, как утверждала Таня, одесская певучесть; поэтому Лоран и выбрал ввос-

ледствии биографию книготорговца с Дерibasовской.

Они по-прежнему встречались каждый день. Лоран заинтересовался Лениным, и Таня, как-то провожая его, указала Пьеру на церковь Спаса на крови — она жила рядом с ней, — сказав, что сорок лет назад на этом месте убили бомбой царя Александра Второго, деда нынешнего императора, его отца точно таким же образом собирались убить в 1887 году и одним из террористов был Александр Ульянов, старший брат нынешнего вождя большевиков.

— И что стало с братом? — спросил Лоран.

— Его повесили, — ответила Таня. — Может быть, поймают и повесят теперь младшего за шпионаж в пользу Германии, как пишут в газетах...

— Так он мстит за брата, — усмехнулся Лоран. — Что ж, его можно понять...

Они гуляли по вечернему Петрограду. Лоран ждал ответа из штаба: он запросил руководство о возможности вступить в брак. Ответ, к его удивлению, пришел положительный. Можно было справлять свадьбу.

Что теперь с Таней?.. Он мог, конечно, узнать о ней через своих агентов в Петрограде, создав там за два года мощную разведывательную сеть, в которую ныне входил даже заместитель Моисея Урицкого, председателя Петроградской ВЧК, но не имел права подвергать себя, а тем более ее смертельному риску. Он просто гнал от себя эти мысли, и лучшим лекарством от них была работа.

Он встретился с Нулансом ровно в час дня, подсев к нему в машину в глухом тупичке неподалеку от Сухаревки. Тучноватому, похожему обвислыми усами на моржа Жозефу шел пятьдесят пятый год, он был напорист, деятелен, не в меру шумлив и темпераментен, легко шел на авантюры, плохо скрывал

досаду и огорчения и вообще мало походил на посла в общепринятом понимании этой профессии, но Жоржу Клемансо, ставшему в семнадцатом снова премьер-министром, нравились такие ломовики, умевшие протаранить лбом даже стальную броню. «Великие дела надо совершать, а не обдумывать их бесконечно» — эту фразу Цезаря, вычитанную в каком-то бульварном листке, любил повторять Нуланс по всем поводам, даже если она была совершенно не к месту.

Он тяжело дышал, развалился на заднем сиденье, и сразу же выпалил, едва Лоран захлопнул дверцу: он был у Ленина. И безо всякой паузы сказал, что Красков из НКВД, готовивший эту встречу, неожиданно позвонил ему утром и посоветовал ехать сегодня. У него уже не было времени заезжать к Лорану, он поехал. Поначалу все шло просто прекрасно. Нуланс сообщил, что французское правительство готово простить Ленину долги царской России и взять на себя обязательства по вывозу хлеба из Сибири. В Питере уже голод, скоро хлеба не будет и в Москве, а Клемансо готов поставить в Москву с десятков паровозов, вагоны, мешки, даже рабочих по обслуживанию локомотивов и через два месяца в Петрограде и Москве склады будут завалены хлебом. Кроме того, Франция поставит свои пекарни и к завтраку у всех на столах будут парижские поджаристые круасаны. Но все это, разумеется, за одно непременное условие: Россия разрывает Брестский мир и открывает Восточный фронт.

— Немцы уже во Фландрии... — неожиданно проговорил Нуланс, тяжело вздохнул и замолчал. Его голубоватые, чуть навывкате коровьи глаза наполнились влагой, губы дрогнули, он вытащил платок, отвернулся и шумно высморкался.

Жан-Люк, верный телохранитель и шофер Нуланса, остановился и, оглянувшись, выразительно посмотрел на посла.

— Ты обедал? — спросил Нуланс у Лорана, доставая свой швейцарский брегет. — Ух ты, два часа уже!..

Обед был священным делом для Жозефа, и Лоран, зная об этом, никогда не ел перед встречей с Нулансом, зная, что он все равно заставит его с собой ужинать или обедать. Как истинный француз, Нуланс не любил вкушать трапезу в одиночестве. Даже если бы немцы взяли Париж, у Нуланса вряд ли бы пропал аппетит. Но еще больше, чем есть, Нуланс обожал сам готовить, и делал это великолепно. Он неизменно любил свой острый салат из спаржи, щедро приправленный луком, чесноком и перцем, потом по немыслимому наитию Нуланс добавлял в салат уксус или кислое вино, а также оливковое масло. К салату он зажаривал большой кусок мяса с кровью, к которому подавался густой грибной соус и терпкое красное вино. Лоран всегда ценил вкус Нуланса и редко отказывался от его приглашений.

— Поехали! — Нуланс взмахнул пухлой ручкой и потащил Лорана к себе в посольские хоромы. Он жил один, и только за обедом или ужином мог расслабиться и отдохнуть.

— Так что твой Ленин? — спросил Лоран.

— Не пойму, в чем дело?! — вспомнив, горячо заговорил Жозеф. — Его позвали к телефону, он отсутствовал минут пять, потом вернулся возбужденный и заговорил о том, что договор разорвать вряд ли удастся, России нужен мир, передышка и пока изменить ход событий невозможно. Но я был уверен, что перед телефонным разговором он уже был готов согласиться на наш вариант!

— Может быть, тебе показалось? — спросил Лоран.

— Нет! — налился страстью Нуланс. — Когда я рассказывал, он кивал, бормоча: «Это интересно, это интересно!» Я видел его глаза, они горели согласием, он ждал меня и мои предложения, я знаю, это же подтвердил и Красков, кому мы, ну ты знаешь...

Лоран кивнул. Краскова он завербовал два месяца назад, и за сто франков в месяц расторопный чиновник НКВД исправно извещал его и Нуланса обо всем, что происходит в наркомате, больше от него ничего не требовалось.

— Я уже перекрестился в душе, чуть не подпрыгивая от радости, но точно дьявол позвонил ему по телефону и все переиначил! — возбужденно проговорил Нуланс.

— Я знаю, кто это звонил.

— Кто?! — встрепенулся Нуланс.

— Граф Вильгельм Мирбах, новый посол Германии, он прибыл сегодня утром, а точнее, звонил Карахан, который его встречал...

— И что? — побагровел Нуланс, точно его ударили.

— Он сообщил Ленину, что немцы выделяют им сорок миллионов марок. Ленин тоже подпрыгнул от удовольствия, и все ваши паровозы тут же померкли. Ленин купит их гораздо дешевле у шведов.

— Это точные данные? — выдержав паузу, с недоверием угрюмо спросил Нуланс.

Лорана всегда поражали в Нулансе эти детские вопросы, словно он имел дело не с профессиональным разведчиком, а с бестолковым репортером.

— Это точные данные, Жозеф, — ответил Лоран. — И жаль, что ты не заехал ко мне утром. Я знал об этом еще до приезда Мирбаха.

3

Днем в Леонтьевском переулке, где находился Центральный комитет партии левых социал-революционеров, было шумно: заседали комиссии ЦК, стучала пишущая машинка, кто-то обязательно диктовал, выкрикивая фразы громким голосом, чтобы перекрыть коридорный гул. А по коридору с винтовками расхаживали матросы, и названия многих кораблей Черноморского флота можно было прочитать на бескозырках. Матросы дымили сигарками, шумели, ругались, хохотали, и время от времени из кабинетов выскакивали бородатые мужчины в пенсне и отчаянно кричали: «Товарищи! Так невозможно! У нас идет заседание! Мы просим полчаса тишины, черт возьми!» И на время гул стихал, отчетливей слышался диктующий голос, потом входили новые люди, и шум возрастал с новой силой.

Но к вечеру все стихало, гасли окна, и лишь одно окно на третьем этаже подчас до рассвета оставалось освещенным — это был кабинет Марии Александровны Спиридоновой, лидера ПЛСР, или попросту левых эсеров. Ее строгое удлинненное лицо низко склонялось над тетрадкой, по листу которой она почти водила носом. Страдая близорукостью, она не любила носить очки, и никто не мог ее заставить их надеть. Спиридонова обладала невероятно стойким характером, и Яша Блюмкин, охранявший Марию Александровну, первое время ее даже побаивался.

Спиридонова выпрямилась, отложила ручку, за-

крыла глаза и провела ладонями по лицу. Глаза уставали от долгой работы, и приходилось минуты две-три держать веки прикрытыми, тогда резь проходила. Мария Александровна писала свою биографию для Наркомпроса, Луначарский собирался издать массовым тиражом книгу о видных деятелях революции, и Спиридонова входила в их число. Мария Александровна как раз дошла до 16 января 1906 года, дня своего революционного крещения, и все вспомнилось так ярко, как будто это было вчера.

Ее, гимназистку, тогда никто еще не звал по отчеству; она была для всех — Маша, Маруся, последнее имя так пристало к ней, что на другие она и не откликалась. Все случилось в Борисоглебске, маленьком, захолустном городишке, куда именно в этот день, 16 января, приезжал с инспекцией Гавриил Николаевич Луженовский.

В морозном, едком от печного дыма воздухе раздался резкий свисток. Маруся вздрогнула и сжала револьвер, который она прятала в каракулевой муфточке. Послышался топот жандармов, выкрики, загалдели торговки на платформе, она попыталась вспомнить лицо Луженовского — маленькое, квадратное, с низким лбом, черными пуговками глаз, злых и презрительных, и клинышек седоватой бородки, точно приклеенный к тупому, раздвоенному подбородку. Увидев первый раз советника тамбовского губернского правления на городских торжествах, Маруся, кивнув на подбородок, прошептала Юле, сестре: «Смотри, как раздвоенное копытце у дьявола!»

Теперь, когда оставалось несколько минут ее жизни — паровоз уже показался из-за поворота и медленно вползал на прямую станционную колею, — когда так тревожно забилося ее сердце в предчувствии будущей гибели, она вспомнила Володю, как он провожал ее домой, как они целовались на морозе, как, задержав ее на крыльце, он

прошептал: «Выходи за меня замуж!.. Только я женат, правда...»

Они оба вдруг засмеялись, и он, крепко-крепко обняв ее, снова прошептал: «Маруся! Эх, Маруся, если б ты знала, как я люблю тебя!» Сердце замирало от этих слов, проваливаясь в знобкую пустоту, и кружилась голова. Володя и вправду был женат, она давно знала его историю, жена Володи сбежала от него четыре года назад с залетным армейским поручиком, и он даже не мог получить развод.

— Я буду твоей женой! — прошептала она. — Пойдем к тебе сейчас, сегодня! Пойдем!

— Нет, мы обязательно поженимся, а пока будь моей невестой! Ты согласна?

— Да... — прошептала она, и он крепко ее поцеловал, и у нее снова закружилась голова.

Лязгнули тормоза, она очнулась, вагоны уже замедляли ход. Маруся оглянулась, увидела, что жандармы идут к центру платформы, и пошла туда. Еще через мгновение вагоны встали: распахнулись двери, дохнув теплом, повалил народ, еще громче загорлашили торговки, нарумяненная дама прошла мимо, обдав Марусю облаком духов и пудры, от которых даже запершило в горле. Неожиданно она увидела клинышек бородки и злые глаза-пуговики: Луженовский здоровался с местным приставом.

Лидера черной сотни, старшего советника тамбовского губернского правления Гавриила Николаевича Луженовского партия левых социал-революционеров, в народе их звали «эсеры», членом которой с 6-го класса гимназии являлась Маруся Спиридонова, эсеры приговорили к смерти еще в ноябре 1905 года. Вызвалась привести приговор в исполнение Маруся. Ее не отговаривали, даже Володя ничего ей не сказал, только растерянно смотрел на нее и нахмурился, не зная, как себя вести, потому что входил в партийное руководство. Лишь потом он подошел к ней, предложил помочь выследить Луже-

новского и отдал ей свой револьвер, сказав, что бьет безотказно.

В одно из воскресений Володя предложил ей даже съездить за город, поупражняться в стрельбе. «Жалко будет, если ты промажешь», — усмехнулся он.

День был не морозный, градусов десять, не больше, солнечно. Они поехали в березовую рощу, прямо за городом. Володя накануне на листе бумаги нарисовал портрет Луженовского, довольно похожий, рисовальщик Володя был неплохой, повесил на березу, так, чтобы лицо было на соответственном уровне.

— Луженовскому тридцать шесть лет, дворянин, закончил Московский университет, и тем он опаснее, потому что творит зло сознательно, по уму, — говорил Володя, — ты чуть пониже держи, при выстреле рука дернется вверх... И спускай плавно... Целься под нос, а попадешь в лоб, что очень хорошо!..

Маруся нажала пусковой крючок, раздался выстрел. Она впервые стреляла, и поначалу резкий звук даже оглушил ее, в роще было тихо-тихо. Когда дым рассеялся и Маруся пришла в себя, они подбежали к березе. На лбу Луженовского чернела дырка.

— Ну вот, видишь, молодец! — похвалил Володя. — Целься под нос, попадешь в лоб!..

Маруся фыркнула, рассмеялась. Володя вдруг остановился, прижал Марусю к себе и поцеловал. Она даже опешила. Они оба несколько минут пребывали в столбняке, не зная, что сказать друг другу. Маруся знала, что нравится Володе, но он никогда ее еще не целовал. Он был старше Маруси на семь лет, разница пустяковая, он был красив, особенно завораживали его голубые глаза, мягкие и нежные.

— Я люблю тебя... — прошептал он.

— Я знаю, — сказала Маруся.

— Откуда? — удивился он.

— По тебе все видно. Мне еще Колендо полгода назад сказала. Говорит: «А Вольский тебя любит». Я говорю: «С чего ты взяла?!» А она: «Он с тебя глаз не сводит!» И точно!

— Что — точно?! — удивился Володя.

— То и дело на меня смотришь! — усмехнулась Маруся.

— Я и на Колендо смотрю! — ответил Вольский.

— Ты хочешь сказать, что я тебе безразлична?! — обиделась Маруся. Она сунула ему револьвер и пошла по тропинке к дороге.

Володя догнал ее.

— Я же сказал, что люблю тебя, Маруся! — останавливая ее, прошептал Володя. — Очень сильно люблю!..

И они снова поцеловались.

В начале января он выследил Луженовского, и они с Марусей окончательно наметили день и час казни — 16 января в 11.00.

Теперь этот час наступил. Маруся подошла поближе, выдернула из муфточки револьвер и, не целясь, выстрелила четыре раза. Луженовский дернулся и стал валиться набок.

Еще через мгновение послышался женский вскрик, а уже за ним голоса казаков: «Держи ее! Стреляй! Руби!» — сверкнули в морозном мареве шапки. Маруся поднесла к виску револьвер, но один из казаков успел ударить ее плашмя шашкой по голове. Маруся упала.

Она очнулась оттого, что ее обыскивали. «Где ваш револьвер?» — спрашивал ее усатый казацкий офицерик.

— Ставьте меня под расстрел, — прошептала Маруся.

Он резко ударил ее по лицу, и это был как сигнал, казаки вбивали в ее тело кованые сапоги, она закрывала лицо, но руки прикладами отдирали от лица и били с упоенным уханьем, крикая и потея.

Потом офицер схватил ее за косу, поднял на ноги, и, оторвав от платформы, бросил наземь, и снова жардармы и казаки накинулись на нее, стали топтать, пока не вмешался тот же офицерик с погонами подьесаула: он схватил ее за ногу и потащил вниз по лестнице. Голова стучала о ступеньки, как мерзлая тыква, оставляя кровавые полосы. Подьесаул дернул ее за косу и бросил в сани.

В Борисоглебской тюрьме Марусю допрашивал тот же подьесаул с помощником пристава. Подьесаул представился сам:

— Петр Федорович Абрамов, 21-я Донская казачья сотня...

Ему было лет под сорок: красногубый, грудь колесом, соломенный чуб, свисающий на лоб. Помощника пристава подьесаул звал Тишкой или Ждановым. Тишке было около двадцати, он робел, когда раздевал Марусю донага, а потом обливал холодной водой. Камера была нетоплена и на каменном полу белели льдистые лужицы.

Когда Абрамов приказал Жданову стегать Марусю нагайкой, Жданов отказался. Подьесаул материл помощника пристава от души и сам показал, как это надо делать. Маруся кричала, кусала от дикой боли губы, а Жданов отворачивался и не хотел смотреть. Тогда подьесаул пригрозил, что заперет ее насмерть, «ежели Тихон Саввич не усвоят ценного казацкого урока», и Жданову в страхе пришлось смотреть на Марусю.

Вечером ее отправили в Тамбов в сопровождении тех же, Абрамова и Жданова. Везли ее закованную в кандалы. Часа два охранников не было. Потом появился пьяный Абрамов, снял с нее кандалы и повел в купе. Там он предложил ей выпить. Маруся отказалась. Тогда Абрамов стал раздевать ее, шепча и лаская: «Какая атласная грудь, какое изящное тело!» Маруся не сопротивлялась, уже зная, что последует за этим, она просто не могла сопротивляться: тело

ей не подчинялось, оно казалось чужим, а боль подкатывала будто издали. Абрамов грубо ее изнасиловал. После привел Жданова и заставил сделать то же самое, Жданов стал отказываться, говоря, что у него есть невеста. Абрамов налился яростью, выхватил наган, выстрелил в потолок. Лишь после этого Жданов подчинился и делал все по указке Абрамова. Потом подьесаул помочился на нее, и Жданов Марусю увел, снова заковав в кандалы.

Ей шел двадцать второй год, она была дочерью тамбовского дворянина, коллежского советника Александра Спиридонова и училась в седьмом классе Тамбовской женской гимназии...

— Чайку, Мария Александровна? — заглянув и увидев, что Спиридонова отвлеклась от работы, спросил Блюмкин.

— Не откажусь, — улыбнувшись, кивнула она.

Ей нравился расторопный и ловкий Яша Блюмкин...

2 апреля ровно в полночь в Борисоглебске, выходя из квартиры девиц Ефремовых на Дворянской улице, тремя выстрелами из револьвера был убит подьесаул Абрамов. 4 мая тем же путем закончил свою жизнь помощник пристава 2-й части Тамбова Тихон Жданов. Оба были застрелены летучим отрядом левых эсеров. Маруся запиской сообщила о надругательстве над нею, и революционное возмездие свершилось. Когда она об этом узнала, ей стало легче. Жданова Маруся попросила не убивать. «Он не виноват, — написала она своим товарищам, — его толкнул на такое изуверство по отношению ко мне Абрамов». Застрелив Абрамова, эсеры послали Жданову записку: «Уезжайте скорее из Тамбова — иначе вас постигнет участь Абрамова». Уже чуть позже Маруся узнала, что Жданов нарочно не уехал, он хотел умереть. Его мучила совесть, и он даже подал несколько прошений о привлечении его к суду за изнасилование. Но положенный срок ульти-

матума Жданову истек, и его застрелили. Если б Маруся была на свободе, она бы не позволила.

На суде защитник Тесленко сказал присяжным: «Перед вами не только униженная, поруганная, больная Спиридонова. Перед вами больная и поруганная Россия!.. Казните Спиридонову, и вздрогнет вся страна от боли и ужаса. Когда-нибудь надо положить предел этому озлоблению. Надо сказать слово умиротворения. На вашу долю может выпасть счастье сказать это впервые.

Идите же в совещательную комнату и возвращайтесь оттуда с оливковой ветвью мира, а не с поднятым мечом!»

Дали и ей последнее слово. Она сказала гневно и кратко: «Господа судьи, оглянитесь кругом: где вы видите веселые лица довольных и счастливых людей? Их нет!.. Я уйду из жизни. Вы можете меня убить, можете изобрести самые ужасные наказания, но прибавить к тому, что я вынесла, ничего не можете.

Смерти я не боюсь. Убейте меня, — вы не сможете убить мою веру в то, что настанет пора народного счастья, когда идеи братства и свободы не будут пустым звуком, а воплотятся в действительность. О, за это, право, не жалко отдавать свою жизнь!..»

12 марта 1906 года в 16 часов выездная сессия Московского военно-окружного суда вынесла приговор: «Подсудимую Марию Александровну Спиридонову, по лишению ее всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение».

Спиридонова вспомнила тот миг приговора, когда сердце неожиданно провалилось в холодную пропасть. Но в зале раздался истеричный женский вскрик, кто-то упал в обморок, и это ей, как ни странно, помогло. Она взяла себя в руки и встретила концовку приговора спокойно, даже улыбнулась, бросив взгляд на своих товарищей в зале.

Смертную казнь заменили бессрочной каторгой, сослав Спиридонову в Акатуевскую тюрьму, где содержались все террористы и где она пробыла одиннадцать лет...

Блюмкин принес чай. Спиридонова взяла папиросу, чиркнула спичкой, взглянула на Блюмкина. Он смутился, и первый отвел глаза. Спиридонова улыбнулась.

— Когда ты смущаешься, у тебя даже кончики ушей розовеют, — заметила она. — Как у дитяти!

— Мне уж двадцать лет, я воевал и через смерть прошел, — упрямо выговорил Блюмкин.

— Да кто же сомневается! — рассмеялась Спиридонова. — Эх, Яшенька, я о другом сейчас. Мне уже тридцать четыре, а я сколько себя помню, столько и воюю, и нет конца и края этой войне... Так и жизнь проходит!

— Какая жизнь?! — удивился Блюмкин. — Вы еще такая молодая и... — Он хотел сказать «красивая», но осекся.

— Что «и»? — спросила она.

— И красивая, — добавил он и снова смутился.

— Ну уж красивая! — вспыхнула Спиридонова. — В юности, правда, за мной гимназисты ухлестывали. — А теперь... Я в зеркало-то боюсь на себя смотреть!

Она снова вспомнила Володю Вольского. Его тоже вскоре арестовали, и некоторое время он сидел в той же тюрьме, что и она. Он просил свидания со Спиридоновой, даже послал прошение тамбовскому губернатору Янушевичу, чтоб их обвенчали и дали возможность вместе отбывать ссылку, но Янушевич отказал Вольскому, ссылаясь на то, что он женат. Володя снова писал Янушевичу с объяснениями о своем прежнем браке, просил его расторгнуть как несуществующий, но ответа не получил. И свидание им не дали...

Спиридонова молчала, глядя в темное окно.

— Чай остывает, Мария Александровна... — тихо проговорил Блюмкин.

Она кивнула. Он вдруг открыто посмотрел на нее, и она, заметив этот пристальный взгляд, неожиданно смутилась, взяла кружку, стала пить чай.

В Москве стояла уже весна, деревья надевали зеленый наряд, и всюду горланили птицы. Мария Александровна сидела вполоборота к Блюмкину, и он вдруг подумал: неказистая, блеклая на вид женщина, с редкими темно-желтыми, зачесанными по обе стороны лба волосами с белым пробором посредине, нервными маленькими глазками, сухими, ключими, узким бледным лицом, страхолюдина, да и только, но как только начинает говорить — странная магнетическая сила притягивает к ней людей. Лицо ее розовеет, становится привлекательным, глаза загораются огнем, и оторваться невозможно. Блюмкин, конечно, ее личный охранник и без того обязан при ней находиться, но он уж знает: стоит ей заговорить, и люди из других комнат выскакивают и сюда, в ее кабинет, стекаются. Что тут, как не магнетизм внутренний.

— Тебе надо на серьезную работу определяться, Яшенька, — вдруг серьезно проговорила Спиридонова.

— Я с вами буду! — упрямо сказал Блюмкин. — Кто вас защищать будет?..

— В охранниках пусть другие ходят, а у тебя боевой опыт, он нужен партии. Я говорила с Александровичем, ну, ты знаешь, он заместитель и товарищ по комиссии Дзержинского, они хотят отдел создавать по борьбе со шпионажем, прежде всего с немецким шпионажем, вот этот отдел и возглавишь. Надо укреплять ВЧК нашими товарищами!

— А как же... Я не могу без вас!

Эта фраза прозвучала так открыто и неожиданно, что Спиридонова даже смешалась, не зная, что ответить. Она поднялась, отошла к столу.

— Мы видетсья еще чаще будем! Ты теперь под- отчетен ЦК. Надо ввести жесткий контроль над ВЧК, Дзержинский слишком мягок. Ленин со Свердловым давно подмяли его под себя, что хотят, то и делают! Навязали России грязный, предательский мир с немцами, будто мы не знаем, за какие деньги Ленин полстраны Вильгельму отдал! И дальше торговать Россией будут! Если их не остановить, мы в немецкую колонию превратимся!.. Вот какие дела, Яшенька, до нежных ли тут чувств и сантиментов! наших братьев на Украине подлые бюргеры вешают, скоро мы Украины лишимся, а товарищи большевики спокойно наблюдают за всем этим и сохраняют революционное спокойствие, когда криком кричать надо и действовать! Разве за это я одиннадцать лет мерзла и вшей кормила в Акатуе и Нерчинске?! Разве за это гибли мои товарищи, жертвуя собой и приближая час революции?! Чтoб мы с немцами Россией торговали?!

На Блюмкина точно ушат холодной воды выплеснули, он даже устыдился своих прежних слов и стоял перед Спиридоновой, как напроказивший семинарист.

— Мы потом объяснимся, — уже ласковой проговорила она, подошла к нему, погладила его по щеке. — Какая у тебя кожа нежная!..

Блюмкин покраснел. Несмотря на усы и проби- вающуюся бородку, он в такие минуты выглядел подростком. Темные глаза его горели, обжигая Спиридонову тайным желанием, и она сама смутилась, отошла в сторону. Яша ей нравился. Его полные губы, кофейные глаза, смуглая кожа — Голубовский, ее сотоварищ по ЦК, даже называл Яшу херувимчиком, подчеркивая восточную слащавость Блюмкина, но Спиридонову волновала именно эта жгучая красота ее охранника. Однако ж пока Яков был в полном ее подчинении, она не имела права на бабьи слабости. Мария Александровна давно и ду-

мать о них забыла. Чахотка и каторжная жизнь вытравили всякое воспоминание о тех поцелуях на морозе и сердечном волнении, а Яша неожиданно разбудил его, и она стоически боролась с нежданной любовной напастью, запрещая себе даже думать о ней. Труднее всего было ночами. Вот и сейчас у нее дрожали руки.

— Завтра же отправишься к Александровичу! — приказала Спиридонова. — А теперь спать! Ты посмотри! — Она показала на часы. — Четыре часа утра, а мне в девять надо быть в Наркомпросе, там какую-то мою биографию хотят печатать! Совсем с ума сошли! Нашли идеал для подрастающего поколения! Я пойду умоюсь...

И она вышла из кабинета.

Блюмкин уже третью неделю работал во Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, сокращенно ВЧК, которую возглавлял Дзержинский. Спиридонова сдержала слово: Блюмкин хоть и не стал начальником отдела, зато ему доверили руководить секретным отделением по борьбе с международным шпионажем, и Дзержинский, инструктируя его по будущей работе, просил сосредоточиться пока на борьбе с немецким шпионажем, несмотря на то что у Советской России с немцами мирный договор. Но встреча с Дзержинским произошла лишь через неделю после его официального зачисления в ряды чекистов — председатель грозной комиссии лично руководил разгромом одной анархистской банды и не мог с ним встретиться раньше.

Александрович, хоть и являлся вторым лицом в ВЧК, смутно представлял себе задачи нового отделения, упирая больше на выявление скрытых врагов и контроль за деятельностью иностранных граждан, приезжающих в Москву. Поэтому Блюмкин необычайно обрадовался, когда Ксенофонтов, секретарь Дзержинского, объявил ему, что Феликс Эдмундович хочет его видеть.

Высокий, по-военному подтянутый председатель ВЧК, увидев вошедшего к нему Блюмкина, вышел из-за стола и крепко пожал руку. В военной гимнастерке и в начищенных до блеска сапогах Дзержин-

ский даже выглядел франтовато. Феликс Эдмундович пыгливо заглянул Блюмкину в глаза, указал на стул напротив себя и велел подать чаю, что свидетельствовало больше об уважении к Спиридоновой, которая рекомендовала Блюмкина, нежели к начинающему чекисту, кого председатель ВЧК до сегодняшнего дня вообще не знал. Мария Александровна еще перед переходом Блюмкина на новую работу дала Дзержинскому весьма точную характеристику: старый революционер, прошедший царскую каторгу, умен, сдержан, с огромной работоспособностью, боец, когда точно знает цель, но мягок и нерешителен, когда приходится идти на компромиссы с собственной совестью, как это случилось в вопросе с подписанием Брестского договора. В душе Дзержинский был против его подписания, но Ленин силой склонил его на свою сторону, и сейчас Дзержинский в немецком вопросе занимает соглашательскую политику: ни то, ни се. Кроме того, он чересчур доверяет Ленину и, видя его предательские стороны характера, никак не может им противостоять. Блюмкин не уяснил до конца, что значит «предательские стороны ленинского характера», Спиридонову тогда отвлекли, и Блюмкин не успел об этом спросить.

Дзержинский и начал разговор с Блюмкиным сразу же о немецкой разведке, которая издавна была одной из сильнейших в мире и еще до революции пустила в России крепкие корни. Петр Первый завал в Россию столько немцев, что уже в девятнадцатом веке даже русские родовитые фамилии стонали от их засилья, а знаменитый полководец Ермолов на вопрос царя Александра Первого, чем бы его награждать, ответил царю: «Ваше величество, сделайте меня немцем!» Слышал Блюмкин о полководце Ермолове?.. Не слышал? Это плохо. Теперь Блюмкину надо повышать свой образовательный уровень. Революция много дает простому человеку, особенно если он ее боец, но много будет и требовать. Теперь

Блюмкин по своей должности будет общаться со шпионами разных разведок и будет стараться их обезвредить, а шпионы народ умный и начитанный, тут ухо надо держать востро. Так вот, немцев в России было много, и некоторых еще с давних пор использовали для разведывательных целей, поэтому шпионом может быть, к примеру, и поэт, который сочиняет там всякие невинные стишки, а сам получает и передает информацию, то есть используется как связник. Это понятно Блюмкину?.. Хорошо, что это Блюмкину понятно. И поэт — это совсем не аллегорический образ, а вот на этом самом месте, где сидит Блюмкин, сидел у Дзержинского один человек, тоже поэт...

Дзержинский осекся, замолчал, думая о своем. Молчал и Блюмкин.

— В общем, надо стараться, — подытожил разговор Дзержинский, — и осваивать новое дело. Советоваться со старшими товарищами, а в комиссии уже есть такие. Вот, к примеру, товарищи Лацис и Петерс, можно с ними проконсультроваться, да и с тем же товарищем Александровичем. Пока начинайте работать один, о штатах не думайте, но человечка для себя подыскивайте. Вам обязательно нужно будет заводить картотеку, поэтому на первых порах хорошо бы найти толкового фотографа. Всех, кого вы будете допрашивать, всех, кто будет проходить по делу, надо обязательно фотографировать и заносить его данные в картотеку: возраст, профессия, адрес, в чем подозревается, все сведения об этом человеке. Поэтому я вас поздравляю с началом новой для вас и интересной работы, приступайте — и, не робея, в бой! Как говорится, не боги горшки обжигают!

Дзержинский крепко сжал ему руку, и Блюмкин вышел из его кабинета, готовый ринуться в схватку. Он уже повидал тут многих, тех же Петерса и Лациса, они ему понравились своей сдержанностью и не-

многословием, но видно было, что это люди действия и готовы с ходу вступить в бой. А вот свой, Александрович, произвел на Блюмкина совсем плохое впечатление: вялый, сонный взгляд, руку подает, а не пожимает, и как такая рука сможет сжимать револьвер, вообще странно. Кроме того, Александрович стал выпрашивать у Блюмкина всякие пустяки типа, где он сейчас живет — а Блюмкин ночевал там же в Леонтьевском — или как у него с продпайком и обмундированием. К чему эти глупые вопросы, когда надо ловить шпионов, которыми, как правильно сказал в разговоре с ним товарищ Дзержинский, кишмя кишит Москва. Они санитары революции и должны остальным товарищам создать здоровые условия жизни.

Кстати к вопросу о шпионах. Если, к примеру, он шпион, то он же не будет на всех углах кричать, что я шпион, давай поговорим, а Дзержинский прямо-таки странные слова говорил Блюмкину, что по своей должности он будет общаться со шпионами разных разведок. Это как понимать? Сидеть на диванчике в ресторанчике, пить водку и говорить: дружище шпион, что там у тебя Вольтер подельывает в Париже? Небось опять бузотерит?! Помучившись пару часов над таким странным изречением Дзержинского, Блюмкин подкатил к Александровичу и спросил: Вячеслав Александрович, что бы это значило? Может быть, Феликс Эдмундович просто пошутил, а Блюмкин не понял? Александрович был чем-то затуркан, вид у него был крайне раздосадованный, даже кислый, что тоже не могло не раздражать Блюмкина: чекист обязан иметь железную выдержку и ничего на своей физиономии не показывать. Дзержинский ему об этом так и сказал: враги не должны видеть ни твоей боли, ни твоей радости. А тут полная мерихлюндия, мятый костюм вечно обсыпан пеплом и никаких железных нервов. Да и лицо у Александровича мягкое, тихое, он то и дело снимает

и протирает круглые очочки в проволочной оправе, протирает платком и радостно смотрит близорукими глазами на собеседника. Этак взглянешь на Александровича и поневоле скажешь: поэт или учитель, сидит мечтает о чем-то. Александрович пил чай у себя в кабинете и, увидев заглянувшего к нему Блюмкина, махнул рукой.

Блюмкин изложил свои сомнения по поводу услышанного от Дзержинского. Александрович слегка улыбнулся и сказал, что никакой шутки тут нет, а все нормальные секретные службы знают, кто у них в стране является резидентом той или иной разведки. Поэтому, разговаривая с советником посольства Эн, к примеру, из Англии и достоверно зная, что он и есть резидент их разведки в России, нужно конечно же все учитывать и не глупить.

Блюмкин был глубоко потрясен этим сообщением Александровича, который рассказал также о том, как строится работа резидента в той или иной стране, чем он занимается, как находит и вербует агента. Блюмкин просидел у Александровича почти четыре часа и услышал столько интересного, что в корне переменяет отношение к нему и стал уважать его даже больше, чем Дзержинского.

Но тем не менее, помня наказ председателя ВЧК, Блюмкин уже через день нашел фотографа. Яша пригласил работать к себе матроса Колю Андреева из отряда Попова. Андреев работал раньше учеником фотографа, Коля сам ему рассказывал. Повертится денек-другой в фотоателье у профессионалов и быстро все скумекает, зато Коля с сорока шагов бьет из револьвера без промаха и парень с крепкими мускулами, это на тот случай, если придется отстреливаться или вступить в поединок. Дзержинский не понимает, что в Москве полно разного белого офицера, которое, естественно, пойдет в услужение к этим самым шпионам, чтобы свалить советскую власть.

За эти полтора месяца жизни в Москве Блюмкин успел познакомиться с компанией поэтов. У них был свой революционный манифест, и они писали странные стихи, смысл которых Блюмкин не понимал. «Дыр мыр гир», — повторял про себя Блюмкин, вспомнив строчку одного из этих поэтов, которая означала, как говорил сам поэт, вздыбленность новой жизни. «Время канареечных стишков закончилось, мы будем разговаривать с массами на революционном языке поэзии!» — вот такие манифесты заворачивали эти поэты, и они Блюмкину нравились.

Но надо было начинать дело, и с таким размахом, чтоб не только не подвести Спиридонову, а, наоборот, доказать ей, какой правильный выбор она сделала, рекомендовав Блюмкина на столь ответственную работу. Яша вспомнил о Спиридоновой и тяжело вздохнул: он больше недели не заглядывал в Леонтьевский, вот тебе и благодарность за ту заботу, которую она проявила о нем. Конечно, Мария Александровна сама занята по горло, она лидер партии, но этак вовсе не годится. Правда, именно сегодня Блюмкина приглашали на свою вечеринку поэты, они собирались в Гнездниковском на квартире у Василия Грындина отмечать выход его книги «Ревущая революция». Не пойти нельзя, Вася обидится.

Блюмкин попал в разгар веселья. Хоть стол был и бедноват по части закусок — вареная картошка, селедка да капуста, зато выпивки хватало с лихвой, и поэты встретили Яшу восторженным ревом. Усадили на почетное место, налили стакан самогонки, пододвинув к нему чугунок с картошкой. Вася даже полез целоваться с Блюмкиным и произнес в честь революционного борца пламенную и зажигательную речь. Рядом с Блюмкиным сидела загадочная дива в широкой шляпе с вуалью и курила тонкие пахитоски в темно-янтарном мундштуке. Диву звали Сара Бернар. Знакомясь с Блюмкиным, она протянула ему

тонкую руку с рубиновым перстнем для поцелуя, но Яша, смутившись, лишь пожал ее. Все дружно захотали.

— Молодец! — заорал Вася Грындин. — Революция отменяет все буржуазные поцелуи и приветствует только товарищеское рукопожатие! Засмеялась и дива, сняла шляпу с вуалью, отбросила ее в сторону. Яша увидел глазастую девушку с русой косой, которую она прятала под шляпой. Сара озорно подмигнула Блюмкину, взяла свой стакан с самогонкой и лихо его опрокинула. Все восхищенно заревели.

— Яшуня, а ну покажи свою революционную удаль! — подзадорил его Вася. — Не посрами славный отряд бойцов ВЧК!

Блюмкину пришлось встать и осушить свой стакан, хотя пить много он не собирался. За весь день он съел тарелку лукового супа с редкими рисинками на дне и одну котлету с двумя картошинами — обеденный паек, которым кормили в столовой ВЧК.

Сара Бернар влюбленно, как показалось Блюмкину, посмотрела на него, и он обратил внимание на ее пышную грудь и тонкую, осиную талию.

— Наша Сара актерка, — заметив этот интерес Блюмкина, прошептал на ухо Вася. — Оторва, а не девка! Смотри, слопает — и косточек не оставит! — хохотнул он.

«На лицо вроде русская барышня, а фамилия иностранная», — подумал Блюмкин. Он даже где-то слышал ее, только вот где, вспомнить не смог, самогонка ударила в голову.

— Ты закуси, закуси! — пробормотал Вася. — Нюр, поухаживай за гостем, хватит на него глаза пялить!

«Она же Сара, — вспомнил Яша. — Нюра — это, выходит, по-русски?»

— А вы где бандитов расстреливаете? — чистя для Блюмкина картофелину, спросила Бернар.

— У себя в комиссии или вывозим на место за-

хоронения и там приводим приговор в исполнение, — простодушно ответил Блюмкин, и за столиком повисла напряженная пауза.

— Как интересно, — поживившись от озноба, воскликнула Сара. — Вот бы глазком одним поглядеть!

— Отчего же не поглядеть, — важно усмехнулся Блюмкин. — Я могу это устроить запросто...

— Как это?! — не поняла Сара.

— Обыкновенно! — набив рот картошкой, прогудел Блюмкин. — У меня как раз сейчас пара законченных дел, по которым я вынес смертный приговор одной группе... — Блюмкин проглотил картошку и, сделав таинственное лицо, заговорил шепотом: — Ну, можно сказать, что над шпионами некоторых вражеских разведок, и имею право сам привести приговор в исполнение, так что называйте ваш час — и прошу к нашему шалашу!..

На Блюмкина нашел кураж, он врал легко и вдохновенно, видя как бледнеет лицо Васи Грындина и пышную Сару охватывает ознобный морозец. Он не стал останавливаться на делах законченных и перешел к новым, заявив, что может арестовать любого и даже расстрелять, ибо у любого человека найдутся такие обстоятельства, за которые его спокойно можно поставить к стенке, революция дала им такие грозные полномочия, и сейчас важно защитить ее. Вскоре уже все за столом слушали Блюмкина со смешанным испугом, и даже Грындин, протрезвев, смотрел на своего новоиспеченного друга хмуро и подозрительно. Яша быстро понял, что перегнул палку, сказал, что им, сидящим за таким веселым столом, ничто не угрожает и что, если понадобится, Блюмкин выгадит их из любых передраг. Грындин закричал «Ура!», они наполнили стаканы, и веселье продолжилось. Блюмкин даже попросил поэтов помочь ему найти шпионов, потому что они встречаются и среди них, и Сара, наклонившись к Блюмкину, также таинственно произнесла, что одного

шпиона знает, это Веня Пустовский, он пишет стихи на немецком и с кем-то давно переписывается из Германии.

— Ну этого еще мало, чтобы быть шпионом, — важно сказал Блюмкин.

— А что нужно? — спросила Сара. — Он водку не пьет, девушек не любит, с женой разошелся, а по ночам к нему ходят всякие подозрительные личности, и всю ночь они бубнят невесть что! Вот о чем можно с мужиками всю ночь болтать? О чем?!..

— Друзья! — поднимаясь, прорычал Вася Грындин, наполняя стаканы. — Друзья! Тихо! Есть замечательный тост! За нашего нестигаемого друга, рыцаря плаща и кинжала Якова Блюмкина!

Блюм-блюм! — вся компания зазвенела стаканами, и Яша плохо запомнил, чем все закончилось. К счастью, ему сразу же от комиссии определили номер в гостинице «Элит» на Петровских линиях, посему он быстро добрался до кровати, проснувшись наутро с кошмарной головной болью.

Он пришел в комиссию, и Александрович, увидев его, с тревогой спросил: не заболел ли он.

— Лицо у тебя белое, как мел, — сказал он.

— Слабость какая-то, — кивнул Блюмкин, стараясь держаться подальше от Александровича и не дышать на него. Но, вспомнив о шпионе Пустовском, Блюмкин решил поделиться этой новостью с Александровичем.

— Я вчера познакомился с Сарой Бернар, актрисой, она мне одну наводку дала, хочу ее на днях проверить, — зажимая рот рукой, проговорил Блюмкин.

На лице Александровича возникло некоторое недоумение.

— Она еще жива? — спросил он.

— Кто? — не понял Блюмкин.

— Сара Бернар... — Александрович снял очки и потер переносицу. — Я не слышал, что она приехала к нам...

— Во-первых, она еще молодая, чтобы умирать, а потом, мне показалось, что она давно в Москве живет... — самоуверенно заявил Блюмкин.

— Странно... — пробормотал Александрович. — Может быть, мы говорим о разных Сарах Бернар. Но той знаменитой французской актрисе, которая сыграла Гамлета, наверное, лет шестьдесят — не меньше... Может быть, и в Москве появилась актриса под этим псевдонимом, я, к сожалению, плохо знаю современную театральную жизнь...

Вячеслав Александрович попросил Блюмкина отвезти пакет Спиридоновой и обязательно показаться врачу. По Москве гуляет дифтерия, а с ней шутки плохи.

По дороге в Леонтьевский Блюмкин заехал в библиотеку, и там ему сказали, что Сара Бернар, знаменитая французская актриса театра «Комеди Франсез», родилась в 1844 году и прославилась своими трагическими ролями в пьесах Гюго, Ростана и Дюма-сына. Что она создала свой театр и действительно сыграла Гамлета в одноименной трагедии Шекспира. Сведений о ее смерти пока не поступало. Блюмкин поблагодарил старушку-библиотекаря и присвистнул: сейчас Саре 74 года, и она никак не походит на ту пышку, которая хлещет стаканами самогон.

Спиридонова, увидев его, обрадовалась, усадила пить чай с вареньем, даже не распечатав конверт, присланный Александровичем, из чего Блюмкин вывел, что она всерьез увлеклась его личностью. Но через полчаса у нее началось заседание ЦК, она ушла, но Яша сказал, что ее дождетсЯ, у него есть разговор к ней. Она вернулась часа через три, усталая и расстроенная. Волосы ее растрепались, на щеках лежал болезненный румянец. Мария Александровна опустилаcь на стул и долго молчала, глядя в одну точку. Яша эти три часа проспал у нее на диване, что весьма благотворно сказалоcь на его само-

чувствии. Теперь он приходил в себя, ожидая, когда Спиридонова сама заговорит с ним. Минут через пять она как бы очнулась, увидела Яшу и стала расспрашивать, почему он не ушел, а Яша сказал, что хотел ее снова увидеть. Фраза получилась неуклюжей. Мария Александровна закурила папиросу и, вздохнув, заговорила как бы сама с собой:

— Людям надо говорить хорошие слова, а женщинам в особенности, они того заслуживают. Только в моем случае все сложнее, и вряд стоит тебе расточать свой молодой пыл на мой болезненный организм... Нет, временами и мне что-то такое мерещится под стать романам из прошлой жизни, хочется тепла и нежности, ласки даже, простой ласки, чтоб кто-то погладил, как кошку, но не более того. На другое я уже совсем не способна, а то, о чем вожделенно мечтают весной самки и самцы, мне совсем противно. Тому есть в моей биографии весомые оправдания... — Спиридонова замолчала, глядя в угол своего кабинета. Потом заговорила снова: — Я понимаю, что так нельзя, это противоестественно, быть может. И потом, мы, революционеры, совсем не отрицаем любовь как высшую ступень дружбы и товарищества и как способ продолжения рода, но переделывать себя я уже не в состоянии, и в этой острейшей борьбе было бы преступно увлечь себя всем этим сентиментальным дурманом... — Она стала поправлять растрепавшиеся волосы. — А ты, конечно, еще очень молод, и южная кровь не дает тебе спать в эти весенние ночи, так? — Мария Александровна улыбнулась, пристально взглянув на Блюмкина.

— Не совсем так, — проговорил Яша.

— Нет, я понимаю, ты мечтаешь о верной подруге, спутнице жизни и пока никого не видишь в качестве идеала, кроме меня, и тебе хочется найти такую же женщину, как я, способную увлечь за собой массы, но таких сумасшедших, как я, очень мало, да и для обыденной семейной жизни мы не

годимся... — Спиридонова грустно покачала головой, точно соглашаясь со своими мыслями. — Я думаю, что такого идеала просто не существует! Не найти женщину, которая была бы душой и вождем партии и могла бы принадлежать одному конкретно мужчине. Нет таких, Яшенька!..

Блюмкин скорее обрадовался такому разрешению этого вопроса, ему не очень и хотелось быть влюбленным в Марию Александровну, ибо он никаких чувств к ней не испытывал и пришлось бы притворяться, а сейчас как бы все разрешилось само собой. В то же время она знает, что он ее как бы втайне любит, и это будет служить ей хоть малым, но утешением.

Блюмкин поднялся, чтобы пойти к себе, но Спиридонова вдруг попросила слабым голосом:

— Погладь меня, Яшенька!..

Он даже застыл поначалу в некотором недоумении, не зная, как реагировать на эту просьбу, но потом подошел, погладил ее по голове, и Мария Александровна даже закрыла глаза от удовольствия, потянувшись к нему. Блюмкин решил, что это тайный знак к новым командам и поцеловал ее прямо в губы. Спиридонова на мгновение замерла, потом вдруг резко оттолкнула Блюмкина, отчего он даже упал на пол, и отбежала к окну, вытирая губы и тяжело дыша.

— Я не просила вас целовать меня, Яков Григорьевич! — злым и официальным тоном, резко заговорила она. — Кроме того, этот жуткий запах перегара непереносим, и я прошу тебя: больше никогда не приходишь ко мне в таком состоянии!

Они помолчали. Яша уже боком двинулся к двери. Спиридонова обернулась, и он увидел ее глаза, горящие ярким огнем настоящей ненависти, и даже испугался этого ее взгляда. Но он длился несколько секунд, потом вдруг погас, она опустила голову и снова отвернулась.

— Я пойду... — пробормотал он.

— Да, идите, Яша, — отозвалась она.

И Блюмкин ушел, проклиная себя за то, что совсем не разбирается в женских натурах и хотел сделать как лучше, а получилось, что почти нажил врага, который в любую секунду может его стереть в порошок. «Идиот!» — повторял Блюмкин то и дело, вспоминая Сару Бернар, которая рвалась вчера к нему в номер, но он сказал, чтоб она пришла к нему послезавтра утром. Не завтра, а именно послезавтра. Потому что послезавтра было воскресенье и Блюмкин решил отложить любовные утехи на свободный день.

Сара Бернар пришла ровно в девять, как и договаривались. Блюмкин усадил ее за стол и попросил написать то, что она рассказывала ему о Пустовском. Сара поначалу от всего отказывалась, но потом Блюмкин убедил ее, что если Пустовский действительно ничего собой не представляет и все это выдумки гражданки Бернар, то ничего и не будет, но если ее сосед занимается чем-то незаконным, а может быть, даже шпионажем, поскольку состоит в активной переписке с немцами, а Блюмкин это обязательно проверит, то тогда ее отказ помочь ходу расследования будет расцениваться как ее соучастие в неблаговидных делах господина Пустовского, и она будет уже проходить по делу как его сообщница. Последние доводы Блюмкина усмирили ее внезапный гордый нрав, и она, немного подумав, решила письменно подтвердить показания.

Сара начала писать свои показания.

— Сара Бернар ваше подлинное имя? — спросил Блюмкин.

Девушка подняла голову и смущенно улыбнулась:

— Это Вася Грындин зовет меня так, потому что я хочу сыграть д'Артаньяна. Мы сделали инсценировку, где всех мушкетеров играют актрисы, женский вариант Дюма, а нам ставить не дают, вот Вася и дразнится.

Блюмкин прочитал ее заявление и обратил внимание, что оно было подписано Евдокией Норовой.

— Значит, ты Евдокия Норова? — спросил Блюмкин.

— А что? — с вызовом ответила она.

— Ничего, я проверю факты, изложенные в этой бумаге...

— Но я надеюсь, с Пустовским ничего не случится? — покраснев, спросила Евдокия.

— А что с ним должно случиться?..

— Ну, я не знаю! — Она пожала плечами. — Он мой сосед, и я бы не хотела быть замешанной в какую-нибудь гнусную историю!

— Я проверю, и все, — сказал Блюмкин.

— Я могу идти? — холодно спросила Евдокия.

— Можете, — разрешил Блюмкин, хотя ему очень не хотелось, чтоб она уходила. Он и сам не заметил, как разрушил всякие симпатии между ними, хотя готов был поклясться, что в тот вечер она рвалась к нему, прижимаясь к его груди, но было уже поздно, а кроме того, появляться в гостинице, где жило много чекистов, с дамой, которая еле держится на ногах, это значит крепко подмочить репутацию. Вот он и назначил как бы деловую встречу.

Сара Бернар ушла, и Блюмкин остался один. «Она совсем еще глупенькая, — подумал он, — и не понимает, что молодая республика окружена врагами и ему, Яше Блюмкину, выпала великая честь с ними бороться.

5

На следующий день Блюмкин уже допрашивал по всей форме, восседая в своем небольшом кабинетике ВЧК, Пустовского Вениамина Казимировича, 1871 года рождения, поляка, поэта-переводчика с польского, немецкого и даже французского, что сразу же насторожило новоиспеченного начальника отделения по борьбе с международным шпионажем. А тут еще и Пустовский проявил несдержанность, стал возмущаться тем, что его оторвали от работы и задают какие-то дурацкие вопросы, на которые он в конце концов отвечать категорически отказался, требуя немедленно позвонить в Наркомпрос самому Луначарскому и доложить о творящихся тут, в ВЧК, безобразиях.

Блюмкин, потеряв всякое терпение, отправил Пустовского в камеру, где, просидев сутки, поэт-переводчик неожиданно заговорил, стал рассказывать, что он переводит Гейне и Шиллера и поэтому переписывается с различными музеями и отдельными историками литературы в Германии. Больше того, он даже встречается с ними, сам неоднократно бывал в Германии, хорошо знает немецкий и уважает культуру этой страны. А с французского он переводит прозу, и за стихи не берется. А кто в его дом ходит по ночам, он не знает, а если б и знал, то все равно не сказал, ибо это его глубоко личное дело. Относительно же подозрительных личностей — все это оговор и вымысел.

Тогда Блюмкин предложил Пустовскому устроить очную ставку с гражданкой Норовой, которая подтвердит факт прихода к нему странных ночных визитеров. Услышав имя Евдокии Норовой, Пустовский как-то скис, тяжело вздохнул и минуты полторы молчал, глядя в зарешеченное окно, что опять же насторожило Блюмкина.

— Вам знакомо это имя? — спросил Блюмкин.

— Она моя соседка, — ответил Пустовский.

— Так вот, гражданка Норова подтверждает, что к вам часто, я повторяю ее показания, «часто заходят страшные лица, каких увидишь при слабом свете — и дергунчик схватит». Вы подтверждаете ее показания?

— Ну и что? — спросил Пустовский.

— Что значит «ну и что»?! — вскипел Блюмкин. — Вы отвечайте на вопрос: ходят к вам или не ходят такие личности?!

— Ну ходят, — вздохнул Пустовский.

— Что это за личности? — записывая подробно каждый вопрос и ответ в толстую тетрадь, выданную ему под расписку Ксенофонтовым, спросил Блюмкин.

— Это драматург Заревой и поэт Гиршфельд, — пояснил Пустовский. — У Заревого часть лица обожжена при пожаре и голос как из бочки, вот его все и пугаются. А у Гиршфельда шутки такие...

— Какие? — не понял Блюмкин.

— Такие, — помолчав, добавил Пустовский. — Он как выпьет, так на всех бросается и орет: «Запору, мать твою так! Девственности лишу!» Это его один генерал напугал, вот он и повторяет.

— Какой генерал? — насторожился Блюмкин.

— Царский...

— Я понимаю, что царский, его фамилия?!

— Откуда я знаю! Да и к чему это?! — снова взорвался Пустовский. — Я могу допустить, что они к этой Норовой даже приставали, но она сама блядь

первостатейная и готова под кого угодно лечь, а теперь решила у новой власти защиту искать?! Да, я не скрываю, что пользовался иногда ее услугами по этой части, за что, однако, платил, а в долг ей давать не собираюсь и на порог своего дома не пущу! Каждый сверчок знай свой шесток!

Разговор заходил в тупик. Блюмкин чувствовал, что поэт выкручивается и всячески уходит от опасной темы разговора, о тайной работе на немецкую разведку, поэтому и придумывает истории про обоженного драматурга и какого-то сумасшедшего поэта. Они проговорили таким образом шесть часов, но едва Блюмкин спросил у Пустовского о связях с немецкой разведкой, как Пустовский закричал, что он, Блюмкин, психически ненормален, и снова потребовал Луначарского. Замечание Пустовского о его ненормальности очень обидело Блюмкина. К концу разговора он даже начал подозревать, что Евдокия Норова просто купила его тем вечером на фуфу, а утром, испугавшись, все это подтвердила. Он даже так и сказал Ксенофонтову, подписывая у него повестку на допрос, что надо просто проверить сигнал, скорее всего, пустой номер, но, как говорил товарищ Дзержинский, любой сигнал мы обязаны проверить. А после таких слов, как «Да вы сумасшедший! Вы просто больной!», да еще брошенных в такой экзальтированной форме, — Пустовский подскочил, выпучил глаза, побагровел, точно вора за руку поймали, — после таких слов Блюмкину ничего не оставалось, как всерьез позаботиться о собственном реноме. Ведь выпусти сейчас этого поэта-переводчика, он всем своим собратьям таких про Блюмкина небылиц накрутит, что на него все пальцем показывать будут и аттестовывать как сумасшедшего. Это его-то, в прошлом лихого командира отряда «Железный», кого немцы боялись хуже черта, кого даже рекомендовали на пост начальника штаба 3-й Украинской армии, но как отважного бойца от-

командировали в Москву на укрепление ЦК левых эсеров. Блюмкин, услышав столь резкие оскорбления в свой адрес, вызвал охранника и велел отправить гражданина Пустовского в камеру. И теперь ему ничего не оставалось, как выпросить у Ксенофонтова ордер на обыск и отправиться в логово врага добывать улики.

Логово оказалось чуть ли не антикварным музеем. Чего тут только не было! Картины старых мастеров по всем стенам, иконы в окладах и без них, книг — как в библиотеке, по всем стенам с пола до потолка, среди которых попадались и старинные, с золотым обрезом и тиснением, а на полках полно всяких дорогих безделниц, тоже старинных подчас, типа огромного яйца, расписанного синей краской и помещенного в золотую небесную сферу, а также табакерка с портретом императора Петра Первого, инкрустированная драгоценными камнями, две античные головы, одна из бронзы, а другая из гипса, крестик — также с камнями. Коля Андреев, которого Блюмкин взял с собой для обыска, даже ахнул и сказал: «Вот бы реквизировать все! Какая прибыль государству!»

И Блюмкин загорелся. Но Ксенофонов сказал: это хорошо, но при условии, что Пустовский действительно враг народа и вина его будет доказана. При обыске Андреев нашел целую папку писем Пустовского, написанных по-немецки. Блюмкин забрал ее с собой. Теперь важно было их перевести и доказать, что Пустовский вел тайную переписку с весьма определенными целями, сообщая вражеской стороне секретные сведения, ну, к примеру, о состоянии Красной Армии и ее руководящем составе. Тогда гражданина Пустовского можно будет без лишних слов поставить к стенке.

Пока переводили немецкие письма Пустовского, Блюмкина бросили расследовать неожиданную смерть шведской актрисы Ландстрем, труп которой

был обнаружен в одном из номеров «Метрополя». Блюмкин в сопровождении Андреева приехал в гостиницу, узнав, что означенная актриса проживала уже неделю в Москве, ни с кем в подозрительных связях замечена не была и, судя по пустому флакончику из-под снотворного, попросту свела счеты с жизнью или слегка переборщила с дозировкой. Такие выводы сделал доктор, которого сразу же вызвал Блюмкин, произведя поверхностный осмотр трупа. Чтобы сделать более серьезные выводы, необходимо было вскрытие и проведение разных экспертиз, но поскольку мадам или мадемуазель иностранка, то доктор брать на себя ответственность не хочет, надо запрашивать посольство и брать разрешение.

Блюмкин поморщился. Коля сделал два снимка актрисы. Второе дело — и снова ни одной зацепки для серьезного расследования. Из обрывков разговоров у Ксенофонтова Блюмкин понял, что Дзержинский с Петерсом выслеживают целую белогвардейскую организацию и вот-вот будут ее брать, уже известно место явки бандитов, а ему доверено отделение по борьбе с международным шпионажем, только где они, эти шпионы, эти асы разведки? Пустовский хоть пишет и получает немецкие письма, а эта хрупкая актрисуля с заострившимся восковым носиком, что она делала в Москве?.. А может быть, Ландстрем была связной и привозила кому-то тайные инструкции?! Этакое хрупкое создание с виду, херувим, да и только, а на самом деле черная гадюка. Интересно, интересно...

Блюмкин загорелся. Стоило ему взвентить себя какой-нибудь необычной идеей, и он мог стену прошибить. Через четыре часа, опросив служителей гостиницы, позвонив в посольство, поговорив с горничными, Блюмкин уже знал, что Ландстрем приехала по приглашению одного из киношников сниматься в какой-то драме, но то ли условия ей не подошли, то ли русские кинокупцы раздумали, но кон-

тракт подписан не был, и кинодива уже намеревалась покинуть Москву — все это могло быть заранее продумано и подготовлено для отвода глаз. Вечерами она сидела в ресторане в обществе какого-то иностранца, высокого, видного, но был и русский, кто часто к ней заходил. Русского звали Володя, а иностранец вроде бы и живет здесь. Это все, что удалось выяснить Блюмкину.

— С какой стати ей травиться, а?! — промычал Блюмкин.

Они обедали вместе с Андреевым в отдельном кабинете ресторана, который предложил для их услуг перепуганный директор гостиницы. Он извинился за то, что господа чекисты попали в рыбный день, с мясом возникли трудности, а вот с рыбной артелью у них крепкий договор, поэтому уха из судака и фаршированный карп — лучшие блюда на сегодня и приготовлены известными поварами в Москве. А уж рыбку без водочки никак нельзя... Блюмкин махнул рукой, и управляющий исчез.

— Красивая, судя по нарядам и количеству всяких портшезов, обеспеченная дамочка, — рассуждал Блюмкин, — буржуйка, мужики роем выются, ну какого черта, Коля, а?!

— От ушицы аж уши трещат! — раскрасневшись и доедая уху, промычал Андреев. — Никогда такой не ел!

— Уху из судака только буржуи раньше трескали! — отозвался Блюмкин. — Это мы с тобой благодаря революции стали людьми первого сорта, а еще полгода назад нас бы на порог сюда не пустили! А сейчас мы здесь хозяева!

Блюмкин налил себе и Андрееву по рюмке водки.

— Только татары водку с утра глушат, — заметил Андреев, поднимая рюмку и лыбясь всем лицом. — А ты рожей смахиваешь на татарина!

— Дурак ты, Коля! — возмутился Блюмкин. — Я еврейский пролетарий, чем и горжусь. И товарищ

Троцкий тоже! А водочку перед обедом любили для аппетита потрещать крепкие буржуи. Это не вредная привычка, а совсем наоборот...

— Жажнем и прослезимся! — кивнул Андреев, любивший вворачивать в свою речь диковатые словечки.

— Говори культурно, Коля, и сможешь разговаривать с массами! — заметил ему Блюмкин, по-гусарски опрокинул рюмку, занюхав кусочком хлеба, и задумался. — Нет, дамочку нашу убили, это ясно!..

— Кто ж ее шлепнул тогда? — не понял Андреев.

— Вот это нам с тобой и надо узнать! — загорелся Блюмкин. — А для чего тогда сыщики? Легче всего прийти, понюхать флакончики и заявить: отравление снотворным! Сыщик же видит сквозь стену.

Блюмкин сделал загадочное лицо и таинственно улыбнулся. Коля обернулся, посмотрел на стенку кабинета, словно за ней была дыра.

— А че там, за стенкой? — пробормотал Андреев. — Там зала с пальмами да фонтан...

— Фантазии, Коля, у тебя маловато! — вытирая губы салфеткой и отодвигая тарелку, важно сказал Блюмкин. — Вот представь, сидим мы с тобой, судачка хрумкаем, а кто-то очень даже внимательно за нами наблюдает и ждет, какой шаг мы дальше сделаем. А в кармане у него револьвер, чтобы в любой миг нас бах-бах!

Коля даже вздрогнул от таких слов и снова затравленно огляделся, но кабинет был пуст.

— Да нет, он не дурак, он здесь стрелять не будет, а поздно вечером, когда ты будешь возвращаться домой, он тебя красиво подкараулит в подъезде и оставит две аккуратные дырочки на том месте, куда привинчивают ордена...

Блюмкин, нагнетая страсти, с тайным восторгом наблюдал за растущим испугом веснушчатого, рыжеватого Коли Андреева, деревенского увальня, которого судьба в столь молодые годы бросила в самое

пекло революционных событий. Коля даже вспотел и вытер лоб салфеткой и опрокинул рюмку, которую до этого не решался выпить.

— Расслабься перед фаршированным карпом! — усмехнулся Блюмкин и подмигнул Коле. Последний испуганно мотнул в ответ головой.

После обеда Блюмкин снова рьяно взялся за дело, безостановочно вел допросы, по несколько раз допрашивая горничных, и стал уже кричать на них, отчего перепуганные девицы плакали и забывали даже то, что успели рассказать при первой встрече.

Тогда Блюмкин потребовал списки всех постельцев гостиницы. Управляющий не на шутку расстроился — в отеле жили вожди революции, члены Совнаркома, и любой переполох их мог взволновать, а управляющий лишиться вмиг своего места. Блюмкин успокоил «лысого прыща», что всех поголовно он арестовывать не будет, ему нужны лишь списки иностранцев, а не членов Совнаркома. В этот отчаянный момент препирательств с управляющим в номер, где ранее жила шведка и где Блюмкин вел свое расследование, постучали, и вошел молодой человек, как говорят, приятной наружности в сером фланелевом костюме, белой сорочке и галстучке, в который была горделиво воткнута алмазная булавка. Светло-кремовая шляпа, из-под которой выбивались желтые кудряшки, и алая роза в петлице завершали изысканно-интеллигентный вид вошедшего. Его лицо сияло радостным блеском, он держал в руках большой бумажный пакет, из которого вытягивались гвоздики и что-то еще весьма ценное; молодой человек легко впорхнул в номер — и, казалось, еще секунда, и он бросится в объятия Блюмкина.

Начотделения ВЧК выдержал паузу, осматривая вошедшего, а последний, увидев двух молодых людей в кожаных тужурках с напряженной искрой во взоре, сразу же ступешался. Лицо его погасло, и кис-

ловатая улыбка сразу же выдала его слабинку, и Блюмкин не стал медлить.

— Что за личность? — начальственно спросил он у управляющего, и тот ревностно замотал головой, отказываясь признавать вошедшего и отдавая его с потрохами на растерзание чекистам.

— Документы! — потребовал Блюмкин у незнакомца.

Коля Андреев, чье лицо почему-то сделалось багрово-свекольным после принятых трех рюмок водки и тем самым приобрело угрюмо-свиное выражение, решительно двинулся к незнакомцу, словно желая подвергнуть его беспардонному обыску.

— У меня вот только санаторная карта, — пятаюсь и вытаскивая из кармана смятый листок бумаги, забормотал вошедший. — Я надел другой костюм, в котором ездил на курорт в марте, и забыл удостоверение, впрочем, вот, есть еще визитная карточка...

Коля молча забрал у незнакомца документы и передал их Блюмкину. Последний сел на стул и стал изучать санаторную карту, изредка сверяя ее с визитной карточкой, точно именно она подтверждала окончательный диагноз его болезни.

— Яков Григорыч, позвольте мне... — кашлянув, робко забормотал управляющий.

— Не позволю! — властно оборвал этот бормоток Блюмкин, даже не взглянув в его сторону, и «лысый прыщ» умолк, сел на стул, поняв, что просто так из этой истории ему не выпутаться.

— Владимир Иосифович Зинч, кинодеятель, хронический гастрит и почечные колики, — прочитал Блюмкин, и Коля Андреев гоготнул.

Блюмкин бросил на него строгий взгляд, быстро усмирив сотоварища, и посмотрел на Зинча.

— Я пришел по поручению господина Ханжонкова к госпоже Ландстрем, — стал объясняться Зинч. — Видите ли, господин Ханжонков пригласил госпожу Ландстрем сниматься в новой фильме «Ро-

ковая любовь». Они заранее договорились о гонораре, но, приехав в Москву, госпожа Ландстрем запросила несколько больше, чем было договорено, на нее уже были пошиты все костюмы, и она решила, видимо, этим воспользоваться, но Александр Алексеевич, человек принципа, он сказал: «Нет!» — При этом Зинч резко взмахнул рукой, Блюмкин вздрогнул, а Коля Андреев даже шарахнулся в сторону.

— Кто такой Александр Алексеевич? — спросил Блюмкин.

— Ханжонков! — гордо ответил Зинч, поражаясь невежеству Блюмкина.

— И что дальше?

— Как — что?! — снова удивился Зинч. — Если Александр Алексеевич говорит «Нет!», значит — нет! — снова выкрикнул Зинч, и теперь уже управляющий испуганно посмотрел на кинодеятеля.

— Ну и что? — оторопело спросил Блюмкин.

— А то, что госпожа Ландстрем поняла, что совершила роковую ошибку! Роковую!.. Она стала кусать себе локти, умолять меня помирить ее с Алексом, говорить, что она покончит с собой, потому что...

— Кто такой Алекс? — перебил Зинча Блюмкин.

— Так Ландстрем называла Александра Алексеевича! — пояснил Зинч. — Потому что господин Ханжонков в ярости позвонил в Швецию и передал газетчикам, как подло повела себя их актриса, а там уже разразились: их звезда в русской фильме «Роковая любовь», и, конечно, газеты напечатали об этом неблагоприятном поступке, и Александр Алексеевич послал даже несколько номеров госпоже Ландстрем, но тут уже я возмутился и дал господину Ханжонкову свой расчетец, во сколько нам обойдется перешив костюмов и новая реклама! Александр Алексеевич чуть со стула не упал! Получалось, что гораздо дешевле согласиться на условия госпожи Ландстрем, нежели подыскать новую актрису! Он

дал мне деньги на шоколад и шампанское и отправил мириться с нашей гостьей!.. Алле-ап! — выкрикнул Зинч и, ловким движением сбросив пакет, явил всем шампанское и перевязанную бантом коробку шоколада. — Вот я и пришел...

Зинч водрузил шампанское и конфеты на стол, победно оглядев присутствующих.

— Я так понимаю, что госпожа Ландстрем успела пожаловаться на господина Ханжонкова нашим доблестным чекистам? — лукаво улыбнувшись, спросил Зинч. — Что ж, она в корне не права, а потом, господа, все уладилось... Да, ее реноме немного пострадало через газеты, но пусть она подает на нас в суд, у нас есть свидетели ранней сделки и того, сколько она запросила, приехав в Москву. Я вас умоляю: она проиграет!..

Блюмкин услышал знакомые еврейские интонации и поневоле улыбнулся: пахнуло его родной Одессой, родной Молдаванкой, где он родился и вырос.

Управляющий снова поднялся и с мольбой посмотрел на Блюмкина.

— Можно я... — прошептал он.

— Иди! — сказал Блюмкин.

И он исчез.

— А что у вас такие лица, словно вы на похоронах? — удивленно спросил Зинч.

— Госпожа Ландстрем покончила с собой сегодня утром, — объявил Блюмкин. — Поэтому мы здесь...

Несколько секунд лицо Зинча ничего не выражало.

— Вы шутите?! — спросил он.

— Мы не шутим, — ответил Блюмкин. — В нашей организации вообще не шутят.

— Это я знаю, — согласно покачал головой Зинч. — О Боже! — вдруг вскричал он с надрывом, хватаясь за голову, и Коля Андреев, заснувший было в конце длинного рассказа Зинча, неожиданно про-

снулся и стал дико вращать глазами, не понимая, в чем дело. — Эта смерть погубит всю фильму! Все коту под хвост! Все!.. Я разорен! Это ужасно!..

Зинч схватился за горло, словно кто-то невидимый душил его, и Коля Андреев даже попытался помочь киношнику освободиться и схватил его за руку.

— Осторожно! — вдруг с полным спокойствием сказал Зинч, отстраняясь от Андреева. — Ваши сильные руки могут порвать мой тонкий костюм!

— А про что должна была быть фильма? — спросил Блюмкин.

— Как?! — снова вскричал Зинч. — Это же роковая любовь, страсть, молодая дама выходит замуж за старого вдовца, чей пасынок чуть младше новой мачехи, и между ними вспыхивает страстная любовь, она готова на все, он тоже, и тогда старый вдовец, испепеленный ревностью, убивает их обоих!..

Зинч, пересказывая даже этот коротенький сюжет, вдруг зажегся, стал заламывать руки, вытаращивать глаза, изображая эту роковую страсть, и на последних словах: «Убивает их обоих!» — актер не выдержал и с шумом рухнул на пол. У Коли Андреева даже открылся рот от жгучего интереса к будущей фильме, и, когда Зинч так неделикатно шмякнулся на пол, Коля даже подбежал, поднял кинодеятеля и отряхнул его светлый костюмчик.

— Н-да! — помолчав, вздохнул Блюмкин. — Жалко...

— Кого? — не понял Андреев.

— Жалко, если такая фильма не состоится!

— Теперь точно не состоится! — трагически воскликнул Зинч. — Для Александра Алексеича легче все списать на убытки, а потом, он суеверный человек, он не будет! Раз тут смерть, он не будет!

Зинч, шмыгая носом и вытирая всамделишные слезы на глазах, подошел к столу, открыл шампанское, достал фужеры из буфета, разлил вино.

— Помянем несчастную, господи! — проговорил

Зинч, и Блюмкин с Андреевым взяли фужеры. — Пусть земля ей будет пухом! Взбалмошная была кинодива, но талантливая. Я видел с ней одну фильму — восторг и счастье!.. Она и в жизни, — открывая коробку с шоколадом и приглашая чекистов полакомиться дорогими конфетами, — была роковая женщина. Мужчины влюблялись не раз, поклонники преследовали, даже я не избежал ее чар... А тут, в «Метрополе», у нее был один ухажер, весьма настойчивый, но вряд ли он добился у нее успеха... Впрочем, вам, наверное, уже рассказывали... — Зинч допил шампанское и съел две конфеты. — Не шоколад, а нежный поцелуй! — вздохнул Зинч и съел третью конфету.

— Кто? — настороженно спросил Блюмкин, наблюдая, как Зинч вместе с Андреевым пожирают шоколад. — Кто этот настойчивый ухажер?!

— Граф Роберт Мирбах, он здесь на четвертом этаже временно проживает, говорил, что возвращается из плена... — пояснил Зинч.

Блюмкин напрягся, услышав известную фамилию.

— Кстати, он говорил, что доводится даже ближайшим родственником нынешнему немецкому послу графу Мирбаху и собирался навестить его... — Зинч снова наполнил фужеры шампанским. — Очень милый молодой человек, этаким герой-любовник, высокий, статный, но нет шарма, артистического огня! Выпуклые коровьи глаза бутылочного цвета! Опасайтесь, господа, людей с выпуклыми глазами бутылочного цвета! Хотя госпожа Ландстрем, из уважения к его графскому титулу, оказывала ему некоторые незначительные знаки внимания, но поверьте тому, кто знает женское сердце: любви не было! А вот когда она увидела меня, еще на вокзале... — Зинч вдруг крутанулся, как юла, на одной ноге вокруг своей оси, отчего Коля Андреев даже поперхнулся и чуть не подавился конфетой, пришлось всем молотить кулаками по его спине.

— Так что было на вокзале? — спросил Блюмкин.

— На вокзале... — с надрывом, патетично проговорил Зинч. — На вокзале я встречал ее, — запихивая в рот конфету, пояснил Зинч. — Она посмотрела на меня и спросила: «Вы кто?» Я ответил: «Я — Зинч», и она сказала, что приняла меня за носильщика. Совершенно непонятно почему! Я, правда, надел тогда свой старый плащ, шел дождь, а он так походил на униформу носильщика, что госпожа Ландстрем поневоле приняла меня за носильщика, — увлекаясь и закручиваясь в свой рассказ, понесся Зинч, но Блюмкин его остановил.

— Стоп! Стоп! Все! Нам не нужно про носильщика!

— Это не про носильщика, это про меня! — вскричал Зинч.

— Нам не нужно про вас, черт возьми! — рывкнул в ярости Блюмкин. — Нам нужно про Мирбаха! Вы с ним встречались?

— Раза два, не больше... — пожал плечами Зинч, недовольный тем, что прервали полет его фантазии. Он уже как раз собирался рассказать такую занятную штуку, случившуюся на вокзале, да чего там рассказать — показать, разыграть, а тут просят про какого-то Мирбаха с выпуклыми глазами бутылочного цвета...

— Я извиняюсь, конечно, но товарищ Зич...

— Зинч, — поправил Блюмкина киношник.

— Извините, товарищ Зинч, но нам очень нужно про Мирбаха! — загорелся Блюмкин.

— Но я уже говорил: выпуклые глаза бутылочного цвета ничего хорошего предвещать не могут. Я раза два заходил в номер к мадемуазель Ландстрем и оба раза заставал здесь Мирбаха. Один раз он даже лежал на кровати! Как вам это нравится?.. — Зинч бросил взгляд на Блюмкина и Андреева, как бы призывая и их осудить этот варварский поступок графа.

— Я извиняюсь, но на чьей кровати лежал граф

Мирбах? — записывая эти сведения в блокнот, спросил Блюмкин.

— Но здесь, по-моему, одна кровать?! — Зинч окинул взглядом номер, и Андреев с Блюмкиным последовали его примеру. — Здесь больше нет кровати! Она известная актриса, а он приходит к ней в номер и лежит на кровати! Хамство!.. А называет себя графом!.. Кстати, на столике стояла початая бутылка вишневого ликера и ваза с фруктами. Госпожа Ландстрем любила именно вишневый ликер!.. Он стоял вот здесь, я здесь, Мирбах лежал там... — диктовал Зинч Блюмкину, который подробно все записывал. — Как вам нравится эта завязка?..

— Бабахнуться можно! — одобрил Коля Андреев.

— Н-да... — Зинч вытащил из брючного кармана большие круглые часы на серебряной цепочке, открыл крышку и нахмурился. — Обещал Александру Алексеевичу через час быть с ответом, он волнуется, а сообщать по телефону столь трагическую новость очень не хотелось бы... Как, господа, я могу быть свободен?..

Зинч выдержал паузу, но Блюмкин, всецело захваченный новым именем, появившимся в этой истории, даже не ответил.

— Кстати, в моей визитке есть номер телефона, и вы, протелефонировав, всегда сможете меня найти, если я вдруг смогу быть еще чем-то вам полезен... А курортную карту я бы, с вашего разрешения, забрал... — проговорил Зинч, выдержал паузу, но ему снова никто не ответил.

Андреев молчал оттого, что вообще не знал, что говорить в данной ситуации, а Блюмкин уже прокручивал ситуацию с Робертом Мирбахом: родственник немецкого посла живет частным образом в гостинице «Метрополь», к нему приезжает связная из Стокгольма, которая маскируется под актрису, поскольку является бывшей актрисой, он даже где-то читал, что актрисы чаще всего становятся шпионками, ибо им ничего не стоит сыграть любую роль, она

привозит Мирбаху секретную информацию, а отсюда увозит данные об охране Кремля, чтобы потом совершить покушение на членов Совнаркома. Все очень логично!..

— Прекрасно! — радостно проговорил Блюмкин, бросая взгляд на Зинча. — А чего не разливаем? Есть повод!

— Какой? — не понял Зинч, наполняя фужеры.

— Как?! — воскликнул Блюмкин. — Мы сегодня с Колей Андреевым, моим помощником, познакомились с замечательным артистом, так сказать, с кинодейтелем, товарищем... — Блюмкин заглянул в санаторную карту. — Зинчем Владимиром Иосифовичем, кстати, как гастрит и почечные колики?.. Шампанское не вредит?

— Ай, бросьте! — отмахнулся Зинч. — Жизнь сложна, от нее умирают, как говорит один мой приятель, поэтому при чем тут почечные колики?! Вообще-то их у меня нет, это Сема Шраговер нарисовал их, чтобы я поехал по линии нашего общественного фонда в подмосковный санаторий... Вы же понимаете, бюрократы, они не дремлют!

При этих словах лицо Блюмкина обрело неожиданную суровость, он даже поставил фужер с шампанским на стол.

— Выходит, вы обманывали нашу советскую общественность?! — трагическим шепотом спросил он, и Коля Андреев даже сделал стойку, чтобы при надобности броситься и скрутить врага.

— Но, господа, то есть товарищи, разве это обман?! — взмолился Зинч. — Нет, у меня действительно есть изжога, каждый день по утрам я пью содовую воду, а что это такое, как не признаки начинающегося гастрита и, может быть, почечных колик, только я об этом не кричу на всех углах! Я скромный, и это надо отметить! А ваше замечание, товарищ, относительно обмана есть не что иное, как гипербола, и тут я буду резко возражать!

Получив в ответ такую замысловатую тираду и

мало что уловив в ней, Блюмкин, не желая показать себя малограмотным человеком, улыбнулся и сказал:

— Ну тогда другое дело! Зачем же вводить нас в заблуждение...

Блюмкин снова взял фужер в руки, миролюбиво улыбнулся, они даже чокнулись и выпили. Коля снова подавился, на этот раз пузырьками от шампанского, и стал сильно кашлять. Блюмкин с Зинчем снова замолотили его по спине и ребрам, пока Андреев не пришел в себя. Лишь после этого доблестные чекисты распрощались с Зинчем, отдав ему его санаторную карту, но оставив себе визитку и даже записав домашний адрес на случай привлечения товарища кинодеятеля как свидетеля по данному делу. Напоследок Блюмкин обмолвился о Васе Грындине, и Зинч радостно сказал, что часто у него бывает.

— Так вы и Сару Бернар знаете? — спросил Блюмкин.

— Дусю? — посветлел лицом Зинч. — А как же! Замечательная актриса, но не везет! Никак не могу устроить ее сниматься в фильме. Типаж не тот! А актриса талантливая!..

Они условились в самое ближайшее время собраться у Грындина. На том Блюмкин и отпустил Зинча.

— Ну и дифа! — глядя вслед Зинчу, промывчал Андреев.

— Что ты сказал? — не понял Блюмкин.

— Не мужик, а дифтерия! — расшифровал Коля.

Между тем немецкие армии, лишившись Восточного фронта, продолжали активное наступление на Западном, тесня французские войска и заставляя их отступать. 1, 7 и 18-я немецкие армии при поддержке авиации уже пересекли границу Франции на севере и начали углубляться на ее территорию. Французы еле сдерживали этот мощный натиск, но под давлением превосходящих сил противника были вынуждены сдавать одну позицию за другой. Президент Франции Раймон Пуанкаре был всерьез напуган этим немецким прорывом и отчаянно телеграфировал Нулансу: любыми путями добейтесь от Ленина открытия Восточного фронта, обещайте деньги, хлеб, что угодно, но разорвите ненавистный Брестский мир. Отечество в опасности! Пуанкаре взывал к союзникам, но, хотя в апреле семнадцатого в войну вступили Соединенные Штаты Америки, активной помощи от них пока не было. Правда, чтобы нажать на Советы, американцы, англичане, японцы высадили свои войска в Мурманске, Закавказье и на Дальнем Востоке, как бы готовясь к активной интервенции на тот случай, если Ленин будет продолжать свою прогерманскую позицию. Поэтому Нулансу поручили использовать в переговорах и этот устрашаительный момент. Как только Советская Россия вступит в войну, блокада будет снята, а Ленин получит необходимую помощь. Важным моментом являлось и вступление в войну Аме-

рики, что увеличивало шансы на будущую победу у стран Антанты, ибо последующие плоды ее равным образом будут поделены и с Россией, так неужели Ленин не видит своих явных выгод, не видит, с кем нужно искать союза, для того чтобы упрочить свою будущую власть.

Пуанкаре просто задышался от гнева, диктуя эти длинные послания Нулансу и, видимо, полагая, что старый дружок Клемансо попросту спит и даже не хочет сделать видимых усилий, дабы образумить этого нового большевистского вождя. Не дурак же он, в конце концов, чтобы не понимать очевидных вещей: Германия на последнем издыхании, а вся Европа в скором времени будет поделена между Францией и Англией. Япония, Америка и Турция лежат на других континентах, поэтому стоит лишь присоединиться к прежним союзникам, и третьей державой-властительницей на Европейском материке станет Россия-матушка и ее новый вождь, Ленин.

Ленин видел эти будущие выгоды и совсем не мучился оттого, что предаст Германию, чьи деньги помогли его революции, ибо в глубине души он считал, что несчастные пятьдесят миллионов марок, о которых столько было шума, в том числе и среди своих, погоды бы не сделали. Всему причиной титанические двадцать два года напряженной подпольной борьбы, которую вели партия и он, ее вождь. Они дались нелегко, и теперь, когда, получив власть, можно наконец заняться созидательным трудом, у него совсем нет сил, а напряжения нынешняя ситуация требует еще больше.

При чем тут Людендорф, чванливые бюргеры, к которым Ленин никогда не питал симпатий. Нет, деньги, конечно,годились, они и сейчас нужны как никогда, и Ленин всегда готов рассмотреть выгодное предложение.

— Владимир Ильич, вы получите эти деньги, — повторял Нуланс, сидя в кабинете Ленина уже на

второй встрече, — наши союзники также простят вам царские долги, а потом мы все вместе разделим пышный пирог победы!..

Они говорили по-французски, сидя в кабинете Ленина и мирно попивая чай с сушками. На встрече также присутствовал Лев Карахан, молчаливо внимая дружеской беседе двух политиков.

— Сколько ни говори слово «сахар», во рту слаще не станет, а вы, уважаемый мсье Нуланс, кормите меня пока обещаниями. Нужны конкретные шаги, гарантии тех же ваших англичан и американцев в том, что они прощают нам старые долги, хотя не мы их делали, нужно, чтобы их войска покинули Мурманск, Закавказье и Дальний Восток, и конкретный план помощи: хлеб, бензин, машины, паровозы, а вы приходите, требуете помощи, обещаете, но все это слова, батенька мой, слова, слова, как говорил Гамлет...

Ленин хитровато прищурился, обмакнул в чай сушку и стал жевать, наблюдая за неповоротливым Нулансом, который даже не притронулся к сушкам.

— Вот вы ругаете немцев, — продолжил Ленин. — А они, искренне желая мира с нами и понимая наши трудности, дают нам сорок миллионов марок и готовы дать еще! Вот это уже настоящий разговор!

— Мы вам готовы помочь, и союзники будут на нашей стороне, они согласятся на все ваши требования, но и вы должны пойти нам навстречу! Немцы сегодня рвутся к Парижу, нам сегодня нужна ваша помощь, сейчас, немедленно, а пока мы готовы представить односторонние гарантии и поручиться за союзников! *Parole d'honneur!*

На последних словах Нуланс даже встал и, выпучив глаза, сделал чрезвычайно серьезное лицо. Ленин вздохнул:

— Я вам верю, голубчик, и верю вашему честному слову, но мы сейчас договариваемся не о том: да-

дите ли вы мне лично в долг на следующей неделе или нет. Мы два политика, за нами наши народы, и мы обязаны бласти их, а не свою выгоду...

— Но, господин Ульянов... — Нуланс даже схватил сушку.

— Один момент! — Ленин остановил порыв Нуланса. — В конце четырнадцатого года немцы также двинулись на Париж: создавалась критическая ситуация, вы закричали: «Спасите! Спасите!» — и русские армии бросились вам на помощь, оттянули на себя основные силы немцев, спасли вас, а сами получили жесточайший удар, погибли тысячи русских солдат.

— Мы хорошо помним этот подвиг... — начал было Нуланс, но Ленин его опять остановил:

— Еще две минуты, мсье Нуланс, вы помните, вы даже присылали награды, подарки, позволяя русским воевать, а сами отделялись малыми сражениями, так, пощипывая немецкие редуты... Предположим, мы и сейчас вяжемся в эту войну, немцы, озверев от такой нашей наглости, снова бросят на Восточный фронт почти половину своих дивизий, и что дальше?.. Мы уже закричим: «Спасайте нас, спасайте!» Но у меня нет никакой уверенности, что вы помчитесь спасать нас. Больше того, вы, увидев, что опасность ушла, подумаете: а на черта нам сдались эти русские?.. Пусть Германия их проглотит, а взамен отдаст нам часть своих земель в центральной части. И вы миленько так договоритесь, поделив Европу, а заодно погасив и русскую революцию, которая вам, согласитесь, совсем не по нутру.

Нуланс побагровел, поднялся и долго не мог совладать с собой от волнения.

— Я полагаю, вы пошутили относительно такого расклада возможных событий и так совсем не думаете! — сделав возмущенное лицо, выговорил Нуланс.

— Успокойтесь, дорогой Жозеф, я не отношу эти фантазии к вам, но разве вы можете головой пору-

читься за Раймона Пуанкаре или Томаса Вудро Вильсона...

— Безусловно! — ответил Нуланс.

— И зря, мой дорогой Жозеф, ибо вы знаете, что политика чрезвычайно грязное дело и для нее не существует кодекса чести... Поэтому мне нужны гарантии вперед, а не потом, и лишь тогда я смогу окончательно дать вам ответ.

Ленин умолк, давая понять, что разговор закончен. Нуланс сидел набычившись, не двигаясь с места, он не мог уходить снова без какого-либо конкретного ответа.

— Но если вы получите эти гарантии, мое правительство может надеяться, что Советская Россия вступит в войну?

— Да! — ответил Ленин. — Мы видим в этом определенные выгоды для себя. Зачем же нам связывать свою судьбу со страной, которая скоро будет выведена из европейского хода, нам выгоднее встать на сторону будущих победителей и получить, как вы говорите, свой кусок пирога... — Ленин улыбнулся.

— Хорошо, я проинформирую обо всем свое правительство. — Нуланс поднялся и склонил голову в знак прощания.

Встал и Ленин.

Карахан, проводив Нуланса, вернулся в ленинский кабинет. Ленин уже что-то сосредоточенно писал, низко склонившись над листом бумаги. Карахан негромко кашлянул. Ленин оглянулся.

— Да, Лев Михалыч?..

— Я хотел бы знать, как мне теперь действовать с Мирбахом...

— А что с Мирбахом? — не понял Ленин.

— Ну, если мы собираемся разрывать Брестский договор, то я должен заранее придумать аргументацию нашему будущему акту...

— А кто вам сказал, что мы собираемся разрывать Брестский мир? — удивился Ленин.

— Да, но в разговоре с Нулансом эта мысль от-

четливо прозвучала в ваших словах, — растерянно проговорил Карахан.

— Ну и что?.. — не понял Ленин.

— Но я так понял, что вы внутренне склоняетесь к этому решению, если, конечно, французы и американцы действительно предложат нам нечто стоящее, выведут свои войска...

— Очень плохо, что вы так меня поняли, — перебил Карахана Ленин. — Я ни к чему в душе не склонялся. Я просто вежливый человек и вежливо говорил с господином французским послом, ибо совсем не уверен, что условия, выдвинутые мной, будут выполнены. Но даже если они будут выполнены, я вовсе не исключаю того, что нам совсем будет невыгодно воевать с немцами, ибо они просто раздавят нас, захватят Москву, нам придется эвакуироваться на Волгу, а французы к тому времени расхотят воевать, и мы останемся с носом! Может так быть? — спросил Ленин.

— Вполне возможно, Владимир Ильич, — согласился Карахан.

— Тогда зачем нам разрывать Брестский мир?

— Тогда не надо! — ответил Карахан.

— Но Америка вступила в войну, Германия обречена, если мы не ввяжемся в бойню, доблестная Антанта, сломив немцев, примется за нас. Как быть с этим? — спросил Ленин.

— Да, это тоже вопрос вопросов! — вздохнул Карахан. — Так что же мне делать?..

— Пока не делать никаких резких движений, — улыбнулся Ленин. — Но это совсем не значит, что надо сидеть сложа руки, дорогой Лев Михалыч! — Ленин откусил сушку, взял чашку, но она была пуста. Он вышел в приемную и попросил принести ему еще чаю. — Надо осторожно, как бы ненароком проинформировать Мирбаха о том, что Нуланс, Пуанкаре, американцы обещают Ленину сто, нет, двести тысяч франков, машины, паровозы, словом,

перекупают, пусть и он подсуется, попросит у Кюльмана, Людендорфа еще денег, они нам не помешают, а там посмотрим... — Ленин задумался.

— Хорошо, я знаю, как организовать утечку сведений из НКИДа, — согласился Карахан. — Я могу идти, Владимир Ильич?

— Да-да! — кивнул Ленин, возвращаясь к столу.

Карахан уже вышел, когда Ленин неожиданно вернул его обратно.

— И все же, я думаю, вам, наверное, придется поехать в Америку! — неожиданно проговорил Ленин.

— В Америку? — удивился Карахан.

— Да, с товаром! — задиристо сказал Ильич.

— И что это за товар? — спросил Карахан.

— А вы не догадались? — усмехнулся Ильич.

— Вы хотите предложить им купить Брест-Литовский договор? — растерянно спросил Карахан.

— Совершенно верно! Именно купить! — загорелся Ленин. — Этак мы убиваем трех-четыре зайцев сразу: получаем деньги, бросаем белых генералов, до одури мечтающих воевать, снова на фронт, пусть переколошматят друг друга вместе с немцами, становимся победителями и дружно живем с Европой! Разве не выгодно? Выгодно!..

Ленин выдержал паузу, победно глядя на Карахана.

— Когда собираться, Владимир Ильич? — спросил Карахан.

— Мне нравится ваша готовность исполнять любой вариант! Из вас выйдет настоящий дипломат! — Глаза его озорно блеснули. — Начинайте собираться! Прямо сейчас, не откладывая!..

Нуланс снова забрал Лорана в час дня в одном из переулков близ Сухаревки. Настроение у посла было отвратительным, и, чтобы взбодриться, Жозеф потягивал коньяк из фляжки. Предложил выпить и Лорану, но тот отказался.

— Что ваш Марат, чем порадовал в этот раз? — игриво спросил Лоран.

— Он еще похлеще, чем были наши изуверы! — отозвался Нуланс и подробно передал ему весь разговор с Лениным. — Ни чести, ни долга, ни совести! Кто больше даст, тому и послужим! У наших Маратов, по-моему, были хоть какие-то идеалы?.. Или я не прав?

— Вы все перепутали, Жозеф! — улыбнулся Лоран. — Вы ведь встречались не с революционером, а с политиком. У первых должны быть идеалы, принципы, а у последних их никогда не было и быть не должно!

— Но Ленин революционер, он был им! — возмутился Нуланс. — Должно же было что-то сохраниться?!..

— Искать следы девственности у замужней дамы так же глупо, как требовать верности от проститутки, — заметил Лоран, — и, судя по всему, Ленин выжидает, кто больше ему предложит. Пока это делают немцы, и он будет с ними.

— Но что делать нам? — утрумо пробурчал Нуланс. — Нам надо спасти нашу бедную Родину!..

Он тяжело вздохнул.

— Вот это совсем конкретный вопрос, — согласился Лоран. — И если большевики не торопятся разорвать Брестский мир, им надо помочь это сделать.

— Как?! — в отчаянии воскликнул Нуланс. — Я только и делаю, что ломаю голову над этим вопросом!

— А ломать голову не надо, она еще пригодится!

— Хватит умничать, Пьер, — рассердился Нуланс, — скажи, что ты можешь предложить.

— При каких обстоятельствах немцы сами пойдут на разрыв мирного договора? — спросил Лоран и, помедлив, ответил: — Когда им объявляют войну...

— На это Ленин просто так не пойдет! — пробур-

чал Нуланс, отпивая из фляжки. — А уговоры американцев и англичан могут затянуться или кончиться ничем!

— Или когда, к примеру, убивают их посла, — не слушая Нуланса, закончил Лоран.

Нуланс задумался.

— А это хорошая мысль! — неожиданно проговорил он. — У тебя это получится!

— Да, но если это сделаю я или даже неизвестный убийца, немцы только рассердятся, обвинят Ленина в том, что он плохо охранял посольство, а Ленин скажет: виноват, исправлюсь, но народ у меня бедовый, я с ним разберусь, наведу порядок, и ничего не будет...

— Какой же смысл тогда убивать посла? — не понял Нуланс.

— В этом варианте никакого, — подтвердил Лоран. — Но если Мирбаха убьет человек Ленина, из его властительного круга, так чтобы подозрение могло пасть на Ленина как инициатора этого подлого убийства, то тогда немцы поймут, что Ленин ищет повод разорвать договор, и сами объявят войну.

— Прекрасная мысль! — обрадовался Нуланс. — Замечательно! Но как это сделать?!..

— Вы помните у Шекспира эту удивительную сцену в «Ричарде III», когда Ричард, только что убивший мужа леди Анны, находит ее у его гроба. Проходит несколько минут, и леди Анна, только что ненавидевшая Ричарда, проклиная его как убийцу, бросается в объятия Ричарда и отдается ему со всею страстью души? — спросил Лоран Нуланса.

— Я всегда знал, что Шекспир был не дурак! — не без язвительности отозвался Нуланс. — Нам-то это к чему?!

— А к тому, что среди ленинских приспешников всегда есть отдельные личности, которые его ненавидят, точнее, его продажную политику! — закончил

Лоран. — Нам же остается только их найти и направить их ненависть в нужное русло.

— Вот и займись этим! — сказал Нуланс. — Только мне нужно, чтобы ты нашел их завтра. Или послезавтра!

— Я уже этим занимаюсь, — заметил Лоран, — но ни завтра, ни послезавтра этого не будет. — Разница сценического и реального времени все же существует.

— Я тебя не тороплю, Пьер, — уже смягчаясь, проговорил Нуланс. — Ты же знаешь, почему я так говорю...

— Я знаю... — кивнул Лоран.

Шофер Нуланса, маленький Жан-Люк с приветливыми черными глазками оглянулся и выразительно посмотрел на посла. Нуланс хмыкнул, как по команде, вытащил круглые карманные часы и, взглянув на них, издал удивленный звук.

— Время нашего обеда! — резюмировал Нуланс и выразительно посмотрел на Лорана. — Надеюсь, ты не откажешься разделить скромную трапезу со своим верным соотечественником?..

— Скромную — откажусь, — твердо ответил Лоран. — Я зверски хочу есть!

— Тогда у меня помимо бифштекса найдется для тебя и хороший кусок печенки, прожаренный в сметанном соусе, и одна-две бутылочки бордо! — чуть не подскочив от радости, сообщил Нуланс и сглотнул слюну.

— Так чего же мы тащимся, как черепахи?! — возмутился Лоран.

— Малыш, какого черта?! — воскликнул Нуланс.

Малыш Жан-Люк словно только и ждал этого приказа, он лихо газанул, авто дернулось и, выпустив облако дымного газа, понеслось по оживленной Тверской, как карета «скорой помощи».

Лорана еще неделю назад осенила эта неожиданная мысль с убийством Мирбаха, так чтобы подозрение пало именно на Ленина. Если посла убьет кто-то из ленинской команды, то у немцев поневоле зародится мысль о причастности красного вождя к этому злодейству. А потом оправдывайся, отмывайся, веры уже нет, да и старого мира тоже нет. Есть война.

Лоран обедал в «Гранд-отеле» с неким Зинчем, вездесущим кинодеятелем, прощупывая его на предмет другой авантюры. Несколько дней назад Дзержинскому удалось выйти на подпольную антибольшевистскую организацию «Союз защиты родины и свободы», которую организовал в Москве Борис Савинков, неглупый боевик-организатор, который еще до революции начал сотрудничать с Лораном. Пьер по линии французской военной миссии и как разведчик непосредственно опекал «Союз», помогая савинковцам оружием и деньгами. Все провалилось по глупости. Сам Савинков вынужден был уехать в Париж, поручив все дела людям в конспирации неведущим, а те стали набирать в московское отделение «Союза» всех подряд.

У одного из «защитников» — юнкера Иванова была возлюбленная, работавшая сестрой милосердия в Покровской общине. Юнкер, очутившись с ней в постели и растаяв от ее ласк, разболтал ей о своем вступлении в тайный «Союз защиты», о том, что они

готовят вооруженное восстание. И первыми их жертвами станут латышские стрелки, на кого опирался Ленин, творя свои незаконные расстрелы, и кого в Москве ненавидели больше всех. Сестрица милосердия оказалась весьма сластолюбивой и помимо безусого юнкера одаривала сладкими утехами и командира латышских стрелков. Попав следующей ночью в его ласковые объятия, растаяла на сей раз она и не смогла сохранить в тайне исповедь пылкого юнкера, рассказав все без утайки и умоляя его схватиться, пока все не кончится. Латыш был неглуп и тотчас позвонил своему приятелю Мартину Лацису в ВЧК, который и заведовал отделом контрразведки. Юнкера взяли под наблюдение, и он скоро привел чекистов в малый Левшинский переулок, дом 3. Здесь в девятой квартире проходили собрания одного из отрядов московской организации «защитников». В один прекрасный вечер, как пишут в романах, в Левшинском накрыли тринадцать человек вместе с юнкером.

Теперь их допрашивали в ВЧК, и Лоран, чтобы запутать чекистов, решил создать новую подставную организацию, назвав ее «Союз союзников». Он надеялся, быстро раскрутив фальшивку, пустить чекистов по ложному следу и, может быть, отчасти спасти тех, до кого чекисты не успеют добраться, разрушая «Союз защитников».

Одну такую фиктивную группу он создал еще раньше, и везде по документам «Союза защитников» проходила группа «немецкой ориентации», ибо основной костяк савинковцев был антинемецкий. Эта группа имела и поддерживала связь с Мирбахом, в нее были завербованы многие крупные чиновники всех ведущих наркоматов, в том числе милиции и ВЧК, поэтому, попади эти сведения в руки чекистов, им придется устраивать тотальную проверку на благонадежность очень многим своим работникам.

Кроме того, существование такой группы, которой как бы и руководит сам Мирбах, ставило под удар и всю его деятельность.

На эту странную идею Лорана вдохновила перехваченная в Берлин шифровка Мирбаха, где он довольно в неприглядном свете аттестовал ленинский режим, предрекая ему скорую гибель. По части выводов Мирбах предлагал сделать ставку на монархистов, помочь им всеми возможными способами, в том числе и финансовыми и, опираясь на них, осуществить переворот. Лоран, прочитав шифровку, решил помочь Мирбаху. Посол еще только ждал указаний, чтобы связаться с монархистами, а Лоран уже создал целую мирбаховскую группу, которая стала активно заниматься подготовкой переворота. Во главе мирбаховской группы в «Союзе защитников» стояли генерал Довгерг, руководитель боевиков, князь Кропоткин, ротмистр и полковник генерального штаба Шкот.

Эта группа имела свои коды, знаки отличия, они носили шинели нараспашку, прикрепляли на лацканы красные значки, приветствовали друг друга резким взмахом руки вверх, заворачивали голенища сапог, встречались только на московских бульварах и так далее. У Лорана было придумано около двадцати разных знаков отличия. И если эта «организация» провалится и будет дана команда хватать всех, кто пользуется этими знаками отличия, то чекистам придется арестовывать каждого второго человека в военной форме. Лоран специально придумал эти знаки отличия, чтобы по всему «Союзу защитников» прошел слух о кропоткинцах, чтобы защитники, видя обычного военного, идущего в шинели нараспашку, мысленно подмечали: а, вот и «кропоткинец», чтобы их было много: на улицах, в наркоматах, в людных местах. И слухи росли. Лоран не без успеха запустил утку о двухдневных учениях кропот-

кинцев под Истрой, о том, что в учениях приняло участие восемьсот человек, что они прошли организовано, скрытно и показали высокий боевой дух кропоткинских дружин.

Но «Союз союзников» должен был стать мифическим вариантом всего «Союза защиты», и, сидя в «Метрополе», Лоран обрабатывал Зинча на предмет вступления в эту организацию.

Они встретились в «Гранд-отеле» не случайно. Лоран познакомился с Зинчем еще в Петрограде, молодой лощеный кинодеятель приезжал туда снимать награждение «союзниками» русских солдат и офицеров, отличившихся в успешных боях в Галиции и спасших тогда Францию от немецкой оккупации. Это награждение было обставлено торжественно. В церемонии приняли участие император Николай Александрович с императрицей Александрой Федоровной, великими княжнами и наследником, цесаревичем Алексеем. Император вручал боевые награды, а императрица и царевны подарки — носовые платки с вензелями, вышитыми княжнами самолично, теплые носки, шарфы и конфеты. Большая часть церемонии происходила в военном госпитале, и планировалось выпустить отдельную хроникальную фильму с широким ее показом в России и во Франции. Ради этого Зинч в составе съемочной группы и прибыл в Петроград, выступая и как администратор, и автор сценарных ремарок. Это была короткая случайная встреча в суматохе тех торжеств, но Лоран мгновенно схватил характер этого московского бонвивана, прожигателя жизни и, как ни странно, совсем не циника, а наивного, простодушного и даже смешного. Зинч на прощание оставил Лорану свою визитку, телефоны, просил звонить, заезжать, останавливаться только у него. Они даже успели накоротке посидеть тогда в ресторанчике, Зинч порядком набрался, успел расхвастаться, за-

нять у Лорана денег, наобещать с три короба и, как водится, все забыть на следующее же утро. За короткое время пребывания в России Лоран успел уже узнать этот тип людей, в общем-то безобидных, продажных, трусливых, готовых ради денег на все и способных на один вечер стать душой залетной компании, верным другом и братом.

Сейчас Лорану и потребовался именно такой человек, он вспомнил о нем, позвонил, назвавшись Жоржем Мамелюком, Зинч после той пьянки вряд ли вообще что-либо помнил, и тем более о том, как звали Лорана и по какому поводу они познакомились. Так оно и оказалось.

Зинч сделал вид, что все вспомнил, ибо одно слово — «Метрополь» подействовало на него магически, он стал кричать по телефону, куда это запропал старина Жорж и что он часто вспоминал их питерские загулы. Лоран не стал прерывать буйную фантазию Зинча, рассказавшего даже несколько занятных эпизодов из их петроградских походов.

— А помнишь, как завалились к Михайловским на Екатерининский канал и ты отбил у меня ту хрупкую брюнеточку, черную розу в бокале золотого, как небо, ай, помнишь?! — орал в трубку Зинч, явно путая его с кем-то или просто на лету придумывая странные эпизоды.

Они договорились встретиться в шесть вечера в «Гранд-отеле».

Лоран в целях личной безопасности приобрел другой вид: завил волосы в кольца, приклеил рыжие усы и рыжеватую испанскую бородку. В результате получился некий Тартарен из Тараскона или взбалмошный профессор гомеопатии или просто городской сумасшедший.

Встретив Зинча, Лоран понял, что тот его не узнал, и успокоился. Киношник вообще ничего не помнил из той петроградской съемки, кроме бюста

императрицы. Он поразил Зинча, как выразился кинодеятель, «своей простотой и изяществом». Они сели за столик, Зинч стал рассказывать о смерти какой-то шведки, актрисы, которая его безумно любила и которую он любил, Зинч даже натурально всплакнул, и Лоран заказал икры и водки. Последнее так обрадовало Зинча, что он даже полез целоваться, но Лоран его остановил.

— Мы должны были два дня назад с ней обвенчаться... — трагически прошептал Зинч. — Мама отдала ей бабушкино обручальное кольцо, была заказана пролетка, кричали пьяными голосами шаферы, а лошади шумно фыркали на морозе...

— Два дня назад было двадцать пять градусов тепла, а снег давно уже сошел, — заметил Лоран.

— Мороз сковал мою душу, Жорж! — ни на мгновение не смутившись, ответил Зинч. — Терял ли ты когда-нибудь самого любимого тебе человека?..

— Не приходилось, — ответил Лоран, не понимая до конца: то ли Зинч все выдумывает, то ли просто разукрашивает явь.

— А для меня жизнь кончена! — трагически обронил Зинч, и глаза его наполнились слезами. Он вытащил платок, отвернулся, и Лоран почувствовал себя даже неловко.

— Я искренне соболезную твоему горю, — проговорил дрогнувшим голосом Лоран. — Мужайся, Володя...

— Жизнь — страшная штука, от нее умирают, — вставил Зинч, сморкаясь в платок. Он сидел, сторбившись, уставясь в одну точку, и Лоран уже подумал, что выбрал совсем неподходящий момент для своей агитации. «Ладно, выпьем по рюмке и разойдемся», — подумал он, невольно погружаясь в мрачное настроение. — Ну все! — Зинч вдруг взбодрился, озорно блеснул глазом и легко расхохотался. —

К черту мерихлюндию! «О нет, мне жизнь не надое-
ла! Я жить хочу, я жить люблю! Душа не вовсе ох-
ладела, утрата молодость свою!..» Все-таки, Жорж, у
вас нет такого поэта, как Пушкин! Нет!..

Зинч прервал свою тираду при появлении офици-
анта, и лицо его засияло восторгом и сладким пред-
чувствием гульбы.

— А с этой шведкой вы давно были знакомы? —
спросил Лоран.

— Ты не поверишь, неделю! — делая бутерброд с
маслом, вспомнил Зинч. — Масла уже месяца три не
ел, а тут у них настоящее масло, такая роскошь! —
Зинч проглотил бутерброд и стал делать себе второй.
И за неделю нас объяла такая безумная роковая лю-
бовь, кстати, наша совместная фильма должна была
так и называться — «Роковая любовь»! Я вложил в
эту фильму все свои деньги и погорел! Я нищий,
Жорж! Смерть унесла в могилу мою любовь и мое
состояние! Я был вынужден продать весь свой гар-
дероб, чтоб хоть как-то покрыть издержки, продать
экипаж, лошадей... А какие у меня были лошади!..

Зинч съел второй бутерброд с маслом и принялся
за сыр. Выслушав слезные сетования по поводу фи-
нансового краха, Лоран ненароком обронил, что
есть возможность быстро кое-что заработать. Зинч
сразу же спросил: какими деньгами? Если рублями
или, хуже того, «керенками», то кому они сейчас
нужны?

— Там платят золотом, царскими червонца-
ми... — сообщил Лоран.

У Зинча загорелись глаза.

— И сколько?..

— Пятьдесят царских червонцев...

— Это совсем неплохо! — согласился Зинч. — А
что надо делать?

— Вступить в одну организацию...

— В какую, Жорж? — разливая водку, спросил
Зинч.

— Она называется «Союз союзников»...

— Что это такое?! — не понял Зинч. — Ну, давай за встречу! — Зинч дружески подмигнул Лорану. — Рад тебя видеть в первопрестольной! Как там Питер, шумит?

— Шумит, — кивнул Лоран.

Они чокнулись, выпили, закусили селедочкой. Зинч заметно повеселел.

— Так что это за «Союз союзников»? — заинтересовался Зинч. — За что дают пятьдесят червонцев?

— Это такая патриотическая организация, которая ставит своей целью освободить Россию от германского закабаления и сделать ее снова союзницей англо-французского блока, миссия благородная и важная, — стал объяснять Лоран.

— Политика! — тяжело вздохнул Зинч. — Тут можно нарваться на неприятности...

— Какие неприятности?! — удивился Лоран. — Левые эсеры входят вместе с Лениным в правительство, но они публично выступают за продолжение войны с Германией. Эта тема не запретная, да и Ленин, насколько я знаю, уже не рад, что связался с немцами и отдал им половину империи. Тут важно пробудить общественное сознание, так сказать, подать свой голос протеста, а кино тоже оказывает воздействие на пробуждающиеся массы...

Зинч налил по второй.

— И что, пятьдесят червонцев только за вступление?! — удивился Зинч. — Так народ валом кинется!..

Они чокнулись, выпили по второй.

— Ну, туда не всех берут, а только по рекомендации, — уклончиво ответил Лоран. — А потом, там надо работать, мой милый! Ездить, мотаться по делам, заниматься агитацией, это тяжелая работа!..

Но Зинч сведения о работе пропустил мимо ушей.

— А кто рекоммендатели? — спросил он.

— Моего слова будет достаточно... — сказал Лоран.

— А ты можешь меня порекомендовать? — загорелся Зинч.

— Порекомендовать могу, — кивнул Лоран. — Но вступление в «Союз союзников» дело сугубо добровольное. Это первое! А второе: туда берут людей, имеющих определенный вес в обществе, положение. Я просто подумал, что такой влиятельный человек, как ты, мог бы стать членом этого «Союза».

— Ты очень верно подумал! — ответил Зинч. — Я согласен! Когда можно будет вступить?

— Да хоть сегодня, — ответил Лоран.

— А деньги когда?!

— И деньги сегодня, — улыбнулся Лоран. — Но ты подумай, это все-таки серьезный шаг, ответственный, ты должен будешь дать клятву, что никогда ни под каким видом не разгласишь свое членство в данной организации и будешь обязан выполнять поручения руководителя своей пятерки...

— А ты тоже там? — спросил Зинч.

— И я тоже, — кивнул Лоран.

— Тогда какие проблемы! — наполняя рюмки, воскликнул Зинч. — За «Союз союзников»!

— Вот этого ты делать не должен! — напомнил Лоран. — Никогда ни под каким видом не разглашать свое членство в организации!

— Тогда выпьем за пятьдесят царских червонцев! — прошептал Зинч. — Они мне совсем не повредят!.. О, как здесь было когда-то весело! — оглядывая полупустой зал, проговорил Зинч. — Икра, шампанское текло рекой, а сейчас кусочек масла — диковинная редкость!

Они выпили. Лоран оглянулся, увидел жгучего брюнета в кожаной тужурке, появившегося у входа в зал и суровым взглядом окидывающего гуляющих.

Несмотря на черные усы и бородку, наблюдатель был молод и зашел в ресторан без определенной цели, но по бесстрастно-повелительному взору Лоран сразу же определил в вошедшем чекиста. Что-то было в их лицах сурово-судейское, возвышающее их над толпой, да еще форменные кожаные тужурки заставляли вздрагивать каждого, кто их замечал, как в далекое время Людовика XIII простолюдины вздрагивали от появления синих плащей гвардейцев кардинала. Сердце Лорана дрогнуло, он с должным почтением относился к Дзержинскому, об уме которого был наслышан, и мог даже предположить, что хитрый поляк был в состоянии предугадать некоторые его ходы. Обнадеживало другое: в этой революционной буче дней, начиненных порохом отчаянной борьбы двух режимов, Дзержинскому не до Лорана, и месяца три-четыре можно гулять спокойно.

Зинч перехватил взгляд Лорана, тоже увидел чекиста и неожиданно поднялся, замахал руками, зовя одиноко стоящего на пороге кожаного инквизитора за их столик. Лоран даже не мог предположить такого развития событий. Это никак не входило в его планы и грозило разрушить весь маскарад вечера.

— Это Яша Блюмкин, свой парень! — заметив растерянность Лорана, успокоил его Зинч. — Он мой друг, большая шишка! — по секрету сообщил Зинч. — Начальник отделения по борьбе с международным шпионажем в ВЧК, мы с ним пару дней назад здорово надрались у Грындина. Я его на себе до гостиницы тащил!..

— Яшуня! — Зинч облобызал Блюмкина, усаживая за столик и наливая ему водки. — Познакомься, Жорж, мой друг! А мы тут сидим размышляем о делах, думаем, где бы деньгами разжиться, и вдруг Жорж мне говорит...

— Прибывшему полагается штрафная! — чувствуя, что Зинч сейчас все выболтает и подведет его

под монастырь, перебил киношника Лоран, бросив на него суровый взгляд.

— Да, штрафная! — зарычал Зинч. — Яшуня! — хлопая по плечу чекиста, радовался киношник, ухватывая строгий взгляд Лорана и мгновенно переключаясь на новую игру, засуетился Зинч.

Они познакомились, выпили за знакомство и за встречу. Блюмкин был немного смущен, он вовсе не рассчитывал оказаться в этом некогда роскошном логове старой буржуазии, где обычно проматывали состояния дворяне, так ему рассказывали. Но к восьми часам зал ресторана все же наполнился. Дым от папирос плавал над столиками, суетились официанты, еле успевая откликаться на призывные жесты новых клиенты, среди которых еще можно было увидеть людей в смокингах и белых манишках. Но они вели себя тихо, пугливо оглядываясь вокруг и наблюдая за плечистыми матросами в бушлатах, горланящих «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», и странными военными без погон и знаков различия, но в гимнастерках и полувоенных френчах.

В дымном зале еще можно было увидеть женщин с обнаженными плечами и в мехах, но и они в тени старых пальм в кадках казались белыми воронами. Чаще попадались дамочки неопределенного возраста в пестрых одеждах, залетевших в этот зал по прихоти богатых кавалеров. Они громко смеялись, стараясь держаться легко и непринужденно, и лишь по печальному взгляду старого метрдотеля можно было понять, сколь тяжело ему смотреть на эту потерю внешнего блеска и порядка. Раньше он бы ни за что не пустил в этот зал наглого чернявого чекистика в его кожаной куртке и старых, разбитых сапогах, но ныне он лишь почтительно посторонился.

Блюмкин заглянул в зал из простого любопытства: ему хотелось узнать, своими глазами увидеть тех, кто смеет веселиться в столь трудные времена для

молодой республики? Но, увидев жадно и аппетитно жующих, он вдруг отчаянно захотел есть и обрадовался призывному жесту Зинча. Кинодеятель выглядел шикарно, как и подобает завсегдатаю таких злачных мест, в черном смокинге и бабочке. Да и его приятель Жорж в клетчатом пиджаке и ярком галстуке походил на заграничного гастролера. А тут еще на маленькой эстраде появились два скрипача и пианист, заиграла музыка, и зал ожил, забурлил, точно все ждали этой минуты.

«Ничего, еще не вечер, — стараясь не конфузиться и держаться на равных с Зинчем и Жоржем, пробормотал про себя Блюмкин. — Еще не вечер!..»

3

Лоран, чутьем ухватывая, сколь выигрышно может быть это неожиданное знакомство, тотчас подозвал официанта.

— Может быть, икорки найдешь? — попросил Лоран.

Официант, молоденький парень с соломенными кудряшками оглянулся и что-то шепнул на ухо Пьеру.

— Ну конечно! — сказал Лоран.

Официант уже хотел бежать за икрой, но Пьер остановил его, заказав еще бутылку водки и разносолов. Через десять минут стол ломился от закусок, а посредине возвышалась чаша с красной икрой. Зинч посмотрел на нее, и его прошибла слеза.

— Вот это я люблю! — воскликнул он. — Жора, ты настоящий друг и умеешь понимать тонкую натуру художника, которая не терпит оков презренного металла! — наполняя рюмку Блюмкина, выпевал киношник. — Друзья! — Зинч поднял рюмку. — Выпьем за то, чтоб весь мир погрузился в бурю революций, чтоб все человеческие расы перемешались, как во времена Вавилона, но чтобы дружба и сердечная страсть оставались такими же, как на заре человечества, — чистыми, бескорыстными и святыми!

— Хорошо сказано! — восторженно проговорил Блюмкин. — Дай я тебя поцелую!..

Они поцеловались и выпили. Лоран исподволь рассматривал Блюмкина, обнаруживая, сколь молод

и неопытен этот новый начальник комиссии, кофейные глаза которого горели уже лихорадочным блеском. «Ему, пожалуй, и двадцати еще нет», — подумал Лоран. Он чувствителен, романтичен, самолюбив, и потребовалась чья-то серьезная протекция, чтобы его сразу назначили в ВЧК начальником отделения. «Чей же это, интересно, любимец?..» Скорее всего, он не из ленинской компании. Значит, левый эсер, лишь они еще занимали кое-какие посты в правительстве и ВЧК. Протеже Александровича?.. Голубовского?.. Или самой Спиридоновой?..

— А вы тоже артист? — спросил Лорана Блюмкин.

— О, я научный червь! — улыбнулся Лоран. — Да и кто отважится вступить в творческий поединок с господином Зинчем! Он великий импровизатор, его ведет вдохновение, он неподражаем!

Зинч был растроган этим неожиданным комплиментом.

— Мы с Жоркой уже лет двадцать знакомы! — радостно улыбаясь всем лицом, неожиданно проговорил Зинч. — Я даже не обиделся, когда он соблазнил девушку, за которой я ухаживал три года и на которой хотел жениться! А как ты думаешь почему?!.. — спросил Зинч у Блюмкина.

— Потому что вы друзья, — улыбнулся Блюмкин.

— Правильно! — наполняя рюмки, воскликнул Зинч. — По этому поводу есть тост! Вот за этого скромного лешего в клетчатом пиджаке французского покроя! За его научными кольцами, — Зинч ткнул в завитки Лорана на голове, — и дурацкой, словно приклеенной бородкой кроется нежное сердце влюбленного! Дай я тебя поцелую, радость моя!

Пришлось поцеловаться прямо в губы. Этот тост немного вывел Лорана из себя. Непредсказуемость Зинча была настолько рискованной, что Лоран решил попросту накачать его водкой. Другого спо-

соба остановить эту буйную фантазию просто не было.

На эстрадной площадке появилась немолодая певица в черном облегающем платье и в белой кружевной накидке. Пронзительно вступили скрипки, выводя первые аккорды старого романса «Ямщик, не гони лошадей». Густой, низкий голос певицы заставил поутихнуть шумных морячков, встрепенулся Зинч, он на мгновение умолк, и взгляд его притуманился.

Лоран, воспользовавшись паузой, стал осторожно выспрашивать Блюмкина о его революционном прошлом. Чекист оживился, начал рассказывать, как воевал на Украине против немцев, совершая отчаянные рейды в их тылы, и как пруссаки боялись его знаменитого отряда, прозванного «Железный». Яков с упоением говорил о лихих ночных атаках, об отваге и смелости своих бойцов и о своей ненависти к немцам. Лоран слушал его раскрыв рот, подзадоривая молодого героя и постепенно осознавая, что невольно встретил того, о ком пару дней назад толковал с Нулансом: вот он, сидит перед ним, отважный революционер-романтик, сотрудник ленинской карательной комиссии, для кого Мирбах — вражеский посол, несущий России боль и страдания. «Такой и убьет во имя идеи», — подумал Лоран.

— За войну с немцами до победного конца! — неожиданно провозгласил свой тост Яша, и Лоран был готов его расцеловать, но за него это сделал Зинч, который уже медленно, но верно напивался.

— У Яши отряд назывался «Стальной»! — вставил Зинч.

— «Железный», — поправил Зинча Яша. — Это были лучшие годы!

— Вот он с нами, неизвестный герой, о котором никто еще не знает в этом зале!.. — Зинч уже хотел подняться, чтобы всем выкрикнуть тост о подвигах своего друга, но Блюмкин его усадил обратно.

— Обо мне знают, — сказал Яша, — не надо! Дама романс поет, а ты ее прервешь!

— Это мой любимый романс! — воскликнул Зинч.

— Яша, а много немцев положили? — переводя разговор, спросил Лоран.

— Я не считал, но десятка четыре на моем счету есть... — не без гордости сказал Блюмкин.

— Говорят, немцы жутко зверствуют на Украине? — вздохнул Лоран.

— И это есть, — кивнул Яков. — Я видел, целую семью расстреляли... Старуху лет семидесяти и пятерых детей... Лишь за то, что она прятала наших раненых... Две девочки лет по пять, глаза синие-синие и смотрят на тебя так, что... — Блюмкин осекся, замолчал, неподвижно глядя перед собой.

Даже Зинч умолк, пытаясь изобразить страшную ненависть на своем лице.

— Не хочу об этом! — Блюмкин махнул рюмку, лицо его посуровело, задергались желваки под смуглой кожей.

— Помянем души невинно убиенных! — предложил Лоран, наполняя снова рюмку Блюмкина.

Они выпили, расторопный официант, приветливо улыбаясь Лорану, принес на горячее котлеты с тушеной капустой. Котлеты были наполовину с хлебом, а капуста припахивала бочковой плесенью.

Лоран помнил ресторан «Гранд-отеля» два года назад, в шестнадцатом, когда приезжал в Москву налаживать московскую агентурную сеть. Те же крепкие швейцары стояли у дверей с белыми седыми бородами в длинных ливреях, расшитых золотой нитью, отдавая почтенные поклоны входящим. В тот вечер этот зал гудел как улей, столы ломились от осетров и икры, развесистые пальмы в кадках укрывали своей листвой красивых женщин с загадочными взорами с нитками жемчуга на тонких шеях и алмазными подвесками. Ближе к полуночи зажглись

лампы и пестрой красно-желтой толпой в зал вошли цыгане, шумно двигаясь меж столиками и гортанно выкрикивая знакомые имена. Ударили гитарные струны, и ворвалась заздравная песнь с огневой цыганской пляской по кругу, с бренчанием монист, заламыванием рук, игрой плеч, выкриками и чечеточным перестуком каблуков. Выскочили подвыпившие купчики, пускаясь в этот танцевальный вихрь, посыпались деньги, оглушительно застреляли пробки шампанского, и весь зал точно ожил, ресторанный гульба началась. И женский смех, и пьяные выкрики, и звон бокалов, и дым дорогих сигар, и сияющие лица снующих официантов — все играло, как в большом оркестре, свою партию ночного праздника.

А теперь лишь слабая тень его колеблется на стенах, еще те же хрустальные графинчики с водкой на столах, те же расписные фарфоровые блюда, на которых хлебные котлеты и вонючая капуста. «Это надо было большевикам?» — усмехнулся Лоран.

— А я Мирбаха вчера арестовал! — неожиданно проговорил Блюмкин, и Лоран даже вздрогнул от неожиданности.

— Графа Вильгельма? — усмехнулся он.

— Ну зачем трогать посла, — усмехнулся Блюмкин. — Пусть посол пока спит спокойно. — Блюмкин не спеша вытащил пачку папирос, закурил, вальяжно держа паузу и выпуская густое облако дыма. — Я арестовал Роберта Мирбаха, его дальнего родственника, бывшего военнопленного австрийской армии...

Лоран подумал: и это хороший знак, надо только подумать, как им воспользоваться.

— Он все-таки ее отравил! — со слезами в голосе воскликнул Зинч. — Мою девочку!..

— Это твою возлюбленную шведку? — уточнил Лоран, вспомнив монолог Зинча про великую любовь.

Повисла пауза. Блюмкин бросил странный взгляд на Зинча, а последний мгновенно отрезвел.

— Чью возлюбленную? — не понял Зинч.

— Но ты же сам мне рассказывал, — стал объяснять Лоран, но Зинч его перебил.

— Ты все перепутал! — испуганно выкрикнул Зинч. — Да я рассказывал тебе про свою Софочку Велицкую, как я был влюблен, что даже хотел поменять свое холостяцкое житье на коммунальную жизнь вдвоем, а потом рассказал про роковую смерть шведки и как я на ней разорился. Ты все перепутал, Жора!..

Лоран понял, что в порыве искреннего хвастовства Зинч сочинил историю, которую сочинять было бы не надо, и теперь попал впросак. Вот и выручай теперь сочинителя.

— Да, все правильно, ты же про Софочку мне романсы пел! — махнул рукой Лоран. — Я, как всегда, все перепутал... А что, эту шведку Мирбах на тот свет отправил? — заинтересовался Лоран, стремясь перевести разговор на другую тему.

— Я не знаю, сегодня ночью буду допрашивать, — самоуверенно заявил Блюмкин, докуривая папиросу и принимаясь за мясо. — Скользкий тип, все время крутит, словно скрывает что-то серьезное. Сначала вообще отрицал свое всякое знакомство со шведкой, потом сознался, что был знаком, а когда я горничную ему притащил, которая видела, как они целовались, и устроил им очную ставку прямо в номере, то эта оглобля Мирбах, он метра два, не меньше, чуть не заплакал от такого разоблачения, стал кричать, что он ее любил, это его личное дело. Истеричен, как баба... Я велел ему хорошенько подумать, но полагаю, что сегодня он расколется, — твердо сказал Блюмкин.

— Вам сегодня всю ночь еще работать?! — удивился Лоран.

— Вообще-то по ночам у нас лишь оперативные группы работают да дежурные, — пояснил Блюмкин, — допросы не практикуются, но и не запрещаются. Но я тут обратил внимание на одну тонкость, совсем случайно заметил: днем подозреваемые чувствуют себя более уверенно, они даже могут тебе хамить, отстаивать свои права, угрожать всякими жалобами, а ночью словно все меняется, они делаются жалкими, беспомощными, боязливыми, и можно брать их голыми руками!..

— Психолог Иван Павлов! — восхищенно выкрикнул Зинч и полез целоваться с Блюмкиным.

Опасность отступила, и Зинч снова чувствовал себя в своей тарелке. Лоран тотчас отметил эту черту: стремительную боязливость, почти панику, когда кинодеятель попадает даже в пустяковый переплет, как с этой актрисой. Он делал это почти бессознательно, как нормальный профессионал, отмечая те важные человеческие черты характера, которые ему могут пригодиться в дальнейшей работе с этими людьми. Блюмкин вел себя более осторожно, но и он был простак, из него так и лезло это желание раздуться, показать себя более весомым и всемогущим, выйти в герои. При желании из него можно вытянуть всю секретную информацию о работе ВЧК, но Лорану это было не нужно. Он и без того знал больше Блюмкина. Из ста двадцати сотрудников чрезвычайки лишь человек пять были профессионалами. Самого Дзержинского назвать таковым можно было только по одной причине — он прошел крепкую школу революционной конспиративной работы, работал с охранкой, умел уходить от нее, был на каторге, в тюрьме, а этот опыт стоит немало. У остальной группы «условных профессионалов», как называл их Лоран, был примерно схожий опыт плюс некоторые врожденные, как у Петерса и Лациса, человеческие навыки, пригодные для такой работы: огромная выдержка, природная

молчаливость, отвага, напористость, честность и мужество.

Блюмкин в это лорановское число пока не входил. Да и откуда было взяться профессионалам, если сам большевистский принцип предполагал: «разрушим все до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим». Никто из лорановского руководства полгода назад даже помыслить не мог о том, что строчка из песни станет основой нынешней ленинской стратегии. Яша мог быть талантливым портным или газетчиком, а тут вдруг — контрразведка. «Впрочем, сумасшедшим иногда везет», — заметил про себя Лоран.

Они засиделись допоздна, Лоран угостил всех мороженым, а напоследок выпили бутылку кахетинского вина, отчего Зинч уже плохо держался на ногах.

Вышли все вместе. Майский вечер был на редкость светлый и теплый. Светила полная луна, еще отгорали зарницы, и они не спеша отправились провожать Блюмкина на Большую Лубянскую, 11, где находилось здание ВЧК. Но на полдороге Яша раздумал допрашивать Мирбаха и предложил зайти к нему, у него была пара бутылок реквизированного, как он выразился, вина, и коли такой чудесный вечер, то грех его тратить на «гнусные души всяких Мирбахов». Последнее выражение очень понравилось Лорану, он тотчас его поддержал, а Зинч, уже не высказывая никакого согласия, попросту плелся за ними.

В «Элите» Лоран купил у швейцара две бутылки шампанского, и они поднялись к Блюмкину в номер. Зинч, увидев шампанское, внезапно проснулся, стал выкрикивать один и тот же лозунг: «Мирбахов к справедливому суду! Да здравствует любовь!» А когда Лоран наполнил бокалы шампанским, Зинч высунулся в окно и заорал: «Люди, я вас люблю!» Лоран с Блюмкиным еле оттащили его от

раскрытого окна, не зная, как утихомирить разбушевавшегося кинодеятеля. К Блюмкину неожиданно пришла идея: он достал из шкафчика флакончик со спиртом, который держал для всяких медицинских надобностей, смешал в бокале пятьдесят на пятьдесят с шампанским и дал выпить Зинчу. Последний махнул не глядя, но, почувствовав крепость, выпучил глаза и задыхался, как рыба. Но еще через секунду эта гремучая смесь так ему понравилась, что он затребовал еще и вылакал таким образом весь флакон, а в нем было сто пятьдесят граммов чистого спирта. Но после такой дозы язык у Зинча стал заплетаться, а еще через секунду он уже сопел в кресле, откинув голову назад. Лоран обещал, уходя, забрать бедолагу, он жил совсем рядом, на Петровке, 17, — это была одна из явочных квартир Лорана, он не хотел везти Зинча в «Гранд-отель», где проживал под фамилией Добровольского, — местожительства Зинча они не знали, а Блюмкин в девять убежал на работу.

Допив шампанское, Блюмкин выставил на стол две бутылки красного вина «Саперави», терпкого и душистого, они выпили и его, закусив сыром и хлебом, как делают все на юге. Блюмкину хотелось выговориться, и Лоран не стал ему мешать, он умел быть внимательным и благодарным слушателем.

Еще через час Лоран знал о Блюмкине почти все, что можно узнать о жизни двадцатилетнего паренька: бедная еврейская семья на Молдаванке в Одессе, четырехклассное училище, уличные университеты, революционные экзамены — стихия подпольной борьбы увлекла Блюмкина еще и потому, что ему, робкому, стеснительному мальчику, которого, несмотря на бедность, мама не выпускала на улицу без носочков и чистого носового платка, не давали прохода уличные задиры и колошматили почем зря, поэтому Яша и решил примкнуть к революционной организации, дабы найти защиту и управу на своих

обидчиков. И нашел. И вскоре его не только не трогали, но встречали с ласковым уважением, а еще через несколько месяцев, когда брючный карман отяжелел от револьвера, он уже мог диктовать свои правила и уличной шпане, используя ее на посылках и шухере.

— Это был мой час победы, когда я мог не задумываться, в какое время я прихожу домой и какая погода торжествует на улице и в моем дворе. Меня зауважали, а уважение в Одессе всегда стоит дороже твоего кошелька и шляпы. При встрече со мной шпаненки заискивали и готовы были услужить. Вот с чего для меня началась революция, и мог ли я изменить ей?..

Кофейные глаза Яши увлажнились при воспоминании о родном городе, где остались родители, братья и сестры, которые конечно же теперь гордятся своим сыном и братом: он в столице, на хорошей должности, да еще у власти. Но у него разрывалось сердце от отчаяния, стоило ему лишь подумать, что Малороссия, Украина, стонала под немцами, и он ничего не мог сделать, чтобы защитить своих близких, не мог отомстить своим врагам, которые унижали его родных. И его партия левых эсеров тоже так считала. Поэтому, если партия прикажет, он, не не задумываясь, отдаст за нее свою жизнь.

Лоран внимательно слушал Яшу, восторженно глядя на него и всем своим видом как бы подбадривая его в этих мыслях, и Блюмкин, чувствуя эту поддержку, еще больше расцветал, ощущая себя если не властителем мира, то, по крайней мере, не самым ничтожным его винтиком.

Они снова выпили. Лоран понимал его состояние. В шумной и многолюдной Москве Яша был одинок. Не имея здесь ни родных, ни друзей, ни дома, общительный и компанейский, Блюмкин тяготился этим одиночеством и с радостью откликался на любое приглашение в любую компанию, лишь бы

быть на людях. Лоран, которой из своих сорока двадцать лет провел вдали от дома, хорошо его понимал. Он знал и другое: в двадцать лет каждый мечтает о великих свершениях, и сейчас было важно убедить Блюмкина в том, что убийство Мирбаха таким великим актом и сможет стать в его жизни. Опыт разведчика подсказывал Лорану, что, имея подходящего фигуранта, никогда не стоит спешить. Его работа чем-то напоминала тяжелый труд скульптора: взять подходящую глыбу мрамора и отсечь все лишнее, но помимо этого необходимо было вдохнуть в новое изваяние и собственное дыхание, это усложняло и немного удлиняло весь процесс. Блюмкин оказался на редкость податливым материалом. Лоран впитывал каждое его слово, как восторженный школьник, распаяя его натуру и заставляя полюбить себя. И к концу этого майского утра он почти добился своего. Прощаясь, они крепко обнялись и расцеловались. Еще через секунду Лоран вернулся, Яша бросился к нему, как нежный друг, но Лоран вернулся за Зинчем, объяснив, что лучше будет, если он заберет его, у Яши завтра трудный день. Лорана же заботило совсем другое, он боялся, что Зинч может наболтать лишнего.

Блюмкин был искренне тронут, и они снова расцеловались, пообещав, что завтра или послезавтра обязательно встретятся. Лоран записал рабочий телефон и клятвенно заверил Яшу, что завтра обязательно позвонит.

Зинч еле полз, бормоча что-то несвязное, и Лорану пришлось буквально на себе вытаскивать кинодеятеля из гостиницы. На их счастье, рядом стоял заспанный «ванька», и Лоран с помощью возницы не только довез Зинча до своего дома, который находился в сорока метрах от «Элита», но и втащил его на второй этаж, где находилась большая, обставленная старой мебелью явочная квартира Лорана.

Уложив Зинча на старый диван в кабинете, Лоран опустил на окне легкие бамбуковые шторы — это был условный знак, что он находится здесь, на тот случай, если он кому-то срочно понадобится: тому же Нулансу или своим агентам. Светло-желтые, из легких бамбуковых палочек шторы хорошо просматривались издалека.

Эта старая московская квартира с длинными коридорами и тремя большими комнатами, с лепным высоким потолком ранее принадлежала известному не только в московских кругах, но и в Европе профессору химии Андрею Валентиновичу Криштулу. Он в числе разных своих научных проблем занимался и химическим оружием, поэтому и попал в поле зрения Лорана, которому понадобилось полгода, чтобы его завербовать. И тут опять помог случай: у профессора неожиданно умерла жена, а Лоран, уже будучи знаком с ним, принял самое живейшее участие во всех горестных церемониях, взяв на себя все расходы и даже придумал эскиз памятника на могиле некогда горячо любимой жены.

Они сблизились, если не сказать больше: подружился, проводя вместе выходные, потом Лоран снова уехал в Петроград, выгтащив туда и профессора, который весь свой летний отпуск провел у них с Таней в Куоккале. Криштул был старше Лорана всего на пять лет, и оба не чувствовали возрастной разницы. Профессора не смущало и то, что Лоран француз и военный, хотя он был обязан докладывать о знакомствах такого рода. Но в случае с Лораном он первый пошел на нарушение правил, и это дало Лорану право в минуты дружеских откровений предложить Андрею тайное сотрудничество, объяснив все его выгоды. Профессор попросил неделю на размышления. Лоран поначалу даже испугался, хоть и знал, что доносить его друг-химик не побежит. Лоран испугался другого: будучи не в силах переступить через свои моральные принципы, а они у Анд-

рея Валентиновича были, он просто покончит с собой. Но через неделю профессор согласился, и сразу же после революции они почти вместе уехали за границу. Лоран в Париж, а Криштул пока в Швейцарию, где ему для работы была подготовлена небольшая лаборатория и восемь человек сотрудников.

Криштул взял из дома лишь смену нижнего белья, пачку семейных фотографий — родителей, жены, сына, погибшего в начале пятнадцатого, старые, разношенные тапочки и томик Чехова. До приезда Лорана в Москву в квартире жил его ученик с женой, но Андрей упросил Лорана переправить их к нему. Работа у него пошла успешно, лаборатория расширилась, потребовались новые специалисты, и Лоран помог молодой чете химиков сбежать от большевиков. Так появилась у Пьера эта квартира. Была даже оформлена доверенность на Ефима Петровича Добровольского как временного распорядителя жилплощади на время научной командировки профессора Криштула якобы на Урал и Дальний Восток. Но Лорану было тяжело жить в доме, хранящем следы прежних хозяев, он лучше чувствовал себя в гостиницах, поэтому и перебрался в «Гранд-отель», используя эту квартиру для тайных встреч и свиданий.

Над Москвой вставал рассвет, пахло черемухой и стояла пьянящая гулкая тишина. Лоран еще целый час не мог уснуть, взволнованный и неожиданной встречей с Бломкиным, и возвращением памятью к Андрею Криштулу. Единственное, что отравляло эти нежные утренние часы, — дурацкие наклейки, которые он не мог снимать из-за Зинча. Они кололись, и пощипывало кожу под ними. Как он будет их отдиравать завтра?

По этой же причине будут затруднены и встречи с Бломкиным. Не будешь же каждый раз гримироваться, да это и опасно. Поистине не знаешь, где

найдешь, а где потеряешь, как говорят в России. Он хоть и старался пить немного, но все равно перебрал. Наутро будет болеть голова, но у него есть в этой квартире бугылочка хорошего коньяка.

Уже засыпая, погружаясь в знобкие волны сладостного Морфея, он вдруг поймал себя на той мысли, что думает о Тане. Он часто думал о ней, ему не хватало ее молчаливого детского взгляда. Она все же о чем-то догадывалась, но никогда не задавала лишних вопросов. Это удивительно. Что же она подделывает в эти утренние часы?.. Спит и видит сны?.. Кабы знать...

Часов до десяти утра Зинч не только не мог проснуться, но даже открыть глаза. Лоран расталкивал его, кинодеятель мычал что-то невразумительное и тут же засыпал. Не помог и ковш холодной воды в лицо: Зинч только расплылся в блаженной улыбке. Тогда Пьер стащил его с постели, отхлестал по щекам, влил в него поллитровую банку огуречного рассола из старых еще запасов профессора и окунул в тазик с водой. Очухавшись, Зинч с недоумением стал озираться кругом — Лоран постелил ему в кабинете, уставленном стеллажами с книгами, гипсовыми головами Сократа, Шекспира и Ньютона и тысячами всяких безделушек, которые собирались, накапливались десятилетиями, а в этой квартире жили еще родители Андрея Валентиновича, отец которого считался светилом естественных наук и заведовал кафедрой в Московском университете, поэтому на полках было много засушенных жуков: от больших африканских, величиной с мышь, и всяких мелких, заботливо помещенных под стекло. Жуки были роковой страстью отца Андрея, и последний просил в случае отъезда Лорана позаботиться об этих коллекциях и передать их в музей или школу. Книги, даже редкие, можно переиздать, а вот некоторых видов жуков в природе уже нет и не будет.

Отдельно в небольшой стеклянной коробке были собраны разноцветные мелкие жучки — красные, синие, перламутровые, зеленые, всех цветов и оттен-

ков; коробочку украшали засохшие травинки и листья, среди которых как на выставке, радовали своим разноцветьем эти божьи букашки. Вся коллекция смотрелась как виртуозное объемное живописное полотно, разглядывать которое доставляло Лорану немислимое наслаждение.

Пьер сказал Зинчу, что затащил его на квартиру друга, который временно в отъезде. Когда кинодеятель пришел в себя, Лоран напомнил ему о пятидесяти золотых червонцах и «Союзе союзников». Зинч тотчас под диктовку Лорана написал заявление о вступлении в эту организацию, о том, что он до последнего дыхания готов драться с германским милитаризмом и его приспешниками, выполнять все приказы командира своей боевой пятерки, хранить тайну и обязуется принести клятву на верность этой организации, а если он нарушит эту клятву, то будет готов безропотно принять смерть.

— Смерть... — повторяя за Лораном каждое слово, старательно написал Зинч на листе бумаги и недоуменно посмотрел на Лорана. — Какую смерть? — переспросил он.

— Обыкновенную, — сказал Лоран. — За нарушение клятвы тебя ждет смерть.

— И что это будет? — не понял Зинч.

— Тебя убьют.

— Кто убьет?!

— Какая разница? — пожал плечами Лоран. — Фейхис или Олсуфьевский, кто-нибудь из пятерки.

— Зачем?! — не понимал Зинч.

— Затем, что ты нарушишь клятву, донесешь или просто разболтаешь о ней Блюмкину, подставишь под удар всю организацию, последуют аресты ее членов, поэтому тебя, как предателя, нарушившего клятву, убьют, — объяснил Лоран.

— А-а, ну понятно, — кивнул Зинч. — Не надо болтать!

— Что за тобой водится, поэтому выбрось из головы даже самую мысль, что ты куда-то вступишь!..

— Это запросто! Уж кто-кто, а я умею хранить тайны! — воскликнул Зинч. — А денежки когда будут?

— Поставь число и подпись! — подсказал Лоран.

Зинч расписался и снова стал смотреть на Лорана.

— У меня все-таки создается ощущение, что ты вступишь в эту организацию из-за денег! — вздохнул Лоран.

— А что такое?! — не понял Зинч.

— А то, что формальные члены нам не нужны, нам нужны идейные, сознательные бойцы! — рассердился Лоран. — Вот в твоей пятерке трое отказались даже от денег, а один взял лишь пять тысяч. Потому что они в сердце несут ненависть к немцам и всей душой хотят их поражения в этой войне, а ты, по-моему, даже не понял, куда вступаешь! Лишь бы схватить деньги и снова помчаться в «Гранд-отель»!..

— А вчера славно посидели!.. — заулыбался Зинч.

— Я тебе о деле говорю! — рассердился Лоран.

— Да я готов... — горячо начал Зинч.

— Отказаться от денег? — поймал его Лоран.

— Ну не совсем! — нахмурился Зинч. — Для многих деньги, быть может, не являются предметом первой необходимости, а у меня мама-старушка, ей надо помогать, да и самому поддерживать форму. Я еще не женат, мне надо думать о подруге жизни, да мало ли зачем человеку нужны деньги?!..

Лоран сурово молчал, стоя у окна.

— Ну хорошо, я готов отказаться от пятидесяти червонцев и взять сорок, но это мое последнее слово! — категорически сказал Зинч.

Лоран торговался не от хорошей жизни. Нуланс, оплачивая его авантюры, постоянно ворчал об экономии, и даже по поводу этих двадцати он разразит-

ся страшной бранью: страна гибнет, Отечество в опасности, народ голодает, ест одну спаржу и бульоны, Нуланс все это втолковывал Лорану, поглощая бараний бок, нашпигованный чесноком, — а он позволяет себе бросать сотни тысяч франков на ветер. Лоран взрывался, кричал, чтоб тот сам искал агентуру, оплачивал все тайные операции, а он подает прошение об отставке и готов уехать тотчас на фронт. Все, с него хватит. Лоран даже выскакивал из-за стола, бежал в прихожую, надевал плащ, но прибежал Нуланс, выхватывал плащ, орал, чтоб он не устраивал истерик, и шел на место — к пиршественному столу с печенкой, бараньим боком и анчоусами, Лоран еще некоторое время дулся, стоя в коридоре, но потом возвращался, они мирились, пили на брудершафт, а малыш Жан-Люк с бесстрастным лицом, сидя рядом за столом, растирал яичные желтки для крема. Нуланс еще обожал сладкое.

Не ругаться Лоран не мог. Эта идиотская крестьянская скупость Нуланса выводила из себя Лорана. Он понимал всю сложность положения президента и правительства, сам был готов сидеть на голодном пайке, но любое дело требовало затрат, и без них его не свершишь.

Из сорока червонцев, предусмотренных договором, Лоран выдал двадцать. Зинч возмутился. Но Пьер показал ему седьмой пункт обязательств, где говорилось, что остальная часть будет выплачена через три месяца, если вступивший в «Союз союзников» станет активным его членом и будет справляться с возложенными на него поручениями.

— Это же не милостыня, друг мой, — разъярял Зинчу Лоран. — «Союз союзников», понимая, насколько серьезна и опасна будущая работа, как бы готов помогать его членам некоторыми денежными суммами, но при этом учитывается, что человек

вступает в этот «Союз» добровольно, по зову сердца... Я надеюсь, ты так сейчас и поступаешь?..

— Нет, ну конечно... — огорченно промямлил Зинч, — я по зову, но ты ничего не говорил про эти три месяца...

— Ты раздумал вступить в «Союз»? — спросил Лоран.

Зинч молчал, облизывая пересохшие губы, и мутными глазами смотрел на пустую банку из-под огуречного рассола. Лоран сжалился и налил ему рюмку коньяка. Зинч быстро выпил, и через несколько секунд глаза его заблестели.

— Если ты раздумал, мы разрываем договор, а ты возвращаешь деньги, — предложил Лоран. — Согласен?

— Нет, я согласен, то есть я не раздумал! — твердо заявил Зинч. — Налей еще рюмочку!..

Он выпил еще две рюмки, завелся, хотел уже бежать за водкой, но Лоран замахал руками: у него дела. Втолковав напоследок всю серьезность принятого им шага, категорически запретив даже упоминать о нем, о самом «Союзе», о клятве, деньгах, квартире, где он ночевал, Лоран выпроводил Зинча, пообещав, что с ним свяжутся. Просто придет человек и скажет: «Я из общества красных агитаторов, мы бы хотели попросить вас рассказать у нас в обществе о ваших новых фильмах». И Зинч дальше должен выполнять все, что поручит ему этот человек. Володя несколько раз повторил фразу-пароль, заверив Пьера, что запомнил ее на всю жизнь, и с тем ушел. И вовремя, потому что спустя полчаса раздался условный стук в дверь и появился латыш. Это был Бирзе, один из верных агентов Лорана. Он работал в военной разведке у Троцкого и являлся одним из незаменимых людей Лорана, с которым Пьер работал уже несколько лет. Бирзе была его кличка. По документам в Военконтроле его знали как Круминыша Яниса Арвидовича.

За эти полчаса до прихода Бирзе Лоран все же успел вымыть голову, чтобы разгладить эти дурацкие кудряшки, снять усы, бородку и предстать в своем прежнем облике. Сдирать усы и бородку пришлось со слезами. Под ними уже выросла щетина, и отрывать было больно: клей оказался на редкость хороший.

Небольшого роста, крепкий, энергичный Бирзе был ценнейшей находкой Лорана, особенно сейчас, когда в ленинском аппарате на латышах держалась вся охрана и разведка. Он мог работать по двадцать четыре часа в сутки, проявляя порой чудеса изобретательности, когда требовалось получить секретнейшую информацию из Кремля.

Лоран сварил крепкий кофе, налил Бирзе рюмку коньяка, Бирзе больше не позволял себе лишнего по части спиртного, да и к коньяку прибегал лишь в исключительных случаях, чтобы взбодриться.

Бирзе рассказал подробности ареста членов московской организации Савинкова «Союз защиты родины и свободы». Арестованный юнкер Иванов выдал всех, кого знал, больше того, он сообщил, что организатором московского «Союза» является Альфред Пинка. Во время облавы в Москве его не было, он ездил в деревню к родным и вчера во время возвращения из деревни был взят засадой чекистов у себя дома. К сожалению, Бирзе узнал обо всем только сегодня утром. Пинку уже начали допрашивать, он пока держится, но особенных надежд питать не стоит, Петерс с Лацисом люди изобретательные, тоже латыши, и они смогут его расколоть. Бирзе уже предупредил кого мог, чтобы те по цепочке передали дальше, но свернуть всю организацию за день или два невозможно. Тут они сами не продумали срочных мер на такой случай.

Лоран помрачнел. Это был мощный удар по организации, которая имела свои центры в Казани и Ярославле. Бирзе сообщил, что уже провалены явки

в Милютинском переулке, в Троицком, в Молочном, на Остоженке, где находился Главный штаб, на Большой Николаевской и даже на даче по Нижегородской железной дороге.

Пинка и другие хорошо знают его и Бредиса. Но Бирзе всем показывал свою берлогу на Дмитровке, где он изредка появлялся, используя этот адрес для конспиративных встреч, а его настоящую квартиру никто не знает, поэтому за нее можно не опасаться.

— Кто знает о твоей работе в Военконтроле? — спросил Лоран.

— Один Бредис, но его пока не взяли...

— Где он?

— Должен был уехать в Казань, а потом в Пермь для организации разведки из бывших немецких и австрийских военнопленных, так что вернется не скоро, — успокоил Лорана Бирзе.

Лоран помолчал, обдумывая создавшееся положение.

— И все-таки, я думаю, тебе надо уезжать из Москвы! — сказал Лоран. — Переберешься в Швейцарию, а там посмотрим. Одолеем немцев под Парижем, переедешь туда...

— Пока особой опасности я не вижу! — возразил Бирзе. — Все знают меня как анархиста, Дзержинскому и в голову не придет искать меня в Военконтроле, да еще под фамилией Круминьша! Пронюхает и это, возьму русскую фамилию, стану закройщиком в нашей конторе по пошиву верхней одежды! Но бежать, как заяц, при первой опасности, согласишься, Пьер, это нелепо... Надеюсь, ты не сомневаешься, что, даже если меня возьмут, я не скажу им ни слова!

— Я не сомневаюсь, — мрачно вздохнул Лоран. — Но вот этого я и не хочу!

— И не будет! — весело отозвался Бирзе. — Перед приходом сюда я накрутил Тракмана, рассказал ему об операции ВЧК, он съездил к Петерсу, и

тот сказал, что Пинка начал все же давать показания. Сволочь! Правда, — усмехнулся он, — Пинка начал с выдачи немецкой группы, даже сказал, что Москва должна быть взята Германией в течение двух недель, к 15 июня. А непосредственный контакт эта немецкая группа держит с самим Мирбахом, который контролирует всю ее деятельность. По этому поводу в ВЧК большой переполох, Дзержинский даже поехал к Ленину.

— Это хорошо! — посветлел Лоран.

Значит, его замысел должен сработать. Жаль, что он начал только разворачиваться с немецкой группой. Можно было состряпать даже договор между Мирбахом и князем Кропоткиным как руководителем группы, у Лорана есть образец подписи Мирбаха. Это была бы настоящая бомба, а так Дзержинскому потребуется недели полторы для проверки, и он убедится, что многое из показаний Пинки просто липа. Сомнения в лояльности Мирбаха они заронить сумеют, но этого мало. Надо срочно раскручивать «Союз союзников» и убедить Дзержинского, что это та же группа, но отделившаяся от «Союза защиты» и изменившая название в целях конспирации.

Лоран налил себе полстакана коньяка, плеснул пару капель Бирзе и, не дожидаясь его, залпом выпил.

— Я вижу, была бурная ночь, — улыбнулся Бирзе.

— Ты угадал, — усмехнулся Лоран. — А про немецкую группу хорошее известие. Надо разжечь Голубовского, Александрович ему всего не расскажет, мы уже убедились.

Александрович хоть и являлся членом ЦК левых эсеров, но странным образом симпатизировал Дзержинскому, иногда попросту замалчивая факты произвола большевиков в отношении мирного населения. Может быть, он считал, что две революционные партии не должны обострять и без того слиш-

ком сложные политические отношения друг с другом, или же по своей профессиональной чести решил, что не имеет права разглашать секретные сведения своего ведомства.

— Голубовский уже знает, — кивнул Бирзе. — Теперь по поводу твоего поручения... — Он пригубил коньяк. — Какой аромат!.. Я голову сломал, собрал все данные по всем эсерам, работающим в ВЧК, и ничего хорошего пока не нашел. Правда, там появился новый человек, он был охранником у Спиридоновой, некто Блюмкин Яков... — Бирзе напряг память, стараясь вспомнить отчество.

— Григорьевич, — подсказал Лоран.

— Точно! — Бирзе с удивлением посмотрел на Лорана. — Я сегодня утром зашел к нему...

Бирзе неожиданно запнулся, внимательно посмотрел на Лорана.

— Так это вы с ним гуляли?! — догадался он.

Лоран кивнул.

— То-то я смотрю, глаза у него красные и запах идет... — рассмеялся Бирзе. — Ну ты лихой мужик!.. И как он?

— Думаю, подойдет, но надо с ним работать, — сказал Лоран. — Тут на тебя надеюсь. Я немного сглупил во вчерашней ситуации, словом, возьмешь его под опеку.

— Раз надо, так возьмем! — весело отрапортовал Бирзе. — Он, кстати, видел меня пару раз с Голубовским, мы даже поздоровались, а это для начала неплохой козырь.

— Вот и прекрасно! — подхватил Лоран. — Кроме того, он, как и ты, бывший фронтовик, и на правах старшего товарища будешь подбрасывать ему дозированную информацию о Мирбахе, немцах, ну ты знаешь...

Бирзе кивнул.

— Хорошо, с этим тоже решили! — ободрился Бирзе.

— Но обязательно будешь докладывать мне о каждой встрече, чтоб я знал, как вести его дальше, — попросил Лоран.

Бирзе кивнул, взглянув на створки буфета.

— Ты голодный? — спросил Лоран.

— Да не отказался бы... — согласился Бирзе.

Лоран открыл печеночный паштет, который подкинул ему Нуланс из запасов посольства, пожарил яичницу из двух яиц. Бирзе все проглотил мгновенно.

— Ты что, голодаешь? — спросил Лоран.

— Да нет, — махнул рукой Бирзе. — Продпаек дают, и на базаре кое-что подкупаю, нормально. Просто раньше мне старуха хозяйка готовила, но то пересолит, то пережарит, она подслеповатая, ничего не видит, вот я и разозлился, дал ей от ворот поворот! — Он рассмеялся. — Сам-то я готовить умею, да одна беда — некогда, вот и хожу голодный. Тут еще есть несколько новостей! — Бирзе выдержал паузу, оглянулся, достал из кармана бумагу. — Вот, сам переписал секретное письмо немецкого генштаба за номером 815 от 3 марта 1918 года. Письмо адресовано Троцкому и касается незабвенного Паши Дыбенко, бывшего нарморсил. Его, как ты помнишь, из наркомов морских сил турнули, предали суду, а на суде оправдали. И судили, если помнишь, за то, что якобы во время боев под Нарвой объявил красный террор и пьянствовал не в меру. Я еще тогда тебе говорил, что все это чепуха, за это не судят и тут что-то не то! Но те, кто знал, крепко молчали, а меня этот зуд любопытства прямо извел. А тут Троцкий засадил меня и еще нескольких человек из разведки за подшивку документов, и я нашел это письмецо. Немцы жалуются на Дыбенко и его помощников за то, что они... читай дальше!..

— «Не только противодействуют осуществлению плана приобретения германским правительством кораблей Балтийского флота, но в сообществе с обо-

ронческими анархическими группами готовят к военным действиям или самоуничтожению. Верховное командование требует срочных мероприятий по удалению перечисленных лиц от власти и по отправке их в глубь России под надзор агентов русской контрразведки при Ставке», — прочитал Лоран.

— Ну, каково?! — загорелся Бирзе.

— Да, любопытный документ, — согласился Лоран.

— Ты слушай дальше! — махнул рукой Бирзе. — Дыбенко и его помощников отзывают. Те возвращаются, их арестовывают, четырех помощников Дыбенко — Мясникова, Забело, Буданова и Белозерова шлепнули сразу же. Просто отвели в подвал и расстреляли, а Дыбенко, сам понимаешь, просто так пристрелить нельзя. Ильич любит этого пьяницу и матерщинника, который отца родного в расход отправит за Ильича. Троцкий хотел расстрелять его по суду, но вступился Ильич, тут я тебе уже рассказывал, и Пашу оправдали и отправили с глаз долой подальше из Москвы. Вот тебе и красный террор под Нарвой. Теперь понимаешь, какая любовь у Ленина с немцами и как Троцкий свято ее бережет?!

— Куда уж понятнее! — вздохнул Лоран.

— Это еще не все! То были новости старые, месячной давности, а вот тебе свеженькие, вчерашние, прямо из кабинета Льва Давидыча, так сказать, почти при этом присутствовал. Вчера Троцкий арестовал Алексея Михайловича Щастного, начальника Балтийского флота, я о нем тебе рассказывал, он спас те самые корабли Балтфлота, которые Ленин пообещал продать немцам, перетащив их из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт. Так вот, Щастного арестовали все из-за того же: он узнал о махинациях Ленина с немцами, поднял шум и сорвал тем самым продажу кораблей. Тогда Троцкий, разъярившись, приказал подготовить корабли к взрыву. Щастный стал противиться и этому приказу, заявив, что он

готов, если нужно, принять бой с немцами и драться до последнего. На это он и настраивал флот, поэтому Троцкий его арестовал. А поскольку он много знает, то церемониться с ним не будут и, скорее всего, расстреляют...

— Это уже становится интересным! — загорелся Лоран.

— Ленин приказал утопить часть кораблей Черноморского флота в Новороссийске, дабы они не достались якобы англичанам. Немцы, узнав об этом, закатили такую истерику Ильичу, что он уже готов оставшиеся от Черноморского флота суда продать тем же немцам, об этом сейчас ведутся тайные переговоры. Вот тебе политика сговора Ленина с немцами, и сам можешь представить, куда она заведет Россию. Этот рыжий таракан сознательно ослабляет мощь России, чтобы потом сказать: а как же воевать с немцами, коли у нас нет ни армии, ни флота?!

— Что делает, что делает этот Марат! — покачал головой Лоран. — Надо, чтоб об этом узнали Голубовский и Спиридонова! Может быть, через Блюмкина?

— Можно, — согласился Бирзе. — Толковый был начбалтфлота этот Щастный, я с ним немного был знаком. Грамотный, выдержанный. Морской кадетский корпус закончил с золотым знаком, во время японской войны мичман, потом стал командовать эсминцем. Его отец тоже из военных, дослужился до генерал-майора, с турками еще воевал, словом, настоящий русский офицер!.. С кем они останутся, когда выгравят таких людей?.. С озверелой голытьбой?!

Лоран подумал: «Останутся ли?»

— Останутся, еще как останутся, — словно угадав его мысли, обозленно отозвался Бирзе. — Расчет прост: с помощью террора запугать людей, вышколить таких же фанатиков, как они сами, все свести в один кулак и дубасить потом этим кулаком по

всем неугодным, ежели те будут появляться. Одно слово: диктатура пролетариата, а точнее, правящей партии, а еще точнее, горстки красных вождей, а если уж быть совсем откровенным, то диктатура одного лица, Ленина! И он этого не скрывает! Троцкий недавно проговорился, я уж не помню из-за чего они сцепились с Тракманом, как Троцкий вдруг говорит: Ильич прав, когда требует введения в России личной диктатуры. Меньше было бы этого базара и больше порядка! И народ бы поутих! Вот их мечта!.. Да какая там мечта! Уже явь! Все решает рыжий, и все бегают к нему советоваться: кого стрелкнуть, а кого помиловать!

Лоран впервые видел горячечный гнев Бирзе. Раньше ему казалось, что все происходящее в России мало его задевает. Какое дело латышу до русских, пусть дерутся, уничтожают друг друга, его родина далеко, да и потом, Бирзе принял решение: в случае опасности, если его разоблачат, он уедет в Париж, с руководством французской военной разведки этот вопрос был уже согласован, поэтому Бирзе в агентурной сети Лорана уже как бы считался своим.

— Я прошу прощения, — словно почувствовав недоумение Лорана, отозвался Бирзе. — Просто диву даешься, как эта небольшая кучка фанатичных революционеров разламывает огромную мощную империю. Когда в юности читал про падение Рима, все было понятно: заря человечества, люди были наивнее, все как бы в первый раз, но за столько веков неужели человек так ничему и не научился?.. Это непостижимо, но словно по чьей-то неодолимой чужой воле все свершается, будто за ниточки кто дергает...

— Возможно, так оно и есть, — заметил Лоран. — Но не дай Бог, это снова повторится во Франции!.. Это действительно ужасно...

Они простились, договорившись встретиться через два дня. Уже уходя, Бирзе вспыхнул и сообщил Лорану, что два ящика бомб он передал редактору левозсеровской газеты «Знамя труда», Мстиславскому, кто занимался в ЦК левых эсеров нелегальными терактами против немцев на Украине. Бомбы достал Лоран, и через Бирзе «подкармливал» левых революционеров оружием и бомбами, которые в основном переправлялись на Украину. Он даже не спрашивал о таких вещах Бирзе, зная, что тот все сделает, как надо.

Бирзе ушел, а Лоран подумал о Голубовском, члене левозсеровского ЦК. Голубовский вместе со Спиридоновой входил в тройку, занимающуюся боевыми вопросами. Теперь важно было каким-то образом настроить их на убийство Мирбаха, ибо без их согласия Блюмкин убивать Мирбаха не будет. Бирзе тут один не справится, хотя доводов сговора немцев с большевиками предостаточно. Важно лишь умело это подать. Блюмкина еще надо доводить до кондиции, работы много, и пора, мсье, или, если угодно, господин Ефим Петрович Добровольский, засучивать рукава. Бирзе молодец, раскопал такие замечательные материалы. Теперь умно ими надо распорядиться.

Голубовский был фигурой посложнее Блюмкина. Опытный революционер, хороший аналитик, спокойный, уравновешенный, его на эмоции не возьмешь, его надо повернуть как-то теоретически, мыслительно. Только вот как?.. Лоран посмотрел на часы: половина первого. Сегодня у него протокольная встреча с папой Нулансом, надо выходить, хотя до Милютинского переуллка, где они обычно встречались, ходьбы минут двадцать. Заодно он и голову проветрит, вчера с Блюмкиным он хватил лишнего.

Интересно, что же в Петрограде Таня поделывает. Ей бы надо уезжать, и всенепременно — словечко,

которое очень любит употреблять в своих речах Ленин. Провинция уже голодает, это ни для кого не секрет. Поволжье отрезано белочехами, на Дону Краснов, на Украине немцы. Ленин пытается реквизи́ровать хлеб в центральных районах, создает комбеды, маленькие сельские ВЧК, которые вытрясают хлеб и душу из богатеев и зажиточных крестьян, эсеры протестуют, но Ленин все равно сделает по-своему. Крови будет еще больше. Во Франции сейчас тоже не сладко, немцы прорывают оборону и движутся на Париж, но Лоран мог бы отправить Таню в Швейцарию, к Андрею, он даст ей и ее отцу работу, поможет на первых порах. Это хороший вариант. Надо срочно написать ей письмо и отправить через Париж. Это замечательный вариант. Как раньше ему не пришло это в голову?!

Лоран повеселел, придумав такой выход для Тани. На радостях он даже дал дворнику Захару пять рублей «керенками», последний почему-то из всех денег предпочитал только их. Видимо, надеялся, что новая власть долго не продержится. Захар присматривал за квартирой и сообщал Пьеру о всех местных новостях. Узрев такие щедроты, Захар поклонился Лорану в пояс. Лорану вообще нравились московские дворники.

Блюмкин с утра читал переведенные для него с немецкого письма Пустовского. Рассуждения о Гете, Гейне и Шиллере, о том, как переводятся на русский язык те или иные слова и почему именно эти слова были выбраны им, — все это повергало в глубокое уныние начинающего спеца по международному шпионажу. Правда, иногда Пустовский отвлекался и сообщал разные подробности московской жизни. Его, к примеру, очень возмутило, когда революционеры лупили из пушек по Кремлю, где засели «подлые трусы старого режима». Или он пишет об одной своей знакомой, которую когда-то до революции выгнали за фискальство из одного приличного дома, а теперь она «уже комиссарша, заведует культурой и учит мастеров художественному языку и новой жизни». И далее приписывает полатыни: «О времена, о нравы». И таких клеветнических приписок у Пустовского разбросано по письмам немало, но за это к стенке не поставишь. Правда, в двух местах Блюмкин наткнулся на несколько странных предложений. В одном из писем Пустовский спрашивает: «Получили ли вы мой подарок, я очень старался, выбирая его, доставить Вам удовольствие, надеюсь, что не ошибся». А в другом письме по поводу того же подарка он пишет: «Вы слишком обласкали меня, благодаря за подарок, это такие пустяки, что мне даже неловко. Вскорости обещаю Вам еще один сюрприз, но впредь прошу относиться к этому

более прозаично. Я не покрыл и сотой доли того внимания, коим Вы меня одариваете». Если отбросить вежливые экивоки, то в «подарки» могут быть зашифрованы весьма важные секретные сведения, которые передавал Пустовский, а в «похвалы» — оплата за них. Так умные разведчики и поступают, Блюмкин сам читал об этом в какой-то книге, но как раскрыть эти тайны, он еще не знает. Не хватает опыта.

Сейчас он уже понимал, что поступил опрометчиво, сразу арестовав Пустовского. Надо было установить за ним слежку, и тогда можно было бы схватить его с поличным. Что же делать теперь, он не знал. Отпустить и ждать, когда он снова возобновит контакты? На это, конечно, уйдет уйма времени, но другого выхода не было.

Отложив в сторону дело Пустовского, Блюмкин пригласил на допрос австрийского военнопленного графа Мирбаха. Тот пришел растерянный, бледный, подавленный, сел на стул и долго, почти удивленно смотрел на Блюмкина. А Блюмкин смотрел на графа, всем своим видом давая как бы понять, что торопиться ему некуда. За эти долгие минуты молчания Блюмкин очинил два карандаша, вычистил перо, налил чернила в чернильницу, положил перед собой стопку серой бумаги, чтоб снимать допрос. Мирбах молчал, точно на что-то решаясь, и Блюмкин боялся его вспугнуть. Он нутром чувствовал, что ему есть что скрывать, иначе бы он не молчал, а пришел бы, стал ныть, выпрашивая освобождение. «Выпуклые глаза бутылочного цвета», — вспомнил Блюмкин выражение Зинча и усмехнулся, потому что на самом деле глаза у Роберта Мирбаха были серые, ну, иногда серо-зеленые, но не тусклого бутылочного оттенка.

— Ну что, начнем по порядку? — прервал молчание Блюмкин.

— Што ви хотьите? — спросил Мирбах.

— Все! — сказал Блюмкин. — Всю правду: как, где, почему? Вы же только что из плена, вам разрешили вернуться на родину, другой бы пешком убежал, а вы?..

— Пьешком далеко, — ответил Мирбах и посмотрел на Блюмкина печальными глазами.

Родственник немецкого посла был высокий, плечистый молодой человек с грустной, затаенной улыбкой и открытым большим лицом. На нем был светлый длинный плащ, шляпа с широкими полями, которую он осторожно, точно сосуд, держал длинными тонкими пальцами. Во всем чувствовалась порода, некое изящество, в лепке лица, руках, тонкой фигуре, даже в умении небрежно сидеть, закинув ногу на ногу, держа на весу шляпу.

— Шляпу бросьте на подоконник или на стул, товарищ граф, и плащ можно снять, здесь топлено, а разговор у нас длинный, — не выдержав, проговорил Блюмкин.

Роберт Мирбах с готовностью встал, осторожно положил шляпу на стул, повесил плащ на гвоздик, оставшись в тонком сером свитерке, так хорошо сочетавшемся с его грустными серыми глазами, и снова сел на стул, закинув ногу на ногу, но теперь уже обхватив ее руками и подавшись всем корпусом к Блюмкину.

— Так вот, наше правительство, — закуривая, продолжил Блюмкин и, бросив взгляд на Мирбаха, пододвинул папиросы к краю стола: — Курите, если хотите! — Но Мирбах замотал головой. — Наше правительство предоставило вам эшелон, чтобы вы спокойно смогли вернуться на родину, но вы даже свой эшелон пропустили! Вас бесплатно отправляют на родину, а вы не уезжаете, остаетесь. Зачем?..

— Я уже говорьил, что... — Мирбах запнулся, подыскивая слова.

— Ладно, — перебил его Блюмкин. — Расскажите, как вы познакомились с госпожой Ландстрем. Надеюсь, вы еще помните об этом?

Он помнил, как они познакомились, все до мельчайших деталей. Он шел по длинному коридору третьего этажа «Метрополя», когда дверь одного из номеров неожиданно открылась и на пороге возникла она... Он увидел ее и остановился как вкопанный. В белом шелковом костюме — широкая странная блуза с длинными рукавами, отделанная тонкой черной тесьмой, и длинная узкая юбка, подчеркивающая узкие бедра и длинные ноги, белая шляпка с розочкой и немного скуластое выбеленное лицо, на котором болезненно горели темные глаза и ярко выделялись обведенные помадой красные губы. Он был застигнут врасплох, сражен молнией ее глаз, поражен этим внезапным появлением в унылой, чахлой Москве создания яркого, неземного, фантастического. Она спросила сразу по-немецки: «Вы идете вниз?» Он кивнул. Она попросила принести ей на обратном пути воды и одно пирожное. Она даже протянула ему деньги, но он их не взял. Он сказал, что сейчас все принесет.

Еще через полчаса он входил в ее номер с букетом роз, шампанским и пирожными, потратив на это почти все свои деньги. Его эшелон уходил завтра, и он шел на встречу со своим троюродным дядей, немецким послом графом Вильгельмом Мирбахом. Дядя поначалу его не узнал, он даже передал, что такого племянника у него нет, но через два дня раздался звонок, и граф Мирбах подошел к телефону. Он вспомнил, что у него действительно есть родственники в Венгрии, извинился за первый телефонный разговор и попросил графа Роберта подъехать к нему в Денежный переулок, 5, в немецкое посольство, туда молодой Мирбах и направлялся, проходя по длинному коридору третьего этажа гостиницы «Метрополь», когда открылась дверь одного из номеров и...

Уже потом он ничем не мог объяснить эту резкую перемену всех его планов. Он больше ни разу не по-

звонил дяде, не уехал на следующий день на родину, он больше не принадлежал себе. Он принадлежал ей, и она принадлежала ему.

Но это случилось чуть позже, а пока он вошел в ее номер с букетом роз, шампанским и пирожными. Он хотел купить еще большую коробку конфет, но денег у него не хватило. Она не стала ни укорять его за такие вольности, ни удивляться. Она встретила его довольно прохладно, взяла одно пирожное, стала есть, не прикоснувшись к бокалу с шампанским и даже не взглянув на розы.

Он один выпил бокал, сел на стул и стал рассказывать о себе. О том, как он пошел на войну, как воевал, как все было ужасно: дикий вой снарядов, грохот, развороченная земля, кровь, кишки, оторванные конечности, стоны, плач раненых, как все в нем уже за первые дни этой кровавой мясорубки перевернулось, как он переменялся и стал совсем другим, не тем, каким уходил на эту войну. Он уходил легкомысленным, избалованным ребенком, безбожным и даже циничным, развратным, подлым, самолюбивым, а стал верующим и смиренным.

Он уходил младшим офицером и верил, что совершит подвиг, вернется героем, в лучах славы и всеобщего обожания. Война казалась ему цепью больших и маленьких приключений, ему даже грезились, что на фронте много хорошеньких девушек, медсестер, которые только и ждут, когда он придет, чтобы завести с ним бурный роман. Но то, что он испытал в первые же дни, потрясло его. Мирбаха с его взводом бросили на передовую, и через две недели их полк очутился в окружении. Они мерзли в окопах, ели стывшую вязкую кашу пополам с землей и слушали брань старших офицеров. Рядом с ним каждую минуту умирали люди, и уши болели, не в силах выдерживать адский грохот пушек и вой снарядов.

Их бросали в атаку, и они шли, потя от страха,

и пули, как осы, жужжа пронеслись мимо, рядом с ним каждую секунду кто-то падал, а он, что-то ошалело крича, бежал впереди всех, вонзая штык в брюхо набегающим на него солдатам, падал, выбираясь из груды мертвых тел и молил об одном, чтобы его подстрелили. Он завидовал тем, кого уносили с поля боя. Их не могли отправить в лазарет из-за окружения, они умирали в окопах, но все равно он завидовал им: для них война уже кончилась. Они лежали такие счастливые на окровавленных носилках, что он вдруг стал понимать: Бог отказался от него, забыл про его существование, и тогда, выгребовав у полкового священника молитвенник, он стал каждый день читать молитвы и просить Бога об одном: чтоб его ранили. Не важно как. Пусть не будет ноги, руки, глаза, главное, чтоб он оставался в своем окопе, а там, дай Бог, придет подкрепление, их вытащат из этой жуткой мясорубки, и его отправят в лазарет, в госпиталь, к тем самым голубоглазым сестрам милосердия, фотографии которых печатали в газетах. Даже если всю остальную жизнь он проведет прикованным к постели, он будет счастлив только одним: его вынесло из этого ада. Но пули пронеслись мимо. И снова была мерзлая каша, причерненная пороховой гарью, и чавкающее поле, в котором увязали коченеющие от холода ноги. Сапоги разлезались, он снимал их с убитых и, сидя у костра, не мог согреться, а ночью не мог выспаться. Он потерял счет дням и не помнил, сколько уже воюет. Он даже забыл, сколько ему лет, когда фельдфебель Иштван спросил об этом. Он стал, как в детстве, загибать пальцы, дошел до десяти, потом до двадцати, потом память как отшибло. Он стал вспоминать, есть ли еще цифры после двадцати, но не мог вспомнить. Иштван начал подсказывать ему: «Двадцать один, двадцать два, двадцать три...» Они дошли до тридцати, но Роберт так и не вспомнил, сколько ему лет. Он забыл. Роберт заплакал от от-

чаяния, не в силах проломить эту прочную стену беспам'ятства. «Да брось ты! — взялся утешать его Иштван. — Я тут недавно обнаружил, что забыл свой номер дома, дома, где я родился, черт возьми, и, отправляя письмо родителям, был вынужден написать на конверте только улицу. Ты представляешь, начисто забыл!» И он засмеялся.

Их опять бросили в атаку. И он снова бежал, что-то ошалело крича и держа перед собой штык, чтоб вспороть чье-то очередное брюхо, он бежал, ничего не видя перед собой и не слыша. Бежал, пока не свалился в узкий ров с густой жидкой грязью, глотнув ее от страха. Он свалился в узкий ров, стал карабкаться обратно, но не мог выбраться, слишком крутыми оказались стены. Его товарищи бежали уже назад, отступая, он видел, как проскочил Иштван, он кричал им, но его не слышали. Тогда он, раздирая в кровь пальцы, попытался снова выбраться, цепляясь за осклизлые глиняные стены, но ногти ломались, и он скатывался обратно. Потом прибежали русские, и один из них уже прицелился в него из винтовки, но другой отвел ствол, показывая, как мучается австрияк, силясь выбраться. И все захохотали, тыча в него пальцами и подзадоривая. А он старался вылезти, ему казалось, что венгры снова сейчас ринутся в атаку и он сможет к ним присоединиться. Он карабкался наверх, добираясь до половины, и скатывался обратно, плюхаясь в вонючую жидкую грязь. Тогда, разъярившись, он, прорывав что-то дикое, звериное, кинулся наверх — и, о чудо, он выбрался, он выбрался, но в ту же секунду русские снова сбросили его вниз и засмеялись, аплодируя его унижению. И тогда, не выдержав, он заплакал, он завыл от отчаяния, заколотил кулаками по грязи, и стоявшие вокруг русские захохотали еще больше, а один, не выдержав, свалился к нему и набросился на него с кулаками. Завязалась драка, стоявшие заулюлюкали, подбадривая своего, а тот с

какой-то жуткой остервенелостью стал избивать уже обессиленного Роберта, втапывая его в вонючую лужу. И, возможно, добил бы, если б не появился их офицер, не разогнал это зрелище, достойное времен старого Рима, и не отправил Роберта в лагерь для пленных.

Его привезли в Россию, отправили строить огромные каменные амбары, но сначала надо было вырубить каменные плиты в каменоломне, они таскали их, как муравьи, из каменной чаши, работали в дождь и снег, сбивая в кровь руки и ноги, он раздробил себе два пальца на ноге, роняя от бессилия плиты, и однажды его даже хотели пристрелить, но винтовка дала осечку у охранника, и он снова чудом остался жив. Все содрогалось в нем, желудок уже не принимал пищу, выплескивая все наружу, он умирал. Ему посоветовали грызть какие-то горькие коренья, и он грыз их, раздирая в кровь десны. И он выжил, он дотянул до Брестского договора, который Ленин заключил с немцами, и тогда их решили отправить обратно. И в один из дней их переодели в чистое, привезли в Москву, он очутился здесь. Первые два дня он спал как убитый, а потом стал привыкать к новой жизни, пугаясь поначалу городского шума и вглядываясь в незнакомый ему мир, который он уже плохо помнил. Он разыскал даже одного важного своего родственника и решил поехать к нему, но увидел ее и снова все забыл...

Он рассказывал ей свою историю, а она молча слушала, и он увидел вдруг слезы на ее глазах, и сам заплакал, как ребенок. И они бросились друг к другу в объятия, чтобы никогда уже больше не разлучаться. Он не знал, что она актриса, он ничего не знал. Он просто увидел ее, и остальной мир пропал для него...

Рассказывая все это Блюмкину, который время от времени что-то записывал, Роберт Мирбах сам хотел узнать, почему она умерла, что с ней случилось. Он

помнил что-то про контракт, про деньги, но тогда совсем не вслушивался в ее объяснения, да она и не старалась ему что-то объяснить, он хотел повезти ее к своим родителям и жениться на ней. Она не говорила ему «нет», она любила его, и это были волшебные ночи любви, он в первый раз по-настоящему полюбил. Да, в первый раз по-настоящему. У него были и раньше женщины, но он в первый раз полюбил...

Да, она принимала какие-то таблетки, но почему, сколько, он не спрашивал. Мало ли почему женщины глотают пилюли, потом, быть может, он и спросил бы у нее об этом, но тогда... Нет, она ни с кем больше не общалась, к ней никто не приходил, она никому не звонила. Да, деньги у нее были, она ни в чем не нуждалась, он не спрашивал, много ли у нее денег, он собирался пойти к дяде и одолжить у него на дорогу, его родители богатые люди, дядя это знал... Она вообще мало говорила, они много времени проводили в постели, а там совсем не требуются слова... Нет, она улыбалась, она была счастлива с ним, он это чувствовал. Ведь это всегда чувствуется...

Да, он был единственным, с кем госпожа Ландстрем была все эти дни, она даже не выходила из номера, он ходил за едой, впрочем, она очень мало ела, так, яблоко, пирожное, творог... Он не знает, почему не спрашивал ее о делах, наверное, он просто не думал об этом.

Блюмкин так и не смог добиться от Мирбаха большего, зато он понял одно: перед ним сидел беспомощный, раздавленный человек, который согласится со всем, что ему предложат. Обвинить его в убийстве вряд ли удастся, никаких доказательств нет, но граф Мирбах носит ту же фамилию, что и немецкий посол, больше того, Королевское датское генеральное консульство в Москве направило официальное письмо в ВЧК с просьбой об освобожде-

нии графа Роберта Мирбаха с тем условием, что он по первому же требованию явится туда для дачи новых показаний. Письмо было подписано самим консулом Гакстгаузенем. Консул даже выделил специального человека, который готов был вести переговоры по делу Мирбаха. Роберт Мирбах не знает, почему датское консульство направило такое письмо, а сам господин немецкий посол хранит по этому поводу гробовое молчание? Нет, Роберт Мирбах не знал, почему господин консул Гакстгаузен просит о его освобождении. Может быть, немцы считают, что неловко просить за своего родственника?

Блюмкину льстило такое внимание, пусть даже датского консула. Его вызвал к себе Дзержинский, заинтересовавшись делом Роберта Мирбаха, и попросил тщательно в нем разобраться.

— Вы считаете, что его пока не нужно освобождать? — спросил Дзержинский.

— Пока пусть побудет у нас, так надежнее, — сказал Блюмкин.

Так что дело принимало весьма щекотливый оборот, Дзержинский сообщил, что посол Мирбах даже звонил о племяннике Ленину, но Владимир Ильич полностью доверяет ВЧК, вмешиваться в следствие не собирается, но по окончании следствия необходимо будет иметь весьма веские причины, если Блюмкин собирается обвинить Мирбаха в смерти этой актрисы. Дзержинский сказал, что пока не имеет права раскрывать все обстоятельства дела, но им придется самым деликатным образом проверить деятельность немецкого посла, поэтому долгое нахождение племянника посла Мирбаха в Москве — обстоятельство очень странное. Дзержинский, высказав эту пространную тираду, как бы косвенно намекнул Блюмкину, что с делом Роберта Мирбаха торопиться не стоит.

— Странное дело, — проговорил Блюмкин. — Умирать она не собиралась, была счастлива, как вы

утверждаете, товарищ граф, но умерла. Больше того, вы сами утверждаете, что она никуда не выходила, общалась только с вами, значит, никто другой не мог содействовать в ее смерти, так?..

— Так, — кивнул Мирбах.

— А она умерла! — развел руками Блюмкин.

— Да, — подтвердил Мирбах.

— И что же выходит? — спросил Блюмкин.

— Что? — не понял Мирбах.

— А то, что она была счастлива, не хотела умирать, но умерла, и вы были рядом с ней!..

— Да, — подтвердил Мирбах.

— Но если человек не хочет умирать, он не умирает, — победно заметил Блюмкин.

— Да, — подтвердил Мирбах.

— Значит, этого хотел кто-то другой, не так ли?

— Не знаю... — пожал плечами Мирбах.

— Значит, этого хотели вы! — резюмировал Блюмкин.

— Нет! — ответил Мирбах.

— Но если человек не хочет умирать, он не умирает, так?! — медленно закипал Блюмкин.

— Да, — соглашался Мирбах.

— Значит, этого хочет кто-то другой! — настаивал Блюмкин.

— Может быть, — пожимал плечами Мирбах.

— Но, кроме вас, никого другого не было? Ведь так?

— Да, — признавался Мирбах.

— И что выходит?! — спрашивал Блюмкин.

— Не знаю, — отвечал Мирбах.

Через два часа после нудных и односложных препирательств, когда Блюмкин загнал графа в тупик, тот не выдержал и расплакался.

— Я понимаю, что мне никто не верит, что все против меня, но я не убивал ее, не убивал!..

Он взял папиросу, руки у него дрожали, он закурил, отойдя к окну. Оно было полураскрыто, и

Блюмкин даже подскочил, испугавшись, что Мирбах выбросится на мостовую. Но Мирбах не выбросился. Он плакал и курил папиросу.

Блюмкину стало жаль его. Как ни странно, он верил ему, да и вряд ли этот размазня смог бы решиться на такое дело.

— Хорошо, я поверю вам... — неожиданно проговорил Блюмкин.

Граф обернулся, вытирая слезы, и недоверчиво посмотрел на Блюмкина.

— Я поверю вам, — подтвердил Блюмкин. — Но и вы должны мне помочь!..

— В чем? — не понял Мирбах.

— Вы должны подписать обязательство, что будете сотрудничать с нами и поставлять нам сведения о Германии и германском посольстве в Москве. Я вас выпущу, вы поживете некоторое время в посольстве, я пока дело не закрою и буду вызывать вас к себе якобы для дачи показаний, а вы будете рассказывать мне обо всем, что происходит в посольстве. О чем говорит господин посол, его помощники, чем они занимаются, то есть абсолютно все. Договорились? — улыбнулся Блюмкин.

Граф Мирбах несколько секунд молчал, не зная, на что решиться.

— Я могу даже сегодня вас выпустить, и через час вы примете ванну, сядете за хороший стол, выпьете шампанского по случаю радостного освобождения... Ну?.. — промурлыкал Блюмкин.

— Нет, я, наверное, так не смогу... — Голос Роберта Мирбаха дрогнул, губы у него задрожали. — Я не смогу предать дядю, не смогу! — пробормотал он и закрыл лицо руками.

Коля Андреев ворвался к Блюмкину в кабинет и выложил перед ним две фотографии Мирбаха и два снимка мертвой актрисы-шведки.

— Хрюкен-дрюкен хашлала! — сияя от радости, выкрикнул Андреев.

— Это из какого словаря? — рассматривая снимки, пробормотал Блюмкин.

— Так приветствуют друг друга фотографы на берегах Мадагаскара! — восхищенно проговорил Андреев.

— А-а... — хмуро промычал Блюмкин. — Мутноватые снимочки-то получились...

— Зенки у ты мутноватые! — возмутился Андреев.

— А это что за полосы? — рассердился Блюмкин. — Что это за полосы на лице у Мирбаха? Он что, зебра?! — раздраженно проговорил Блюмкин.

— А может быть, у него рожа такая? — спросил Андреев, напряженно всматриваясь в фотоснимки.

— Одурел совсем? Он граф!.. Порода все-таки... А тут полосы. А у актрисы что это под носом?..

— Где? — не понял Андреев. — Это тень...

— Зачем она мне нужна, твоя тень?! У нее было красивое белое лицо, а тут что?! Уродина какая-то! — ругался Блюмкин.

— Она труп, а у них окозлеванец на лицо выползает синюшный, спроси костолома нашего!.. — возмутился Андреев.

— Ты мне зубы не заговаривай своими дикими

словечками! — вспыхнул Блюмкин. — Это вещдоки, они должны на суде фигурировать, а разве это можно судьям показывать?! Они сразу же Мирбаха оправдают!.. Брр! — Блюмкин отбросил фотографии в сторону, и Коля Андреев очень обиделся, надув губы. — И потом, мне для картотеки нужны были небольшие фотки, примерно три на четыре, чтобы наклеить на лист дела. Я же тебе говорил!.. — напомнил Блюмкин.

— Забыл! — махнул рукой Андреев. — Слушай, давай мозги проканифолим!

— Чего? — не понял Блюмкин.

— Тут две красотки рвутся в бой из технического отдела. Одна из них Антонина Никандровна... — Коля сделал зверское лицо и по-львиному прорычал. — Ну ужас, как хороша! Так и хочется поставить на площади в виде фонтана! И вторая ничего, худоватая, правда! Но они подружки, усекаешь момент?

Блюмкин вспомнил о Спиридоновой и почему-то порозовел.

— Сегодня не могу! — отрезал он. — Дзержинский просил поработать над Мирбахом. Надо его дожать!.. Им он нужен.

— Для чего? — не понял Андреев.

— Первая заповедь секретного агента? — спросил Блюмкин.

— Никогда не задавать дурацких вопросов! — от-
рапортовал Андреев.

— Молодец! — похвалил его Блюмкин.

Коля взял со стола Блюмкина несколько ордеров, подписанных Дзержинским и с круглой печатью ВЧК, стал их рассматривать.

— Приговорить гр... Че такое? — не понял Андреев.

— Приговорить гражданина Андреева к расстрелу! — расшифровал Блюмкин. — Вот сейчас подпишу, передам в секретариат, и тебя шлепнут!..

— Ты че, в бане угорел?! — обиделся Андреев.

— Сатиру надо уважать! — ответил Блюмкин.

— Слушай, у меня есть одна пацпа, надо бы ее припечатать! — обрадовался Андреев.

— Да пошел ты!.. — взорвался Блюмкин, но договорить не успел: в кабинет заглянул Ксенофонтов.

— Яков Григорьевич, зайдите к Якову Христофоровичу, он очень просил. Прямо сейчас, если можно! — попросил он.

— Хорошо, — кивнул Блюмкин.

Блюмкин уже двинулся к двери, но вернулся, забрал ордера со стола, положил в карман и вышел. То, что его вызывал Петерс, был хороший знак. Петерс фактически был третьим после Дзержинского и Александровича должностным лицом в ВЧК, вторым по авторитету и первым по тактическому уму. Словом, он был на особом положении. И до сих пор еще ни разу не разговаривал с Блюмкиным, хотя с Дзержинским, а тем более с Александровичем Яша говорил не единожды.

Широкоскулое лицо и глубоко посаженные глаза, буравившие каждого, кто входил в его кабинет, темная пышная шевелюра, открывавшая широкий лоб, являли человека крепкого и властного, и Блюмкин невольно оробел, когда переступил порог его кабинета. Рядом с Петерсом сидел невысокий коренастый мужчина лет сорока с таким же широким лицом, острыми глазками и рыжеватым бобриком волос. Второй больше походил на боксера — с короткой шеей и мощными кулаками, всегда готовыми к удару.

— Проходите, Яков Григорьевич! — проговорил Петерс. — Я, собственно, позвал вас, чтобы познакомиться с вашим коллегой, товарищем Круминьшем из Военконтроля. Он занимается теми же, что и вы, проблемами, но в ведомстве товарища Троцкого. Лев Давидович и Феликс Эдмундович договорились, что два наших аппарата будут тесно сотрудничать,

помогать друг другу, обмениваться опытом, и вот, пожалуйста, обменивайтесь... Что еще сказать?.. Кстати, расскажите военной разведке о вашем графе Мирбахе, думаю, их это должно заинтересовать. В Москве неожиданно объявился дальний племянник немецкого посла граф Роберт Мирбах, австрийский военнопленный, — пояснил для Бирзе Петерс.

Гость кивнул, поднялся.

— Не буду тебе мешать, поговорю с этим добрым хлопчиком наедине!.. — Посланец Троцкого улыбнулся, пожал Петерсу руку, и они вышли из кабинета.

Бирзе рисковал, отправляясь в логово Дзержинского. Он мог запросто встретить в коридоре Пинку или кого-то из тех, кто его видел с ним, и провалиться. Но Бирзе любил рисковать. Тем более что подвернулся удобный случай: Тракман попросил его контролировать Петерса и всю операцию ВЧК по ликвидации «Союза защиты». Там много военных, а разведка полевого штаба революционных вооруженных сил республики должна знать, где сидел враг. Поэтому Бирзе и помчался в ВЧК, чтоб получить сведения из первых рук. Знал бы Петерс, кого так ласково представлял Блюмкину! Выйдя в коридор и оглядевшись по сторонам, Бирзе потащил Блюмкина в его кабинет.

Блюмкин был немного разочарован. Он надеялся, что Петерс поручит ему какое-нибудь важное дело, а поговорить с коллегой, конечно, можно, но Мирбаха Военконтролю он не отдаст, об этом Блюмкин заявил Бирзе сразу же.

— Не возьмем, не возьмем, — улыбаясь и похлопывая Якова по плечу, объявил Бирзе.

Они зашли в кабинет Блюмкина. Коля Андреев все еще был там, и Бирзе, взглянув на него, нахмурился.

— Коля, нам поговорить надо! — бросил ему Блюмкин.

— Как насчет вечера? — спросил Андреев.

— Сегодня не могу! — отрезал Яша.

Андреев тяжело вздохнул и вышел.

— Девушки? — усмеялся Бирзе.

Блюмкин удивленно взглянул на него.

— Как угадали? — спросил он.

— По взгляду твоего напарника, — ответил Бирзе. — В нем все было написано, надо только уметь читать.

— А что еще прочитали? — загораясь, спросил Блюмкин.

— То, что он бывший матрос, ходит врасстопырку, как по палубе, то, что в ВЧК и в Москве недавно, недели две-три, холост, родом из деревни, с Рязанщины, одинок, друзей нет, любит выпить, предпочитает водку, напивается до чертиков, стеснителен, имеет склонность к обувному ремеслу, сам набивает подметки, умело подшивает драгвой, аккуратист, каждый день гладит брюки, делает зарядку, даже если перед этим напился. Обливается холодной водой, зимой любит купаться в проруби, хороший голос и слух, любит петь и перепевает всех. Сам еще не знает, чего хочет в жизни, весел, не любит уныния, но наивен и в меру глуповат. Продолжить?.. — спросил Бирзе.

— Нет, — оторопело отозвался Блюмкин, пораженный столь полной, а главное — точной характеристикой.

— А как определили, что из-под Рязани? — спросил Блюмкин.

— Выговор рязанский, — делая ударение на «я» и растягивая слоги, ответил Бирзе.

— А насчет проруби?..

— Циркуляция крови заметная, это бывает у тех людей, кто пользуется контрастным душем. Про Жана Шарко слышал?..

— Нет, — пробормотал Блюмкин.

— Это французский врач, он разработал методы

лечения истощенной нервной системы, в частности, известный душ Шарко, чередования горячего и холодного душа. Но поскольку твой друг вряд ли слышал об этом, то, значит, он любит баню и купание в проруби.

— И вот так по каждой черте можно определить весь характер?! — удивился Блюмкин.

— По каждой, — кивнул Бирзе.

— Меня наўчите? — спросил Блюмкин.

— Этому не учат, — ответил Бирзе.

— А как же вы? — не понял Блюмкин.

— Этому учатся сами, путем постоянного наблюдения за окружающим миром и знаний, которые тоже приобретаются...

Бирзе выдержал паузу, сел на стул, жестом попросил сесть и Блюмкина. Тот послушно сел.

— Разведка — это не профессия, это жизнь, в которой от первой до последней минуты все посвящено только ей. Когда эта мысль перестанет быть мыслью и станет твоей сутью, твоей душой, твоей плотью, тогда каждый прожитый тобой час будет часом учебы и она закончится с твоей смертью. Понятно?..

— Да!.. — Огонь вспыхнул в глазах Блюмкина, и Бирзе отметил, что этот новичок вовсе не полено, а нормальный саженец и, кажется, начинает уже пускать корни в новую почву. Что ж, тем сложнее, а может быть, и легче их с Лораном задача.

— Это уже хорошо, — усмехнулся Бирзе.

— Что вас интересует в деле Мирбаха? — Блюмкин обиделся, уловив снисходительные нотки в голосе Бирзе.

— А вот эту привычку обижаться и кукситься оставь барышням! — резко бросил Бирзе, нарочно выбрав грубоватый и командный тон. — Если, конечно, хочешь, чтоб тебя уважали и принимали за своего в нашем мире. — Он даже поднялся и прошелся по комнатке. — Во всем мире нас не так уж много, настоящих профессионалов, и, даже будучи иногда

врагами, работая на разные государства, мы стараемся переигрывать друг друга в честной борьбе и никогда не обижаемся, если проиграли. Наоборот, мы испытываем еще большую благодарность к разведчику, который переиграл нас, и благоговейно снимаем шляпу... Если, конечно, остаемся при этом в живых.

— Ладно, сдаюсь, — заулыбался Блюмкин. — На обе лопатки положили. Так что вас по делу Мирбаха интересует?..

— Мирбах нас очень интересует, но не твой. Его дядя. Нужен один для врага пролетарской революции! Сможешь? — в упор спросил Бирзе.

— Это шутка? — спросил Блюмкин.

— Шутка, — ответил Бирзе.

— Я люблю шутки, — сказал Блюмкин.

— Я тоже, — усмехнулся Бирзе. — Хотя, насколько я помню, ты самолично расстрелял трех немцев, которых взяли в плен твои разведчики. Один был офицер и двое солдат, — напомнил Бирзе. — А ведь это не входило в твои командирские обязанности, даже наоборот. Но тебе захотелось это испытать самому...

Блюмкин побледнел, слушая Бирзе.

— И это правильно! Все надо пробовать самому, не полагаясь на чужие советы. Разведчик, как мужхолостяк, должен уметь делать все сам. И то же с Мирбахом! Ждать, пока прихлопнут другие, просто стыдно. А пока он жирует здесь, твои бедные еврейские сестренки стонут под немецким сапогом, а может быть, какой-нибудь герр официрен сейчас уже насилует одну из них, а ты, выходит, спокойно за всем этим наблюдаешь... Вот такая штука получается.

Блюмкин, услышав такое жуткое предположение, даже содрогнулся от ужаса, глаза у него расширились, и он, не мигая, смотрел на Бирзе, который го-

ворил все это даже в чуть шутливом тоне. Он и его готов был убить за этот тон.

— А ты, брат, очень чувствительная штука! — усмехнулся Бирзе, бросив на него беглый взгляд. — Надеюсь, по части расстрела трех немцев ты не очень переживаешь?

— Это были враги, — пожал плечами Блюмкин.

— Они и остались, — сказал Бирзе.

— Я не понимаю... — начал было Блюмкин, но Бирзе его перебил:

— И не надо пока, Яша. Всему свой черед. А пока будем знать, что, если такой черед придет, ты бесстрашно возьмешь свой револьвер и выстрелишь, — дружески улыбнулся Бирзе.

— В кого? — не понял Блюмкин.

— Во врага! Разве я говорю что-то не то? — спросил Бирзе.

— Нет, все то, — согласился Блюмкин.

Этот разговор оставил в Блюмкине странно-тревожные ощущения, будто он впервые встретился с опытным и сильным врагом. Он так и не понял, для чего их познакомили. Нет, Бирзе потом просмотрел протокол допроса Мирбаха, даже внимательно просмотрел, задавал вопросы, но все равно у Блюмкина сложилось впечатление, что Бирзе приходил не за этим, словно ему кто-то поручил прощупать, проверить Блюмкина, и Бирзе, как опытный палач, приходил посмотреть на свою будущую жертву. Не познакомь их Петерс, такое бы сложилось впечатление. Впервые Блюмкин испытал растерянность, даже страх, хотя шел безобидный разговор, но Бирзе все знал наперед, даже о Мирбахе, а ведь Блюмкин никому еще не говорил, что есть возможность нанести сильнейший удар по германскому империализму, убив Мирбаха и тем самым разорвав позорный Брестский договор, освободив Украину от этого кровавого насилия. Как этот Бирзе ловко его поддел с сестренкой, точно он дьявол, точно знал, что един-

ственно за кого Блюмкин больше всех переживает и по кому тоскует, так это по Лие. Ей уже скоро шестнадцать, и она выглядит совсем как взрослая девушка. У нее уже крепкая и тугая грудь при осиной талии и широких бедрах, а личико как сладкая роза с пухлыми, сочными персиковыми губками, а глаза, ох эти глаза, луна в колодце, вот что такое ее глаза. Блюмкин сам влюблен в нее, и, живи они на Востоке, он бы женился на ней. Лия сама верность и скромность, она выйдет только за того, кого ей укажут родители, но Бирзе прав: эти грубые немецкие свиньи, увидев столь нежный плод, захотят сорвать и надкусить его, чтоб потом выбросить в грязь. Блюмкин даже застонал, представив себе эту жуткую картину, и сжал кулаки. Бирзе прав, медлить тут нельзя.

В дверь постучали. Блюмкин вздрогнул, тяжело задышал, свалился на стул.

— Войдите! — крикнул он.

И вошла Спиридонова. Блюмкин даже оторопел, столь неожиданным было это появление Спиридоновой у него в углу, угловом кабинетике. На Марии Александровне была белая нарядная блузка, черная длинная юбка и такой же черный пиджак, немного мужского покроя, но очень подходящий для ее решительного облика.

Она переступила порог его кабинета и заулыбалась, давая понять, что предыдущей размолвки как бы не было и они снова хорошие друзья, а может быть, даже больше.

— Вот вы где обитаете, Яков Григорыч, — проговорила она, оглядывая его кабинетик. — Я заезжала к Александровичу и хотела зайти переговорить с Феликсом, но его не застала, поэтому решила навесить и вас. А то вы совсем не появляетесь у нас в Леонтьевском, совсем забыли туда дорогу. Думаю, дай зайду, может, я его чем-то обидела, и он поэтому глаз не кажет...

— Садитесь, Ма... Мария Александровна... — Блюмкин даже стал заикаться. Он схватил стул, поставил перед ней. — Я все собирался забежать, но тут столько навалилось работы, да и у вас, наверное, дел невпроворот...

— Да, в конце июня у нас съезд партии, надо к нему уже готовиться, масса всякой письменной работы, выступления на митингах, обычная текучка, стычки с центральной властью. Я буквально на минуту, внизу машина ждет. — Она присела на краешек стула, — надо заехать в Кремль...

Спиридонова внимательно посмотрела на Блюмкина, и он невольно пришел в смущение. Она улыбнулась.

— Раз вы еще не разучились смущаться, значит, не так уж сильно переменялись, — улыбнулась Спиридонова. — А я даже немного скучаю по вас, мне всегда так нравилось болтать с вами, Яша, особенно вечерами...

Спиридонова поднялась.

— Сейчас такие вечера, у нас даже вчера объявился соловей, вот уж чудо, и я до утра заснуть не могу...

Она вдруг осеклась и порозовела, точно сказала что-то непристойное.

— Ну что же, надо ехать! — заторопилась Мария Александровна и протянула руку Блюмкину для прощания. Он легко сжал ее и долго не выпускал, глядя Спиридоновой в глаза. На какое-то мгновение они встретились взглядами, и оба смутились. Мария Александровна выдернула руку и быстро вышла из кабинета.

«Ну вот, всегда так!» — с досадой подумал Блюмкин.

Спиридонова неожиданно заглянула снова и проговорила:

— А вы, Яшенька, все же не забывайте нас, заходите! Прощайте! — И она скрылась за дверью.

И все же ее визит говорил о многом. Значит, она на него не сердится за тот дурацкий поцелуй и все забыла. А эти слова о соловьях? Нет, она помнит его и даже хочет снова встретиться. Она сказала: «Не забывайте нас, заходите!» И это «Яшенька»... Не Яков Григорьевич, не товарищ Блюмкин, а Яшенька! «В каких случаях девушка говорит парню «Яшенька»? А?.. — задумался Блюмкин. — Ясно в каких, когда он ей нравится. А разве не может быть любви между рядовым членом партии и ее руководителем? Может, революция дала всем свободу и тут! И что из этого выходит?..» Блюмкин дальше рассуждать не стал. Он еще ни разу не любил в своей жизни и даже не знал, что это такое. Он только слышал, как рассказывал об этой любви его начразведки в отряде, но рассказывал как-то непристойно, с грубыми телесными подробностями. Если это и есть любовь, то Блюмкину она не нужна. Тогда пусть будет дружба. Но в глубине души он знал, что есть и другая любовь — страстная, таинственная, сжигающая, безумная. Его сестра Лиечка так влюбилась. Он однажды застал ее в слезах в своей комнатке и очень удивился, стал расспрашивать. Она взяла с него клятву, что он никому не расскажет ее тайну, и призналась, что любит, влюблена в одного человека, а он ее не замечает.

— Ну и разлюби тогда, — посоветовал ей Блюмкин.

— Да я умереть готова за один взгляд, вот как я люблю его! — в слезах выкрикнула она, и Блюмкин был потрясен таким откровением сестры: ей не было и четырнадцати.

Значит, она есть, эта роковая любовь, о которой ему говорил и Зинч, а он-то наверняка ее испытал и знает, как все это происходит. Надо обязательно с ним поговорить об этом. Он даст ему настоящий совет.

Блюмкин пошел в секретарскую, чтобы налить

себе чаю и взять у Ксенофонтова сушек. Запасливый Иван Ксенофонтович всегда подкармливал безденежных чекистов из этого общего фонда. В коридоре он натолкнулся на Андреева.

— Ну что, закончил? — нетерпеливо спросил Коля.

— Чего тебе? — не понял Блюмкин.

— Но их же две! Я ж не могу один! — зашептал Андреев. — Хватит работать, а то свихнешься, точно говорю! У нас на флоте один телеграфист был...

— Я слышал уже эту историю! — отрезал Блюмкин, зашел в секретарскую, налил чаю, взял сушек, рассовав их по карманам, и отправился к себе в кабинет.

— Я жду, слышишь! — крикнул вдогонку Андреев.

— Вот привязался как банный лист, — зло прошипел Блюмкин и громко захлопнул дверь. Была бы возможность, он бы закрыл ее на ключ. Блюмкин снова стал размышлять о Мирбахе и убийстве шведки. «Вообще это действительно странно: была счастлива, и вдруг покончила с собой... Надо быть экзальтированной, взбалмошной дамочкой, у которой нервы уж совсем ни к черту, чтобы взять и отравиться».

На глаза Блюмкина попался телефон Зинча. Несколько секунд Блюмкин смотрел на него, потом снял трубку и попросил соединить его с кинотовариществом Ханжонкова. Блюмкина соединили, но Зинча на месте не оказалось, и тогда Блюмкин попросил к аппарату Ханжонкова. Его пригласили. Блюмкин представился и спросил, из-за чего произошла размолвка между ним и госпожой Ландстрем.

— Да, собственно, никакой размолвки и не было! — ответил Ханжонков. — Да, госпожа Ландстрем, с которой мы договорились об определенной сумме, неожиданно, уже приехав сюда, объявила,

что просит увеличить ей гонорар вдвое, иначе она сниматься не будет. У нас уже были готовы костюмы, декорации, мы оплатили ее дорогу сюда, сняли для нее роскошный номер с завтраком в постель, словом, все как полагается. Меня предупреждали, что у нее акулья хватка, что она лишь играет этакую хрупкую, изнеженную барышню, а на самом деле это суций дьявол, что она разорила многих аристократов в Европе, влюбляла их в себя роковой страстью, доводила до полного разорения, так что они пускали себе пулю в лоб. Но я воспринимал это как литературный сюжет, не более. И вдруг она делает такое заявление. Ну, я сначала вспыхнул, сказал «нет», но потом перечел договор, и оказалось, что если расторгаю его я по любой причине, то выплачиваю ей половину денег. Она меня просто околдовала, когда я подписывал этот договор, я не мог такого подписать, но подписал. Я прослезился, позвонил ей и сказал, что готов принять ее условия. Я тут зависел еще от рекламы и от зарубежных купцов, которые согласны были купить эту фильму, но лишь с ее участием...

— Сколько прошло времени от вашего отказа до нового согласия?

— Один день, — ответил Ханжонков.

— Один день? — удивился Блюмкин. — Но ваш сотрудник Зинч...

— Никогда не надо верить тому, что говорит Зинч, по-моему, он сам этому никогда не верит. Его заносит, у него бурная фантазия, потом он перед всеми извиняется, но врать продолжает. Сейчас он всем рассказывает, что выполняет секретное задание самого Пуанкаре...

— Это может плохо кончиться, — сказал Блюмкин.

— Горбатого могила исправит! — рассмеялся в трубку Ханжонков.

— Когда вы должны были приступить к съемкам?

— На следующий же день после того, как она подпишет контракт, то есть на следующий день после того, как ее убили... — с грустью сказал Ханжонков.

— Вы считаете, что ее убили? — спросил Блюмкин.

— Она очень хотела сыграть эту роль, а потом... она получала кругленькую сумму, эти две вещи были для нее дороже смерти, господин...

— Товарищ Блюмкин, — подсказал он.

— Товарищ Блюмкин, — вздохнул Ханжонков. — А дальше уже ваше дело: сумеете вы найти убийцу или нет. Мне это все равно не поможет!

— Спасибо, товарищ Ханжонков, — сказал Блюмкин. — Если вы мне понадобится, я вас вызову!

Блюмкин положил трубку, закурил, нервно заходил по кабинету. Он вдруг представил себе эту акульку дамочку и мягкого, разнеженного Мирбаха. Но почему мягкого, почему разнеженного?! А если страстного ревнивца, который вбил себе в голову, что увезет ее к себе, женится на ней, а она просто пресытилась им, он ей надоел, она сказала ему: «Пошел вон, ты мне надоел, я начинаю сниматься, завтра принесут договор, я его подписываю, и на этом наш роман закончится. Ты уедешь к себе, и мы никогда больше не увидимся! Никогда!» И вот тут... Или все было иначе?..

Блюмкин вдруг остановился и вскричал громким голосом:

— Да, все было иначе! Все было иначе!

Коля Андреев, который именно в эту секунду заглянул к Блюмкину и услышал этот исступленный выкрик, закрыл дверь и перекрестился. «Кажется, начальник тронулся», — пронеслось у него в голове.

12

Получив деньги от Жоржа, Зинч помчался на студию, но там сказали, что запуск новой филь-мы будет не раньше 10 июля. Фильма называлась «Любовь на море», но из-за немцев, оккупировавших Украину, Ханжонков решил не рисковать, и теперь сценарий переделывали и, скорее всего, он будет называться «Любовь на озере». Зинч обрадовался тому, что до 10 июля он мог быть свободен, и на радостях загулял с приятелями-актерами, у которых тоже сорвались гастроли. Его затащили на дачу, где он прожил почти неделю.

Дома он жил с матерью, работавшей бутафором в театре, женщиной мягкой, интеллигентной и впечатлительной, поэтому, чтобы не огорчать ее, Володя сказал ей, что уедет на пару недель в командировку, нужно было достать распилочную доску для декораций, желательно недорого, а для этого его посылают в Тверь. Мама верила сыну на слово, но удивилась тому, что он не берет с собой даже смену нижнего белья. Володя сказал, что заедет за ним домой дня через два, а потом уедет обратно. На машине.

Неделя подходила к концу, как и шальные деньги, выданные Лораном. Зинч успел завязать легкий роман с Сарой Бернар, она, плача, рассказала ему о своей гнусной подлости: она нечаянно, сдуру оклеветала своего соседа, обозвав шпионом за его тайные ночные сидения с друзьями, а какой-то плюга-

вый Блюмкин заставил ее написать донос, обещая, что только проверит, что это за сборища у Пустовского, а потом его арестовал. Теперь она и дома показываться боится, потому что он и ее может арестовать. Зинч, услышав фамилию Блюмкин, радостно расхохотался, заявив, что они старые друзья и Яша выполнит любую его просьбу: освободит ее несчастного соседа, а Сару и подавно не тронет, потому что с этой минуты она находится под его покровительством.

Так у них и вспыхнул роман. Сара вдруг страстно влюбилась в него, признавшись, что давно уже испытывала к Зинчу необоримое влечение. И легкомысленный Зинч, обласканный нежностью двадцатилетней девушки, которая восторженно смотрела на него и ловила каждое его слово, впервые подумал: а может, ему пора и жениться? Двадцать девять лет, уже не мальчик, да и мама не вечна, она мечтает о внуках, и, наверное, пора продолжить свой род. Сара не какая-нибудь барышня-крестьянка, она актриса, и даже талантливая, самое главное — безумно его любит. Чего еще желать?..

Они бродили в дождь по лесу и целовались в снах. Сара декламировала странные стихи: «дыр мыр гир», в которых Зинч ничего не понимал, и тогда он прочитал ей другие, нравившиеся ему:

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.
В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

Зинч увидел, как Сара замерла, вслушиваясь в эти простые строки, как заволновалась ее грудь и искорки блеснули в глазах.

— Чьи это стихи? — спросила она.

— Это сонет. Дочитать до конца?

Она кивнула.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.
День вечереет, небо опустело,
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

Зинч читал просто, без всякой декламации, обычным, почти будничным тоном, и от этого стихи воспринимались еще сильнее.

— А чье это? — удивилась Сара. — Блок?

— Отец очень любил это стихотворение и этого поэта, прозаика. Бунин. Слышала?

— Немного. Он о деревне, кажется, пишет?

— Не только. Но это как-то понятнее, чем твое «дыр мыр гир» Васи Грындина. Он, может быть, и хороший поэт... будет, — усмехнулся Зинч.

— А почитай еще Бунина, — попросила Сара.

И Зинч читал ей Бунина, и они снова целовались. Дождь переставал идти и начинался снова, но они не замечали его, шли-шли, а потом заблудились, вышли к какой-то деревеньке, и оказалось, что их дача в девяти верстах от деревеньки. Вернулись они поздно ночью, друзья их уже потеряли, но возвращение превратилось в бурный праздник, который закончился лишь утром.

Так катились дни, у Зинча давно кончилась командировка в Тверь, надо было возвращаться, но ему не хотелось. Первой опомнилась Сара. В театре начинались репетиции новой пьесы, где она была занята, и они вернулись в Москву, дав друг другу слово никогда больше не расставаться. Зинч даже спросил ее:

— А что, если б один человек предложил тебе стать его женой?

Сара вскрикнула от радости и прямо на улице бросилась ему на шею.

Зинч возвращался домой счастливый и вдохновенный. «Мы мало видим, знаем, а счастье только знающим дано», — бормотал он, спускаясь по Тверской к Охотному ряду. По дороге он зашел к Елисееву купить коробку конфет для матери: такая у них в семье была традиция, еще покойный отец, приезжая из командировки — он был архитектор, — всегда покупал ему и маме коробку конфет.

Он застал дома плачущую мать. Она, беспокоясь о нем и предчувствуя самое худшее, поехала на кинофабрику и узнала, что Зинча никто никуда не посылал, и от этого стала волноваться еще больше, не зная что делать и где искать сына. А последние два дня она вообще не выходила из квартиры, прислушиваясь к каждому стуку в парадном.

Зинч пал на колени, рассказал о безумной любви, которая унесла и закружила его, как вихрь. Он опомнился лишь сегодня утром и бросился домой.

— Ты весь в отца, — вытирая слезы, проговорила Вера Георгиевна (так звали мать Зинча). — Он тоже меня выкрал, увез на дачу, и нас нашла уже полиция...

— Что ты говоришь?! — воскликнул Зинч. — А вы мне никогда не рассказывали об этом!.. Как это было?..

— Ты, наверное, голодный? — спросила Вера Георгиевна.

— Я совсем не голодный, расскажи! — потребовал Зинч, но в это мгновение зазвенел дверной колокольчик, и Зинч бросился открывать дверь. Перед ним предстала высокая, статная женщина в черной шляпе с вуалью. Она откинула ее и, улыбаясь, посмотрела на Зинча. Лицо незнакомки светилось тем счастливым блеском, какой бывает только у влюбленных, уж это Зинч теперь знал. Он даже смутился от такого взгляда, не понимая, кому он адресован. Дама представилась Изольдой Сергеевной Левиной и сказала:

— Я из общества красных агитаторов, мы бы хотели попросить вас рассказать у нас в обществе о ваших новых фильмах...

— Я с удовольствием, только я не актер... — улыбаясь, сказал Зинч, не сводя глаз с обольстительной Изольды Сергеевны.

— А нам нужно узнать весь процесс создания фильма, и порекомендовали вас... — пропела Изольда Сергеевна.

— Я поставлю чаю! — радостно заулыбалась Вера Георгиевна, приняв незнакомку за ту самую даму сердца, в которую влюбился ее сын, и ушла на кухню.

— И правильно порекомендовали! — заулыбался Зинч. — Тут можете положиться на меня, никто лучше не расскажет, а уж какие случаи бывают в нашей синемаграфической жизни, о, я буду рассказывать весь вечер и всю ночь! — Зинч изобразил на своем лице роковую страсть, а Изольда издала странный звук, похожий одновременно на удивление и одобрение, но Зинч отнес значение этого звука к последнему слову.

Вера Георгиевна стала вынимать из большого старинного буфета вазочки с сахаром и печеньем, но Изольда Сергеевна от чая отказалась, сославшись на то, что надо торопиться и Владимира Иосифовича уже заждались, а Зинч успел шепнуть матери, что это совсем не та дама, о которой он ей рассказывал, и они отправились в общество красных агитаторов. Так, естественно, считал Зинч. Но уже на улице Изольда Сергеевна напомнила ему о «Союзе союзников», его клятве, договоре и полученных деньгах. Зинч нахмурился и с трудом вспомнил о странной организации, Жорже Мамелюке и «Гранд-отеле». Изольда объявила, что отныне его связной будет она и настала пора действовать.

Они пришли на какой-то заброшенный товарный двор, Изольда посадила его в расхлябанный грузови-

чок, повелев следовать указаниям шофера и сказав на прощание, что сама его разыщет. Машина, чихая, тронулась. Зинч не знал, куда его везут и зачем. Небритый шофер в матросском бушлате всю дорогу молчал, нервно курил и даже не взглянул на Зинча. «Может, меня уже везут убивать? — со страхом подумал Зинч. — Привезут, тюкнут и закопают...»

Они проехали всю Москву и остановились на окраине Филей. Шофер вылез из машины, махнул рукой Зинчу. Он тоже вылез, поплелся за ним в сарай.

Накрапывал дождик и тихо наплывали сумерки. Шофер ткнул пальцем в ящики, мотнул головой в сторону машины. Ящики оказались тяжеленными, и, пока они тащили, грузили в машину один ящик, Зинч совсем упарился. Ящичков оказалось четыре, и к концу погрузки Зинч взмок, как чернорабочий. Из Филей они поехали на Полянку и втаскивали эти тяжеленные ящики на четвертый этаж, отчего у Зинча все поплыло в глазах и затряслись руки. Затащив ящики в странную пустую квартиру на четвертом этаже, шофер закрыл ее, спустился вниз и молча уехал, оставив Зинча одного на Полянке. Зинч потоптался около дома и поехал к маме, рассказав за ужином, что лекция прошла прекрасно, задавали много вопросов и вообще он пользовался популярностью.

— Значит, еще пригласят! — радуясь его успеху, сказала Вера Георгиевна.

— Нет, больше не надо! — помрачнев, пробурчал Зинч.

Но его «пригласили», стали очень часто «приглашать» в общество красных агитаторов, так что мама даже посоветовала сыну перейти туда на работу, на что Зинч выкрикнул: «Никогда!»

Через пару дней Изольда потащила его в типографию, где они взяли пачки листовок и привезли их в ту же квартиру на Полянке. Зинч вытащил одну из

листовок и с ужасом прочел воззвание. В нем говорилось об убийстве немецкого посла Мирбаха.

— Листовки надо будет расклеивать по ночам, — сказала Изольда, — но так, конечно, чтобы тебя не схватили. Если схватят, могут и расстрелять... — Ее глаза даже увлажнились от тревоги за него.

У Зинча же волосы встали дыбом от этих слов. Только сейчас он окончательно осознал, в какую западню его завлек Жорж Мамелюк. Изольда, заметив, как побелели у Зинча губы, усмехнулась, рассказав, что вообще-то они готовят вооруженный переворот, но сейчас главное уничтожить Мирбаха, гидру мирового капитала. Зинч входит в первую боевую пятачку, скоро ему дадут оружие и, возможно, даже ему выпадет эта великая миссия — застрелить Ирода русского народа, но это надо заслужить. Изольда открыла один из ящиков, тех, что два дня назад он с шофером привез из Филей, и Зинч увидел новенькие, еще лоснящиеся от оружейной смазки револьверы.

— Дать тебе один? — спросила Изольда.

— Не надо! — сразу же отшатнулся Зинч. — Потом, я возьму потом, — заметив ее удивление, добавил Зинч.

После увиденного арсенала у Зинча даже пропало желание флиртовать с Изольдой, хотя она по-прежнему посматривала на него с вождением.

Когда они возвращались с Полянки, Изольда рассказала Зинчу о Френсисе Уайбере, он живет на Петровке, дом 19, квартира 35. Изольда заставила Володю несколько раз повторить адрес, чтоб он запомнил его, но никогда никому не смел сообщать. Зинч пообещал, не очень понимая, зачем ему вообще надо запоминать этот адрес.

— А потому, — сказала Изольда, — что Френсис хочет с каждым познакомиться и поговорить с прицелом, кому же доверить акцию возмездия. Кроме

того, Уайбер привез новые инструкции из Лондона и точную дату убийства Мирбаха. И деньги...

— Какие деньги? — спросил Зинч.

— Миллион рублей дают тому, кто убьет Мирбаха! — сообщила Изольда.

Зинч присвистнул. Деньги заманчивые, но и убить Мирбаха нелегко. Его охраняют, да и надо как-то проникнуть в посольство.

— Все можно сделать, было бы желание! — усмехнулась Изольда, остановившись у одного из домов на Неглинной. — Я пришла... — Она выдержала паузу, с зазывной улыбкой, как показалось Зинчу, поглядывая на него. — Могу угостить настоящим кофе, если хочешь? — кокетливо спросила она.

— Нет, меня ждут, — пробормотал Зинч, не желая даже лишней минуты остаться в обществе столь опасной дамы.

В хорошенькое дело он впутался, и все из-за каких-то жалких двадцати тысяч! Он перевозит оружие, бывает на явочных квартирах, рассуждает об убийстве немецкого посла, запоминает адреса английских шпионов, входит в боевую пятерку подпольной террористической организации! Да заодно это его без сожаления шлепнет, не рассусоливая, тот же милейший Яша Блюмкин. Прежде покойная и приятная жизнь Зинча превратилась в сплошной кошмар. Он просыпался утром поначалу в хорошем настроении, но как только вспоминал о «Союзе союзников», так у него сразу пропадал аппетит, настроение портилось, короче, он скисал. Даже обольстительная грудь Изольды, когда она прижималась к нему, не возбуждала Зинча, а это был верный знак его тайной болезни. За эти две недели он извелся и всерьез подумывал о бегстве из Москвы, исподволь ведя подобные разговоры с матерью. Она растерянно круглила глаза, не понимая, что происходит с сыном, начинала плакать, и он успокаивал ее, согла-

шаясь еще немного пожить в Москве. Но совсем-совсем недолго. Впрочем, куда было ехать? Приезжающие из губерний рассказывали об ужасах местной жизни и голоде. Москва еще как-то держалась из последних сил.

Два дня Изольды не было, и Зинч даже повеселел, успокоился, у него появился аппетит и юмор. Появление последнего означало полное выздоровление, зато он где-то подхватил насморк, и вот тогда-то, на третий день в десять часов вечера, в своей черной шляпе с белым страусовым пером заявила Изольда. Зинч, неважно себя чувствуя, даже лег пораньше в постель, напившись чаю с малиной и взяв, чтобы отвлечься, томик стихов Бунина. Вера Георгиевна даже прослезилась, увидев его с отцовским томиком Бунина.

— Как ты похож на Иосифа!.. — вздохнула она, и Зинч поцеловал ее за эти слова, подумав: «У меня редкостная мама! Как я ее люблю!» Но когда через полчаса его родная мать с радостной улыбкой ввела в его комнату эту похотливую вампиршу Изольду, у Зинча не только подскочила температура, он готов был поколотить свою любимую маму.

— Ты разве забыл, что у нас сегодня ночные съемки? — улыбаясь, проворковала Изольда.

— Я себя неважно чувствую, насморк и, кажется, температура, — пробормотал Зинч.

— Одевайся, без тебя ничего не получится! — уже серьезно сказала Изольда. — Ты же знаешь, какая сложная у нас фильма...

— А разве вы не из общества красных агитаторов? — удивленно проговорила Вера Георгиевна, внося поднос с чаем.

— Благодаря лекциям вашего сына я так полюбила синематограф, что теперь предана ему всей душой и телом, — с пафосом ответила Изольда.

— Я счастлива, что мой сын помог выбору вашего пути, — обрадованно пропела Вера Георгиевна.

Она старательно укутала сына, дала ему с собой термос с горячим чаем и попросила не стоять на сквозняке.

На улице Изольда сунула ему пачку листовок и сумку.

— За сегодняшний вечер надо все это расклеить, — скомандовала она. — Желательно в многолюдных местах. Клей и кисточка в сумке. Не дрейфить! Вот... — Она сунула Зинчу револьвер. — Он заряжен...

— Зачем? — испугался Зинч.

— Отстреливаться, — сказала Изольда. — Вы не должны попасться живым в руки милиции и ВЧК. Вы знаете явки, наших людей, они будут вас пытаться, и вы проболтаетесь...

— Нет... — прошептал Зинч.

— Проболтаетесь, они умеют развязывать языки! — вздохнула Изольда.

— Нет, я не хочу расклеивать листовки! — вспотев, пробормотал Зинч. — Я не умею и не хочу...

— Вы дали клятву, взяли деньги...

— Я отдам деньги...

— Не отдадите! — перебила его Изольда. — Двадцать золотых червонцев — это крупная сумма, а потом, вы много уже знаете...

— Я никому ничего не скажу! Никому! — забормотал Зинч. — Помогите мне! Помогите!.. — В его голосе послышались слезные нотки.

Он упал на колени, прижимая к груди листовки. К счастью, они шли по тихой, почти безлюдной улочке, и Изольда, оглядевшись, взмахнула ручкой.

— Немедленно встаньте! — приказала она.

— Не встану! — отрезал Зинч. — Пока не поможет, не встану, — добавил он уже тише.

— Чем я должна вам помочь?! — не поняла Изольда.

— Я не хочу расклеивать эти листовки! — пробормотал Зинч. — То есть не могу, я болен, я очень болен...

— Вы очень больны? — удивилась Изольда. — Но по вашему виду этого не скажешь.

— Я потом поработаю, но мне надо выздороветь...— пролепетал Зинч.

— Хорошо! Да вы можете встать, черт возьми! — рассердилась Левина.

— Да...— Зинч поднялся, умоляюще глядя на Изольду.

— Я сама расклею! Отдайте! — Она вырвала у него листовки, взяла сумку. — Отдайте револьвер!

— Вот! — Зинч протянул Изольде револьвер.

Она сунула его в карман.

— Не ходите, вас поймают... — пробормотал Зинч. — Разве нельзя это сделать завтра?..

— Задание должно быть выполнено, — твердо сказала Изольда. — У нас все-таки боевая организация, а не приют для сирот! Вы должны набраться мужества и заработать в полную силу! — доверительно шептала Зинчу Изольда, прижимаясь к нему большой грудью. — Возьмите меня, я женщина...

Зинч взял ее за грудь, но Изольда тотчас шлепнула его по руке:

— Вы с ума сошли!

— Но вы сказали...

— Я хотела сказать совсем другое! Я хотела сказать: возьмите меня, я женщина, я боюсь всего этого еще больше вас, мужчин, я жуткая трусиха, но ради того, чтобы выполнить это задание, я буду отстреливаться до последнего патрона! — решительно выдохнула Изольда. — Сейчас же я делаю это одолжение из-за сочувствия к вашей простуде. Но не думайте, что в следующий раз вам удастся увильнуть от наших дел! Мы намечаем операцию по ликвидации Мирбаха, будут задействованы все наши люди, и у вас там очень ответственная роль!

— Какая? — застыв от страха, прошептал Зинч.

— Об этом будет известно за два часа до операции, пока наш аналитический центр ведет разработ-

ку, мы достаем планы здания, изучаем подходы...— проговорила Изольда. — Ну все, идите лечитесь!

И она ушла, так соблазнительно покачивая бедрами, что Зинч долго смотрел ей вслед, пока Изольда не исчезла в толпе.

Вернувшись домой, он попросил у мамы вишневой настойки на спирту и выпил целых пять рюмок. Мама сидела рядом и считала количество выпитых им рюмок. На шестой она решительно взяла его за руку.

— Даже если она тебя бросила ради другого, все равно не надо отчаиваться и пить, — сказала Вера Георгиевна.

— Кто кого бросил? — не понял Зинч.

— Я же понимаю, что у тебя драма сердца, — прослезившись, ответила мама.

— У меня драма судьбы! — сердито бросил Зинч, поднялся из-за стола и пересел на дивал, сжав виски ладонями.

Мама села рядом с ним, погладила его по голове.

— Если она так тебе нравится, сынок, то женись, я могу немного пожить у тети Маши, а там посмотрим...— проговорила она.

— Ты с ума сошла! — вскакивая, закричал Зинч.

Вера Георгиевна так испугалась, что выронила из рук чашку с чаем, предназначенную для сына. Зинч бросился собирать осколки.

— Я хотел сказать, мамочка, что никогда с тобой не расстанусь! — прошептал он, и мама всплакнула, впервые услышав столь дорогое сыновнее признание.

«Завтра же пойду к Блюмкину, разопьем с ним литра два водки, и все ему расскажу. Яша поможет, он свой!» — решительно провозгласил Зинч, и от этой мысли у него стало спокойнее на душе.

13

Карл Рицлер сидел в гостях у профессора Котляревского, пил чай из чашек тонкого баварского фарфора, пригубливая сладкую вишневую наливку из узких высоких рюмок и создавая на языке вместе с пахучим травным чаем целый букет ароматов.

— Эти чашки мы вместе с твоим отцом еще выбирали, — заметив, что Рицлер рассматривает рисунок на чашке, проговорил Котляревский. — Кажется, только вчера я работал над диссертацией в Мюнхене и просиживал вечера в вашем доме...

— Я словно дома, у нас такие же чашки стоят в буфете, — с грустью улыбнулся Рицлер.

— А как твое увлечение милой Гретхен? — игриво спросил Котляревский. — Я помню, как отец волновался!

— Ее звали Эмма... — Взгляд Рицлера подернулся влажной дымкой. — Я был безумно влюблен в нее тогда...

— Настолько, что забросил своих эллинов! — не без иронии обронил Котляревский.

— Да... — Рицлер выдержал паузу. — А ведь я готов был бежать из дому, порвать с отцом, бросить карьеру, все растоптать, всего лишиться, лишь бы быть вместе с ней... — Рицлер достал сигару, взглянул на хозяина, тот кивнул, поднялся, принес пепельницу.

Они говорили по-немецки, хотя Рицлер неплохо

знал русский и даже мог изъясняться, но не так свободно, как на родном языке.

— Я ее потом встретил, прошло полгода или год, я не помню, мы остановились на улице, и я еле выдержал минут десять ее болтовни, хотя еще полгода назад мог часами восхищенно слушать ее лепет, находя в нем высокую поэзию и музыку, — продолжил Рицлер. — Простившись с ней, я благодарил Бога, что он вразумил меня и излечил от этой болезни, вот великая загадка бытия! Отчего случается с человеком такая болезнь и отчего она проходит?.. Это подобно солнечному затмению, но там ход светила предопределен и рассчитан уже на многие столетия вперед, а тут никто не застрахован, никто не знает, случится с ним или нет...

Рицлер необычайно оживился, глаза его засверкали, и Котляревский тоже зажегся от этого вспыхнувшего огня своего старинного приятеля, хотя был лет на десять старше Карла.

— Я могу добавить, что сие не зависит от возраста! — заговорил Сергей Андреевич. — Мой знакомый, профессор палеонтологии в университете влюбился, как мальчишка, в 58 лет! И в кого?! В восемнадцатилетнюю свою студентку, стал бегать на свидания, забросил все дела на кафедре, а теперь собирается уходить из семьи и жить вместе с ней, она ждет от него ребенка! Его тридцатидвухлетняя дочь приходила ко мне, просила повлиять, семья даже собирается обращаться за его медицинским освидетельствованием. Вот каково!

— Миленок — и не умыт беленок! — проговорив по-русски, заметил Рицлер.

— Вот это в самую точку! — Котляревский задорно рассмеялся, откинувшись на спинку стула, острый кадык его задергался, а Рицлер снова с грустью покачал головой, выпустив замысловатое колечко дыма.

— Но самое печальное в том, что я тоскую по

тому, что уже не могу заболеть этой священной болезнью, — неожиданно сказал Рицлер. — Вот чего мне не хватает!..

— Но это всегда так! Младенцу не хватает зрелости, а старику юношеского пыла, — согласился Котляревский.

— Нет, — возразил Рицлер. — Не знаю, поймете ли вы меня, дорогой Сергей Андреевич, но я ныне искренне жалею, что не дал себе изболеться до конца, что не совершил того безумства, которое от меня требовала природа, заметьте, моя природа, и в чем-то, а может быть в самом главном, оскудил себя, если не оскопил, не дал выйти натуре своей в какое-то иное измерение... — Рицлер заметил, как тень недоумения промелькнула по лицу Котляревского, точно он разочаровался в чем-то очень важном. — Так что я завидую вашему профессору палеонтологии! Как это у вас в народе говорят: мило не мыло, а беленькое личико! Так?

— Когда это Карл ты успел узнать столько наших пословиц? — заулыбался Котляревский. — Может быть, ты и прав в вопросах любви, но разреши, я перейду к вещам более прозаическим, ибо уполномочен в некотором роде провести с тобой официальный разговор...

Котляревский выдержал паузу. В другое время он бы с удовольствием поболтал с Карлом на темы любовных страстей, но «Совет общественных деятелей», в руководство которого входил Котляревский, решил влиться в так называемый «Правый центр» — организацию, которая находилась в оппозиции к Ленину, и ряд участников «Центра» тяготели к прогерманскому союзу. Поэтому решено было искать контакты с Мирбахом, чтобы понять настоящее отношение Германской империи к большевикам — едва ли прусский император Вильгельм Второй всерьез мог воспринимать большевиков, — а затем предложить кайзеру поддержать их организацию, ибо вряд

ли ленинская свора сумеет долго продержаться у власти. Это была первая встреча для прояснения таких отношений. Со стороны «Центра» были даже выделены два человека — Сергей Леонтьев, один из руководителей всего «Правого центра», и Сергей Урусов. Оба рвались на эту первую встречу, но Котляревский решительно отсек это условие. Они давно были знакомы с Карлом, и он предпочел провести этот вечер в ностальгически-семейном ключе, а потом, когда установятся нормальные отношения, то для отработки деловых вопросов с Рицлером уже подключатся Леонтьев и Урусов.

Худенький, небольшого роста, с темными, чуть навывкате еврейскими глазами и острой, клинышком академической бородкой, Котляревский уже давно ерзал, не зная, как подступиться к основной теме, и поддерживая дурацкую тему любви. Рицлер завел ее сознательно, прекрасно зная, для чего он вдруг понадобился Сергею Андреевичу, будучи неплохо осведомленным и о самом «Правом центре», и о его противоречиях — одна часть его склонялась к союзу с Антантой, и это мешало Карлу давно уже самому установить контакты с правыми. Рицлер сознательно затягивал разговор о любви, зная, что истаивает его время гостевания, оно было ограничено двумя часами, чтобы не выслушивать долгий и нудный рассказ Котляревского о самом «Центре», а услышать саму суть предложений. И он этого добился. За пять минут Сергей Андреевич изложил структуру «Центра», в который помимо его «Совета общественных деятелей» входили Кадетская партия, «Торгово-промышленный комитет», «Союз земельных собственников», крайне правые в лице бывшего оберпрокурора Синода Роговича и еще нескольких лиц, а также либерал Петр Струве и князя Трубецкие.

Несмотря на пестроту, «Правый центр» составлял

прежде всего финансовую и интеллектуальную элиту России, ее лучшие умы.

— Одни имена чего стоят! — горячо убеждал собеседника Котляревский, постукивая пальцем по столу. — Бердяев, Струве, Мейснер, Челищев, да кого ни возьми из нашей когорты! Что ни имя, то личность мирового масштаба! — убеждал Котляревский Рицлера, размахивая руками и постукивая пальцем по столу.

— А то, что вы связались с этим революционно-бесовским сбродом, как определил их духовную суть еще Федор Михайлович Достоевский, то это свидетельствует не о лучшем вашем вкусе! — Котляревский не выдержал и попросил угостить его сигарой. Он год назад бросил курить, его замучил жуткий кашель, и теперь радостно вспоминал забытый аромат хорошего табака.

— Когда надо выжить, тут уж не до вкуса, — заметил Рицлер.

— Так вы собираетесь и впредь поддерживать Ленина?! — напрямую уязвленно спросил Котляревский.

— Я бы с удовольствием поддерживал тебя, Сергей Андреевич, и твою элиту, — улыбнулся Рицлер. — Но сможете ли вы взять власть?

— Думаю, что сможем, — уверенно сказал Котляревский. — Точнее, у нас есть многое, чтобы ее взять. Деникин, Колчак, Юденич, Краснов нас поддерживают...

— Колчак антигерманист, он никогда не пойдет на этот союз, — уверенно сказал Рицлер. — А кроме того, он уже вступил в соглашение с Антантой!

— Ничего, у нас и без него сил хватит, чтобы одолеть эту погань! — самоуверенно заявил Котляревский. — Вся Россия за нас!

— Россию надо еще поднять, — заметил Рицлер.

— Поднимем! И сформируем свое правительство, которое будет готово заключить с Германией друже-

ственный договор. Конечно, если бы вы сейчас нам помогли, то...

— Мы не будем вмешиваться в дела Центральной России, — перебил профессора Рицлер, — хоть и не скрою, что Людендорф строит такие планы. Но император на это никогда не пойдет, и я того же мнения. Мы можем помочь деньгами, советами, но в глубоко конспиративной форме, исключительно из того, что лично мои симпатии не на стороне Ленина и я бы не желал для России такого правителя. Это будет катастрофа не только для вас, но для всего цивилизованного мира. Я высказался достаточно ясно?

Рицлер с грустью посмотрел на разочарованное лицо Котляревского. Профессор рассчитывал, что немцы придут, очистят Москву и Россию от большевиков и торжественно передадут им ключи власти. Наивный человек! Правоцентристы уже формируют правительство, строят планы, совещаются о дальнейшей судьбе России. Рицлер был в курсе этих маниловских прожектов. Он даже знал, что его давний знакомец Котляревский написал целый трактат о внешней политике будущей России, где помимо тесных связей с Германией предусматривалось в первую очередь развивать отношения с азиатскими странами, Скандинавией и Америкой. Правые почти ежедневно собирались на тайные совещания, спорили до хрипоты, писали обширные доклады, искали компромиссы, обсуждали, как быть с Польшей и Финляндией. Давая им самостоятельность, они оговаривали уже таможенные льготы по ввозу и вывозу товаров, постановляли, что на Украине, которая останется частью России, будет два государственных языка — украинский и русский, а в отдельных ее автономиях еврейский и польский. Котляревский сидел ночами, сочиняя всемирную декларацию урегулирования международных конфликтов уже для будущей России, как будто большевики могли ис-

чезнуть из нее, как простуда с наступлением жаркого лета.

Старинный друг семьи Рицлера, профессор академической политической экономии и права Сергей Андреевич Котляревский просто не знал, что реальная политика замешана на крови и грязи, предательстве и гнусном обмане, оголтелом блефе и циничной торговле, и всеми этими безнравственными правилами неплохо владел ненавистный им красный вождь Владимир Ульянов-Ленин. Но Рицлер бы не поставил ему пятерку как политику. Четверка с минусом, не больше. Но это совсем неплохо, если иметь в виду, что у профессора Котляревского роковая единица по данному предмету.

Они сердечно простились, Рицлер пообещал встретиться с Леонтьевым и Урусовым в самое ближайшее время.

— Еще увидимся! — обнимая Карла, прошептал Сергей, но Рицлер чувствовал, что они никогда не увидятся. Предчувствие его редко обманывало.

Было еще светло, сумерки только подступали к московским улочкам, когда Рицлер сел в машину. По старой привычке проверить, нет ли за ним «хвоста», он огляделся, но улочка была полупустынная — впереди с бельевой корзиной спешила прачка да дворник с почтением смотрел на Рицлера из-за забора. Напротив в глубине подворотни стоял коренастый человек в кепке и тоже внимательно разглядывал машину и его, Рицлера. Лицо незнакомца было полуопущено, в тени, и Рицлер не успел его рассмотреть, машина тронулась, но контуры фигуры и высокий лоб странного наблюдателя из подворотни показались ему знакомы. Рицлер обернулся, помахал рукой Котляревскому, все еще стоявшему на улице, а когда через секунду обернулся к подворотне, то вместо незнакомца успел рассмотреть лишь

коричневый полуботинок, модный, остроносый, из хорошей свиной кожи. Такую обувь в России производить не могли. Полуботинок был явно привезен из Германии или Франции, и это весьма заинтересовало Рицлера. Он любил такие шарады. Но больше того, силуэт фигуры самого наблюдателя ему показался знакомым. Что мог делать человек, носивший такие туфли, в подворотне, как не следить за ним?.. И это не человек Дзержинского. Но кто тогда?!..

Они проехали минут десять, Курт, посольский шофер, любил ездить медленно, с достоинством, и это нравилось Рицлеру. На одном из перекрестков Курт притормозил перед дамой, переходившей дорогу, и Рицлер вдруг вспомнил, кого напоминал ему незнакомец своей фигурой — Пьера Лорана, французского разведчика. Но, по сведениям Рицлера, Лоран должен быть во Франции, среди членов французской миссии его не было ни под своим, ни под чужим именем, Карл знал это достоверно. А стать нелегалом — на такое отважится не каждый. Надо в совершенстве знать язык, обычаи... Хотя агентурную сеть в Москве и Петрограде Лоран создал большую. Неужели это он?..

Почти минуту Рицлер размышлял над этим вопросом, заданным самому себе, и ответил отрицательно. «Вряд ли, — подумалось ему, — Лоран не так глуп, чтобы рисковать своим положением и переходить в нелегалы. Да и чтобы выучить этот варварский язык, трех лет, проведенных Лораном в России, слишком мало. Карл, наверняка, спутал его с каким-нибудь русским любовником, поджидающим даму сердца, а русские всегда любили ездить за границу, и остроносые туфли мог привезти кто угодно.

Они въехали в ворота посольства...

Лоран, окоченевший от дежурства в подворотне, сразу же заметил этот взгляд Рицлера, быстро опу-

тил голову и отодвинулся в тень. Рицлер не мог разглядеть его, Лоран был в этом уверен. Подворотня, конечно, не лучшее место для наблюдения, но другого просто не нашлось. К вечеру задул северный ветер, и за три часа болтания на улице из Лорана высквозило все тепло. Но он был вознагражден за свои мытарства: прощаясь, Котляревский повторил две фамилии — Леонтьева и Урусова. Теперь Лоран знал, кто станет связником «Правого центра» с Мирбахом, и еще он понял, что Котляревский добился согласия Рицлера, а значит, и посла на действительную связь с правыми. А это уже само собой поведет к подготовке переворота.

Лоран еще не знал, как распорядится полученными сведениями. Пока он незаметно приставит к Урусову и Леонтьеву своих агентов. Важно удостовериться, что они начали встречаться с Рицлером, а потом можно будет сдавать их Дзержинскому или самому Ленину, он решит, как ему выгоднее... Или Голубовскому? Мирбах затевает сговор с монархистами, хочет реставрации монархии, и ради этого правые жаждут видеть немцев в Москве. Для левых эсеров это будет бомба! Уж они-то не станут ходить по большевистским инстанциям и жаловаться, они сами решат, что им надо сделать...

Вечерами, когда он неожиданно оказывался свободен, что бывало редко, на него нападало отчаянное время ностальгии — тоски по дому, друзьям, любимым. Может быть, оттого, что он любил это время «между волком и собакой», как французы называли сумерки, и, оставаясь один дома, часто музицировал, давая простор воспоминаниям или просто видениям. В юности он мечтал стать пианистом, даже композитором, усердно учился музыке, но быстро понял, что Гектора Берлиоза из него не получится, а на меньшее он не соглашался, и неожиданно выбрал карьеру военного, скорее всего, из противоречия. Он надеялся, что эта лирическая, сенти-

ментальная часть его души, или, как саркастично прозвал он ее, — впадина, ибо падаешь, западаешь с ней — отомрет сама, как засохший лист без весенних соков, но, на удивление, эта впадина не только не умерла, она продолжала существовать, довольно требовательно раз за разом заявляя о себе. И особенно беспардонно в эти часы. Лоран даже испытывал нечто вроде физической боли: сердце так сдавливалось, что он задыхался, покрывался потом и безжизненно валялся на пол. Он даже сходил к знакомому доктору, тот обследовал его, но не нашел никаких отклонений. Поэтому сомнений в том, что этими приступами заявляла свои права на существование его чувственная впадина, требуя для себя определенных часов в его расписании, у Лорана не осталось.

Лоран взглянул на часы: 20.50. Стоял конец мая, и солнце лишь скатывалось к горизонту. Тоска упадет на него через час, и лучше к ней подготовиться, а значит, не идти пока в гостиницу, ибо раньше двух утра он не ложился, а в четырех стенах тоска быстро схватит его за глотку.

Можно поехать к Нулансу, он хоть и большой зануда, но все же милый обжора и добряк, но сегодня у него какая-то важная встреча с английским послом тет-а-тет. Лоран здорово продрог, его даже сейчас познабливает, и хорошо бы где-нибудь хватануть сто пятьдесят граммов водки и съесть хотя бы огурец с хлебом. При слове «водка» он вдруг вспомнил о Зинче и неожиданно обеспокоился.

Он поразительно беспечно все отдал на откуп этой Левиной! Лоран завербовал ее два года назад, и она неплохо справлялась с его мелкими поручениями, но в последнее время, как ему показалось, стала воображать себя неподражаемой миледи при кардинале Ришелье. Левина начинала работать в московском консульском отделе еще переводчицей, Лоран познакомился с ней, навел справки и поначалу стал использовать на совсем безобидных пору-

чений, не связанных с его основным делом, и вскоре убедился в ее безукоризненной точности и исполнительности. А еще через некоторое время Изольда сама стала подбрасывать Лорану важную секретную информацию, точно разгадав его двойную жизнь, и ему ничего не оставалось, как завербовать ее. Лоран знал, что не ошибся в этом выборе, но не наломает ли она сейчас дров? Зинч хоть и податливый, но прескверный трус, и от страха может натворить много глупостей. Чем больше Лоран задумывался о нем, тем тревожнее становилось у него на душе. «Великий кинодеятель знаком с Блюмкиным, и от отчаяния он вполне может броситься к нему за помощью, что уже чревато для него самого!» — эта мысль обожгла Лорана, и он, резко развернувшись, двинулся к Левиной, хотя всегда запрещал себе такие недобрые поступки. Левина жила здесь, на Неглинной, он подошел к ее дому и остановился.

Вторгаться вечером, пусть и не поздним, к даме было не совсем удобно, даже если эта дама являлась его агентом. Это единственное, что останавливало Пьера, но, покругившись около подъезда, он все же нырнул в него и поднялся на третий этаж. К Левиной было три звонка, и Лоран три раза дернул за веревочку, услышав мелодичное позванивание колокольчика. Послышались шаги, и через секунду Изольда Сергеевна открыла дверь. Она была в халате и папильотках, с чашкой чая в руке. Если б на пороге возник Дед Мороз или Баба Яга в ступе, Изольда изумилась бы меньше, нежели увидев Лорана. Она остолбенела, кровь бросилась ей в лицо, и она хлопнула дверь. Но уже через секунду она опомнилась, щелкнул замок, дверь приоткрылась, Изольда бросилась бежать, прокричав: «Миль пардон, мсье, проходите в тридцать восьмую!»

Комнатка, куда он вошел, была темная — плотные шторы впускали лишь узкие полоски света — и очень тесная, заставленная старой мебелью и всевоз-

можными безделушками: статуэтками, подсвечниками из бронзы с амурами, напольными часами середины девятнадцатого века, украшенными тоже всякими мифологическими сценками. Среди этого антикварного прилавка громоздилась и подставка для каминных щипцов с самими щипцами, хотя сам камин в комнате отсутствовал. Несколько картин старых русских пейзажистов висело на стенах в богатых позолоченных рамах. Все говорило о том, что хозяйка держала ломбард и часть вещей была вынуждена складировать у себя в будуаре, ибо вторая часть большой комнаты и являла будуар с большой кроватью под балдахином и дамским столиком с большим венецианским зеркалом.

Лоран с трудом отыскал кресло, на котором лежала бронзовая статуя жеребца с грузным всадником, сгрузил жеребца на пол и сел. Лицо всадника ему даже показалось знакомым, но вспомнить, кто это из русских богатырей-героев, Пьер не смог. Судя по косметике, разложенной на дамском столике, он нагрязнул в неподходящий момент, Изольда собиралась идти в гости, и, опоздай Лоран минут на десять — двадцать, он имел бы счастье увидеть своего агента во всей ее неотразимой красе. Изольда старалась играть роль знойной, почти роковой женщины, и надо сказать, ей иногда это удавалось, особенно когда она молчала. Чаще же всего ей изменял вкус, и она становилась похожей на мадам из борделя.

Изольда появилась в темно-вишневом длинном платье с глубоким декольте и смелым разрезом по линии правого бедра, демонстрируя крепкую и стройную ногу и большую красивую грудь. Папилюток уже не было, и глаза горели колдовским огнем.

— Я прошу прощенья за это невольное вторжение, Изольда Сергеевна, — поднимаясь и раскланиваясь, заговорил Лоран, но Изольда его прервала:

— Садитесь, Ефим Петрович! — Изольда нашла стул для себя и тоже присела. — Я ждала вас, — за-

гадочно сказала она. — У меня было предчувствие! Вы не поверите, но это так! — страстно бросила она.

— Ну что ж, давайте сравним: о том ли мы оба думали. — Лоран не удержался от невольной улыбки. — Меня беспокоит Зинч, он очень нервный и непредсказуемый человек. Не слишком ли вы его напугали?

Судя по лицу Изольды, это было совсем не то, что предполагала она, но вопрос не застал ее врасплох:

— К сожалению, вы правы, я действительно перегнула палку, как у нас говорят, и сегодня даже заходила к нему. — Изольда достала длинную папироску и закурила. — Он лежит больной, и я даже успокоила его, заверив, что пока мы ложимся на дно и не предпринимаем никаких активных действий. Он обрадовался, как ребенок. — Она усмехнулась. — Я полагаю, что можно начинать вторую часть операции.

Вторая часть операции с Зинчем предполагала, что он «продаст» информацию Леону Мюллеру, а Мюллер уже сам выйдет на Дзержинского, и таким образом Лоран пустит ВЧК по ложному следу и выведет Блюмкина из круга подозрений, которые вполне могли возникнуть, если б эсер-романтик начал подготовку к убийству Мирбаха. Блюмкин пока был не готов, и начинать связку Зинч — Мюллер было рановато, но Лоран неожиданно согласился с Левиной.

— Хорошо, начинайте, — кивнул он. — Только не торопитесь, хорошенько промните Зинча, дабы он уверился, что это единственный для него выход...

Левина уже работала с Мюллером как его внештатный осведомитель, и последний, видимо, неплохо ей платил, коли она скупала весь этот антиквариат.

Заметив беглый взгляд Лорана в сторону часов, Изольда немного смутилась.

— Часы из царского дворца, продавали совсем за бесценок, и сердце мое дрогнуло, — вздохнула она. — А щипцы, между прочим, из чистого серебра, так что... А тут еще где-то была бронзовая конная статуя императора Александра Третьего, миротворца, так ее отдали просто так, чтобы избавиться, хотели выбросить на помойку, но нельзя выбрасывать такие вещи... Я понимаю, что это глупо, даже преступно глупо в моем положении этим заниматься, что я невольно навлекаю на себя подозрения, но, Ефим Петрович... — Она потушила папироску и вздохнула. — Да, меня надо нещадно лупцевать, драть, как сидорову козу, да вот некому...

Изольда призывно посмотрела на Лорана, и он перевел взгляд на часы с Афродитой и Аполлоном, эллинские боги застыли, в сладком напряжении потянувшись друг к другу. «Неплохая работа», — отметил Лоран.

— А некоторые вещи сделаны просто чудесно! — поймав его мысль, подтвердила Изольда.

Лорана всегда поражало это свойство Левиной — обостренно чувствовать собеседника.

— У вас есть родственники? — спросил Лоран.

— Да, я уже договорилась, и летом, когда мои соседи уедут за город, я перевезу это барахло к сестре, сейчас это вызовет нездоровый интерес... — Изольда победно улыбнулась, снова предугадав течение лорановской мысли.

Лоран согласно кивнул.

— Хотите кофе? — вдруг спохватилась Изольда. — Есть вино, очень хорошее...

— А водка? — усмехнулся Лоран.

— Найдется и водка! — с вызовом бросила Левина. — И даже закуска к ней!

— Спасибо, но... — Лоран поднялся. — У меня еще дела. — Он с грустью улыбнулся, давая понять, что с радостью бы остался. Подскочила и Изольда.

— Я знаю, что вы никуда не торопитесь! — неожиданно страстно заговорила она. — Я понимаю, что не имею права требовать от вас такого внимания, но я заслужила в виде поощрения отнять у вас два часа времени на мою скромную персону! Я не выхожу замуж, хотя предложения такого рода мне делались неоднократно, я не самая уродливая женщина на этом свете, но я всем отказывала, ибо понимала, что тем самым создам для вас и для нашей работы серьезные неудобства, я даже не заводила постоянного любовника, что тоже чревато, он сразу залезает к тебе в душу и начинает там наводить ревизию, и вечера — самое отвратительное для меня время, когда некуда деться от тоски, она сгложет меня с костями!

Голос Изольды дрогнул, и Лоран вдруг увидел ее вовсе не чувственной львицей, а слабой и беспомощной женщиной, чье положение было так близко и понятно ему.

— Я завидую вашей выдержке, я живу хоть в своей стране, у меня есть родные, старые друзья, к кому я часто навещаюсь, и сегодня я собиралась в одну из таких компаний, но ничего не случится, если я не появлюсь, а мне было бы приятно посидеть с вами и просто поболтать, я уважаю ваш ум, такт и затаенную лиричность, простите, что вторгаюсь в то, о чем вы сами, быть может, слабо догадываетесь...— Изольда улыбнулась, давая понять, что последние слова лишь политес, не более, а на самом деле она знает о его муках по этому поводу. — А кроме того, сегодня пятница, 31 мая, и по декрету Совнаркома у нас крадут два часа, стрелки нужно перевести на два часа вперед, и сейчас уже не десять вечера, а полночь... Вы этого не знали, потому что не живете в ногу с новой властью, и вам обязательно, Ефим Петрович, нужен рядом близкий человек, который бы опекал вас...

«Жуткая женщина!» — усмехнулся в душе Лоран. Вот уж кого он бы не хотел иметь врагом. Он понял, что борьба за свою автономию бессмысленна, Изольда его не выпустит, зная, что он не будет силой прокладывать себе дорогу к двери.

— У меня есть пара свободных часов после полуночи, — улыбнулся он. — Но тогда я бы хотел водки, продрог, как последняя собака в подворотне!

— Сегодня северный ветер, — радостно сообщила Изольда. — Une minute, meusier! — Она загадочно улыбнулась и исчезла за дверью.

И действительно, через минуту Изольда явилась с бутылкой водки, черным хлебом и семгой. Извлекла из своего буфета бутылку «Каберне», рюмки и бокалы, разложила сервировочный столик, на котором неизвестно откуда появились маслины и копченая курица, горчица, пучок свежего лука и даже лимон.

— Да вы еще и волшебница! — поразился столь щедрому пиршеству Лоран, налил себе водки, а Изольде вина.

— Все лучшее во мне от вас! — поднимая бокал и чокаясь с Лораном, провозгласила Изольда.

Лоран махом выпил сразу сто пятьдесят граммов, чтоб основательно прогреться. И вскоре он почувствовал, как озноб покидает тело, уступая место мягкой, теплой волне. Он даже расслабился, расстегнул пиджак и ворот косоворотки.

— Снимите ваш пиджак и наденьте вот это! — Изольда достала большой пушистый свитер и бросила ему. — Это из козьего пуха и очень хорошо прогревает, отец любил носить!

Лоран помедлил и надел свитер, сразу почувствовав тепло неведомой козы. Хозяйка включила большую настольную лампу под оранжевым абажуром, и в комнате стало уютней; бронзовые боги сразу заулыбались, разглядывая их и как бы принимая участие в вечеринке.

— Живя в Париже, я очень любила это время су-

мерек «между волком и собакой», когда зажигаются фонари на улицах и город приобретает странный загадочный вид, когда люди собираются в маленьких кафе, ресторанчиках, оживленно беседуют друг с другом, потягивая нежное вино, — проникновенно заговорила Изольда, и Лорана неожиданно увлекла ее речь. — Именно вино, а не пиво! И чем гуще становится ночной покров, тем таинственнее начинают выступать дома и храмы и тем теснее образуются эти людские кружки и доверительнее взгляды влюбленных... За Париж! — Изольда подняла свой бокал, проявляя инициативу в тостах, дабы подтолкнуть Лорана к перехвату такого лидерства. Они выпили, и он с удивлением отметил, что, наверное, ошибался, составив мнение о том, что Изольда хороша лишь в молчании. Она несомненно виртуозно владела словом, просто никогда не выказывала этого своего достоинства, а может, наоборот, умышленно прятала его.

— Вы и раньше жили в этой комнатке? — спросил Лоран.

— Нет, нам принадлежала вся квартира, отец был известный адвокат, у него была большая практика, но они разошлись с мамой где-то за полгода до революции, он увлекся одной дамой из петербургского света, баронессой, молодой вдовой, довольно хищной особой, хотя и красивой, и ничего не смог с собой сделать. Мама так переживала, что не выдержала разрыва, простудилась этой зимой и умерла... Давайте выпьем в ее память, пусть ей там будет хорошо после всех земных огорчений...— В ее глазах мелькнули слезы, но на губах тотчас показалась улыбка.

Они выпили, не чокаясь.

— Я не знал...— пробормотал Лоран. — Почему вы мне ничего не сказали?..

— Свои горести человек должен пережить сам, а вот удачи праздновать с друзьями! — уже весело

проговорила Изольда. — А сегодня у меня самый удачный день, мы с вами вдвоем, у меня, я столько мечтала об этой встрече!..

— Я тоже искренне рад, что вы заставили меня остаться, — признался Лоран, и это было правдой.

В рыжеватом свете абажура ее вьющиеся, стекающие по плечам темно-каштановые волосы, крупной лепки чуть удлинненное лицо с мягкими полными губами и яркие, источающие искрящийся огонь глаза — все это не могло не привлекать мужского внимания, но мужчин явно отпугивал высокий рост и статность Изольды: грудь, бедра, ноги принадлежали, как и характер, в большей степени деве-воительнице, нежели даме, каковая нуждалась в любви и защите. Благодаря этой статности Изольда выглядела чуть старше своих тридцати, и Лоран никогда не испытывал влечения к ее прелестям, но сегодня, сидя напротив нее, он вдруг почувствовал эту тайную тягу и насторожился. Конечно, его бутылка водки была почти пуста, а кроме того, он позволил себе расслабиться и поддаться бешеному напору ее энергии, да и вырез декольте был слишком глубокий, и разрез платья по бедру слишком рискован, так что его взгляд то и дело натывался на соблазнительные линии...

Если в начале вечера, едва согласившись остаться, он понимал, что Изольда просто так его не выпустит, и был готов с успехом отразить ее натиск, то уже через два часа он стал с болезненной тревогой думать о том, что сейчас уйдет и ничего не случится, не произойдет того взрыва страсти, о котором он уже мечтал, оттягивая с секунды на секунду привычную фразу: «Я, кажется, засиделся, и пора прощаться!» Два часа промелькнули, как лето, а они только сейчас начали по-настоящему привыкать друг к другу. Мозг по старой солдатской привычке без устали сигнализировал об опасности: вы связаны серьезным, почти смертельным делом, и не стоит

переступить сложившиеся служебные отношения, не стоит, не стоит. По той же причине, как ни странно, робела и она, хотя во всех других случаях этой робости к мужчинам никогда не испытывала. Еще два часа назад она неслась к этому любовному роману, о котором так давно мечтала, на всем скаку, и ей удалось сделать почти невозможное, он остался и даже, как ей показалось, стал влюбленно смотреть на нее, но чем ближе к концу подходила встреча, тем сильнее билось ее сердце и тем больше ее одолевал страх. Лицо ее горело, а руки были холодны, как лед.

— Я, кажется...— неуверенно начал Лоран, но Изольда его перебила.

— Кофе! Хотите крепкого кофе? — воскликнула она.

— Да, — согласился он.

Они выпили кофе. Изольда достала из буфета остатки коньяка, и набралось по рюмке к кофе. Они молчали. Лоран, вдруг отважившись, улыбнулся.

— Я бы хотел выпить за вас, мне так приятно было...— начал было он, поднимая рюмку с коньяком.

— Нет! — выдохнула Изольда. — Я не хочу за меня! Я хочу выпить за нас, потому что...— она выдержала паузу, и он увидел, как в волнении вздымается ее грудь, — ...я не хочу сегодня расставаться с вами...

Последняя фраза ей далась с великим трудом, но она все-таки ее сказала. Лоран замер. Надо было что-то отвечать, повисла пауза, а он не знал, что ответить. Он раздвоился. Одна часть его души требовала немедленно покинуть этот дом, а другая, та, подлая, лирическая, противилась всеми силами. То была тяжелая, изнурительная борьба на равных, и никто не мог одержать победу.

— Можно сделать хоть один раз исключение из этих жестоких и справедливых правил? — прошеп-

тала Изольда. — Ведь это так просто — сделать исключение, ведь это так приятно сознавать, что не правила верховодят тобой, а ты заставляешь их повиноваться себе, ведь это приятно, правда?! — Изольда улыбнулась всем лицом, потянувшись к нему, и он непроизвольно кивнул.

— Вы мне понравились с самой первой нашей встречи, — тихо сказала она, глядя в сторону. — Так бывает, когда видишь человека и внезапно чувствуешь: он — твой, близкий, родственный тебе. И я ничего не могла с собой поделаться! Уговаривала, твердила: глупости, бред, но все было напрасно...

Это признание застало Лорана врасплох. Он чувствовал, что нравится Изольде, но это как бы входило в его кодекс отношений со своими агентами: взаимные симпатии, потому что и Изольда ему нравилась, она была красивой, яркой женщиной, а ему нравились красивые женщины, куда тут денешься, просто он и мысли не допускал, что может вступить с ними в какие-то иные отношения. Поэтому теперь он не знал, как себя вести. Притвориться непонимающим — явная глупость, свести к шутке — обидеть Изольду.

— Я все понимаю и обещаю, что это пройдет, если ты сегодня останешься со мной!.. — помолчав, добавила она.

Изольда говорила со странной хрипотцой в голосе, что делало ее признание еще более волнующим и правдивым. Если б Лорана спросили, искренне она все это говорила или играла, то он не задумываясь бы ответил: «Конечно, искренне!» И он внимал ей с затаенным сердцем, не каждый день тебе признаются в любви, а слушать это в сорок с хвостиком лет особенно приятно, да еще от красивой женщины. Поэтому он не сразу нашелся что и ответить.

— Это уже шантаж, — улыбнулся он.

— Пуркуа па? — легко сказала она, и к ней снова вернулась ее уверенность. Она знала, что он останется. Лоран еще не до конца был в этом уверен, а она уже знала. Она смотрела на него, и он больше не отводил взгляд, любуясь ею. Он больше не чувствовал оков времени. Мощная защита Лорана, сквозь которую она больше двух лет не могла пробиться, была сокрушена. Все мужчины слишком самоуверенны, и многие, почти все, не в силах признать свое поражение, хотя на словах они могут даже кричать, что проиграли. Умом они еще готовы признать свое поражение, но почувствовать, пережить его дано не каждому, это сопряжено со страданием, а страдать большинство мужчин просто не в силах. Впрочем, Изольда понимала, насколько призрачна ее победа, ибо завтра с первыми лучами солнца все вернется на круги своя, но сегодня был ее час торжества, сегодня он был пленником ее страсти.

Ночь истаяла, как леденец. Но за плотными шторами Лоран не сразу ощутил шумный прибой дня, хотя именно это и разбудило его, он всегда спал чутко и мгновенно просыпался. И сейчас он услышал отдаленное позванивание трамваев, шум машин и странное кудахтанье кур. Часы показывали семь утра. За дверьми в коридоре уже ходили соседи, из кухни доносилось звяканье посуды и отдельные голоса.

Изольда, привыкшая к этому шуму, спала как убитая, а кроме того, они заснули часа в три, в четвертом, за окном уже светало. Уснули после дикой схватки страстей, как это случается у двух изголодавшихся людей, да еще наделенных немалым темпераментом. По такому случаю можно проспять до обеда. Если б Лоран спал у себя в номере или даже на Петровке у профессора Криштула, так оно, наверное, и случилось бы. Но он не любил засыпать и

просыпаться в чужой постели. И старался по мере сил этого не делать.

Несколько секунд Лоран лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к звукам, доносящимся с улицы и из коммунального коридора, потом тихо встал, оделся, двинулся к двери, бросив последний взгляд на Изольду. Как ни странно, но он проснулся с легким сердцем. С ним уже происходило такое — нежданное сближение с какой-то женщиной, и наутро он просыпался с тяжелым чувством досады, точно обманул самого себя. Ему хотелось побыстрее забыть об этой ночи и больше никогда не встречаться с дамой, каковая еще вчера казалась ему яркой и привлекательной. Утро — самая безжалостная пора суток, может быть, поэтому ему и приписывают мудрость. Последняя напоминает по вкусу горькое лекарство. Она излечивает, но с оттенком горечи, поражения в самом волшебном. В иллюзиях. Но сейчас ему было даже приятно смотреть на спящую Изольду. Сейчас ему даже нравилось ее имя, поначалу показавшееся нелепым и выпрненным средь сонного московского быта.

Он несколько минут не сводил глаз с ее лица. У Изольды во сне оно было совсем детское, незащитное, окрашенное еле заметной улыбкой. Лоран вспомнил Таню. Когда она спала, то на ее лице были разлиты решительность и мужество, хотя по жизни она была беспомощным ребенком. От сравнений никуда не уйдешь, но лицо Изольды притягивало сильнее, и Лоран поймал себя на мысли, что мог бы просидеть вот так целый час. А надо было уходить, пока она не проснулась. Иначе Изольда заставит его завтракать, и вообще он не любил прощания. А как это было с Таней, и вспоминать не хочется. Лоран написал на листке бумаги: «Целую», бесшумно проскользнул в коридор и так же легко вышел из квартиры. Его даже никто не заметил, в коридоре как раз было пусто.

Он не спеша двинулся к «Гранд-отелю», от дома Изольды до отеля было минут десять ходьбы. Ветерок дул северный, несмотря на яркое солнце, и приятно освежал усталое лицо.

Вот он и изменил Тане. А казалось, этого никогда не будет. То есть он был уверен, что этого никогда не будет, этого никогда не должно было случиться. Да потому, что он любил ее, тосковал по ней и странным образом надеялся с ней воссоединиться. Он даже отправил ей письмо по поводу ее переезда в Швейцарию, чему был несказанно рад. И еще он считал себя однолюбом. Наверное, так оно было раньше. А теперь уже нет. И не потому, что он влюбился в Изольду, совсем нет, но с Изольдой все произошло совсем иначе, чем просто мимолетняя интрижка или призыв изголодавшейся плоти. Нет, вчера вечером он почти влюбился в нее. Почти. Но как это объяснить себе, он еще не знал. У Лорана с годами выработалась дурацкая привычка все препарировать, и сейчас, возвращаясь в отель, он поневоле устраивал разбор и вчерашнему вечернему происшествию, ибо в его однообразной жизни это было яркое событие, он неожиданно изменил многим своим привычкам и принципам, а когда это происходило, он пытался всегда понять почему и устранить по мере возможности этот перекосяк. Но это происшествие было особенным, его уже нельзя было исправить, его надо было принять как данность и забыть. Но забывать не хотелось. Подлая лирическая впадина уже радостно поглотила эту безумную ночь и теперь сладострастно пережевывала.

В гостинице портье передал ему записку. Лоран увидел свой почерк на конверте и, не заходя в номер, вышел из гостиницы, остановил извозчика и поехал к Нулансу. Записка была от него. Точнее, Лоран сам написал ему штук сорок таких записочек — на тот случай, если он не найдет его ни в гостинице по телефону, ни на Петровке. Нуланс чаще

всего звонил, спрашивал мсье Левеля, а когда Лоран отвечал ему: «Вы ошиблись, здесь таких нет», клал трубку. До Лорана в его номере жил француз мсье Левель, Нуланс его хорошо знал и часто ему звонил. Но чаще всего они перебрасывались записочками. Текст был стандартный: «Господин Добровольский! Интересующие Вас книги вы можете заказать в нашем издательстве любым тиражом. С несомненным почтением, *Сытин Иван Дмитриевич*». Поэтому Лоран и помчался к Нулансу. Могло быть что-то срочное.

По дороге он вдруг вспомнил, что конную статую императора Александра Третьего он видел в Петрограде, она стояла возле Московского вокзала. А вот как он мог забыть этот факт, явление само по себе для разведчика чрезвычайное. Это плохой признак.

Нуланса он застал за завтраком в довольно хорошем состоянии духа, хотя известия были неважные: немцы начали наступление, прорвали оборону французов и стремительно движутся к Марне. Клемансо просит ускорить события с возобновлением Восточного фронта, как будто этот вопрос уже решенный. Нуланс ворчал на Клемансо, но, по всей видимости, он сам что-то пообещал премьеру, и тот полон иллюзий. Сейчас же папаша Жозеф хочет все спихнуть на Лорана — смерть Мирбаха была бы очень кстати. Пьер рассказал, как развиваются события, упомянул о свидании Рицлера с Котляревским. Посол оживился, спросил, можно ли использовать этот козырь в новой встрече с Лениным, к которой он готовится. Лоран ответил, что пока не стоит, этот разговор лишь все испортит, Рицлер тут же оборвет всякие связи с правыми. Надо дать ему завязнуть в новом монархическом сговоре и уж тогда предъявлять Ленину неопровержимые факты, а не домыслы, как сейчас.

Нуланс тяжело вздохнул, делая себе бутерброд с паштетом, предложил Лорану, но Пьер отказался,

подлив себе еще кофе. Пока он чувствовал себя неплохо, усталость навалится на него к середине дня. Красков доверительно шепнул Нулансу, что Карахан вроде бы собирается в Америку, чтобы торговаться за Брестский договор с Вильсоном. Это хорошее известие, значит, Ленин не дурак и понимает, что немцы — битая карта и надо выбирать другого союзника. Но зачем ехать к Вильсону, когда можно договориться с нами, это проще и быстрее, об этом Нуланс и хочет поговорить с Лениным напрямую.

— Разговор об Америке всего лишь уловка, чтобы раздражить немцев, — заметил Лоран, — и заставить их платить еще больше! Ни в какую Америку Карахан не поедет!

— Но если это шантаж, то весьма грубый! — поморщился Нуланс. — Ленин не так глуп, чтобы вести себя столь неумно...

— Ленин неглуп, поэтому и ведет себя с чванливыми пруссаками столь дерзко, держа их в постоянном напряжении. Сорок миллионов марок они ему пообещали, но отдавать не торопятся. А Ленину нужны деньги, а не обещания! Это примитивный дипломатический подхлест, и не надо строить иллюзии!

Лоран видел, как нахмурился Нуланс. Все его расчеты рушились, и смысла тогда идти к Ленину никакого не было. Нуланс и вызвал Лорана, чтоб обкатать с ним будущую беседу с красным вождем, а Лоран пришел и все испортил.

— Зачем тогда Ленину крутить голову своему помощнику Карахану? А он ему всерьез сказал о поездке, Красков тут не врет, я это проверил по другим источникам, — помолчав, сердито сказал Нуланс.

— Да потому, что Ленину нужна настоящая утечка сведений, а не ложная, ему нужно, чтобы Карахан всерьез готовился к отъезду в Америку, а не делал вид, будто готов поехать. Ленин никому не доверяет, и правильно делает. У него нет своей крепкой раз-

ведки, которая обезопасила бы его от таких настырных людей, как мы с вами, вот он и пользуется в сложившихся условиях нормальной тактикой, тем более что с Караханом ничего не случится, если он вдруг не поедет! — не без раздражения высказался Лоран.

Нуланс был тугодум, и Лорана это раздражало потому, что такие простые задачки человек, облеченный рангом посла, обязан решать самостоятельно.

— Может быть, ты и прав, — вздохнул Нуланс.

— Если б Ленин захотел разорвать Брестский договор и заключить аналогичный с нами, он давно бы это сделал, сам бы нашел вас, предложил бы свой вариант и давно бы его подписал, проработав все стороны отношений. А тут идет игра!

— Значит, у нас остается в запасе лишь твой план, и на него нужно бросить все силы! — резюмировал Нуланс.

— На него не надо бросать никакие силы! — ответил Лоран. — Я сам доведу его до конца, только не надо меня подталкивать, иначе можем все испортить. Как говорят в России: тише едешь, дальше будешь!

— Нам это не годится! — решительно сказал Нуланс, и Лорану захотелось треснуть этого гастронома сковородкой по башке. Но он улыбнулся. И не стал возражать Нулансу, который снова стал шпиговать его призывами о спасении бедной, несчастной родины, терпящей бедствие. Чтобы немного успокоиться, Лоран вспомнил неистовую Изольду, которая расцарапала ему всю спину острыми ноготками и так укусила в плечо, что выступила кровь. Они обнаружили это спустя час, когда увидели пятна крови на простыне и подушках и стали гадать, что это могло значить. Она все-таки сумасшедшая, и Лоран рад, что не поддался проклятому рацио и остался. Если б Нуланс узнал об этом, он бы просто расви-репел. И это в то время, когда несчастная Франция...

Да, именно в это время! Что делать, если другого у него нет и не будет. Ему всегда нужно будет кого-то спасать, если не Францию, то самого себя. Нуланс, выпаливая свои агитки, успевал еще что-то заглывать. Интересно было бы узнать, что Изольда почувствовала, когда проснулась и увидела, что его нет. И что вспыхнуло на ее лице, когда она увидела записку?.. И чем она занимается и думает ли о нем? У женщин ведь тоже что-то меняется, когда они добиваются того, к чему стремились. Кстати, кто она по знаку зодиака? Лоран напряг память и вспомнил: Лев, Львица, что ж, вполне подходит. Насытившись, успокаивается. Поэтому она и сказала: «я обещаю, что это пройдет». Лоран же Дева, звезды не подарили ему львиного рыка, наделив чувствительной душой. Зато он воспитал в себе твердость и решительность и тоже может пообещать ей, что у него э т о пройдет. Надо, чтоб прошло.

Последнюю фразу он сказал почти вслух, и Нуланс встрепенулся, недоуменно посмотрел на него.

— Ты неважно выглядишь, — заметил он. — А все от неполноценного питания. Так нельзя относиться к своему здоровью! Оно сказывается на деле. Хочешь, приезжай ко мне каждый день обедать... Согласен?..

— Я подумаю, — отозвался Лоран.

Воображение снова потянулось на Неглинку, но Лоран его прихлопнул. Он уже научился это делать.

15

Блюмкин вызвал на допрос Мирбаха и стал ему рассказывать историю про одного богатого графа, который, женившись и произведя на свет отпрыска, разлюбил жену, но, будучи человеком увлекающимся по женской части, он однажды познакомился с одной актрисой, страшно влюбился в нее и промотал все свое состояние, делая ей дорогие подарки и мотаясь за ней по всей Европе. А когда деньги иссякли, он будто прозрел, вдруг понял, как низко он пал, разорив семью и младенца-сына. Не в силах исправить жуткое положение своих близких, он покончил с собой...

Блюмкин не торопился, рассказывая повесть о некоем графе М., внимательно наблюдая за подследственным. Едва Яша дошел до того места, когда граф покончил с собой, Мирбах побледнел, так, во всяком случае, показалось Блюмкину. Безусловно, эта «повесть» была им подготовлена заранее. Подтолкнул к ее сочинению разговор с Ханжонковым, точно обрисовавшим портрет шведской актрисы. Ей шел сорок второй год, а Мирбаху исполнилось двадцать два, и Ландстрем вполне могла крутить роман с отцом молодого графа. Теперь оставалось узнать, было ли так на самом деле. Блюмкин снова позвонил Ханжонкову и попросил его узнать, кого из европейских богачей соблазнила шведка, пусть это будет легенда, но Блюмкину важно знать хотя бы несколько фамилий. Ханжонков сказал, что забрать

тело приехал бывший антрепренер мадемуазель Ландстрем, и он попытается с ним связаться. На следующий день Ханжонков позвонил и назвал несколько фамилий, в том числе и венгерского графа Мирбаха, который покончил с собой после того, как они расстались. Сомнений не было, это был отец Роберта. А дальше представить, как все это могло произойти, не смог бы только слабоумный. К счастью, Блюмкин оказался смышленным, понимая, что без доказательств он не сможет доказать вину Мирбаха и его придется отпустить, что совсем не входило в планы начинающего Пинкертон. Поэтому был один выход: добиться признания от самого Мирбаха, а для этого надо его положить на обе лопатки, переиграть психологически. И Блюмкин придумал эту историю.

— Бедная любящая жена графа, увидев его хладный труп, лишилась чувств и рассудка. Она безумно любила мужа, прощала все его измены, но пережить его смерть не смогла. Ее были вынуждены поместить в психиатрическую лечебницу, мальчик, молодой граф, остался сиротой. Его взяла на воспитание сестра жены, тетка, она воспитала его. И со временем он узнал истинную причину смерти отца и трагедии матери. Он возненавидел ту актрису, которая причинила столько страданий его семье, и поклялся, что разыщет ее и сам свершит над ней справедливый суд. Но началась война, граф пошел на войну, чудом уцелел в жуткой бойне, попал в плен, а когда пришло вызволение из плена, то судьба неожиданно свела его с одной пленительной женщиной, актрисой... Да, как оказалось, той самой...

На глазах Мирбаха сверкнули слезы. Он закрыл лицо руками и разрыдался. Блюмкин закурил, давая Мирбаху немного прийти в себя.

— Еще не зная, кто она такая, молодой граф страстно влюбился в нее. И она, как показалось ему, даже ответила взаимностью. И вдруг он узнает, что

это та, которая убила его отца и мать. Она давно уже перестала быть роковой женщиной, ей шел сорок второй год, подползала старость, а тут молодой граф, боготворящий ее, готовый на ней жениться. Она, чтобы набить себе цену, рассказала о своих прежних поклонниках, о том, как один граф даже покончил с собой. Он спросил: кто это был? И она назвала фамилию его отца. И все перевернулось в нем, утро померкло. Судьба привела его к той, которой он давно мечтал отомстить. Что он должен был сделать? Простить ее, привезти в тот дом, который она разрушила? — Голос Блюмкина неожиданно набрал патетические нотки. — Чтоб она сплясала на могильной плите убиенного ею отца? Еще была жива его мать...

— Она умерла...— прошептал Мирбах.

— Извини, — вздохнул Блюмкин. Он помолчал. Молчал и Мирбах. — Так! Ты сам все напишешь?

— Я ничьего не писать, — ответил Мирбах. — Я не убивать актрис...

— Это было бы замечательно, но я нашел свидетеля, с кем мадемуазель Ладстрем говорила по телефону за несколько часов до своей смерти. Она была счастлива, сказала, что выходит замуж за одного графа, она, правда, не знает его фамилии, но это не важно, она влюблена. И еще она сказала, что засыпает теперь без снотворного, — зло усмехнувшись, проговорил Блюмкин.

Он врал, Ландстрем ни с кем не говорила, но сейчас было важно припереть Мирбаха к стенке, и эта ложь сработала. Мирбах застыл, прокручивая в голове, чем это может для него обернуться.

— Для судей это будет решающим аргументом по твоему обвинению, и тебя либо расстреляют, либо сошлют в Сибирь, причем надолго, а признание, как известно, смягчает вину...— закончил Блюмкин.

— Нет! — почти выкрикнул Мирбах. — Нет!

— Жаль, — вздохнул Блюмкин. — Я хотел помочь вам...

— Я мог писать вашу бумагу, — решившись, выдохнул Мирбах, — ту, помощь вашу о дяде...

Блюмкин задумался. Если Мирбах будет отпираться и настаивать на своем неучастии в убийстве шведки, то суд больше поверит доктору, который склоняется к версии о самоубийстве, тем более что Ландстрем действительно принимала снотворное, и Мирбах выскользнет из этой истории, а тут будет его согласие работать на них, это хоть как-то поднимет вес Блюмкина в ВЧК, что ему сейчас необходимее всего, поэтому долго размышлять Блюмкин не стал.

Он сел и сам написал обязательство:

«Я, нижеподписавшийся, венгерский подданный, военнопленный офицер австрийской армии Роберт Мирбах, обязуюсь добровольно, по личному желанию доставить Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией секретные сведения о Германии и о Германском посольстве в России.

Все написанное здесь подтверждаю и добровольно обязуюсь исполнить. Граф *Роберт Мирбах*».

Блюмкин прочитал текст Мирбаху и заставил его расписаться.

Подумав, он заставил Мирбаха написать аналогичное заявление по-немецки и тоже расписаться. Немецкий Блюмкин немного знал и, просмотрев текст, понял, что больших изменений в новом тексте нет. После этого он отправил Мирбаха в камеру. Граф стал возражать, но Блюмкин махнул рукой: вопрос об освобождении решает начальство, и ему общат. Взяв обе бумаги, он побежал к Дзержинскому. К счастью, Феликс Эдмундович был у себя, и Блюмкин, сияя от гордости за проделанную работу, выложил ему оба заявления. Дзержинский прочитал русский текст и даже не стал его сверять с немецким обязательством.

— Вы уверены, что Мирбах в первую же минуту, как только окажется на территории посольства, откуда мы его забрать уже не сможем, не заявит, что вы его угрозами заставили подписать эту бумагу? — спросил Дзержинский.

Блюмкин пожал плечами.

— Он же написал, что добровольно... — пробормотал он.

— Мало ли что он написал! — сказал Дзержинский. — Ради чего он это сделал? Ради того, чтобы мы его отпустили или же он действительно готов с нами сотрудничать? В первом случае — это лишь обманная уловка, свидетельствующая, что он обвел вас вокруг пальца, во втором же — это серьезная ваша победа как начальника нового отделения. Если, освободившись, он заявит об угрозах и о том, что мы насильно склонили его к сотрудничеству, разразится международный скандал, который вы невольно спровоцировали, нас обольют грязью, Владимир Ильич всыплет мне по первое число, а я соответственно буду вынужден отстранить вас от работы. Если же вы уверены, что Мирбах станет нашим ценным агентом и начнет с нами успешно сотрудничать, то после первых же его донесений я буду думать, как вас поощрить — деньгами ли, повышением в должности или, быть может, даже грамотой Совнаркома. Поэтому решайте, что вы хотите выбрать?

Дзержинский взял папиросы, закурил, глядя на него, словно хотел тотчас услышать от Блюмкина ответ.

— В нашем деле, — помолчав, проговорил Дзержинский, — надо продумывать каждый шаг, ибо малейшая ошибка может стоить слишком дорого, подчас и жизни...

Блюмкин попросил время подумать и все еще раз провернуть. На том они и расстались.

Яков вышел от Дзержинского в пасмурном на-

строении: судя по тому, как ведет себя этот граф, скорее всего, он так и заявит, что его заставили, и Блюмкина уволят с должности, чего ему совсем не хотелось. «Ладно, пусть еще посидит в камере, — решил Блюмкин, — а там что-нибудь придумаем!»

Он вернулся к себе в кабинет, сел за стол и долго сидел в неподвижности. К нему никто не входил, он никому не был нужен. И месяца не прошло, а Блюмкин пришел к печальному выводу, что совсем не подходит для этой работы. С Пустовским он обознался, его надо выпускать, с Мирбахом прогорел еще больше. Спиридонова, направляя его на чекистскую работу, радостно говорила Голубовскому: «Вот увидите, мы о Яше еще услышим! Еще гордиться будем, что он состоит в наших партийных рядах!» Теперь погордятся. Что же ему делать? Снова проситься в охрану? Мотаться по Москве мальчишеским курьером, развозить письма и пакеты? И разные сопливки будут показывать на него пальцем и говорить: «Это его вытурили из ВЧК! Он там наломал дров!» И никто вспоминать не будет, что он в свои восемнадцать уже командовал отрядом «Железный» и наводил страх на немцев.

Он сидел в кабинете и боялся даже выйти в коридор, ему казалось, все уже знают о его провале с Мирбахом и будут сочувственно смотреть на него, и уж тем более не мог пойти к Ивану Ксенофонтову за чаем и сушками. Не имел пока права на это. Из-за этого Мирбаха он опоздал в столовую и теперь остался без обеда, а есть хотелось до злости.

Зазвонил телефон. Блюмкин вздрогнул, снял трубку. Звонил Грындин. Поэты сидели прежней теплой компанией у него в Гнездиновском по случаю встречи с великим поэтом Мандельштамом и звали его к себе. Блюмкин идти поначалу не хотел, отнекивался, но Грындин сказал, что стол ломится, есть икра, ветчина и шампанское, живот в эту секун-

ду зло заурчал, и Блюмкин согласился. «Черт с ним, с этим поэтом Мандельштрамом, — подумал он, — а вот поесть надо!»

Он быстро собрал бумаги, спрятал их в стол. Дверь открылась, и вошел Зинч. Он вымучил на лице кислую улыбку, они поздоровались.

— Ты уже уходишь? — спросил Зинч.

— Как ты прошел? — удивился Блюмкин.

— А я сказал, что к тебе, меня и пустили. — Зинч вздохнул.

— Я тут по делам должен... — соврал Блюмкин.

«Раз Грындин сам его не позвал, значит, не захотел, — подумал Яша, — а мне его тащить совсем неудобно...»

— А может, тяпнем по сотке, поужинаем? — предложил Зинч.

Блюмкин задумался. К поэтам ему идти не очень хотелось. Они орут какие-то «дыр мыр гир», хоть и относятся к Блюмкину с уважением. Но там есть уже икра и ветчина, а у Зинча на это вряд ли хватит денег. Он сам старается погулять за чужой счет, а у Яши денег негусто. Ему вот сапоги надо справить, в этих ходить уже стыдно.

— Да нет, мне же по делам! — вспомнил Яша.

— Ну пойдем, я тебя провожу! — И Зинч увязался за ним.

Дом Грындина в Гнездниковском переулке Зинч хорошо знал, и вести его туда не было никакого смысла, он обязательно увязнется и съест всю икру. Поэтому Блюмкин решил дойти с ним только до Тверской, а там решительно распрощаться.

— Слушай, тут есть одна организация, сплошная котрреволюция, Мирбах им не нравится, — рассказывал по дороге Зинч, — они даже листовки на улицах расклеивают с призывами убить немецкого посла, не читал?..

— Не читал, — ответил Блюмкин, почти не вслу-

шиваясь в бессвязную речь Зинча и ухватывая лишь концовки фраз.

— А что, вам не приносят? — еле поспевая за быстрым шагом Блюмкина, удивился Зинч.

— Не приносят, — отрезал Яша.

— Странно вообще-то, их должны были на всех улицах расклеить, — пробормотал Зинч.

— Если б такие листовки появились, я бы узнал об этом первым! — весело сказал Блюмкин. — Я как-никак начальник отделения по борьбе с немецким шпионажем.

— А что с этой организацией делать? — спросил Зинч. — Меня Жорж туда затащил, а я не хочу...

— Жорж отличный человек! — сказал Блюмкин. — А куда он пропал? Мне позвонить обещал, а не звонит. Ты напомни ему!

— Напомню! А может, к нему завалимся?.. — загорелся Зинч.

— Я сегодня не могу, ты извини, одно секретное дело! — Они дошли до Тверской, и Блюмкин остановился. — Ну, давай!..

Он пожал вялую руку Зинча и перебежал на другую сторону Тверской.

«Странно, он даже листовок не читал», — удивился Зинч и поплелся домой.

У Грындина пир уже шел горой. В центре стола сидел щупловатый поэт Мандельштам с нервным лицом и острыми колючими глазками. Тарелка с черной икрой была пододвинута к нему, он намазывал пузырьки икры на маленькие сухарики и изящным жестом отправлял их в рот, радуясь, как ребенок, икре и стихам, которые звучали с разных концов стола. Блюмкину налили водки, и Грындин пододвинул ему блюдо с картошкой. Ветчину Яша уже не увидел, видимо, ее съели, а к икре Мандельштама никто и руки не протягивал. Блюмкин съел две кар-

тофелины без хлеба и недовольно покосился на икру. Мандельштам, заметил его голодный взгляд, сам намазал икрой сухарик и милосердно протянул его доблестному чекисту. Яша поблагодарил поэта и съел маленький бутерброд, не раздумывая.

— Друзья! — поднялся Вася Грындин. — Нас снова посетил командир бесстрашного отряда «Железный» Яков Блюмкин, воевавший с немцами на Украине! Выпьем за славного героя наших дней!

Все восторженно зашумели, и Блюмкину пришлось махнуть стаканчик до дна.

— Осип Эмильевич, хватит поглощать буржуазную икру, почитайте лучше стихи! — попросил Грындин.

Мне дан желудок, что мне делать с ним,
Таким голодным и таким моим? —

тотчас продекламировал Мандельштам, и тощая поэтесса с узким лицом и раскосыми глазами, сидевшая рядом с Яшей, затряслась от смеха. На Блюмкина она вообще не обращала внимания, точно рядом с ней торчал портновский болван, а не человек.

Мандельштам закурил сигару и, заметив напряженный взгляд Блюмкина, предложил ему. Яша и от сигары не отказался: он их еще не курил. Но, закулив и вдохнув первый глоток душистого горького дыма, он сразу же почувствовал, как у него закружилась голова. Поэтесса, бросив на Яшу язвительный взгляд, холодно заметила, что дымом сигар не затягиваются, им лишь ополаскивают рот. Блюмкину эта идея понравилась, он стал попыхивать сигарой, и голова перестала кружиться. Но тосты в стихах и прозе понеслись с бешеной скоростью и быстро пошатнули твердое сознание Блюмкина, с каким он пришел к поэтам, но смыли и его отчаянное настроение, от которого он хотел убежать.

Мандельштам, покорившись всеобщим просьбам

почитать что-нибудь новое, перестал есть икру и, поднявшись, прочел незамысловатый стишок, где у поэта «все перепуталось и сладко повторять: Россия, Лета, Лорелея», — это единственное, что запомнилось Блюмкину, но смысл произнесенного стихотворения он так и не понял. Но что тут началось, едва Мандельштам закончил читать. Все заорали, захлопали в ладоши, а тощая, ни кожи ни рожи поэтесса даже завопила: «Браво! Еще!» Блюмкин очень озлился, и не потому, что на него перестали обращать внимание. Он рассердился на то, что какой-то глупый и непонятный стишок, написанный на потребу буржуазии и, может быть, даже вредный для рядового пролетария, вызывает у всех такой телячий восторг, а он, Блюмкин, воевавший с немцами и проливавший свою кровь за революцию, никому не интересен, ему даже ветчины не оставили, а икры не дают демонстративно.

Яша помрачнел и, сунув руку в карман куртки, неожиданно нашел расстрельные ордера, подписанные Дзержинским. Он, спрятав страшные листочки несколько дней назад от Коли Андреева, забыл про них и теперь, вытащив грозные документы, разложил прямо на столе и стал заполнять, проговаривая вслух:

— Так, кого мы сегодня будем ставить к стенке?..

Грындин, увидев его с карандашом в руке, крикнул:

— Хватит записывать нашу пьяную речь! Давай, Яшка, выпьем!

— Подожди! — отмахнулся Блюмкин. — Сейчас я отправлю парочку поэтов в расход — и продолжим!.. Вот ордера с печатью, подписанные Дзержинским, мне остается только вписать сюда ваши фамилии! Так, кого первого вписываем?..

Блюмкин написал на одном из ордеров число и месяц, поднял голову и увидел, что все застыли в

страшном испуге. Мертвая тишина повисла над шумным еще минуту назад столом.

— Нет желающих испытать на себе карающий меч революции? — Блюмкин обвел мутным взглядом сидящих за столом.

Тощая поэтесса икнула от испуга и тут же закрыла рот ладонью. Блюмкину это понравилось. «Они думают, я тут их ветчину пришел есть, — ожесточился он. — Я ищу скрытую контру и найду ее!

— Раз никого нет, то впишем сюда пока других. Вот есть, к примеру, гражданин Пустовский, тоже поэт, говорят, большая культурная ценность. Подпишу ему смертный приговор — через два часа нет человеческой жизни! Жизнь людей в моих руках! Кто хочет оставить Пустовскому жизнь?.. Кто за него поручится?.. Никто?..

Все молчали.

— Никто не знает? Значит, в расход!.. — Блюмкин вписал в ордер Пустовского. — Пусто-в-ский... Так, один есть...

Блюмкин поднял голову и увидел выпученные от страха глаза поэтессы.

— А вы, гражданочка, не хотите составить ему компанию? — Блюмкин воткнул в поэтессу указательный палец, но она в испуге отрицательно затрясла головой.

— Жаль, что не можете составить ему компанию...

— Да ладно, брось ты! — наливая водки, бросил Грындин. — На работе заполнишь, а тут приличные люди гуляют, хотят праздник для души устроить, а ты нам эти мерзости в нос суешь!..

— Какие мерзости?! — завелся Блюмкин. — Я сейчас всех вас впишу в эти ордерочки, и посмотрим, какие мерзости вы скажете, стоя перед дулом револьвера! — Блюмкин выгащил револьвер и с грохотом положил его на стол рядом с собой. — Ну что, начнем! С кого? — Блюмкин воткнулся взглядом в

худенького, в круглых очочках поэта, сидевшего напротив. Последний, представ перед зловещей физиономией Блюмкина, лишился дара речи и от страха не мог шевельнуться. Не двигаясь, сидели и остальные.

— Не позволю! — неожиданно вскрикнул Мандельштам, пребывавший до этого в таком же нервной столбняке, как и остальные, подскочил со стула и ринулся к Блюмкину. Он схватил со стола ордерочки, и никто глазом моргнуть не успел, как поэт порвал их на маленькие кусочки и бросил на пол. — Не позволю! — дрожащими белыми губами выговорил он и метнулся в коридор, к выходу.

— Убью! — взревел Блюмкин, схватил револьвер, бросился следом.

Хлопнула входная дверь, с улицы донеслись выстрелы. Поэты за столом оцепенели. Еще через мгновение вернулся Блюмкин.

— Ушел, гад! — прорычал он. — Но я его достану, этого Мандешпрама вашего! — Яша опрокинул стаканчик водки. — Разорвать документы ВЧК! Да за одно это без разговоров к стенке поставят!

Блюмкин сел. Все молчали. Праздник был окончательно испорчен. Худенький, в очочках поэт поднялся первым, за ним молча потянулись и остальные. Поднялась и поэтесса.

— Сидеть! — приказал Блюмкин, и поэтесса, помедлив, села, с мольбой и страхом глядя на Грындина. — С вами, гражданочка, у меня особый разговор будет!..

Блюмкин пододвинул к себе тарелку с остатками икры и вмиг все доел, облизав даже ложку. Насытившись, он выпил еще водки.

— Яша, тебе пора, — тихо, но твердо сказал ему Грындин. — Ну что на тебя нашло?.. Всех распугал, из револьвера стал палить, это нехорошо. Влетит тебе за такое самодурство по первое число. Боец революции не должен так распускаться! Иди домой!..

Блюмкина совсем развезло. Он попытался встать, но не смог. Язык у него еле ворочался.

— Ну, давай я тебе помогу!..

Грындин помог ему подняться, дотащил Блюмкина до гостиницы и, уложив на кровать, ушел.

Наутро он еле проснулся. Поднявшись с больной головой, Яша перед работой забежал на рынок и выпросил у торговок пол-литра ядерного огуречного рассола. Рассол немного привел его в чувство. Блюмкин вспомнил до мельчайших подробностей вчерашний вечер, и от стыда у него голова заболела еще сильнее. За ордера он расписался у Ксенофонтова, но с Иваном Ксенофонтовичем он еще договорится, скажет, что случайно залил их чернилами, и спишет их. Стыдно было перед поэтами. Блюмкин расхвастался, как петух, и теперь они его в свою компанию звать не станут, не говоря уже об этом... Блюмкин напряг память, но проклятая фамилия вылетела из головы. Хорошо, что, выскочив, он стрелял в воздух, дабы поуготать бедного поэта, и только. Для окончательного фурора не хватает лишь трупа. Блюмкин честил себя последними словами и даже дал себе обещание, что натошак пить водку не будет. Это его немного успокоило. Он пообещал себе, что обязательно забежит к Грындину и извинится.

«Видела бы меня вчера Мария Александровна!» — подумал он и даже похолодел от такой мысли. Нет, тогда бы он должен был попросту застрелиться наутро, ибо вынести такой позор нормальный человек не в силах.

Чтобы окончательно расквитаться со вчерашним вечером, Блюмкин достал дело Пустовского и написал решение: «Невиновен. Подозрения гражданки Норовой в шпионаже гражданина Пустовского на пользу Германии вымышлены и не имеют под собой никаких оснований. Дело закрыть, гражданина Пустовского освободить». Блюмкин поставил число и размашисто расписался.

16

Зинч симулировал простуду, позволяя матери укутывать его горло шерстяным платком, поить чаем — с малиной, медом и мятой, кормить разными вкусностями и развлекать прослушиванием старых пластинок на граммофоне. На улице стояла замечательная погода, светило солнце и даже потеплело, северный ветер сменился восточным, а потом и юго-восточным, но Зинча не тянуло на улицу. Она его пугала, едва он представлял себе, что надо будет снова ехать в Фили или ползти на Полянку, где в деревянных ящиках лежат револьверы. Зинч предпочитал такие приключения и ужасы только в синематографе. Там его и страшных убийц, выслеживающих свои жертвы, отделяло белое полотнище экрана, а тут... Зинч даже не хотел думать, что может быть тут. Были бы у него деньги, он бы отдал их без всяких колебаний и выбросил из головы даже самую мысль о каком-то «Союзе союзников», но денег у него таких не было, и мама вряд ли чем-то могла помочь. Он понимал, что всю жизнь не пролежишь в постели с простудой, встать придется, а Изольда все равно объявится, но даже думать об этом Зинчу не хотелось. Жалко, что эта шведка покончила с собой. Он, может быть, на ней и женился, и тогда можно было б уехать в Швецию и жить там где-нибудь на вилле. Почему вот его родители не богачи?.. Теперь ему приходится думать, где достать деньги, вот он и вляпался в компанию каких-то террорис-

тов. Начинается лето, надо снимать дачу для матери, отец всегда снимал дачу, а он прокутил такие деньги и о матери даже не подумал. Ему стало стыдно, он закрыл лицо одеялом. Потом он вспомнил, что у двоюродной сестры матери есть какая-то развалюха по Брестской дороге и она может преспокойненько поехать на лето туда. И стыд прошел сам собой. Поскорее бы десятое июля, он укатит на съемки и разом позабудет этих «союзников» вместе с Изольдой. Можно будет и Сару забрать... Эта мысль так понравилась ему, что он выскочил из постели и помчался в ванную. Ему не терпелось оповестить о своей идее Сару, чтобы она ничего на июль не планировала.

На его счастье, Сара целыми днями репетировала «Кукольный дом» Ибсена, а в свободное время и по ночам они творили свою женскую версию «Мушкетеров». С той романтической дачной поры Зинч видел ее всего два раза. Но Сара обещала, что, как только закончится «Кукольный дом», она обязательно примчится к нему на крыльях любви и они всегда будут вместе. Это немного утешало.

Зазвенел звонок у входной двери. Мамы не было, она ушла на рынок за молоком, и скорее всего, это она. Вечно закупит столько всего, что руки заняты и невозможно даже открыть замок своим ключом.

Зинч открыл дверь и пристыл на месте: на пороге стояла Изольда. Ее лицо не светилось на этот раз тем счастливым блеском, какой бывает только у новобрачных, она чем-то подавлена и, ни слова не говоря, сразу прошла в комнату. Зинч недовольно поплелся за ней.

— Я вижу, ты хорошо выглядишь, — с издевкой проговорила Изольда.

Зинч ничего не ответил. Он залез в постель и натянул одеяло до подбородка.

— Врач сказал, чтобы я еще пару деньков полежал... — соврал он. — Температура спала, но гор-

ло... — Он несколько раз для убедительности кашлянул.

— Я пришла с тобой посоветоваться об одной важной вещи, — таинственно объявила Изольда, закрыла двери, ведущие в коридор, и захлопнула форточку.

Зинч испуганно наблюдал за ее действиями.

— «Союз союзников» как подпольная организация быстро растет, на сегодняшний день в ней имеется уже пять боевых пятерок, и, как я узнала недавно, наши организаторы ставят своей задачей теракты против Ленина. Вот...— Изольда передала Зинчу две записочки. В одной из них карандашом было написано: «За выполнение поручения, возложенного на вас, вы получите миллион рублей. День выполнения сообщу вам тогда, когда получу предписание в «Союзе союзников». Действуйте в том же духе, как и сейчас. Ваша тонкая политика очень удачна. Будьте мужественны. Адская машина должна быть замаскирована у вас в руке».

Вторая записочка гласила: «Мирбах должен быть убит от 5 до 8 июля. Если ничего не выйдет с «адской», то он, Мирбах, должен быть убит, как и Ленин, в автомобиле бомбой. Нужные силы на подходе. Гонцов посылайте в Ярославль к старшему контролеру Ежелеву по условленному адресу».

— Я случайно обнаружила эти записочки и переписала их, — продолжила Изольда Сергеевна. — Мы действуем, как слепые котята, очевидно, руководство «Союза» готовит пять или шесть убийц, и они намерены нанести удар сразу по всем главным наркомам советской власти. А это значит — если организация провалится, то нас всех расстреляют без суда и следствия, не устанавливая, кто прав и кто виноват. В такой ситуации я не могу более соблюдать ту клятву, которую дала, и...

Изольда недоговорила, выгащила платок, приложила его к глазам, отошла к окну. Разволновался и

Зинч, соскочил с постели, заходил кругами по комнате.

— Что же делать?! — прошептал он.

— Я уже сделала, — сказала Изольда.

— Что?! — спросил Зинч.

— Я завербовалась к немцам, — сказала она.

От этого сообщения у Зинча даже остановилось дыхание. Он мог представить себе что угодно, но такое... До сих пор он считал Изольду идейным борцом, она даже рассказывала, что ее кузен, в которого она была в юности влюблена, погиб в Галиции в конце пятнадцатого года, и Изольда не может этого простить немцам. Зинч понимал и оправдывал ее участие в столь опасном деле.

— Это, конечно, звучит странно, — заметив недоумение на его лице, вздохнула Изольда, — память о кузене и прочее, но я недавно перечитала «Страдания молодого Вертера» и так плакала, что поняла: они такие же люди, как и мы, даже сентиментальнее, беззащитнее нас... — Изольда не выдержала и всплакнула. — Поэтому я и решила предупредить их об опасности! — Ее глаза сверкнули гордостью.

«Поистине женщину рассудком не понять!» — воскликнул мысленно Зинч.

— Может быть, лучше пойти в ВЧК! — предложил он. — У меня там работает приятель, давай вместе сходим!

— Нас тут же расстреляют! Мы контрреволюционеры, и никакой приятель нас не спасет! А немцы хорошо платят за важные сведения, и в ЧК можно будет всегда сказать, что я, как честный человек, предупредила немецких товарищей об опасности!

— Сколько они платят? — заинтересовался Зинч.

— Прилично! Я не могу назвать сумму, ибо обещала сохранять конфиденциальность этих премий, они так называют эти выплаты... — Изольда даже порозовела, и Зинч понял, что немцы платят действительно прилично.

— А ты не можешь меня им порекомендовать? — загорелся он.

— А что ты можешь им дать? — спросила Изольда.

— Как — что?! — не понял Зинч.

— Просто так за красивые глаза они деньги не платят! — сообщила Изольда. — Ты даешь им ценные сведения, они тебе деньги. Все просто! Об организации они знают, о квартире на Полянке тоже...

— Склад в Филях! — вспомнил Зинч.

— Адрес! — потребовала Изольда.

Зинч наморщил лоб.

— Булочную проезжали... — пробормотал он.

— Какую?! — спросила Изольда.

Зинч пожал плечами. Действительно, адреса он не знал и не запомнил, как ехали.

— Вот и получается, что полезных сведений у тебя нет...

— А эти записочки? — пробормотал Зинч.

Изольда подошла, выхватила их из рук Зинча.

— Я собой рисковала, переписывая их! — возмутилась Изольда, пряча записки в сумочку. — Ты сам должен что-нибудь достать! Тогда я смогу тебя порекомендовать...

— А что? — Зинч соорудил страдальческое лицо, тяжело вздохнул и, сев на постель, стал смотреть в пол.

«Большого идиота я в жизни не встречала! — подумала Изольда. — И, как ни странно, его даже жалко!»

— Ты же знаешь адрес, где живет главный организатор всего заговора, Френсис Уайбер! — напомнила ему Изольда. — Разве этого мало?!..

— А где? — удивился Зинч.

— Я же тебе говорила! — упрекнула его Изольда. — Когда мы с Полянки возвращались...

— Да-да, я помню! — спохватился Зинч, подсказывая с постели. Он даже напряг лицо и скроил мор-

щины на лбу, но через несколько секунд отчаянно взмахнул руками. — Уже ничего не помню! Это ужасно! Повтори, а?..

Изольда молчала, сурово глядя в сторону.

— Или ты его... тоже продала?.. — пугаясь, спросил Зинч.

— Нет, — ответила Изольда.

— Ну отдай его мне! — заканючил Зинч. — Ну что тебе стоит?! Я такой делаюсь несчастный, когда у меня нет денег! Мне ничего не хочется, честное слово! Я заболеваю!.. А хочешь, я тебе статуэтку Артемиды подарю, ты на нее похожа!

— Хорошо, Артемиду я возьму! — согласилась неожиданно Изольда. Она хотела уже продиктовать ему адрес без всякого одолжения с его стороны, даже была заинтересована в этом — то было частью условий игры Лорана с Зинчем, — но статуэтка ей давно понравилась, и она не смогла отказаться. — Записывай!

Зинч схватил бумагу и карандаш.

— Петровка 19, квартира 35. Хозяин квартиры Андрианов Иван Иванович, а у него живет Френсис Уайбер. Прикрытие: частные уроки английского...

— Что такое «прикрытие»? — не понял Зинч.

— Он на самом деле шпион, резидент, а прикидывается учителем английского языка, — объяснила Изольда.

— А что такое «резидент»? — спросил Зинч.

— Пошел в задницу! — отрезала Изольда, и у Зинча округлились глаза. — Надеюсь, это выражение тебе не надо объяснять?

— Нет, это не надо! — радостно улыбаясь, восторженно ответил Зинч.

Изольда поднялась, забрала статуэтку.

— Мама будет ругаться? — спросила Изольда.

— Нет, забирай, — отмахнулся Зинч. — У нас их две.

— Кстати, недавно я видела на столе у Жоржа

Мамелюка шифр! — прошептала Изольда. — Вот если б его достать! Тут уж немцы не поскупятся!

— Да, шифр, это хорошо! — загорелся Зинч.

— Вот его и надо достать!

— Как?! — не понял Зинч.

— Очень просто! — усмехнулась Изольда. — Прийти к Мамелюку в гости и тихо переписать! Если удастся...

— Ты шутишь, а я серьезно! — обиделся Зинч.

— И я серьезно! — ответила Изольда.

Зинч молча заходил по комнате, точно пытаясь понять, что имела в виду Изольда.

— Я даже не знаю, где этого Жоржа теперь найти? — пожал плечами Зинч.

— Я договорюсь с ним о встрече! — пообещала Изольда. — Конечно, это непросто, — добавила она. — Но я заметила, у него все лежит на столе, он доверяет нам, и когда выходит, то ничего не прячет! — снова зашептала она. — Я, например, попросила у него кофе, говорю, жутко устала, валюсь с ног, он побежал на кухню и отсутствовал ровно три минуты. Я все успела переписать!

— Черт! — загорелся снова Зинч. — Когда ты меня с ним свяжешь?! Давай завтра?..

— Ты же болеешь, — напомнила Изольда.

— Да плевать! — прорычал Зинч. — Ради дела я готов и здоровьем пожертвовать!

Зинч был очень смешон в своем полосатом халате, с замотанным пуховым платком горлом и в войлочных теплых шлепанцах. Он, как побитый и внезапно обласканный хозяином пес, задрал хвост, носился по комнате, и Изольда, не выдержав, рассмеялась.

— Хорошо, я попробую... — изобразив задумчивость, сказала она.

Зинч неожиданно расфасонился, игриво блеснул глазами и, подойдя к Изольде, прижал ее к себе.

Изольда резко оттолкнула его и удивленно изогнула брови.

— В чем дело, Владимир Иосифович? — сердито спросила она. — Вы, по-моему, еще нездоровы!..

— Да нет, я чувствую себя уже лучше, — забубнил он. — Я просто... Мне вдруг показалось...

— Вам показалось! — не позволив ему договорить, отрезала Изольда. — Я дам вам знать о встрече! Прощайте!

И она ушла, оставив его в сильной растерянности. Все-таки странные существа эти бабы! То делают широкие глаза, строя роковые призывы, то изображают неприступных девственниц. Зинчу вовсе и не нравятся этикие гренадеры в юбках, он любит хрупких, миниатюрных, как та шведка. Даже его Сара, несмотря на некоторую пышность, кажется миниатюрной. Зинч томно вздохнул и снова рассердился на Изольду. Он забыл ее спросить о самом главном: как быть с клятвой, которую дал Зинч? Это ведь не шутки, тем более что Жорж пригрозил голову открутить, если он проболтается. А голова пока одна... «Тоже прибежала, руками помахала и убежала! — возмутился Зинч. — Легко сказать: украсть тайный шифр!» Он вспомнил записочки, которые приносила Изольда, и завистливо вздохнул: за такие записочки немцы могут немало отвалить.

Историю с «записочками» и шифром придумала сама Изольда, поэтому, запросив срочного свидания с Лораном, она немного побаивалась, что он выбранный ее за эту затею. Умом она понимала — все получилось неплохо. Зинч сразу же заглотив наживку, едва услышал о деньгах, да и немцы при виде шифра взволнуются больше, а тем более Дзержинский, ради кого Лоран закрутил ее и Зинча, но у профессионалов есть резоны. Во всяком случае, она не имела права на такую инициативу и по четкой договоренности с Лораном обязана была любой свой шаг до мельчайших деталей согласовывать с ним, чего не

сделала и уже тем самым заслужила его гнев. Что ж, у Лорана есть повод на нее наорать и установить между ними ледяные поля сугубо служебных отношений. Мужики в таких случаях сразу начинают думать, что, позволив себе близость с подчиненной дамой, дали ей право сесть им на голову. Но Лоран просто сказал ей: начинай второй этап операции, а он означал перевод Зинча в объятия Леона Мюллера. Она это и делает.

Изольда не видела Лорана четыре дня. Первый день она не находила себе места и даже привязала себя веревкой к буфету, причем морским узлом, так чтобы потом не могла отвязаться, и к вечеру пришлось кричать «Помогите!», звать лысого, мордастого соседа-баса, оперного певца, и просить, чтоб он разрезал веревку. Сосед-бас был тупой и не понимал, кто ее привязал к буфету. Он даже хотел вызвать милицию, думая, что в квартире побывали воры. Она попыталась успокоить его, утверждая, что привязалась сама, но он ей не поверил: как это нормальная женщина может привязать себя к буфету?! Зачем?! Изольда, освободившись от пут, стала ему объяснять, что так бывает, когда сильно влюбишься, но хочется себя остановить, потому что ничего хорошего эта любовь не сулит. Так бывает, твердила она, но сосед был из другого теста, он вообще не понимал женской любви, предпочитая мальчиков, и поэтому не мог себе этого даже представить, повторяя: «Из-за мужчины привязать себя к буфету?! Это ненормально!»

На второй день ей стало полегче, но она продолжала о нем думать. Нет, не думать. Она хотела его видеть. Любовный психоз продолжался. Умом она понимала: во всем виновата голова. Она нафантазировала себе черт знает что, фантазии ткались целых два года, и теперь получился столь причудливый узор, что расплести его уже невозможно, и она вынуждена жить под властью своих фантазий. Она не

может толком даже сказать, хороший он мужчина или нет. Одно его прикосновение сводит ее с ума. Зинч, к примеру, симпатичный малый, но его ласковые поглаживания вызвали в ней омерзительное содрогание. Неужели и Лоран лишь ее фантазии? Она создавала их долгими ночами, не в силах заснуть почти до утра, они поддерживали ее, когда умерла мама, так что разрушить их будет не так просто. Но самое главное в другом: нужно ли?.. Даже когда Лорана нет, они дают ей опору, являясь противоядием от других мужчин — будет ужасно, если она влюбится в какого-нибудь барана, — а потом эта любовь должна помочь ей совершить важный шаг: если большевики останутся у власти, надо уезжать, бежать из России. Без любви к Лорану сделать это будет трудно, а любовь поможет преодолеть ей сотни препятствий, каковые окажутся на ее пути. Поэтому пусть она останется, несмотря ни на что.

Она не без волнения шла на это свидание, просидев у зеркала целый час. Ей просто хотелось ему понравиться. Она даже не знала, испытывает ли он к ней какие-то чувства, и та записка: «Целую» — лишь вежливая благодарность за проведенную ночь. Изольда вообще не знала, что у него творится в мыслях. В этом смысле он был хороший шпион.

Они встретились на Петровке, в квартире Криштула, в 12.30. Лоран всегда назначал точное время и любил, чтобы приходили вовремя: ни раньше и ни позже. Изольда вышла из дому около двенадцати, до Лорана она дошла за десять минут, еще десять минут потратила на то, чтобы убедиться в отсутствии «хвоста» — Пьер напоминал об этом всякий раз, когда они прощались. Оставалось еще десять минут.

Чтоб не привлекать к себе внимания, Изольда не спеша двинулась к пассажиру, ее обогнал пустой извозчик и замедлил ход, ожидая лишь знака, дабы

подхватить солидную дамочку, но она ему не ответила. Впереди строем шли шесть матросов с винтовками, пронеслись авто, гудя клаксонами, суетливо пробегали чиновники, зажав под мышкой толстые папки с бумагами. Один из прохожих приподнял шляпу, приветствуя ее. Изольда узнала в нем старого поклонника ее матери, но, кивнув в ответ, не остановилась, ей не хотелось сейчас ни с кем разговаривать.

Она мечтала, что Лоран кинется к ней навстречу, обнимет ее, но она знала: этого не будет, поэтому решила напустить на лицо хмурую деловитость, как будто причина ее прихода лишь в Зинче и в согласовании тактических деталей — похищении этим придурком шифра и передачи его Мюллеру. Только обсуждение деловых вопросов, потом она извиняется, что не может долее остаться, и исчезает, не давая Лорану даже намеком коснуться происшедшего той ночью, как будто ничего и не было. Не было, и все. А если он спросит, она удивленно изогнет брови, задумается, потом скажет: «Если вы имеете в виду ту пятницу, когда я была у знакомых, то вечер прошел скучновато, и я, не дожидаясь конца, сбежала». Потом спохватится, «тысяча извинений», и убежит, оставив его в недоумении. Пусть ломает голову над тем, что с ней происходит. Скорее всего, он и голову ломать не будет. Обрадуется такой развязке и будет ей даже благодарен. И они никогда об этом больше не вспомнят.

У нее вдруг защемило сердце от таких видений, она на мгновение остановилась, выдохнула накопившуюся горечь и твердой походкой двинулась к подъезду. Но, постучав условным стуком в дверь и услышав его мягкие, вкрадчивые шаги, она забыла обо всем на свете, губы против ее воли растянулись в слабой улыбке, а большие глаза вмиг наполнились ярким светом ожившей страсти.

Изольда вошла, как сверкающий метеор, осветив мрачную из-за плотных штор квартиру, и Лоран почувствовал, как учащенно забилось его сердце. Это поколебало его равновесие, и он рассердился на себя, напустив хмурость на лицо. Изольда сделала робкий шаг навстречу, но Лоран всем мертвым своим видом дал ей понять, что не помнит их ночное рандеву. Изольда вспыхнула и поникла.

Он предложил ей кофе, она кивнула, они вышли на кухню, Изольда нервно закурила. Около минуты оба молчали. Лоран возился с кофе, Изольда курила. Потом Изольда пересказала затею с Зинчем, извинившись за своевольство и объяснив, почему она так поступила.

— Ты сделала все блестяще, — выдержав паузу, проговорил Лоран, — но впредь прошу тебя такие вещи обсуждать со мной, если есть возможность, а такая возможность у нас была...

Он посмотрел на нее и впервые за это время улыбнулся. Изольда выдохнула напряжение, скопившееся в груди, снова нервно схватила за сигарету, но подошел Лоран, забрал у нее сигарету и крепко поцеловал ее в губы... Кофе убежал.

Он предложил ей коньяку, она закивала, не выдержала, выхватила у него бутылку, налила себе полстакана и залпом выпила. Лоран был даже потрясен.

— Ты хочешь, чтоб я взорвалась?.. — спросила она.

Он долго изучающе смотрел на нее.

— Да, дикий темперамент!.. Азия... Мы — дикая Азия!..

Она рассказала о веревке и буфете. О соседе. Лоран долго смеялся.

— Я хотел бы еще с тобой встретиться... — сказал он.

— Это опасно, — грустно заметила она, пригубив кофе. Коньяк немного ее успокоил. Отрезвил.

— Пусть! — сказал он. Упрямо, как гасконский мальчишка, его родители были из Гаскони.

— Да я хоть сейчас. Она даже сделала движение по направлению к нему, но Лоран отшатнулся.

— У меня важная встреча через полчаса, я не могу ее отменить.

— Здесь? — спросила она.

Он кивнул.

— Часов в семь я освобожусь. — Лоран вытащил и отдал ей ключ. — Я все уже купил для ужина... — Он хитровато улыбнулся. — Мне же надо дать ответный прием.

— Я тебя убью когда-нибудь! — улыбаясь, сказала Изольда.

— Я буду звать тебя: безумная Изольда!

— Мне надо идти? — спросила она.

Лоран посмотрел на часы.

— Еще полчаса...

— Я думала, что все французы жутко рациональные люди, — допивая кофе, сказала она.

— Почему? — удивился он.

— Вы дети Декарта: я мыслю — следовательно, я существую. И Вольтер был такой, и Руссо, все!..

— Да, это есть, — согласился Лоран. — Но, может быть, я исключение из правил?..

— Выходит, мне повезло?

— Еще как! — Он заулыбался, сжал ее руку.

Изольда мягко высвободила ее.

— Не буди во мне зверя, — сказала она. — Я, честно говоря, в детстве была жутко замедленная. Спала. Как в сказке о Спящей царевне.

Она поднялась.

— Я пойду. Сидеть с тобой небезопасно!

Поднялся и Лоран.

— Целоваться не будем! — предупредила она.

Он поднял вверх руки.

— Лето наступило, начнется жара, это против-

но, — идя к выходу, говорила она. — Я была бы рада сейчас зиме!

— Я люблю русскую зиму, — сказал он.

— У нас еще не было с тобой зимы... — остановившись у двери, произнесла она.

Лоран не ответил.

— Как ты думаешь: она наступит? — спросила Изольда.

— Не будем об этом пока думать, — попросил он.

— Слушаюсь и повинуюсь! — сказала она.

Они все же поцеловались. У Изольды закружилась голова, она замерла, застыла в его объятиях, и они простояли так минуты две, пока она не опомнилась и, оттолкнув Лорана, не выскочила за дверь. «Действительно, сумасшествие какое-то!» — проворкотала она, выходя в теплый, залитый июньским солнцем, старый московский дворик. Старушки мирно сидели на скамейках, бегали собачки, все было как обычно, как вчера, как десять лет назад, когда само французское слово «революция» казалось чем-то ужасным и связывалось со стрельбой на Пресне и перевернутыми чугунными воротами на Страстном бульваре.

Она не спеша шла по тихой, сонной Петровке, вспоминая его глаза. Они светились странным внутренним светом в темноте, и одно это околдовывало ее. «Ну вот, ничего и не кончилось!» — вдруг пронеслось в ее голове. И ей самой непонятно было — огорчаться этому или радоваться.

Лоран ждал Бирзе, они договорились встретиться на этой квартире в два часа.

Зная, что придет Изольда, Лоран сразу же дал себе зарок, что будет предельно собран, сух, вежлив и официален, чтобы дать ей понять одно: та ночь хоть и случилась по его вине, но никак не меняет их сложившихся служебных отношений и для пользы дела об этом лучше всего поскорее забыть. Он понимал, что ей это не понравится, она может даже всплакнуть, но Лоран решил держаться твердо и непоколебимо. Лучше все разрубить одним махом, сейчас, когда они еще не прилипли друг к другу. Потом разрывать придется с кровью.

Приняв это решение, он даже повеселел, выпил рюмку коньяка для храбрости и стал насвистывать мелодию из «Веселой вдовы» Легара. Да и потом, они совсем не подходят друг другу. Лоран не такой мощный, ему кажется, что он пониже Изольды, и уж конечно subtilнее, а внешний вид пары тоже играет свою роль. Хотя Лорану никогда не нравились «фарфоровые статуэтки» — так он звал маленьких и хрупких женщин, но дело не в этом. Просто они с Изольдой совсем разные люди, и чем быстрее она это поймет, тем лучше для них обоих.

В этом странном споре с собой Лоран даже не упоминал имя Тани, ведь он написал ей письмо с предложением переехать в Швейцарию и, хотя ответа не получил, считал этот вопрос уже решенным,

поэтому незачем обманывать себя и Изольду, он просто несвободен, и надо дать ей деликатно понять, что он связан обещанием: на женщин такой поворот событий всегда действует магически.

Так он усердно взрыхлял почву, готовясь разорвать все чувствительные нити, оставшиеся после бурной ночи, и был настроен воинственно, и встретил ее, облачась в крепкие доспехи разрыва, но, услышав о ее остроумной затее с Зинчем, восхищенный тем, как она, не дожидаясь его команд, все это искусно проделала — он бы даже не додумался о таком, — Лоран напрочь забыл обо всех оборонительных заготовках, а увидев огонь пылающей страсти в ее глазах, в один миг сдался в плен. Причем все произошло помимо его воли, точно некая фантастическая сила превратила в пыль мощные крепостные стены, будто их и не было. И он уже просил ее о встрече, содрогаясь в ознобе от одной мысли, что все происшедшее может снова повториться.

Он опомнился, лишь когда она ушла, но было уже поздно. Первые же крики о спасении оказались настолько слабыми, что не произвели никакого действия в его душе и через несколько мгновений погасли, словно их и не было. Больше того, он сам начал себя уговаривать, что это судьба осчастливила его за долгие годы одиночества и что роман с Таней после первых бурных двух месяцев вскоре перешел бы в затяжной штиль и они зажили б той ровной семейно-занудной жизнью, каковая ведет к высыханию реки чувств. И где-то через год он бы уже тяготился этим семейным бременем. Разбитую чашку не склеишь. А у Тани была сумасшедшая любовь с Войтовым, и она сама ему говорила, что, узнав о его смерти, она словно умерла, и теперь жила уже не она, а совсем другая Таня. Жила Таня Войтова, и большую часть ее души унес с собой ее бедный муж. Поэтому после первого же их сближения она вдруг

отстранилась, замкнулась, и целую неделю они жили поврозь. Она не могла даже прикасаться к Лорану. Потом постепенно она оттаяла, и они снова соединились, но Лоран чувствовал, как она старается его не обидеть, выказать даже некую страсть, но это только сильнее его угнетало. Лишь перед самым его отъездом что-то в ней резко повернулось, и она прибилась к нему, образовалась тоненькая ниточка душевного родства.

Лоран вдруг ясно увидел это сейчас, когда вспыхнула подлинная страсть, и с огорчением понял, что принимал за великую любовь всего лишь ее тень. Ему потребовалось ровно десять минут, чтобы понять это и перестать мучиться воспоминаниями о Тане. Так ему показалось тогда, он даже не догадывался, что попросту уговаривал себя забыть Таню, и на какое-то время ему это удалось.

Бирзе пришел ровно в два часа, как и обещал. Лоран на всякий случай пожарил ему яичницу, но Бирзе сказал, что недавно пообедал, он наконец нашел экономку, взяв по рекомендации соседки молодую девку с Тамбовщины. Зовут ее Груша, Аграфена. Она статная, сочная и так хороша собой, обладает столь соблазнительными формами, что можно просто любоваться ею, как некой античной статуей. И готовит она так, что он за три дня сумел даже потолстеть. Глаза у Бирзе блестели, когда он об этом рассказывал, и Лоран невольно усмехнулся.

— Окрутит она тебя! — заметил он.

— Ну, меня сам черт не окрутит, — уверенно сказал Бирзе. — А баба тем более!

Бирзе рассказал, что Альфред Пинка, руководитель московского «Союза защиты родины и свободы», сдал и казанские адреса организации, и Дзержинский в знак благодарности даже выпустил его — Пинка пообещал бороться вместе с чекистами против контрреволюционеров. Но едва его выпустили,

как он сбежал. Дзержинский теперь кусает себе локти. Он не думал, что Пинка осмелится бежать, да и куда?! К своим нельзя, они должны тотчас расстрелять его за предательство, а куда еще?!

— И где он? — спросил Лоран.

— В Казани... — усмехнулся Бирзе. — Я еще раньше дал знать нашим казанским товарищам, и когда он прибыл, его тут же под белы ручки — и под замок. Теперь они запрашивают нас, что с ним делать?.. Вот такой цирк шапито вышел!

Бирзе выдержал паузу.

— Пустить в расход? — спросил он.

Лоран пожал плечами.

— Я обещал дать ответ до двадцати четырех ноль-ноль. — Бирзе нахмурился. — Я не кровожадный, но он сдал половину нашей организации, много людей арестовано, надо, чтоб другим неповадно стало! Все должны знать, что бывает за предательство!

— Да, ты прав, — проговорил Лоран, наливая Бирзе кофе.

Он вздохнул, точно собираясь что-то сказать, но промолчал.

— Ты с чем-то не согласен? — заметив напряженность во взгляде Лорана, спросил Бирзе.

— Я просто думаю о том, что большевики сделали бы это не задумываясь, в первую секунду! — ответил Лоран.

— И что? — не понял Бирзе.

— А то, что мы должны чем-то отличаться от них! — сказал Лоран. — Чтоб у нормальных людей был выбор: вот мы, наше движение, и вот они. Я согласен, что надо наказать Пинку, но надо его и выслушать! Мы не кучка террористов! Мы «Союз защиты родины и свободы»! — Лоран сделал ударение на последнем слове. — Его могли бить, угрожать тем, что расстреляют отца и мать. Ты бы согласился

обменивать своих родителей на великие идеалы родины и свободы?.. Я — нет!.. Хотя я профессионал и не имею права на сантименты! Но вот здесь, — Лоран постучал по груди с левой стороны, — есть что-то, что мне бы не позволило это сделать. Так мне пока кажется, и упаси меня Господь от такого выбора!..

Лоран тяжело вздохнул, принес коньяк, налил себе рюмку, молча предложил Бирзе. Тот кивнул. Лоран налил и ему. Они выпили.

— Расстрелять легче всего, — сказал Лоран. — Расстреливают потому, что не хотят думать. Расстрел — удел безмозглых! — Лоран так распалился, что перешел на крик, но, заметив недоуменный взгляд Бирзе, он притих и уже спокойным голосом проговорил: — Пусть искупит свою вину кровью. На фронте, сражаясь с большевиками и принося хоть какую-то пользу нашему делу... И еще надо объяснить нашим соратникам те причины, по которым мы не хотим его расстреливать. Это важно!

Бирзе кивнул.

— Я согласен, хотя, побывав недавно в ВЧК, я с опаской шел по коридору...— сказал Бирзе.

Лоран бросил на него недоуменный взгляд. Бирзе рассказал ему о том, как он попал в ВЧК, и о разговоре с Блюмкиным.

— Это глупость, безрассудство и подлость! — вспыхнул гневом Лоран. — Вы не имели права там появляться в сложившейся ситуации!

Лоран, когда злился на кого-нибудь, механически переходил на «вы».

— Я сознавал степень опасности... — не ожидая столь сильной вспышки гнева, пробормотал Бирзе.

— Нет, вы не сознавали! — выкрикнул Лоран. — Вы шли на русское «авось»! Бог не выдаст, свинья нее съест!

— Я офицер и привык рисковать! — покраснев от

обиды, выговорил Бирзе. — И все взвесил, прежде чем решиться на этот шаг!

Бирзе даже поднялся, давая понять, что не позволит даже Лорану разговаривать с собой в таком тоне.

Лоран отошел к окну и повернулся к Бирзе спиной. Латыш постоял у стола, снова сел, тяжело вздохнув. Смягчился и Лоран.

— Поймите, я вовсе не призываю вас забиться в щель тараканом и спать, — проговорил Лоран. — Вся наша работа основана на отваге и риске. Но есть допустимый и оправданный риск. Он строится на точном расчете всех обстоятельств. Я называю его даже иначе — выигранный риск! Есть риск вынужденный, когда расчет невозможен, но н а д о рисковать! Это тот случай, если твоим друзьям, коллегам, за которых ты несешь ответственность, грозит смерть, и тут уж конечно либо пан, либо пропал! Другого риска не бывает.

— Но мой риск оправдался! — Бирзе победно улыбнулся.

— Еще одна подобная выходка, и я отстраню вас от дела, — холодно сказал Лоран. — Идите в свой цирк шапито, если любите рисковать!

— Да объясните же мне тогда: где граница разумного и безрассудного риска?! — вспыхнул Бирзе.

— Я думал, что вы уже усвоили этот урок еще в шестнадцатом... — заметил Лоран.

В Петрограде еще в шестнадцатом Бирзе попал в руки охранки по подозрению в революционной деятельности, он действительно разбрасывал листовки на заводе, что потом помогло ему «устроиться» в разведку. Но суть проступка была в другом: Бирзе тогда выполнял важное поручение Лорана и позволил себе «отвлечься» совсем другим делом, поставив тогда всю агентурную сеть Петрограда и серьезную операцию под угрозу срыва.

Бирзе, услышав это напоминание, дернул желваками и помрачнел.

— А что касается этой вашей выходки, то позволю себе нафантазировать следующую картинку: вас узнают, сообщают Петерсу, он не дурак, быстро пристраивает за вами «хвост», и вы, милейший Янис Арвидович, приводите его сюда! — язвительно рассказал Лоран.

— Но я хорошо чувствую слежку, а потом, всегда соблюдаю неписанные правила конспирации и, прежде чем войти в подъезд, несколько раз крутанулся вокруг дома: все было чисто! — возразил Бирзе.

— Только не надо считать себя мэтром, а людей Петерса круглыми идиотами! Не забывайте, они только что голыми ручками взяли всю нашу организацию «Союз защиты», все явки, адреса, людей!

Бирзе тяжело вздохнул, опустил голову.

— Мы переиграем их в том случае, разумея под словом «мы» не наши организации, где люди не имеют опыта конспиративной работы, а нас с вами! Мы, — Лоран выделил это местоимение, он вообще любил выделять и играть отдельными словечками, помня об уроках Татьяны Сергеевны, — мозг всего антибольшевистского подполья, и Дзержинский с Лениным могут постоянно ломать, уничтожать крепости, нами возводимые, но мы сами должны быть вне их досягаемости. Если они уберут нас, значит, мы гроша ломаного не стоим!.. Вот почему мы не имеем права рисковать, когда этот риск неоправдан...

— Я понял, — помолчав, проговорил Бирзе. — Нет, я сознаю, что был не прав, — перехватив взгляд Лорана, уточнил он, — и любое наказание приму как должное!..

— Я уже сказал, что отстраню вас от всех дел, если подобное повторится! — кивнул Лоран. — Ну как вам Блюмкин?..

Бирзе кратко сформулировал свои впечатления о

Блюмкине. Материал для их замысла неплохой, и он доведет его до совершенства, но без одобрения ЦК левых эсеров этот одесский романтик при всех их усилиях вряд ли решится на такое самостийно. Другой разговор, если прикажет партия, тут уж святое дело, и теперь важно, чтобы внутри ЦК левых созрело это решение, а они, кажется, готовы на этот шаг. Больше того, Голубовский и сама Спиридонова исповедуют террор как важнейший инструмент революционной борьбы, к убийству Мирбаха их подталкивает киевское крыло, поэтому здесь стоит активно поработать. Бирзе даже договорился о встрече с Голубовским. Он назначил ее на сегодня на пять вечера, и, если Лоран свободен, они могут встретиться с Голубовским в «Славянском базаре». Последний любит вкусно поесть и выпить за чужой счет, а за рюмочкой можно потолковать и о вещах серьезных. Бирзе мог бы и без Лорана встретиться с Голубовским, но он не пьет, и это обстоятельство может затормозить разговор.

Бирзе замолчал, взглянув на Лорана. Пьер помедлил и согласился. Два часа ему хватит, чтобы прощупать Голубовского.

Бирзе, чувствуя себя виноватым, всячески пытался загладить свою вину, но Лоран ни единым жестом не выказал сочувствия. Настоящего разведчика надо прокалывать на медленном огне, чтобы из него впоследствии вырос настоящий профессионал. Так воспитывали самого Лорана, и он набил немало шишек, прежде чем ему доверили самостоятельную работу. А из Бирзе может получиться крепкий агент, у него есть воображение и фантазия. Последние два качества Лоран ценил превыше всего. Старый французский дипломат, с которым Лоран вместе работал, как-то спросил Пьера: почему один из его приятелей, с кем они вместе начинали в военной разведшколе, после двух лет оперативной работы в Герма-

нии, неожиданно вернулся во Францию и стал писателем. «Ему не хватило фантазии, чтобы стать разведчиком», — улыбнувшись, ответил Лоран. Дипломат расценил этот ответ как шутку, но Лоран вовсе не шутил. Лишь хорошее воображение и фантазия позволяют настоящему разведчику предвидеть все тактические ходы противника и переиграть его в нужный момент. Бирзе чудом не провалился. Но чудеса удел поэтов и авантюристов, поэтому многие из них печально заканчивают свою жизнь. А большие шпионы доживают до глубокой старости и умирают, разводя цветочки у себя на вилле. Каждому свое.

13

Осип Манделъштам, выскочив в тот роковой вечер из квартиры Грындина, куда его буквально на веревке затащили — он не любил сборища поэтов, тем более молодых, начинающих, — поехал лишь потому, что Луначарский то и дело выговаривал ему, что надо почаще встречаться с молодой пролетарской порослью, бросился бежать прочь от опасного дома, а услышав выстрелы, совсем обмер от страха и припустил так, что мог, наверное, претендовать на лавровый венок олимпийского победителя. Он и ахнуть не успел, как оказался на Пречистенке, хватая ртом сырой ночной воздух. Накрапывал мелкий дождик.

В памяти промелькнула страшная сцена, достойная Дантова ада: слащавый, пьяный Блюмкин у них на глазах заполняет расстрельные ордера, одним росчерком карандаша решая их судьбы. Сам Блюмкин — черненький, с кофейными глазками, острым носом и полными, почти вывернутыми губами — представился Осипу Эмильевичу натуральным чертом. Поэт готов был поклясться, что в штанах он прятал огрызок хвоста, а в густой шевелюре таились маленькие остренькие рожки. Это видение так ясно предстало в его воображении, что он кинулся рвать эти ордера, поверив, что никакого розыгрыша за всем этим нет. Да и надоело уже рассовывать свой страх по пазухам и карманам, надоело жить в черновиках, про себя, скороговоркой, игроком Досто-

евского, который постоянно твердил: «Завтра, завтра все кончится». И неведомая сила вдруг подбросила его. Он разорвал в клочки эти каиновы печати, содеяв, наверное, по новым проклятым временам великое преступление, за которое его не пощадят суровые преторианцы Ленина. Что же ему теперь делать?.. Умирать совсем не хочется. Бежать к Каме-невой, которая его привечает и поможет спастись — ее муж, Лев Борисыч, большая шишка в Совнаркоме, дружок вождя, — сейчас слишком поздно, да его и в Кремль не пропустят, а надо что-то сделать сегодня, сейчас, этот черный демон Блюмкин наверняка уже звонит в свою ВЧК и вызывает наряд солдат к нему домой, чтобы схватить его и сразу же поставить к стенке. Долго ли выписать еще одну такую бумажку?!

Мандельштам содрогнулся от этого видения: его выволакивают из постели, выводят во двор, он спускается по ступенькам. Блюмкин идет сзади, вытаскивает револьвер, взводит курок и стреляет ему в затылок. Осип даже прикрыл ладонью свой затылок, каковой мгновенно ощутил эту огненную боль, и поэту стало плохо. Куда же податься? К кому? Луначарский, кто его знает, тоже в Кремле и тоже спит сладким сном праведника, ах эти богоискатели, надумавшие искать Христа в революции! Это они рожают чудовищ в кожанках, инквизиторов тьмы, кто расстрельной метлой расчищает московские утренние дворы! И он им потакает, подпевает их фальшиво-гнусавому хору, получая каждый раз свои жалкие тридцать сребреников. «Прославим, братья, сумерки свободы — великий сумеречный год... В кипящие ночные воды опущен грузный лес тенет. Восходишь ты в глухие годы, о солнце, судия, народ...»

Ему стало нехорошо. Мелкий еле слышный дождь, как приبلудный пес, лизал его лицо, цокот пролетки доносился до его слуха, и щетина просту-

пала на скулах. Нужно ли спасаться? «Всех нас ждет одна ночь», как говорил Гораций. Но уж если ему суждено умереть, то пусть эту бритву возьмет сам дьявол, а не козлоногий сатир, от которого воняет мочой. Да, будем сражаться с ветряными мельницами, пока достанет сил. Это удел всех поэтов.

Прославим роковое время,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное время,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть, тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет...

Строчки сложились сами собой. Это была как бы защитная реакция — в приступы страха, каковые изредка врывались, подобно ночным извилистым червям, мгновенно погружая все сознание во тьму, стихи врывались летним очистительным дождем, смывая чернила сумерек и заставляя червей уползать прочь. Душа успокаивалась. Так случилось и сейчас. И точно выпали пробки из ушей, Мандельштам вдруг услышал за спиной птичье щебетанье — совсем рядом, в тихом дворе, где уютно расположились, как старушки, несколько лип, и в их листве вели неумолчный разговор птицы — ласточки, стрижи, воробушки, — что они так оживленно обсуждали, не его ли пугливое бегство через пол-Москвы?

Мы в легионы боевые
Связали ласточек — и вот
Не видно солнца; вся стихия
Щебечет, движется, живет;
Сквозь сети — сумраки густые —
Не видно солнца, и земля шпывет.

Мандельштам уже шел наугад по Пречистенке к храму Христа Спасителя, светлевшему впереди, и его вдруг осенило: надо зайти к Ларисе Рейснер, милой поэтессе, к которой он сочувственно когда-то отнесся, похвалив ее стишок. Лариса замужем за

Раскольниковым, они сейчас в Москве, ее муж является каким-то комиссаром, немалой шишкой новой власти, он поможет, выручит! Лариса вела прежний поэтический образ жизни и раньше двух не ложилась, он заглянет на огонек.

Ободренный этой идеей, Мандельштам размашисто зашагал к ее дому. Было на редкость тихо и пустынно. Обычно по ночам постреливали, ходил караул, проверяя документы, а сейчас — как в прежние времена в полусонной купеческой Москве. Его шаги гулко раздавались в ночной тишине, и он в такт им закончил родившееся стихотворение:

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи,
Как плугом, океан деля,
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

Лариса, к его радости, еще не спала. Они только что вернулись из гостей и решили даже почаевничать, так что Мандельштам поспел прямо к столу и извиняться ему не пришлось. Его потащили в столовую, Лариса с гордостью представила мужу Осипа Эмильевича, и рослый матрос так стиснул его ладонь, что Мандельштам поморщился сквозь улыбку.

Федор вытащил бутылку «доброго рейнского вина», как он выразился, хотя вино было совсем не «рейнское», и Лариса, смутившись, бросилась исправлять ошибку мужа, он заартачился, ибо не любил, когда кто-то возражал ему, назревал легкий семейный скандал, и дабы смазать «рейнскую неловкость», Мандельштам процитировал первую строфу своего стихотворения, написанного им недавно:

Когда на площади и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума,
Холодного и чистого рейнвейна
Предложит нам жестокая зима.

И радушие стола было восстановлено. Они выпили по бокалу рислинга — немудрено фонетически и спутать, рассмеялся Мандельштам, — беседа потекла оживленнее, дошел черед до рассказов гостя, и он поведал о недавнем жутковатом приключении, прибавив, что теперь они увидятся лишь на холодном берегу Стикса.

Раскольников про Стикс мало что понял, но рассказ Мандельштама вмиг отрезвил его, а когда Осип Эмильевич повторил, что его наверняка уже ждут дома для ареста, хозяин дома поднялся, чтобы немедленно ехать разбираться в ЧК. Лариса еле его успокоила, заверив, что в ЧК никого сейчас нет, а вот завтра надо идти прямо к Феликсу и рассказать ему об этих безобразиях. Так они и порешили. Раскольников заверил, что этого Блинкина он сотрет в порошок, потому что он явная контра и похабит советскую власть, самую гуманную при жизни всего человечества. Мандельштам не стал возражать Федору, хотя имел на нынешнюю гуманную жизнь совсем противоположный взгляд. Возражать бросилась Лариса, заявив, что в ЦК большевиков слишком много интеллигентов, которые любят поговорить, в то время, как надо действовать и каленым железом выжигать всякую шваль типа Блюмкина. Мандельштам с изумлением посмотрел на хозяйку.

— Разве мало расстреливают, Лара? — спросил он.

— Расстреливают уже тех, кто совершил какое-нибудь преступление! — возразила она. — Но нельзя же сидеть и ждать, пока нас всех вырежут, а потом кричать караул!

Федор, очнувшись, заговорил о врагах революции, с которыми у них всегда был и будет разговор коротким: ать-два — и к стенке, но надо видеть, что поэты, пишущие о любви, птичках и вине, как Есенин, и прочие там, — никакие еще не враги, а спья-

ну на любого выписывать ордера — это уж мерзость и позор, и с этим они будут бороться.

Мандельштам со страхом слушал жутковатые сентенции Ларисы и с грустью пьяную речь матроса, которого милая Лариса почему-то избрала в свои мужья, может быть, он хорош в других своих качествах, а Лариса не роковая красотка, чтобы сводить с ума уланов, впрочем, он сбился с курса, какой век на дворе, уланов давно нет, а пьяных матросов очень даже много.

Лариса извинялась, что ничего не может подать к столу более существенного, кроме сыра и ветчины, прислугу и повара она на сегодня отпустила, поскольку у них с утра были намечены всякие гостевания.

— А вот завтра прошу на индейку с яблоками, дорогой Осип Эмильевич, — заулыбалась она, — а мне стыдно: такой гость в доме, а на столе пусто!

— По нынешним временам сыр и ветчина уже пиршество! — заметил Мандельштам.

Стакан кислого рислинга вконец доконал богатырскую натуру Федора, влившего в себя до этого полведра водки, — это Осипу уж потом разъяснила Лариса, когда Раскольников потерял связную нить позднего вечера и она отвела его спать. Заторопился и Мандельштам, несколько разочарованный тем, что они не поехали в ВЧК прямо сейчас, ибо он чувствовал, что дома его уже поджидают чернокожаные бесы. Ведь Блюмкин ясно сказал: «Подпишу бумажку, и через два часа нет человеческой жизни!» Эту мысль он растолковал и Ларисе, но она обратила свой страдальческий взор к спальне, откуда доносился уже богатырский храп, и вздохнула, пытаясь успокоить Осипа Эмильевича тем, что мужики по пьянке готовы Луну с неба достать, а потом обо всем забывают. Завтра она напомнит мужу, и они заедут к Феликсу, и все образуется. А чтобы Ося не трево-

жился, она оставляла его переночевать у себя, но Мандельштам решительно отказался. Он не любил ночевать по чужим людям, в чужих квартирах, после этого он чувствовал себя очень скверно в душевном плане.

Он покинул матросский дом, но и к себе тоже не поехал, испугался, а поплелся к давней своей поклоннице, с каковой в этот приезд в Москву возобновил старый роман. Поклонница была из вдов и даже весьма аппетитна, не из глупых, но слишком болтлива, что утомляло несказанно, но тут делать было нечего, все, у кого он мог найти временное пристанище, у кого он был давным-давно своим, уже спали, а будить вдову ему совсем было не жаль.

Ночью ему приснился кошмарный сон: будто Мандельштам, прибыв в Тифлис, куда он всерьез помышлял ехать, идет в турецкие бани, где ловкие пространщики начинают его мыть, положив на лавку, и Мандельштам, прикрыв глаза, журчит от неги и удовольствия, как вдруг что-то холодное касается его тела. Он открывает глаза, видит перед собой Блюмкина с сумасшедшими глазами и закрученными усами и леденеет от страха: Блюмкин, приставив револьвер к его сердцу, медленно давит на спусковой крючок. Мандельштам открывает рот, чтобы закричать, позвать на помощь, но не может, а Блюмкин победно улыбается и шепчет ему: «Я же тебя предупреждал: твоя жизнь в моих руках! А ты решил, что сильнее меня?..» Блюмкин жутко хохочет, и все сильнее давит на курок, сердце уже выпрыгивает из грудной клетки поэта, предчувствуя, как комок свинца разорвет его на части. Мандельштам кричит и просыпается. Видит свою вдову уже одетой, в черной шляпке, которая в ужасе отскакивает от него.

— Я вернулась из булочной, замерзла, подлезла к тебе, чтобы согреться, стала тебя гладить, ласкать, ты вчера разбудил меня и тут же заснул, негодный, поэтому я и хотела утром забрать то, что принадле-

жало мне ночью, и ты уже стал отзываться на мои ласки, я крепко обняла тебя, а ты вдруг как закричишь! — рассказывала за завтраком перепуганная вдова, и Мандельштам с трудом переносил ее болтовню, раздумывая о страшном сне: что это — предупреждение небесных сил или следствие того, что он объелся пирожными и икрой?

На следующий день он позвонил Ларисе, но никого не застал дома, вечером Мандельштам снова забежал к ним, Федор был трезв и суров, они договорились, что он созвонится с Феликсом и через денек они обязательно заскочат к нему, но прошла целая неделя, когда Раскольников сумел выбрать время, и они отправились в ВЧК.

Мандельштам уже перед поездкой стал канючить и упрашивать Раскольникова, чтобы он съездил один, переговорил и закончил всю историю миром, но Федор потащил поэта с собой.

Они вошли в мрачное здание ВЧК, у Осипа Эмильевича все оборвалось внутри от сурового стеклянного взора охранника у входа. «Такой расстреляет, даже не моргнет», — всполошился он. Ноги у поэта стали заплетаться, и он еле вскарабкался на второй этаж, цепляясь за поручни лестницы, как баран, которого тащат на бойню. У Раскольникова был всего час свободного времени, и он сердился, торопя жалкого поэта.

Наконец они добрались до приемной. Ксенофонов сердечно поздоровался с Федором Федоровичем, бросив колючий, как показалось Мандельштаму, взгляд на него, точно Раскольников притащил острогожнего шута. Но больше всего Мандельштам боялся встретить здесь самого Блюмкина, он жался по углам, прятался за широкую спину Раскольникова, и судьба смилостивилась, их быстро впустили в заветный кабинет, и Осип Эмильевич увидел перед собой худого испанского идадьго Дон Кихота, правда с сухим, выжженным взором и бесстрастным лицом.

«И это Великий инквизитор?» — мысленно удивился поэт, но еще через секунду понял, что всеми называемый Феликс — явная гофмановская тень испанского романтика, его зримое подобие, явленное неведомыми силами, чтобы запутать простака. Раскольников стал возмущенно говорить о беспорядках в ВЧК, употребляя довольно крепкие выражения, какие Феликсу совсем не понравились, но он промолчал. Потом наступил черед объясняться Мандельштаму, которого Федор представил как помощника Луначарского, что было не совсем верно. Осип Эмильевич стал сбивчиво пересказывать вечер встречи с молодыми поэтами, куда его пригласили и где он читал свои стихи, а потом появился тот самый Блюмкин, конечно, он был видимо голоден, слегка перебрал, его развезло, и вот дальше он повел себя не совсем красиво с этими расстрельными ордерами.

— Да к стенке надо его самого, к стенке! — прыгал Раскольников, и Дзержинский поморщился. — Это поэты, восторги революции, а их какой-то чекист ордерами пугает, да еще тобой подписанными! Человеческая жизнь в его руках! Попался бы мне этот гадючий хвост, я бы его... — Раскольников схватил графин с водой, и Мандельштам даже вздрогнул, испугавшись, что темпераментный Федор в сердцах сейчас хватит его об пол, но матрос налил себе полный стакан воды и залпом выпил.

— Я виноват, конечно, в том, что позволил себе порвать эти ордера, государственные бумаги, но я испугался, что ваш товарищ их пустит в дело и прольется кровь невинных людей, — пробормотал в заключение Осип Эмильевич.

— Я непременно разберусь с этой историей, извините... — Дзержинский выстрелил взглядом в Мандельштама, и Осипу Эмильевичу стало от этого взгляда не по себе.

— Архип Эммануилыч, — подсказал Феликсу Раскольников.

— Осип Эмильевич, — поправил Раскольникова Мандельштам.

— Да это не важно! — махнул рукой Федор.

— А от имени Всероссийской чрезвычайной комиссии, — Дзержинский поднялся, поправил ремень на гимнастерке, — я приношу свои извинения. Мы только начинаем свою деятельность, и такие ошибки, к сожалению, пока неизбежны...

«Как и расстрелы», — язвительно добавил про себя Мандельштам.

— Парочку расстреляй своих, и остальные как шелковые будут! — рассмеялся Раскольников.

— Да он не мой, — усмехнулся Дзержинский.

— А чей? — спросил Раскольников.

— Спиридоновой...

— А-а... — промычал Раскольников.

На том они и расстались. Мандельштам ничего не понял из последнего разговора двух кровавых вождей: почему Блюмкин не человек Дзержинского, кто такая Спиридонова и почему Раскольников разочарованно промычал «а-а...». Когда они выходили из ВЧК, Мандельштам хотел уже задать эти вопросы Федору, но тот увидел старого приятеля, они стали обниматься, хохотать, хлопать друг друга по спине, а солдатик у входа все еще стоял со стеклянным взором, точно его околдовали, превратив в каменную статую. «Сколько же людей еще околдовала эта власть и сколько она околдует?!» — со страхом подумал Мандельштам и спешно выбрался из этого жуткого желтого здания. Хорошо, хоть на улице светило солнце и было тепло, одна природа никого никогда не обманывала, и если кончалась весна и подкатывало лето, то это означало одно — теплынь, а может быть, и жару. Осип Эмильевич решил все же дожидаться Раскольникова — даже фамилия и та из революционных — ему не терпелось узнать, чем ре-

шится этот вопрос, нужно ли ему впредь опасаться ареста или мщения со стороны Блюмкина, которого могут из-за этого «а-а...» и не уволить из комиссии, а даже совсем наоборот. Поэтому встреча с красным инквизитором совсем не внесла успокоения в мятежную душу Мандельштама, прибавив еще больше сомнений. А то, что Дзержинский извинился, ничего не означало. Мандельштам и сам иногда хвалит неистовых графоманов, осаждающих пороги Наркомпроса в Петрограде и приносящих целые сборники революционных виршей, но едва они покидают его комнату, как он забрасывает их творчество в шкаф, чтобы никогда его оттуда не доставать. Так он прогуливался, размышляя и повторяя вслух то стихотворение о «сумерках свободы», которое ему пришло на ум в ту жутковатую ночь:

Мы будем помнить и в летеиской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля...

Мандельштам обкатывал во рту последние строчки, восторгаясь ими: что хорошо, то хорошо, он всегда знает, когда у него получается хорошо, а вот «прославим роковое бремя» совсем даже не очень. Как это «прославить бремя»? Нет, умом он понимает, но читатель не должен ломать голову, а мгновенно впитывать простую и одновременно сложную мысль... Мандельштам вдруг увидел, как из ВЧК выскочил Раскольников, запрыгнул в автомобиль и уехал, оставив Осипа Эмильевича в еще большем недоумении и растерянности. То ли он в суматохе забыл про него, то ли...

«А-а...» — только и промывчал Мандельштам, глядя вслед отъезжающему авто и понимая из всего случившегося лишь одно: надо уезжать, убираться, бежать из этой продажной Москвы, и чем скорее, тем лучше, пока его здесь не расстреляли, не стерли в порошок. Бежать на юг, в жаркие благословенные края, где люди еще испытывают симпатии друг к другу и не знают того, что творится в больной Мос-

кве, зараженной эпидемией какой-то страшной болезни, которая неизлечима. Москва должна умереть и возродиться вновь. Если такое вообще возможно со старыми городами. И через три дня он выскочил из Москвы как пробка из шампанского, и каждый новый километр удаления от кремлевских коллизеев наполнял его душу светлой радостью. Хотелось сочинять стихи, любить и влюбляться, плакать и содрогаться от умиления над Дантовыми терцинами, но никогда не попадать ни в один из его кругов. О, как ему хотелось убежать!

19

Дзержинский после ухода Раскольников и Мандельштама вызвал к себе Александровича и рассказал ему историю с Блюмкиным.

— Речь идет не просто о превышении служебных полномочий, — подытожил Дзержинский, — а о дискредитации нашего органа. О нас и без того идет молва как о карательной метле, мы ею и будем по отношению к врагам революции, но для мирного обывателя мы должны быть защитой, спасителями от контрреволюционного разбоя...

Дзержинский выдержал паузу, глядя на бесстрастное лицо Александровича, взял папиросу, закурил.

— Будь Блюмкин членом партии большевиков, я бы не только поставил вопрос о его пребывании в нашей комиссии, но и в партии, но он состоит в ваших рядах, поэтому вы и решайте, как с ним поступить. Больше того, до той поры, пока вы не решите его судьбу у вас в ЦК, я не буду предпринимать никаких служебных мер. Со своей стороны, если вы решите, что он сделал это сгоряча, по молодости, и его важно сохранить в наших рядах, я пойду вам навстречу и приму ваши соображения, ибо не хочу, чтоб мой поступок был истолкован как недружественный выпад против вашей партийной линии. Отчасти это и наша вина, мы, два руководителя ВЧК, бросили парня на произвол судьбы, без

опеки и присмотра, доверив вести самостоятельно столь важный участок работы. Поэтому если уж наказывать Блюмкина, то надо наказывать и нас самих... Все это совпало с ликвидацией «Союза защиты родины и свободы», мы были заняты, а у парня закружилась голова от собственных властных полномочий...

— Я считаю, Блюмкина надо отстранить от руководства отделением, — предложил Александрович. — Это слишком серьезная работа, которой должен заниматься опытный товарищ... Тот же Петерс, к примеру...

— Да, я уже думал об этом, — согласился Дзержинский. Наверное, мы так и поступим. А в составе нашей комиссии Блюмкина вы предлагаете оставить?

— Пусть это решает наш ЦК, он же его направлял... — пожал плечами Александрович.

— Меня в данном случае интересует ваше личное мнение.

— Он не без способностей, — помолчав, ответил Александрович. — Тут многое будет зависеть от того, как он воспримет свои действия. Если так же критично, как мы, то еще не все потеряно...

— Я тоже так думаю, — кивнул Дзержинский. — Поэтому поговорите с ним по душам, и если вы поймете, что парень оступился и глубоко осуждает все происшедшее, мне будет достаточно лишь вашего мнения... — Дзержинский выдержал паузу. — Я думаю, и вопрос с его отстранением мы решим иначе... Мы просто ликвидируем отделение. Во-первых, это должен быть целый отдел, более серьезный, руководить которым должен как минимум мой заместитель, то есть человек с большими полномочиями, и отдел должен заниматься борьбой не только с немецким шпионажем, а с английским, французским и так далее. Это серьезный вопрос... Может

быть, вы, Вячеслав Александрович, займетесь его проработкой?..

— Хорошо, я подумаю, — согласился Александрович.

— Вот и прекрасно! Поэтому мы так и сформулируем этот вопрос: закрыть отделение для последующей реорганизации, а Блюмкин пока побудет без должности с той перспективой, что если он останется в ВЧК, то получит какую-то должность в этом отделе...

— Я чувствую, что вы хотите его оставить в ВЧК, — усмехнулся Александрович.

— А вы не хотите? — спросил Дзержинский.

— Я считаю, что его надо примерно наказать за эти диктаторские замашки! — ответил Александрович. — Революционер должен быть кристально чист перед своими товарищами и перед своей совестью. Только тогда он имеет право распоряжаться чужими судьбами. А эти фразочки: «В моих руках человеческая жизнь, хочу казнь, хочу помиловать», — этак мы далеко пойдем, и вместо революционных преобразований всего общества снова скатимся к самодержавию, только партийному, что, увы, впрямую декларирует ваш Ленин.

— Я знаю, вы не разделяете его партийных установок... — заметил Дзержинский.

— А вы? — впрямую спросил Александрович. — Если отбросить в сторону партийную дисциплину и чувство корпоративности? Вы разделяете все установки вашего вождя?..

— Во-первых, это установки нашего ЦК, — по-суровев, проговорил Дзержинский. — У нас, как и у вас, существует принцип коллегиальности принятия решений. Я, как вы знаете, был против заключения Брестского договора с немцами, но большинство проголосовало «за», и я вынужден был подчиниться большинству...

— Ленин заставил многих проголосовать «за», вы это тоже знаете! — ответил Александрович.

— Он сумел убедить многих в своей правоте, — поправил его Дзержинский.

Александрович стряхнул пепел с пиджака и тяжело вздохнул, словно о чем-либо спорить со своим начальником считал бессмысленным.

— А что касается нашего лозунга о диктатуре пролетариата, то мы считаем: на какой-то определенный момент, когда надо было подавить сопротивление буржуазии, он был правильным и актуальным. И сейчас мы не снимаем его лишь потому, что это подавление еще не закончено. Когда оно произойдет, мы снимем этот лозунг!.. — разъярил Александровичу Дзержинский.

— Вы идеалист-романтик, Феликс Эдмундович! — усмехнулся Александрович, поднимаясь со стула. — Для той должности, какую вы занимаете, это опасно...

— Я учту ваше соображение, — холодно отозвался Дзержинский. — А товарища Блюмкина все же не надо примерно наказывать, Вячеслав Александрович, — обронил Дзержинский. — Мы и так только тем и занимаемся, что примерно всех наказываем, и в первую очередь свой собственный народ. А он устал от наказаний. От расстрелов, угроз, публичных порок... Мы разучились говорить с людьми по душам. Разучились прощать. И самое главное — любить. Если мы не осознаем это в ближайшие два-три года, то народ от нас отвернется, а потом проклянет...

Александрович уже хотел уходить, когда Дзержинский разразился вдруг этим признанием. Александрович с удивлением посмотрел на Дзержинского. На всех заседаниях «тройки», которая имела право выносить расстрельные приговоры и в которую входил Александрович, именно Дзержинский

всегда настаивал на применении исключительных мер, а Александрович был всегда против. Поэтому для последнего было странно слышать эту агитацию за любовь из уст ярого максималиста. Но человеку свойственно быть противоречивым.

— Хорошо, мы подумаем, — с легкой ироничной улыбкой отозвался Александрович.

Выйдя из кабинета председателя, он заглянул к Блюмкину и пригласил его зайти к себе. Эти тихие партийные переругивания с Держинским были частью их непростых отношений. Формально Александрович являлся не просто заместителем Держинского, а товарищем по комиссии, то есть с правом принятия самостоятельных решений. Больше того, у Александровича хранилась печать, и он имел право подписывать все постановления ВЧК. Но все знали, что председателем был Держинский, а Александрович замом, причем заместителем без реального решающего влияния. Ибо и Лацис, и Петерс, и Ксенофонтов, да и все остальные подчинялись напрямую Держинскому и советовались лишь с ним по всем вопросам, минуя, естественно, Александровича. В комиссии работали еще несколько левых эсеров, но они не занимали больших должностей, а были рядовыми сотрудниками, и от них ничего не зависело. Блюмкин стал вторым левым эсером в ВЧК, кто занял нерядовую должность и впоследствии мог влиять на всю работу комиссии в целом. И вот, не успев проработать и месяца, он этой должности лишился. Конечно, Блюмкин сам виноват. За такое самодурство, если это все правда, его надо в три шеи гнать не только из комиссии, но и из партии. Бонапартик из Одессы! Ксенофонтов принес Александровичу чаю и сушек. Тут Иван Ксенофонтович иерархию соблюдал: чай в кабинет он носил только Феликсу и ему.

Александрович задумался о последних словах

Дзержинского и его странной мягкости по отношению к Блюмкину. Обычно он бывал нетерпим к подобным вещам, но сейчас чуть ли не всплакнул о Блюмкине. И афишировать даже его поступок не хочет, а просто ликвидирует отделение... Вячеслав Александрович вдруг понял причины этой мягкости. Если убирать Блюмкина со всеми вытекающими последствиями, то на его место надо брать не просто нового начальника, а левого эсера, потому что Спиридонова договорилась с ним, что Дзержинский не только возьмет еще одного их человека, а даст ему соответствующий пост на уровне Лациса и Скрыпника, то есть на уровне начальника отдела. Дзержинский дал отделение, уже уменьшив должность, а теперь и вовсе хочет отобрать ее у левых эсеров, а заодно и подвинуть Александровича из замов в сторону заведующего отделом, пусть и самым большим, но бесполезным. Отдел внутренней жизнью заниматься не будет, а сосредоточится на иностранных шпионах. И так тихо, мило под соусом сострадания к молодому Блюмкину Дзержинский избавляется от неугодных ему людей, забирая всю власть в свои руки. Вот тебе, бабушка, и Блюмкин день!..

Блюмкин явился. Александрович предложил ему сесть и попросил рассказать, что у него произошло с поэтом Мандельштамом. Блюмкин смутился, пожал плечами и сказал, что ничего особенного не случилось. Конечно, он немного перебрал и расхвастался, но этот поэт Мандельштам нагло порвал все ордера, которые Блюмкин нечаянно вытащил из кармана.

— Вы не нечаяно их вытащили, а стали заполнять в пьяном виде на случайном гульбище, куражась над присутствующими и заявляя, что можете расстрелять любого, такая дана вам якобы власть! — резко оборвав Блюмкина, сурово проговорил Алек-

сандрович, прибавив металла в голосе. — Так было?!..

Блюмкин помедлил и кивнул. Александрович тяжело вздохнул.

— Мария Александровна поверила в вас, рекомендовала на столь ответственную работу, даже попросила доверить вам самостоятельный участок, а вы грубо воспользовались ее доверием в своих личных целях!.. — Вячеслав Александрович снял очки и стал протирать их платком. — А между прочим, она в ваши годы собственноручно застрелила лидера черной сотни тамбовского губернского советника Луженовского. Юная девушка, гимназистка бросила вызов самым реакционным силам царской России. Это был подвиг, которым все последующие поколения будут гордиться. Она знала, что ее повесят, но смело пошла на этот шаг во имя будущей революции! А вы?.. Дзержинский ликвидирует ваше отделение! — подвел итог Александрович.

Это сообщение словно током ударило Блюмкина. Он даже подался назад, словно отстраняясь от удара, вспыхнул и мутным взглядом обвел комнату. Александрович налил ему воды. Блюмкин взял стакан, но рука у него дрожала, и он никак не мог поднести стакан ко рту. Зубы звякали о стекло.

— Успокойтесь, возьмите себя в руки!.. — крикнул на него Александрович.

Блюмкин кивнул.

— Меня отдадут под суд? — заикаясь, пролепетал он.

— За это, к сожалению, не судят, — ответил Александрович. — Но мне было неприятно все это выслушивать от Дзержинского, который, оценивая ваш конкретный поступок, связал все это с нашей партией и даже попросил меня, чтобы я все происшедшее довел до сведения нашего ЦК... Как он решит, так и будет. А ЦК может исключить вас из

рядов нашей партии за такие дела, потому что вы позорите звание революционера такими диктаторскими замашками. Мы не для того совершали революцию, чтобы вы, размахивая наганом, терроризировали честных людей данной вам властью!..

Александрович посмотрел на красное от стыда лицо Блюмкина, и ему стало жаль его. Может быть, Дзержинский и прав в своих призывах к любви. Александрович читал биографию Блюмкина и знал, что последние три месяца он воевал, всерьез размахивал наганом, и не его вина, что еще не привык к мирному течению событий.

— Спасибо... — Блюмкин неожиданно поднялся.

— Куда вы? — не понял Александрович.

— Я знаю, что мне надо делать! — выговорил он с дрожью в голосе.

Его лицо вдруг сделалось белым как полотно, глаза же полыхали яростным огнем.

— Что вы знаете? — не понял Александрович.

— Я не должен опозорить свою партию! — шепотом проговорил Блюмкин.

— А ну-ка сядьте! — властно бросил Александрович. — Что я вам сказал?!..

Блюмкин послушно сел.

— И не думайте даже об этом! — возмутился Александрович. — Вы слышите?!..

Блюмкин молчал, глядя перед собой в одну точку.

Александрович закурил, предложил Блюмкину. Яков отказался. «Вот чувствительная барышня!» От возмущения Александрович даже забарабанил пальцами по столу. Он с самого начала был против прихода Блюмкина в ВЧК. Уж очень лихим он был охранником у Спиридоновой. Один раз даже не пустил к ней Александровича, высокомерно посматривая на него. С тех пор Александрович на него и обозлился. А когда узнал о решении Спиридоновой на-

править этого одесского красавчика в ВЧК, да еще на самостоятельную работу, тут уж он высказал все, что думает об этом самонадеянном сопляке, и категорически отказался хлопотать за него перед Дзержинским. Но Спиридонова договорилась обо всем сама, без Александровича.

Нет, он не старался делать гадости этому любимцу безумной революционерки, к которой Александрович хоть и относился с уважением, но без особого пиетета, впрочем, у Спиридоновой хватало ума не лезть в вожди, за что ее все и уважали. Александрович даже был доброжелателен к этому еврейскому юноше из бедной одесской семьи, но доброжелателен на расстоянии, не подпуская его близко к себе и не шарахаясь от его просьб. Один раз они даже вместе выпили — в день рождения Карла Маркса, так что никто не мог сказать в ВЧК, что Александрович испытывает к нему особую неприязнь. Но сейчас Александрович перегнул палку. Человек — слишком тонкий инструмент, он может и сломаться, а этот юноша к тому же весьма чувствителен, что, может быть, совсем неплохо для чекиста.

— Безусловно, ваш поступок заслуживает самого сурового осуждения, и мне приятно, что вы это понимаете! — заговорил Александрович. — Но у нас тут ВЧК, а не пансион благородных девиц! Если каждый чекист станет стреляться из-за промахов в работе, то некому будет работать! Мы оставляем вас в комиссии, больше того, мы на первый раз даже не будем объявлять о вашем проступке публично, а просто скажем, что пока ликвидируем отделение, которое вы возглавляли, для его реорганизации, и вы как бы временно останетесь без должности. И я не буду докладывать об этом в ЦК, если вы дадите мне слово впредь быть внимательнее и деликатнее вести себя с людьми вообще, даже с преступниками. Случается, что люди оступились ошибочно, они

могут исправиться и стать полноценными гражданами. Мы не только карательный, но надзирающий и предупреждающий орган. Надо верить людям, Яков Григорьевич, как мы сегодня поверили вам...

У Блюмкина заблестели глаза, он ожил и готов был кинуться на шею Александровичу, если б не видел перед собой строгого лица.

— Можно я буду советоваться с вами? — спросил он.

— Советуйтесь, — кивнул Александрович.

— Спасибо! Я... — Блюмкин поднялся и сотворил торжественное лицо, словно собирался дать клятву. — Я вас больше не подведу, товарищ Александрович! Я у вас учиться буду!

— Хорошо, — буднично проговорил Александрович, давая Блюмкину понять, что разговор закончен. Он уже взял со стола папку, собираясь составить отчет для Спиридоновой по репрессивным акциям ВЧК. Но, подняв голову, он увидел, что Блюмкин продолжает стоять по стойке «смирно» перед столом.

— У вас вопросы ко мне? — спросил Александрович.

— Нет, то есть да, это не вопрос, я просто хотел вас попросить не говорить о случившемся Марии Александровне... — пробормотал Блюмкин. — Она так верила в меня...

— Я же сказал, что сокрою сей факт от внимания ЦК, — напомнил Александрович.

— Спасибо...

— Не надо меня благодарить! — вспыхнул Александрович. — Вы лишний раз напоминаете мне, что я поступаю гнусно, скрывая от своих товарищей столь серьезный проступок одного из членов нашей партии! Я надеюсь только на одно, что то доверие, которое выказываю вам я, — доверие всей нашей партии, что вы не используете его во вред всему нашему делу!..

— Да, я использую не во вред! — закивал Блюмкин.

— Идите! — бросил Блюмкину Александрович.

— Есть! — чеканно ответил Блюмкин. По-военному четко развернулся и строевым шагом вышел из комнаты.

Александрович усмехнулся. «А пожалуй, Дзержинский прав, — подумалось ему. — Глядишь, из этого Блюмкина еще выйдет крепкий чекист, а мы могли и угробить его, воспитывая угрозами и наказаниями. Но как ловко Дзержинский обвел нас вокруг пальца с этим отделением. И милость проявил, и своего не упустил. Вот у кого вам надо учиться, товарищ Блюмкин!»

20

В «Славянском базаре» было еще тихо, вечер не наступил, и половина столиков пустовала. Поэтому Лоран с Бирзе и Голубовским заняли отдельный кабинет, заказали расстегаев с судаком, ухи, водочки и повели обычный разговор.

Лоран видел Голубовского до этой встречи несколько раз, но издали, однажды на митинге, и внимательно выслушал все его выступление. Оратор он был никудышный, хотя само построение речи, логика доводов свидетельствовали о незаурядном уме и острой аналитике ситуации. Все портил несколько благодушный облик Голубовского: круглое добродушное лицо, мягкая, еле заметная улыбка глаз, тонкие губы в ней почти не участвовали. В Голубовском не хватало ярости и азарта, чем выделялась в ЦК левых эсеров Спиридонова. Он был податливый, спокойный, рассудительный, даже внушаемый, если приводились весьма серьезные аргументы. Поэтому Лоран и сделал ставку именно на него.

Бирзе представил Лорана как книготорговца из Одессы. Голубовский поинтересовался жизнью в Одессе, но Лоран, представленный Ефимом Петровичем, лишь с грустью развел руками: он уже полгода живет в Москве, а в Одессе летом всегда было хорошо: и рыбка есть, и товаров побольше, не то что зимой. Но сейчас на Украине немцы, и как там в Одессе — лучше не спрашивать. Русскому человеку жить под немцем никак нельзя.

— Почему? — усмехнулся Голубовский.

— Немец груб и чванлив, туп и заскорузл, и для тонкой души русского человека он нестерпим! Даже с татаринoм ужиться можно, а вот с немцем никак!.. — Лоран рассмеялся и сразу же взял быка за рога: — Я коммерсант и люблю говорить прямо: вам нужны деньги, чтобы скинуть немца? Так я вам эти деньги дам, сколько нужно, лишь бы немца не было! Договорились?

Лоран протянул Голубовскому руку, и тот был вынужден пожать ее. Бирзе даже крикнул от удовольствия, восхитившись, как легко Лоран повел разговор, и стал разливать водочку. Они выпили, беседа пошла оживленнее. Лоран предложил закупать для отправки на Украину оружие, на что Голубовский дал свое согласие.

— Но дело ведь не только в Украине, — неожиданно проговорил Лоран. — Немцы теперь в Москве и отсюда диктуют свою власть. Товарищ Бирзе? — Лоран взглянул на Бирзе, тот вытащил две шифровки Мирбаха, которые переслали Лорану из Германии, и протянул их Голубовскому. Последний прочитал: «В связи с сильной конкуренцией со стороны Антанты необходимо 3 миллиона марок в месяц. В случае необходимости перемены нашей политической линии может возникнуть нужда в более крупной сумме. *Мирбах*». Вторая была адресована Мирбаху от министра иностранных дел Германии Кюльмана: «Используйте, пожалуйста, крупные суммы, так как мы заинтересованы в том, чтобы большевики выжили. В вашем распоряжении фонды Рицлера. Если потребуется больше, телеграфируйте, пожалуйста, сколько...»

Голубовский был потрясен. Бирзе взглянул на Лорана, и последний незаметно кивнул ему. Бирзе достал третью шифровку. Она была подписана государственным секретарем имперского казначейства и адресована Кюльману: «Дорогой Кюльман. На ваше

письмо от 8 сего месяца, в котором вы мне передали наметки к А. С. 2562 касательно России, я объявляю о своей готовности одобрить выделение без указания оснований 40 миллионов марок на запрошенные цели».

— Эти цели, как вы понимаете, подкуп Ленина и его партии, чтобы еще больше закабалить славянские народы в зависимость Германии, — добавил Бирзе. — И центр этого мощного шпионского логова здесь, в Москве, в Денежном переулке, дом пять. В немецком посольстве. И возглавляет эту с благословения большевиков внутреннюю интервенцию граф Вильгельм Мирбах... Вот такой цирк шапито выходит, товарищ Голубовский! Поэтому трудно не согласиться с Ефимом Петровичем: зло, и самое большее, здесь, рядом с нами!..

— Я могу взять эти шифровки, чтобы показать своим товарищам? — спросил Голубовский.

— Возьмите, но я бы не хотел, чтобы в связи с этим упоминалось мое или имя Ефима Петровича, — проговорил Бирзе. — Я, к сожалению, не могу сказать, каким путем эти шифровки попали ко мне...

— Я понимаю, — кивнул Голубовский, — и обещаю держать это в тайне.

— Я бы только хотел обратить ваше внимание на одно предложение, зашифрованное в первом послании, — заметил Лоран. — Это последнее предложение: «В случае необходимости перемены нашей политической линии может возникнуть нужда в более крупной сумме», — пишет Мирбах. Здесь речь идет о перемене отношения Германии к большевикам. Пока они их поддерживают, ибо мирный договор работает на усилении их военной машины. Но им не нравится, что Ленин пытается выжать из них как можно больше денег, он в открытую торгуется с ними, указывая на Нуланса, который обещает также немалые суммы помощи в обмен на то, что большевики продолжают войну. Ленин приторговывает и

вашей партией, говоря, что левые социал-революционеры требуют продолжения войны, и мне надо чем-то заткнуть им рот, то есть бросить какой-то денежный куш и вашей партии. Естественно, он ничего вам не говорит и не собирается отваливать никому ни малейшей части этих денег, это обычный шантаж с требованием все больших сумм от Мирбаха, и старому прусскому аристократу претит вся эта торговля, этот революционный цинизм большевистского вождя, и он тайно ведет переговоры с «Правым центром», монархически настроенной группой оппозиционеров, которые на сегодня просто требуют, чтобы немцы оккупировали Москву, подавили все революционные партии и передали им власть. И в Германии есть сильное крыло Людендорфа, ныне главнокомандующего всеми войсками, который поддерживает эту идею. Вот что такое Мирбах. Этот зверь страшнее гетмана Скоропадского и всех немецких генералов на Украине. И не произойдет ли в один прекрасный день так, что Москва проснется утром от орудийных залпов, а по Красной площади замаршируют прусские легионы. И что тогда ваш Попов с шестьюстами матросиками?..

Лоран с грустью усмехнулся, бросив взгляд на хмурого Голубовского.

— Не зная, что вы книготорговец, выслушав вашу речь, я бы сказал, что вы опытный военный тактик, — заметил Голубовский.

— Я когда-то хотел им стать, у меня вообще давняя страсть к военной истории, — согласился Лоран. — «Бросая камешки в воду, наблюдай круги, ими образуемые» — так замечал наш Козьма Прутков, и я, с помощью товарища Бирзе набираясь разных фактов и фактиков, пытаюсь выстроить эти круги, расходящиеся от Денежного переуллка. А круги неутешительные, грозящие великой опасностью. Я уже обменивался своими соображениями с моим другом, — Лоран кивнул в сторону Бирзе, —

и он попросил меня высказать их вам, человеку, который непосредственно занимается военными вопросами...

— Ваши силлогизмы весьма любопытны, — покачал головой Голубовский.

— И не лишены оснований! — добавил Бирзе.

Лоран взглянул на часы. Стрелки показывали половину седьмого, а Голубовский только начал «разогреваться», проникаться страшными опасениями Лорана.

— И что бы вы предложили, Ефим Петрович? — заинтересованно спросил Голубовский.

— Ну это уже решать вам, я больше аналитик, нежели практик, как вы понимаете, — отозвался Лоран. — По всему выходит, что Мирбах в нынешней его диспозиции — большая опухоль нашего революционного положения. Он разлагает большевистскую верхушку, развращая ее деньгами и тем самым усыпляя бдительность ее вождей, а сам потихоньку готовит настоящий монархистский переворот.

— Причем об этом знает и Дзержинский, — включился в разговор Бирзе. — В недавно разгромленной контрреволюционной организации «Союз защиты родины и свободы» существовала мощная монархическая группа, руководимая князем Кропоткиным, которая целиком строила свою работу на немецкой ориентации и поддерживала отношения с Мирбахом. Думаю, осведомлен об этом и Ленин, но он даже не выразил своего протеста по этому поводу. Слишком сладок пирог, которым немцы его подкармливают!..

— Вот дьявол! — в сердцах воскликнул Голубовский и покрутил головой.

Лоран наполнил рюмки, поднял свою.

— Хочу выпить за вашу партию! Поверьте, я говорю совершенно искренне, ибо мне по душе та честность и принципиальность, с которой вы, несмотря на все давление большевиков, отстаиваете

революционные идеалы! — Лоран с таким неподдельным восхищением взглянул на Голубовского, что он проникновенно закивал в ответ.

Они чокнулись и выпили, закусив расстегаем и похвалив повара Митрофаньча, к кому на расстеган съезжались со всей Москвы, такая за ним шла слава. Еще полгода назад расстеган здесь подавали с осетиной, но и судак совсем не плох. Пирог был пышным, душистым и таял во рту. После ухи и расстегав Бирзе, который распорядился столом, заказал рябчиков, он самолично съездил за ними на базар, а к дичи попросил еще один графинчик смородиновой настойки, каковая тоже пилаась отменно.

Голубовский потеплел, раскраснелся, пережевывая и тот ворох известий, какой вывалили на него Лоран и Бирзе. Стремительно таяло лишь время, шел восьмой час, и рябчики со смородиновой займут еще один, не меньше. Изольда уже пришла, хорошо, что он дал ей ключ и она не ждет под дверью. Но дождется ли она его?..

— Больную опухоль вырезают, чтобы спасти организм, — неожиданно заметил Голубовский, зацепившись за слова Лорана. Собственно, они для этого и были сказаны. Лоран знал по опыту, что никогда не следует предлагать готовых рецептов. Важно лишь натолкнуть человека, разжечь его, с тем чтобы он сам сформулировал ту цель, которой от него добивается собеседник. Тогда она крепче запоминается и уже сама ведет его к результату.

— Истинные слова, мудро произнесенные, — Бирзе налил всем малинового медку.

— Ну не знаю, стоит ли так радикально решать этот вопрос, промышчал, как бы раздумывая, Лоран, подстегивая Голубовского к развитию этой темы.

— Только так именно и стоит! — ухватился за свою мысль Голубовский. — Тут уж поверьте мне как военному человеку! Ежели что мешаает и ведет к опасному прогнозу, то такой гордиев узел не развя-

зывают, а разрубают. Во всяком случае, древние так учили!.. И чем всегда была сильна наша партия в отличие от большевиков — мы никогда не шли на компромиссы в главном и не боялись крови, коли иным способом ситуацию нельзя было разрешить.

— Да и многие большевики думают точно так же! — поддержал Голубовского Бирзе. — У них только пороху не хватает на решительные поступки.

— Поэтому нам и приходится тащить их за собой, первыми прокладывать ту дорогу, по которой они, не замочив ножки, щеголяют уже в ботиночках, приписывая себе все успехи! — возмущенно отозвался Голубовский.

Он немного захмелел, и Лоран бросил на Бирзе предупреждающий знак. Это будет совсем ни к чему, если военный вождь левых социал-революционеров не будет помнить наутро эту беседу. Да и пора закругляться. У них деловая встреча, а не дружеские посиделки.

Бирзе вышел, чтобы предупредить официанта дать им не полный графинчик, а граммов двести, по рюмке под рябчики. Еще через полчаса Лоран, взглянув на часы, заторопился. К счастью, спохватился и Голубовский, вспомнив о каком-то вечернем совещании в Леонтьевском. Рябчик немного восстановил его силы, а прогулявшись, он совсем придет в норму. Они расстались в наилучших дружеских чувствах, Лоран напомнил, что следующую партию оружия он оплатит из своих средств. Голубовский поблагодарил его за содержательную беседу, и они расстались.

Бирзе вызвался проводить Лорана до дома Криштула. Он был восхищен тактикой ведения разговора, но спросил: не нужно ли было порезче высказать основную мысль, но Лоран, подумав, заметил, что они и без того ее слишком заострили, выкатив на первый план. Для более пронизательного политика не укрылось бы, что его подгоняют к этому решению, и в нем засело бы сомнение: зачем, почему? А дальше — кому это выгодно в настоящий момент, и

ларчик вмиг бы открылся: эти оба работают либо на англичан, либо на французов, ибо тем и другим такой расклад выгоден. А быть клеветами англо-французских тайных служб для подлинных революционеров одинаково противно. Остается надеяться, что водка чуть приглушила чутье Голубовского, и он все воспринял нормально. Это, конечно, слабое утешение. Особенно они переборщили с шифровками. Тут уж Лоран виноват, повел себя как мальчишка.

Они незаметно за разговорами подошли к дому, и Бирзе увидел свет в окнах лорановской квартиры. Лоран знал, что Бирзе увидит свет и придется как-то объяснить ему эту неожиданность.

— Связник приехал из Франции, — бросил Лоран. — Поэтому я и посматривал на часы.

Они простились, договорившись через день о новой встрече.

Вечером, встретившись на заседании военной секции ЦК с Александровичем, Голубовский спросил у него относительно пронемецкой группы в составе «Союза защиты родины и свободы». Александрович подтвердил, что Альфред Пинка говорил о существовании такой группы, которую возглавлял князь Кропоткин и что эта группа поддерживала тесную связь непосредственно с самим Мирбахом. Дзержинский даже докладывал об этом Ленину.

— И что Ленин? — спросил Голубовский.

— Он не поверил, сказал, что это провокация! — ответил Александрович.

— А вы даже не проверяли?.. — усмехнулся Голубовский.

— Операцию возглавляет лично Дзержинский, поэтому я не могу вмешиваться в ход расследования! — пожал плечами Александрович. — А что, ты уверен в обратном? — спросил он.

— Я уверен, — сказал Голубовский.

— Одной уверенности мало, — заметил Александрович.

— Вот почитай!..

Голубовский дал Александровичу немецкие шифровки, обратил его внимание на строку, где говорится о перемене политической линии. Шифровки произвели на Александровича сильное впечатление.

— Это настоящие? — недоверчиво спросил он.

— Настоящие, — кивнул Голубовский.

— А откуда?.. — удивился Александрович.

— У меня могут же быть и свои каналы? — важно сказал Голубовский. — Потому что на вас, Вячеслав Александрович, никакой надежды нет!

— Ну если ваши каналы надежнее... — не без иронии начал Александрович.

— Надежнее! — не дав Александровичу закончить фразу, раздраженно оборвал Голубовский. — И я очень сожалею, что не вы мне, Вячеслав Александрович, подкидываете важные сведения, а я бегаю и достаю их окольными путями. Сейчас надо думать о том, что Мирбах явно готовит заговор, большевики же о том, как побольше вытянуть из него денег, а наша славная ВЧК вообще устранилась! Где Блюмкин, который возглавляет отделение по борьбе с немецким шпионажем?!.. Что он делает? Чаи гоняет?!.. — возмутился Голубовский.

— Дзержинский сократил это отделение, — сообщил Александрович.

— Как — сократил? — не понял Голубовский.

— Вот так... Своим волевым решением. Он хочет вместо этого общий отдел по борьбе с международным шпионажем, английским, французским и так далее, — доложил Александрович.

— Так, понятно!.. Пошли к Спиридоновой!..

Они вторглись к ней, нарушив ее беседу с руководителем заводской организации левых эсеров. Голубовский с ходу заявил, что вопрос безотлагательный и спешный. Мария Александровна выпроводила заводского вожака, выслушала Голубовского, прочитала шифровки, послушала Александровича.

— Все идет к тому, что большевики попросту прикрывают Мирбаха! — заявил Голубовский.

— Чтобы помогать ему готовить переворот против самих себя?! — усмехнулся Александрович. — Это нелепо!

— Но как иначе все это можно объяснить?!.. — побагровел Голубовский. — Что они, лопухи?! Их обводят вокруг пальца?! Что-то не верится! Здесь какая-то большая игра!..

— Я тоже не верю, что Ленин не понимает, насколько пошло и низко немцы используют свое влияние на них! — согласилась с Голубовским Спиридонова. — Взять ту же Украину. Большевики послали в Киев комиссию, чтобы договориться о взаимодействии. И что?.. Ничего! Комиссия ничего не делает, потому что ей наверняка дана Лениным установка: не ссориться с немцами! А то, что немцы завтра приберут к рукам всю Малороссию, Ленина не волнует!..

— Да он за нее давно уже получил свои миллионы марок! — бросил Голубовский. — На кой хрен ему Украина?!

— Они что же, копят деньги, чтоб бежать за границу? — усмехнувшись, спросил Александрович.

— А почему бы и нет! — бросил Голубовский.

Александрович недоуменно взглянул на Спиридонову, желая хоть в ней найти здорового сторонника, но увидел, что и она вполне разделяет эту мысль Голубовского. Ну, может быть, не целиком, но не исключает и такого варианта событий.

— Но согласитесь, Вячеслав Александрович, — запальчиво заговорила Спиридонова, — положение в стране жуткое, в Питере уже голод, хлеб выдают по карточкам, большевики теряют влияние в Советах, стремясь удержать власть, они приняли драконовский закон о продразверстке, по которому насильственным путем изымают излишки хлеба не только у крестьян, но даже у тех, кто пытается на последние гроши купить хлеба или муки в деревне, они отнимают муку и хлеб у всех поголовно на стан-

циях и в поездах. Нет бензина, угля, нет денег, чтобы платить зарплату, даже бедные латыши, кто всегда поддерживал большевиков и на кого они рассчитывают, начинают роптать и вот-вот забастуют. Поволжье и Дон отрезаны чехами и Красновым, на Дальнем Востоке японцы, на Урал через пару недель вступит Колчак, в Мурманске — американцы, в Закавказье — англичане, на Украине — немцы. Что делать? Либо до конца сдаваться немцам, либо восприть лыжи опять за границу, в любимую эмиграцию. Второе предпочтительнее, ибо союз с немцами навсегда вычеркнет большевиков из лиги коммунистического движения, это будет крах большевистской идеи, а Ленин этого не переживет...

Спиридонова усмехнулась, закурила папиросу, Александрович сидел мрачный, сраженный тяжестью приведенных аргументов.

— Я умом все это понимаю, но... — с трудом выговорил Александрович, тяжело вздохнул, выдержал паузу, поднялся, заходил по кабинету. — Но тогда какое мы вообще имеем право сотрудничать с этими негодьями! Я тогда понимаю наше правое крыло Чернова, Гоца и других! Никакого сотрудничества с этой шайкой головорезов и иуд!..

— Гоц хочет быть чистеньким, а Чернов уже давно спелся с чехами и Колчаком! Мы и так не входим в ленинское правительство, а в ВЧК вошли лишь затем, чтобы нас в одну ночь не перерезали, как крыс! Мы хотим мирно взять власть, которую большевики практически уже потеряли. Все решают месяцы и недели...

— А что с Мирбахом будем делать? — спросил Голубовский.

Спиридонова задумалась.

— С Мирбахом надо что-то решать, и кардинально, — отрезала она.

21

Лоран, поднявшись на второй этаж, где находилась квартира Криштула, подумал, что надо быстрее раздуть «Союз союзников», который поглотил бы Дзержинского, а если б еще удалось Мирбаха теснее связать с «Правым центром», тогда вообще ничего не стоит вложить запал в руки Голубовскому, и Блюмкин оказался бы тут как тут со своим честолюбием и революционной одержимостью. Вот задача с тремя известными лицами. У Ленина своих проблем целый воз, и ему пока не до шпионских интриг. И сейчас все зависело от Лорана. Ну не все, но очень многое. А он занимается черт-те чем.

Лоран держал в руке ключ и вдруг поймал себя на странной мысли: с какой бы радостью он удрал сейчас в гостиницу и провел бы этот вечер в полном одиночестве, ломая голову над очередными ходами против Мирбаха, Блюмкина и Голубовского. Он бы выпил бутылочку шампанского, закусил сыром, сделал бы крепкого кофейку, а на ночь почитал бы старика Монтеня, томик которого всегда таскал с собой. А сейчас надо как-то приноравливаться к любовной ситуации, что-то говорить, изображать влюбленного, когда голова занята совсем другим. Какого черта он затеял всю эту любовь?! Изольда большая умница, она все понимает, и не стала бы устраивать сцен и скандалов... А теперь ничего не остается, как вставить ключ в замочную скважину и повернуть его два раза.

«Мы обычно следуем за нашими склонностями направо и налево, вверх и вниз, туда, куда влечет нас вихрь случайностей. Мы думаем о том, чего мы хотим, лишь в тот момент, когда хотим этого, и меняемся, как то животное, которое принимает окраску тех мест, где оно обитает... Как кукла, которую за ниточку дергают другие». Лоран вспомнил изречение Монтеня, и ему стало грустно. Лорану почему-то всегда казалось, что это относится не к нему.

И в сумраке подъезда снова возник образ Тани. Она смотрела на него грустными, понимающими глазами и молчала. «С ней было бы сейчас легко», — подумал Лоран. Она умела в нужный миг незаметно устраниваться, уйти в тень, взять книгу и отправиться читать в другую комнату, но сразу же бросала ее, если он подходил к ней, и начинала жить уже его жизнью, его заботами. Она веселилась, когда веселился он, и грустила, когда ему становилось грустно. Она незаметно жила рядом с ним — так что он даже не ощущал ее присутствия, но когда ее не стало рядом, он вдруг ощутил пропасть, которую она заставляла собой от него. Изольда же все переворачивала вверх дном, заставляя его жить по своим правилам. Надолго ли его хватит?..

Войдя в прихожую, он услышал запахи пряностей из кухни и тяжело вздохнул: ужинать ему совсем не хотелось, но Изольда, видимо, решила покорить его своим кулинарным искусством. Еще возвращаясь, он предполагал застать ее сидящей за книгой и терпеливо ждущей его прихода.

— Ты что-то рано появился! — услышав звяканье ключей, выкрикнула она из кухни. — Я раньше девяти тебя не ждала!..

Лоран вдруг вспомнил, что забыл купить цветы и шампанское. Бирзе все испортил, увязавшись его провожать. Он хотел уже исчезнуть, чтобы снова вернуться как подобает любовнику, но выскочила Изольда — поверх вечернего платья был надет пе-

редник, а в ополоснутые руки вьелся свекольный сок. Она ослепила его сияющим взглядом и чмокнула в щеку.

— Ничего не надо! — заметив его виноватый взгляд, скомандовала Изольда. — Шампанское я купила, а цветы как-нибудь потом, в другой раз. Я уже чувствую, что ты поел и даже выпил, но все равно тебе придется попробовать мой свекольный салат и съесть кусочек мяса, которое я запекаю с чесноком. Я пришла в пять часов, и через час все будет готово. Мы, русские, любим ужинать дома и есть то, что с любовью и фантазией готовим сами! — резюмировала она.

— Мы, французы, тоже! — раздеваясь, весело отозвался Лоран. «Вообще-то все не так трагично», — подумал он и даже понял, что ему нравится в Изольде. В ней вообще не было той романтической и нежной тоски, которая так тяготила его в последнее время в Тане. Нет, поначалу он был даже очарован этим флером недосказанности, смущения, тайны, робкой девичьей пугливости, боязни касаться интимных подробностей и расшифровывать страстные желания. Просто всего этого оказалось так много, что стало сковывать их обоих. Изольда же с первых мгновений расчищала темный лес чувств, прокладывая четкие дорожки, и делала это так легко и просто, что Лоран даже завидовал ее безраздельной внутренней свободе. В ней странным образом уживались простодушие и прагматичность американки с загадочной душой русской женщины. Как ей все это удавалось совместить, он понять не мог. И конечно же это ее фантастическое всевидение.

— Теперь выбрось все эти шпионские глупости из головы: кого ты должен расчувствовать, разжечь, увлечь, совратить, переключись на меня, у тебя впереди вечер и ночь с самой потрясающей женщиной на свете, это восьмое чудо света, и его надо вбирать в себя постепенно, чтобы не сойти с ума. У тебя есть

двадцать минут, ты можешь пойти в ванную, вымыть руки, лицо, все, что угодно, а через двадцать минут мы зажжем свечи и... — Изольда бросила на него хитроватый взгляд. — Впрочем, что будет дальше, даже я не знаю...

И Лоран пошел в ванную и действительно стал думать о том, что ему предстоит вечер и ночь с самой потрясающей женщиной на свете, и душа вдруг заволновалась, пришла в движение, и он забыл обо всем, что тревожило его лишь пять минут назад.

Когда он вышел из ванной, в гостиной уже горели свечи, Изольда стояла в проеме двери в своем темно-вишневом платье с глубоким вырезом, ожидая его. Глаза ее горели тем странным фантастическим блеском, который завораживал Лорана.

— Ну здравствуй! — немного волнуясь, проговорила она и, приблизившись, первая поцеловала его в губы. Они целовались минут пять, не в силах оторваться друг от друга. Изольда первая чуть оттолкнула его и отошла в сторону. — Голова кружится... — прошептала она.

И у него кружилась голова, и все уже плыло как в тумане, а первый глоток шампанского вытолкнул его из реального времени. И они снова стали целоваться, и уже не смогли расцепить объятий. Она еще повторяла, что мясо остынет и будет невкусным, но он не слышал ее. Последней жутковатой мыслью, успевшей возникнуть в его сознании, было, что, если б Изольда сейчас сказала ему: или я остаюсь, но ты должен будешь сотрудничать с ВЧК, или уйду и между нами все кончено, — он бы выбрал первое. «Какое счастье, что она не принуждает меня к этому выбору», — это было последнее, о чем он подумал. Дальше все смело ураганом страстей.

Потом минут сорок они лежали бездыханно, по-немногу возвращаясь в старый мир, где посредине стола еще румянилась баранья нога, нашпигованная

чесноком, краснели и желтели салаты, оплывали свечи.

— Я говорила, что Мюллер ко мне пристаёт? — спросила Изольда.

— Я убью его! — отозвался Лоран.

— Теперь еще и Рицлер, — сказала Изольда.

Лоран приподнял голову. Изольда язвительно улыбнулась.

— Я понимаю, что он тебя интересуется, поэтому была с ним мила, пила коньяк, но он так пожирал меня глазами, что, боюсь, в третью встречу он потащит меня в постель... — сообщила Изольда.

— Нет, только не это! — трагическим голосом сказал Лоран.

— Он забрал меня от Мюллера и сказал, что отныне я буду работать только под его руководством!.. — добавила Изольда.

— Он матерый разведчик, — сказал Лоран.

— Я это поняла, — улыбнулась Изольда. — Это сразу видно...

— Может быть, даже матерей меня, — добавил Лоран.

— Я не думаю! — помолчав, ответила Изольда.

— Спасибо, — сказал Лоран и поцеловал ее бедро.

— Но с ним, конечно, будет труднее, — добавила Изольда.

— Он рассказал, что одинок и всегда мечтал найти красивую и умную спутницу жизни... — помолчав, интригуяще сообщила Изольда. — И через паузу, длившуюся больше трех минут, в течение которых он ласково смотрел на меня, Карл Рицлер многозначительно добавил: «Такую, как вас!»

— Да он еще и порядочная сволочь! — наигрывая злость, возмутился Лоран и, поднявшись, сел на постели. — Что он о себе там возомнил?!.. Что он неотразим?!.. Я надеюсь, ты ему достойно ответила?!..

— А что я ему должна была ответить? — спросила Изольда.

— Ты должна была сказать, что ты замужем, у тебя молодой и красивый муж, который тебя безумно любит, словом, правду, правду, *ma chérie!*.. — Лоран соскочил с постели, разлил шампанское и залпом выпил.

— Во-первых, у меня нет мужа, — заговорила Изольда, но Лоран ее перебил.

— У тебя есть муж, и это я! — решительно заявил он.

Изольда улыbnулась, выдержала паузу.

— Я не думала, что французы женятся на всех девушках, с которыми ложатся в постель, такого я еще не знала, — не без иронии ответила Изольда, глядя на Пьера. — А потом, прежде чем говорить со мной на столь деликатные темы, а мы только что отметили с тобой, что он матерый шпионище, он, естественно, постарался обо мне кое-что узнать, и я это поняла, когда он спросил, тоскую ли я о маме, и предложил выпить в ее память...

— Нет, он просто чудовище! — разозлился Лоран. — Посмотри, какие он выделяет кренделя!..

— А если б я сказала, что у меня есть гражданский муж или любовник, он бы непременно захотел узнать, что это за красавец, и натолкнулся бы на тебя!.. Я не думаю, что это наилучший способ избавиться от приставаний Рицлера...

— Ну наконец-то ты сказала слова, которые меня успокоили, — ласково сказал Лоран. — Да, избавиться от его приставаний надо, но конечно же не таким способом!.. Ты умница!

Лоран поцеловал ее в щеку, надел халат и с видом победителя посмотрел на Изольду.

— А ты знаешь, я проголодался! И с удовольствием съем большой кусок этого твоего жаркого! — Он уже сел за стол и взял нож.

— Подожди, я подогрею, так невкусно! — Изольда

льда поднялась, взяло блюдо. — И запомни: это совсем не жаркое! Это баранья нога, запеченная с чесноком!..

И она унесла ее на кухню.

Лоран самодовольно хмыкнул и передразнил ее строгое лицо. Потом, оглядев стол, выбрал свекольный салат, съел несколько ложек и промурлыкал от удовольствия. Но второй салат — с крабами Лорану понравился еще больше. Он расправился с ним в момент. И все же чудом стола действительно оказалась баранья нога. Нежное, сочное мясо просто таяло во рту. Лоран съел больше половины и радовался, как ребенок.

— И так будет каждый вечер? — спросил Лоран.

— А как ты хочешь? — спросила Изольда.

— Если так будет каждый вечер, я брошу свое паскудное ремесло и стану поэтом! — Он даже выпрямился и выглядел так, будто на нем не полосатый халат, а фрак. — Я буду воспевать только тебя!..

— Лгунишка! — развеселилась Изольда. — Скольким женщинам ты говорил то же самое?!..

— Ты знаешь, еще ни одной, — погрузнел Лоран. — Нет, я был влюблен, когда жил в Петрограде...

— Я это знала, — ответила Изольда.

— Откуда?! — удивился Лоран.

— Когда ты приезжал, на твоём лице все было написано...

— Ах да, я и забыл, что от тебя ничего нельзя скрыть! — усмехнулся Лоран. — Но она вообще не знала, чем я занимаюсь. Ты первый человек, с кем я могу открыто говорить о чем угодно...

Лоран влюбленно посмотрел на нее.

— Я должен тебе еще признаться, что той женщине... я...

— Это ужасно, Пьер! Ты всем делаешь предложения! Тебе нельзя верить! — полушутя-полусерьезно сказала Изольда.

— Наверное! — легко согласился Лоран и улыбнулся. — Но каков Рицлер, а?.. — Он внимательно взглянул на нее. — Или ты меня разыгрываешь?!

— А что, я не могу понравиться Рицлеру?

— Речь не об этом, — заметил Лоран. — Но Рицлер, всегда такой осторожный — и вдруг такой странный ход... Может быть, он затеял какую-то игру?..

Лоран задумался.

— Это в том случае, если он знает о наших отношениях, — подсказала Изольда, — что, конечно, невероятно... Мы сами об этом еще не знаем... Или он мог что-то прознать о наших служебных отношениях до революции...

— Это невозможно! — уверенно сказал Лоран.

— Но... — Изольда выдержала паузу, глядя на Лорана.

— О наших отношениях знаю только я! — твердо сказал Лоран.

— А то, что я работала в вашей военной миссии? — подсказала Изольда.

— Ты ушла оттуда в июне семнадцатого, и об этом знали несколько человек, которые мне хорошо известны! — обеспокоенно заговорил Лоран. — Это просто невозможно!.. И потом, даже если все так, как ты говоришь, и Рицлер хочет использовать тебя, чтобы снабжать нас ложными сведениями, то какой смысл говорить тебе такие вещи, зная, что ты как добросовестный агент можешь предупредить нас об этом. Он бы делал вид, что ничего не знает и пробалтывался через Мюллера, зная, что так не возникнет никаких подозрений! А?..

— Да, пожалуй, ты прав, — согласилась Изольда.

— А это объяснение в любви все-таки было или ты все придумала, чтоб разыграть меня?! — уже серьезным тоном спросил Лоран.

— Все-таки было, — так же серьезно ответила Изольда.

— Не понимаю! — покрутил головой Лоран. — Они сидят, на пороховой бочке, у них миллион проблем, а он ведет себя как... — Лоран даже не смог сразу найти подходящее слово. — Как гимназист!

— Может быть, он действительно одинок, — вздохнула Изольда.

Лоран внимательно посмотрел на нее:

— Я вижу, он тебе понравился...

— Он может понравиться одинокой женщине... — выдержав паузу, ответила Изольда.

— А я? — спросил Лоран.

— А ты можешь понравиться любой женщине! — улыбнулась Изольда.

— Я серьезно спрашиваю! — обиделся Лоран.

— Я серьезно и отвечаю, — ответила она.

— Я понимаю, что задаю глупые вопросы, на которые нельзя и отвечать серьезно, но мы попали с тобой в глупую ситуацию, точнее, я попал в глупую ситуацию и должен для себя окончательно выбрать что-то одно: либо ты моя жена, либо мой агент, потому что третий вариант подходит лишь для бульварных романов о шпионах, — неожиданно серьезно заговорил Лоран. — И потом, я так не хочу!

— Пьер...

— Нет, ты уж послушай! — перебил ее Лоран. — Я должен это сделать, иначе я просто... как это, у вас есть такое словечко, а, вспомнил! Шаныга! Иначе я шаныга!

— Что это за слово? — удивилась Изольда.

— А, не знаешь! — обрадовался Лоран. — А это, между прочим, старое русское слово! Ну типа лоботряс, бездельник, баклушник, несерьезный человек.

— Я вижу, ты упорно занимался русским языком! — усмехнулась Изольда.

— Учителя были хорошие! — похвастался Лоран.

— В которых ты был влюблен, — заметила Изольда.

— Пусть так! — согласился Лоран. — Но дослушай мою мысль...

— Не хочу! — перебила Изольда. — Не нужно это, Пьер, — уже мягче проговорила она. — Я люблю тебя... Уже два года, и сейчас не нужно ничего менять. Извини, что я немного прикусила тебя с этим Рицлером, но он мне нравится... — Она улыбнулась, увидев, как нахмурился Лоран. — Нравится как противник, а не как мужчина, в которого я бы могла влюбиться. А если мы сейчас начнем пороть горячку, придумывать какие-то условия, то я боюсь, мы расстроим и то и другое. Я это чувствую, а ты знаешь, что предчувствия меня не обманывают... Не надо торопиться, если мы хотим создать что-то прочное, а не замок из песка...

— Боже, какая ты умная! — шутливо вздохнул Лоран. — Мне даже не верится!

— А вы, французы, вообще ни во что не верите! — огрызнулась Изольда. — Я мыслю — следовательно, я существую, вот ваша вера! Рационалисты проклятые!

— Ну, немножко дья, но очень немножко, — ломая язык, закивал Лоран, подошел к ней, встал на колени и стал целовать ее бедра. Она сидела в шелковом длинном халате, который так зримо рисовал ее тело и так легко распахивался, что стоило ей сделать неосторожное движение, как завораживающая смуглость ее кожи обжигала его жадный взор. Наконец эта чаша терпеливого ожидания переполнилась, он совершенно потерял голову, сжав ее в объятьях. А стоило ему коснуться ее, как она резко вздрогнула и чувственный ток, подобно молнии, пронзил ее всю. Изольда застонала, захотела подняться, точно избавиться от новых сладких мук, но Лоран не отпустил ее...

Еще через мгновение, охваченные новой страстью, они скатились на пол, забыв обо всем на свете.

22

Лоран назначил Зинчу встречу на два часа дня в этой же квартире на Петровке. Увы, ее нужно было срочно менять. Новый управдом, назначенный каким-то Советом и, видимо, имея соответствующие инструкции, решил заняться уплотнением жильцов и первым делом ухватился за квартиру профессора, который уехал в какую-то командировку неизвестно по чьему распоряжению. Лоран целый час беседовал с управдомом, лицом скользким и невзрачным, судя по бушлату и бескозырке — бывшим матросом, которого неизвестно как занесло в Москву, да еще на эту странную должность. Сам он числил себя лицом временным, какового бросили расчистить жилые дома в центре от всякой контры и чем он решил ретиво заняться. Лоран имел неосторожность намекнуть матросику, что он как коммерсант мог бы поспособствовать некоторым нуждам самого товарища управдома, но получил в ответ холодно-стеклянные глаза и ядовитый изгиб губ. Ледяная пауза так затянулась, что Лоран тотчас погреб назад, объяснив, что имел в виду бескорыстную помощь революции и намекнул на дружбу с ЦК левых эсеров и лично с товарищем Голубовским. Лорану повезло: матросик оказался именно левым эсером, и фамилия Голубовского оказала на него магическое действие.

— Ты-то кто Голубовскому? — спросил, закуривая самокрутку, матрос.

— Я помогаю товарищу Голубовскому, всему ЦК

в его революционной борьбе на Украине против немецких сатрапов! — чеканно доложил Лоран не моргнув глазом.

Это произвело на матроса должное впечатление.

— А профессор, чья квартира на тебе? — спросил он.

— Он по другой части, — ответил Лоран.

— По какой? — не понял матрос.

— По химической, — ответил Лоран.

Матрос наморщил лоб. Было мгновение, когда Лорану показалось, что вопрос будет решен для него положительно, но матрос шумно вздохнул и дал Лорану неделю срока, за которую он должен был принести от какого угодно наркомата, каковой послал профессора в длительную командировку, серьезную просьбу с печатью и подписью наркома или его зама о закреплении на такой-то срок данной квартиры, если профессор является ценным для революции лицом. А ежели такой бумаги не появится, тогда квартира реквизируется как бесхозная и заселяется нужными революции людьми.

Конечно, Лоран мог изготовить такое фальшивое письмо, попросив своих агентов, но это было опасно. Самая ничтожная проверка могла бы выявить подлог: простой телефонный звонок — и Лорана бы взяли на крючок господ чекисты. А его дело стоило дороже. Так что оставалась неделя, последняя, и он уже не боялся засветить квартиру перед Зинчем.

Перед приходом кинодеятели Лоран старательно изготовил шифр, изобразил бурную работу на письменном столе, разложив всякие ценные бумаги, где были записаны явочные адреса, дабы напитать Зинча как можно больше. Явочные адреса были тоже взяты не с потолка, некоторые из них перекликались с «Союзом защиты и свободы», а другие были подготовлены заранее именно для «Союза союзников», и там уже находился «компромат», как в той квартире на Полянке, где Зинч успел побывать.

Он засек время и за пять минут до назначенного срока поставил вариться картошку и чайник — важно, чтобы на кухне что-то кипело, куда Лоран мог убежать и оставлять Зинча наедине с «секретными материалами».

Лоран понимал, что трюк с шифром и адресами грубоват, и опытного разведчика, такого, как Рицлер, не проведешь, он сразу же почует подставу, но иногда срабатывали и грубые приемы. От немцев требовалось одно, чтоб они задали работу Дзержинскому, а уж его Лоран сумеет поводить за нос. Во всяком случае, недели на три работенка у него будет, а за это время должно все свершиться.

Кроме того, он договорился с Изольдой, что она не будет выводить Зинча на Рицлера, а отдаст его более прямолинейному Мюллеру, убив таким образом двух зайцев: умилюстит Мюллера, погасив его ненависть к ней из-за того, что ее забрал Рицлер, и в силу этих же обстоятельств оградит Зинча от быстрого разоблачения Рицлера, ибо Мюллер постарается повести нового агента один.

Конечно, этот расчет был небезупречным, все могло пойти по-другому, но обычно Лоран не ошибался. За полчаса до появления Зинча Лоран снова накрутил кольцами волосы, наклеил усы и бородку, опять превратившись во взбалмошного профессора. На этот раз клей почему-то не держал, Лорану пришлось срочно его доводить до совершенства, хорошо, что Андрей Валентинович показал ему, как это делается, и, к счастью Лорана, Зинч опоздал на десять минут: именно в эту секунду он понял, что правый ус наконец-то приклеился. Лоран, встретив Зинча, попенял ему на опоздание: в их условиях десять минут могут стоить агенту жизни.

— Кому? — рассеянно спросил Зинч.

— Вам, господин Зинч! — Лоран заметил, как от страха передернулось лицо Зинча. Это означало в

его практике «подпалить объект», заставить его действовать более решительно.

Он провел его в комнату, сел за стол — листки шифра лежали прямо перед носом Зинча, и он не мог их не заметить, — нашел нужный листок.

— Вы будете теперь действовать через Бендерскую, вот ее адрес и телефон. Ваш адрес также ей известен... — сказал Лоран.

— А...— заикнулся было Зинч, но Лоран оборвал его:

— Об Изольде Сергеевне ни слова! Никогда, никому! Ее не было в вашей жизни! Понятно? Повторите! — попросил Лоран.

— Что? — не понял Зинч.

Лоран бросил на него суровый взгляд.

— Изольды Сергеевны не было в моей жизни! Никогда! Никому!.. То есть нигде!..

Лоран поднялся, посмотрел на Зинча, сделав ледяное лицо.

— Если я узнаю, что вы хоть кому-нибудь заикнулись о ней, вам ВЧК покажется раем! — зловеще прошептал Лоран. — Я вас в Сибири достану, на Памире — где угодно, привяжу к стулу, а под ним поставлю горшок с молодым побегом бамбука. Через три дня он прошьет вас снизу доверху, вы будете умирать мучительной и страшной смертью. Понятно?..

— Зачем вы мне это говорите? — в страхе прошептал Зинч.

— Знаю вашу страсть к болтовне... Кажется, чайник кипит! Кофе будете? — Лоран вышел на кухню.

— Да, конечно, — пробормотал ему вслед Зинч.

Лоран все сделал неправильно. Эти слова надо было сказать после того, как Зинч перепишет шифр. А теперь от страха Зинч может и не отважиться на такой подвиг. Но Лоран зря опасался. Конечно, угроза, высказанная Лораном, была нешуточная и нагнала страху на киношника, но жажда сорвать де-

нежный приз с немцев, как это сделала Изольда, оказалась сильнее. Зинч быстренько перекатал шифр, благо карандаш и блокнотик были заготовлены заранее. Лоран, заваривая кофе, посмотрел из кухни в зеркало, висевшее в коридоре напротив кабинета, и убедился, что уловка сработала.

Он еще попил с Зинчем кофе, прикинул, что за те две недели, прежде чем Мюллер отдаст Зинча Дзержинскому, Бендерская успеет намозолить ему глаза, и Зинч сдаст ее Феликсу. Бендерская была фанатичная монархистка, люто ненавидела большевиков и даже продавала свои фамильные драгоценности, чтобы поддерживать деньгами какой-то кружок, строивший безумные планы вызволения царской семьи из большевистского плена. Бендерская вступала во все оппозиционные Ленину организации. Последние, правда, от нее шарахались, ибо никакую конспирацию вести с ней было невозможно. Если б Лоран знал, что его личная жизнь так резко переменится, он бы близко не подпустил Изольду к Зинчу, которого с самого начала собирался «сдавать» Дзержинскому как наживку. Изольда нужна была для солидности, чтобы «дать» французский след. Дзержинский, выйдя на нее, быстро узнает, что Левина Изольда Сергеевна работала во французском консульстве. Пусть Дзержинский думает, что французы хотят убить Мирбаха. При сложившейся ситуации в это легко поверить. Для Лорана же было важно увести след подозрений от Блюмкина.

Попив с Зинчем кофе, Лоран выпроводил его, сказав, чтобы он здесь никогда не появлялся. Быстренько отклеил усы и бороду, на этот раз безболезненно, помылся. Нужно было срочно ехать к Нулансу, они не виделись уже три дня, старик Жозеф наверняка рвет и мечет, а доводить его до сильного приступа ярости было опасно. Он становился непредсказуемым и мог натворить много глупостей. Ну, к примеру, потребовать отозвать Лорана из Мос-

квы, на что его руководство, если б Нуланса к тому же поддержал премьер-министр Клемансо, ничего бы возразить не могло. И хотя Нуланс в душе бы понимал, что это несусветная глупость, но переступить через свою ярость он иногда не мог.

Лоран не зря волновался по поводу «приступов Нуланса». Папаша Жозеф медленно, но верно подкатывал к одному из них. Дело в том, что в Париже почему-то создалось устойчивое мнение: французская дипломатическая миссия в Петрограде, а значит и в Москве, самая сильная. Французская разведка в Петрограде, а значит и в Москве, самая сильная. И когда Пуанкаре с Клемансо потребовали от Нуланса любой ценой втянуть Россию в старый ход войны, чтобы Ленин разорвал мирный договор с немцами, то Парижу казалось: это совсем несложно для Нуланса и его мощной многочисленной команды, которая до революции насчитывала более трехсот человек и ненамного сократилась после Красного Октября. При их-то связях, влиянии, думали в Париже, они не подведут, тем более когда речь идет о спасении любимой Франции.

Но поражения посыпались одно за другим. Сначала Нуланс потерпел фиаско от интригана Ленина, который ловко водил его за нос, используя как подсадную утку, чтобы вытянуть побольше денег из Мирбаха, а теперь и Лоран перемудрил со своей затеей использовать этого чекиста Блюмкина в убийстве Мирбаха. Гораздо проще взорвать, к чертовой бабушке, посольский особняк и подкинуть к руинам кожаный портфельчик с большевистскими мандатами, чтобы подозрения легли на ленинских гвардейцев. Да, пусть грубовато, топорно, но немцы не изысканные интеллектуалы, чтобы все расчухать в один момент, они расторгнут договор, и русские будут вынуждены вступить в войну.

Даже он, Нуланс, никогда не занимавшийся разведкой, и то понимал, что нужно сделать, но самое

главное сделать это вовремя, сейчас, сегодня, немедленно, потому что немцы стоят уже в семидесяти километрах от Парижа, они вышли к Марне, от грохота немецких пушек вылетают стекла в парижских мансардах, правительство эвакуируется, завтра можно будет уже не убивать Мирбаха, потому что завтра немцы могут взять Париж. Париж, черт возьми!

Лоран никогда не видел Нуланса таким взбешенным, он орал, брызгал слюной, багровый от ярости, размахивал руками. «Видимо, Клемансо задал ему хорошую трепку», — подумал Лоран. Но Клеманс прав. Когда немцы у стен Парижа, поневоле придется кричать о спасении. Может быть, Нуланс и прав: взрывчатки у них много, они без труда разнесут этот чертов особняк в Денежном переулке, а немцы, накалившись, начнут войну или хотя бы делают вид, что угрожают русским, и притормозят наступление на Париж, и эта передышка в три-четыре дня — неделю окажется, может быть, самой важной. Важной настолько, что они спасут Францию?..

Если б Лоран хоть на десять процентов поверил в такое спасение, он бы сам побежал взрывать немецкое посольство. Но это иллюзии. Немцы сразу же поймут, что посольство взорвали французы или англичане и еще яростней пойдут в наступление. Только и всего. Лоран обязан просчитать и это и сказать, что в такой аванюре опасности больше, чем выгоды. Но как это доказать Нулансу? Он ничего не слышит, он уже требует, дает два дня, чтобы все было сделано, Мирбах был бы мертв, а подозрение пало на Ленина.

Если Лоран сейчас откажется, Нуланс немедленно потребует его отстранения от дел, и надо сказать, преуспеет, энергии у папаши Жозефа хоть отбавляй. А если согласится... Но Лоран знает, что это безумие. Только как объяснить этому толстокожему моржу, когда он в таком бешенстве?..

— Я хочу есть, — неожиданно сказал вслух Лоран. — Я уже сутки ничего не ел...

Нуланс опешил. Он ожидал чего угодно: возражений, обвинений в некомпетентности, угроз, отказа и внутренне уже готовился к любому из этих выпадов, был готов к отчаянному сражению, как вдруг эта странная просьба. Они ругались у Нуланса на квартире, в теплой печке у папаши Жозефа стояла индейка, с янтарной зажаристой корочкой, ее даже не нужно было подогревать, и Нуланс конечно же хотел выставить ее на стол, но после того, как услышал бы от Лорана два слова: я согласен. Но Лоран произнес другие. Приятные для слуха Нуланса слова, но совсем не те.

— А почему ты сутки не ел? — удивился Нуланс.

— Потому что было некогда, — Лоран даже не придумал, как поаккуратнее соврать на сей счет. Вчера он ел баранью ногу, запеченную с чесноком, и воспоминания о ней еще ласкали его воображение, так что есть он не хотел, но подобный предлог был единственным, каковой мог хоть как-то остановить воинственную мощь папаши Жозефа.

— Тогда я понимаю, почему ты молчишь. — Нуланс поднялся, стал суетиться вокруг стола, вытаскивая соусы, сыр, хлеб, вино, доставая из печки индейку, и Лоран видел, как понемногу смягчается его лицо, расправляются морщины, светлеют глаза. А стоит ему проглотить янтарный кусок индейки — от одного ее вида у него слюнки текут, — и он совсем размягчится, станет добрее и покладистее. И вот тогда Лорану надо начинать. Но к этой речи надо подготовиться, подобрать сразу несколько доказательств, чтобы не дать снова перейти Нулансу в атаку. Еда его немного успокоит, но раздражитель, вызванный шифровкой Клемансо, сильнее, там угроза отставки, а значит — угроза лишиться каждый день такого стола. А вот этого он перенести не смо-

жет. Что еще есть у него в жизни? Поэтому надо искать, быстрее, Нуланс уже садится, уже наливает вино в бокалы, режет индейку. Он делает все это так проворно, ловко, что Лоран даже завидует. Он помнит, как однажды ему доверили разделать индейку. Какой это был позор! Он всех забрызгал жиром и после его битвы на блюде оказался ворох костей и жалкие клочки мяса, имевшие столь непрезентабельный вид, что никто из гостей к ним не прикоснулся. Позор был сродни поражению Наполеона под Ватерлоо. После этого Лоран, едва завидев индейку, бежал прочь без оглядки, но сейчас никуда не сбежишь.

Нуланс ел индейку и восхищенно урчал, утверждая, что русские индейки вкуснее французских. Французские чересчур жирные, а русские то что надо, и, может быть, из крайней нужды они не доводят их до глубокой старости, а режут в деликатном бальзаковском возрасте, что дает неповторимый аромат, если к тому же уметь правильно приготовить: не пережарить, не пересушить, а только обжечь, оставив мясо как бы сырым, но оно совсем не сырое, оно нежное, как поцелуй ребенка...

Нуланса понесло. Когда его несет, да еще на столь любимую тему, то останавливать, а тем более прерывать папашу Жозефа нельзя.

Лоран облегченно вздохнул. Его бурный фонтан иссякает примерно к пятнадцатой минуте, тут он делает первый перерыв. Лоран сам почувствует, когда можно будет вступить ему. Время есть. Можно немного успокоиться и даже распробовать эту индейку, о которой слагает свои поэмы Нуланс. «А мясо действительно нежное», — подумал Лоран. Он не помнил вкуса той индейки, которую растерзал в клочья. Помнит, что на блюде плавал жир. Значит, французские индейки жирнее русских, Нуланс прав. «У русских и женщины красивее», — подумал Лоран. Какая прекрасная страна и какая могла бы

быть здесь прекрасная жизнь, вроде бы так даже воскликнул какой-то русский писатель. Но это проклятое сослагательное наклонение. Лоран не любил его.

— Каково? — папаша Жозеф откинулся на спинку стула. — А ты плохо ешь! — упрекнул он Лорана. — Брось деликатничать! Хватай руками вот этот кусок, — он бросил ему на тарелку огромную ногу, — и рви зубами. Никаких ножей! Надо почувствовать вкус забытой природной жизни! Как будто ты только что приехал с охоты, привез дюжину зайцев, повар обжарил их на вертеле, а ты голодный как черт и рвешь зубами свежую зайчатину, которая только что бегала по полям. Вот это была жизнь! Почему я не родился хотя бы на столетие, а лучше два назад. Хотя и там шли постоянные войны, люди крошили друг друга с такой изуверской страстью, что мне иногда думается: Господь в насмешку придумал род человеческий, заставив его на протяжении веков неистово истреблять друг друга. Зачем?.. Ну что мы лезли к немцам или австриякам, что, мало было земли? Чего ради?!..

«Пора, — подумал Лоран. — Если он опять распалится, разговаривать будет невозможно».

— Вы хотите спасти Францию? — спросил Лоран Нуланса.

— Я полагаю, мы оба этого хотим! — закруглил папаша Жозеф, еще не чувствуя никакого подвоха.

— Я сейчас спрашиваю вас, господин посол. — Тон Лорана стал строг и почти официален.

— Конечно! Я жизнь готов отдать за Францию! — В глазах Нуланса блеснула слеза.

— Так почему же вы мне полчаса назад предлагали подвести ее под оккупацию, под поражение?! — спросил Лоран.

У Нуланса даже округлились глаза от такого провокационного вопроса. Лоран почувствовал, что немного пережал, но не с вопросом, а с интонацией.

Он стал разговаривать с Нулансом, как жестокосердный следователь, а этого Нуланс страшно не любил. Поэтому Лоран мгновенно, пока Жозеф не успел опомниться, переменял интонацию.

— Я люблю тебя, Жозеф, и уважаю как отца за твой ум, энергию, за дружескую щедрость, за хлебосольство, но позволь мне говорить сейчас с тобой не как подчиненный с начальником, а на правах твоего младшего друга. Ты согласен?.. — проникновенно и даже увлажнив, притуманив «дружеский» взгляд, спросил Лоран.

— Конечно, о чем речь, мы друзья, Пьер! — пожал плечами Нуланс, и Лоран только этого и ждал.

Минут за пять напористо и ярко Лоран обрисовал последствия взрыва особняка, липовое прикрытие с фальшивыми документами, которое через час будет разоблачено и назначенное следствие неминуемо выйдет на них, не говоря уже о том, что посольство находится под наблюдением и сама подготовка взрыва наверняка будет зафиксирована секретными службами Ленина. Немцы совсем не глупы, они знают о бедственном положении Франции и быстро поймут, откуда идет взрывная волна, и Людендорф не преминет этим воспользоваться, чтобы внушить своим солдатам, какой варварский акт предприняли французы в Москве, что придаст новых сил их армиям, подбирающимся к Парижу. И в результате они возьмут его, поставив Францию на колени. Вот к чему может привести эта спешка, и вряд ли Клемансо похвалит их за такой грубый провал. А кто будет отвечать? Если Нуланс готов взять всю ответственность на себя, то пусть письменно отдаст этот приказ, и лишь на этих условиях Лоран согласен взяться за подготовку столь варварского и бессмысленного плана. Проговаривая эти возражения, Лоран не дал Нулансу даже вставить слово. Папаша Жозеф был сражен в самое сердце. Он обладал не-

плохим воображением и сразу же представил, чем может закончиться эта динамитная эпопея. Его имя будет вписано в историю как синоним безмозглого дипломатического глупца, покрыто позором, смыть который он уже не сможет.

Нуланс был подавлен, а сладкие куски индейки мешали ему сосредоточиться, найти умное опровержение логическим выводам Лорана. Да еще этот письменный приказ. Нуланс понимал, что сам он отдать такой приказ не может, надо слать шифровку в главную разведку генштаба и приводить веские резоны в защиту своего плана, а он действительно был уязвим, Нуланс это понимал. Но разведка обязательно запросит мнение Лорана, и вот тут его опять-таки выставят глупцом, который лезет не в свое дело.

Папаша Жозеф тяжело задышал, налил себе вина, выпил и подумал о том, что ему пора на покой. У него есть маленькая ферма, и он займется разведением овец и индюшек.

— Что ты предлагаешь? — уже примирительно спросил Нуланс, соглашаясь со своим поражением. У папаша Жозефа все же был хороший дипломатический дар: он умел с честью проигрывать.

— Оставить тот план, который мы вместе разработали и утвердили и осуществлением которого я сейчас занимаюсь... — проговорил Лоран. Он специально сказал «мы», хотя Нуланс был всегда только слушателем в таких делах.

Лоран рассказал о встречах с Голубовским, намекнув, что добьется от ЦК левых эсеров одобрения убийства Мирбаха и тогда все остальное разрешится в несколько дней.

— Это интересно! — хмуро пробурчал Нуланс.

Ему не хотелось сдаваться так быстро, он стал спрашивать подробности, но Лорану совсем не хотелось их открывать. Он же не спрашивает, как тот добивается этой янтарной корочки и нежного парного вкуса индейки. Можно все объяснить, расска-

зять, но есть такие секреты, в которые не посвящают даже близких. И чтобы прекратить этот разговор, Лоран схватился за живот, изобразив страдание на лице.

— Черт, я же совсем забыл, что ты сутки не ел, заставляя тебя глотать большие куски! — спохватился Нуланс, побежал искать лекарство, но Лоран его остановил.

— Не смертельно, — улыбнулся он. — Налей мне лучше вина!

Нуланс вытащил заветную бутылочку бордо, они выпили по бокалу, после чего Лоран изобразил некоторое облегчение.

В детстве он играл в домашнем театре, и, как говорили родители, весьма успешно: умел корчить разные рожи и громко читать стихи. Может быть, в нем погиб второй Дюллен?..

Он уже собрался уходить, но Нуланс его не отпустил, заставив выпить чаю. В России папаша Жозеф пристрастился к русскому чаю, добавляя в английский сорта русских трав, и получался весьма ароматный напиток. «К тому же целебный!» — добавлял Нуланс. Лоран вдруг ощутил нежную приязнь к одинокому щедрому парижскому хлебосолу. «Боже, как мы все одиноки!» — прошептал в сердцах Лоран.

Рицлер переживал странные дни теплым июньским летом 1918 года. Он воочию наблюдал, как рушится большевистский режим, как Ленин, цепляясь за малейшую возможность сохранить власть, все яростнее пользуется диктаторскими методами, рассылая во все концы сжимающегося, подобно шагреновой коже, государства телеграммы с требованием расстрела заговорщиков и даже ненадежных, организации концентрационных лагерей для своих бывших соратников — меньшевиков и колеблющихся, приказывая «не допускать идиотской волокиты». По его подсчетам, каждый день расстреливали около ста человек, и карательная машина с каждым часом набирала свой кровавый темп. Все говорило об агонии большевистского режима, и странным было преступное ожидание левых и правых эсеров, которые в этих обстоятельствах легко могли взять власть, но они точно ждали, когда верхушка большевиков во главе с Лениным, Троцким и Свердловым падет сама, без всяких усилий с их стороны.

На столе у Рицлера лежали выписки по заготовке большевиками зерна: в ноябре 1917-го было заготовлено 641 тысяча тонн, в декабре — 136, в январе 1918 года — 46, в апреле — 38, в мае всего 3 тысячи тонн, в июне обещалось вполовину меньше. Голод надвигался с ураганной быстротой. В мае один из его агентов принес выступления красных директоров

с первого съезда совнархозов. Один из них, Алексей Гастев, прямо говорил с трибуны: «По существу, мы сейчас имеем дело с громадным, миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский».

В марте 1918 года рабочие Петрограда на своем чрезвычайном собрании фактически отказали в доверии новой советской власти, заявив, что они чем могли помогали новой власти, верили в нее, мирились с урезанием своих прав, но теперь «мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными».

В этих условиях ждать и бездумно поддерживать режим Ленина было глупо, но для них, немцев, в июне восемнадцатого в России была лишь одна политическая сила, которая искала союза с ними, — это «Правый центр», почти монархическая организация, не имевшая большого влияния в массах. Поэтому Рицлер осторожничал, лавировал, сдерживая графа Мирбаха, который, ненавидя торгашеские хватки Ленина, наивно рвался не только к сближению с русскими промышленниками и монархистами, но и, поощряемый Людендорфом, готов был помогать им деньгами и обещаниями военного вмешательства.

После той беседы с милым профессором Сергеем Андреевичем Котляревским Рицлер по настоянию Мирбаха встретился с Леонтьевым и Урусовым и даже выслушал их планы захвата власти, если немцы не решатся на прямую оккупацию Москвы. Не было бы войны, они бы легко договорились с Савинковым, его военными организациями и вопрос власти был бы давно решен. Вся беда в их разрозненности, в том, что они не могут соединиться из-за того, что мир раскололся на два лагеря, хотя в сущности-то Савинков не против восстановления Романовых на

престоле при условии ограничения их власти жесткой конституцией. Конституционная монархия — идеальный вариант для России, в которой всегда было много смутьянов, это тот же немецкий вариант государственного устройства. Но как сегодня перешагнуть через этот барьер? В конечном счете их опора — Антон Иванович Деникин и Краснов, с которыми установлена связь и есть твердая надежда на их помощь.

— Деникин пошел на стовор с французами и англичанами, — усмехнулся Рицлер. — Вы здесь опоздали, а мы никогда не будем завоевывать Москву, ибо это означает открытие Восточного фронта, который мы с таким трудом ликвидировали...

Урусов с Леонтьевым переглянулись: известие о Деникине оказалось для них внове.

— Здесь есть другой ход, — помолчав, продолжил Рицлер. Ситуация у большевиков аховая, они держатся на штыках террора, поэтому переменить власть ничего не стоит. Вопрос в другом: как ее удержать, ибо тотчас же к большевикам присоединятся левые эсеры и, быть может, правые, тут уж как Ленин поведет себя, анархисты всех мастей — и они сотрут вас в порошок при отсутствии мощного военного щита. Ваша беда в том, что вы любите много рассуждать и совсем не умеете ходить в штыковую атаку, не любите драться, ненавидите кровь и так далее, что для большевиков привычное дело, ибо, набрав голытьбу, головорезов в карательные органы, они успешно решают с их помощью многие политические проблемы. Поэтому вам надо сейчас спешно решить один-единственный вопрос: создание военного центра, его лидера, опытного практика, а не теоретика. Я понимаю: тогда вы автоматически входите в число заговорщиков и в случае провала вас ждет расстрел. Но если даже сегодня большевики вас схватят, они все равно вас расстреляют, ибо объ-

явили диктатуру: кто не с ними, тот против них. А вы не с ними. Вот и все. Поэтому решайте и решайтесь, а что касается нашего участия, то если мы увидим вместо дискуссионного клуба серьезную организацию, способную взять власть и удержать ее, мы будем с вами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Рицлеру бы стоило не говорить этих слов. Завтра эти милые люди продадут его ВЧК, спасая свои жизни, и разразится дипломатический скандал, его выпшлют из России, а дома отправят выращивать цветочки в загородном доме. Но Рицлер уже не выдержал. Всем этим правым центристам надо заниматься своим делом — преподавать, писать статьи и не лезть в политику, где им ноги повыдергивают. Он видел озабоченные лица Леонтьева и Урусова, когда они прощались, а ведь Рицлер говорил самые примитивные вещи. Леонтьев еще в начале их разговора пытался рассказать, как они собираются решать польский и прибалтийский вопросы в случае своего прихода к власти, но зачем Рицлеру эти университетские споры? Политика делается не на собраниях, а в кулуарах, народ всегда выбирает сильного вождя и идет за ним. Ленин даже тут, устраивая ежедневно кровавые бани для простого люда, преподает ему жесткие уроки арифметики: дорога жизнь — делай, как я. Не рассуждай, не думай, не болтай. Делай, как я, иди за мной. Все на простых собачьих рефлексах. А господа профессора мыкаются в тенетах чистого разума.

Он даже поругался с Вильгельмом, передав ему содержание этого разговора и посоветовав пока повременить со встречей с Леонтьевым и Урусовым, а ее эти господа настойчиво добиваются, видимо не удовлетворенные разговором с Рицлером.

— Они хотели, чтоб я пообещал им денег или взялся формировать отряды ополчения?! — возму-

ценно выговаривал он Мирбаху. — Что они хотят от вас?! Я им уже все сказал!..

— Денег можно было пообещать, — выдержав паузу, обронил Мирбах.

— Проклятая туземная страна! — не выдержав, выругался Рицлер, заходя в комнату. — Для чего им деньги?! Я еще могу понять Ленина! Ему надо кормить народ! Вон рядом в лавке нет керосина, надо закупать керосин. Его на марки можно купить у шведов. Но для чего правоцентристам деньги? В их организацию входят почти все крупные промышленники России, многие из них, они наверняка припрятали миллионы и готовы отдать их, лишь бы вернуть свою собственность! Зачем им деньги?!..

— Может быть, им совсем не нужны деньги, а нужен совет, одобрение, моральная поддержка! — горячо возразил Мирбах. — Так нельзя, Карл!..

Мирбах выпустил сигарное кольцо, он любил, этот прусский аристократ, дымить за чашкой крепкого кофе сигарой и вести философские разговоры. «Что немцу хорошо, то русскому смерть», — вспомнил пословицу Рицлер и усмехнулся. Когда он только начинал изучать Россию, первое, что он сделал, это выучил наизусть уйму русских пословиц. Кто-то из старых местных поэтов сказал, что в них заключена душа народа. Так оно и есть. Поэтому, чтобы понять ее, Рицлер и заучивал пословицы, но заучивал не механически, он старался вникнуть в глубокий смысл каждого такого народного афоризма. Мирбаху даже идет философствование, хотя у него был совсем неплохой прагматический ум и тонкие дипломатические манеры, он умеет внушить собеседнику и свою любовь, и искреннее уважение, чувствуя при этом иногда совсем обратное, и разглядеть такие тонкости способен лишь человек, давно его знающий. Мирбах при этих «искренних излияниях» чуть-чуть переигрывал, его правый глаз почему-то

наливался искрящейся слезой, которую партнер воспринимал как свежий детский порыв, и всякая мысль об игре, двойном отношении пропадала. Сейчас в разговоре у Мирбаха также заиграл слезой правый глаз, и Рицлер понял, что графу совсем не нужны эти Урусовы и Леонтьевы, но он очень обозлился на Ленина. Еще никто в жизни так грубо не шантажировал Мирбаха, а тут эти поддавки с Нулансом, этот слух, распространяемый самим Караханом, о том, что он собирается везти подлинник Брест-Литовского мирного договора в Америку и продавать там за большие деньги, потому что страна голодает, а немцы дают мало. Это была такая неслыханная подлость, что у Мирбаха от ярости даже затряслись руки, когда он об этом услышал от Рицлера. В его родной Германии женщины и дети живут впроголодь, терпят лишения, потому что против них ополчился весь мир, а этот рыжий карлик — по сравнению с двухметровым Мирбахом полуторный Ленин действительно выглядел карликом, — как ненасытная любовница, требует все новых и новых даров.

Рицлер еле успокоил Вильгельма, он уже хотел бежать в Кремль и требовать от Ленина объяснений. «Объяснений каких?! — вспыхнул Рицлер. — О том, что появились слухи? Ну так не верьте слухам, скажет Ленин, только и всего!» Словом, отношения не сложились, и Мирбах, так любивший поначалу навещать в Кремль, совсем перестал туда ездить.

Зазвонил телефон. Рицлер снял трубку. Телефонистка сообщила, что с господином Рицлером хочет переговорить председатель ВЦИКа товарищ Свердлов. Еще через секунду трубку снял Яков Михайлович. Рицлер встречался с ним один раз еще до приезда графа Мирбаха, чтобы обсудить бытовые проблемы, связанные с организацией посольства: обеспечение продовольствием, связью и прочие ме-

лочи, без которых посольство не проживет и дня. Свердлов показался ему деловым, энергичным и более реальным, чем Ленин, человеком.

Свердлов попросил личной встречи именно с ним по одному деликатному вопросу. Он сказал, что готов встретиться даже сегодня, причем на любой территории: он может подъехать к ним в Денежный, может заказать ему пропуск в Кремль. Рицлер согласился, но ответил, что ему было бы удобнее здесь. Свердлов пообещал приехать через час. Рицлер спросил: необходимо ли участие посла, но Свердлов, выдержав паузу, сообщил, что это решится в ходе их личной беседы. Рицлер положил трубку и доложил о разговоре Мирбаху. Граф был заинтригован. Если б шел разговор о деньгах, то без Мирбаха его обсуждать бесполезно, значит, тут что-то иное...

— Может быть, им стало известно о моих сношениях с «Правым центром» и Ленин выпускает Свердлова, чтобы деликатно предупредить нас о некорректности ведения таких разговоров? — предположил Рицлер.

— Может быть, — помолчав, согласился Мирбах. — Хорошо, что я с ними не встречался! Тогда ты бери все на себя, — сказал Мирбах, — скажи о твоём давнем знакомстве с этим профессором, как его...

— Котляревский, — подсказал Рицлер.

— Вот-вот, и скажи, что все было организовано в рамках чисто личной встречи и ты даже не думал ввязываться в политику!.. Пойду займусь бумагами...

Мирбах поднялся и ушел. Но Рицлер чувствовал, что дело тут вовсе не в «Правом центре». Иначе бы в разговоре обязательно принял участие Дзержинский. Тут что-то иное.

Свердлов, приехав в посольство, начал с того, что, как великодушный хозяин, осмотрел комнаты посольства, любопытствуя и отмечая с похвалой, как быстро немцы прижились на новом месте, и был

удивлен уюту и комфорту, какой царил в особняке. Рицлер же на правах временного управителя, пригласив Свердлова к себе в кабинет, любезно предложил большому хозяину на выбор целую батарею крепких напитков, но Свердлов остановился на бокале светлого немецкого пива, которое в посольство доставляли вместе с дипломатической почтой прямо из Германии.

На Свердлове была новенькая кожаная куртка, светлая в полоску рубашка, галстук с дорогой алмазной булавкой, широкие кавалерийские брюки-галифе, прошитые кожными заплатами меж ногами и заправленные в блестящие новенькие хромовые сапоги, легкое пенсне на шнурочке. После нескольких глотков пива на его щеках проступили красноватые пятна румянца. Он улыбался, почти сиял, разглядывая картины на стенах, тяжелые дорогие вазы, стоящие на полу, мягкие кресла и выглядел по-мальчишески молодо, седина еле проблескивала в черных кудрях, но странная желтизна щек, на которой румянец выглядел ярко и неестественно, придавала лицу зловещий, почти сатанинский вид.

— Узнаю классический вкус графа фон Мирбаха! — одобрительно отозвался об интерьере Свердлов, словно знал Вильгельма, который был вдвое старше его, со студенческой скамьи.

Рицлер пропустил мимо ушей эту тираду.

— Прошу прощения, — выдержав короткую паузу, снова заговорил Свердлов, — что не располагаю долгим временем, и сразу перейду к тому деликатному делу, из-за которого я приехал к вам... — Яков Михайлович вдруг улыбнулся и, как заговорщик, посмотрел на Рицлера. — Я бы только хотел, чтобы вы и господин посол граф Мирбах, которого вы, я так полагаю, должны будете ввести в курс данной просьбы, сохранили бы конфиденциальный характер ее содержания. Вы сейчас поймете, почему я говорю об этом... — объяснил Свердлов.

Рицлер сказал, что это само собой разумеется, когда происходят переговоры такого уровня.

— Речь пойдет о нашей — моей и Владимира Ильича и Льва Давидовича — просьбе: изготовить для нас семь-восемь бланков зарубежных паспортов... — Свердлов выдержал паузу, вытащил папиросы, закурил, внимательно глядя на Рицлера, но последний сохранял невозмутимое спокойствие на лице. — Возможно это будет сделать?..

— Конечно, Яков Михайлович, — кивнул Рицлер.

— Должен ли я согласовать этот вопрос с графом фон Мирбахом? — спросил Свердлов.

— Думаю, что это необязательно, — ответил Рицлер.

— Спасибо, господин Рицлер, — Свердлов поднялся, пожал руку Рицлеру и снова сел. — Я хочу пояснить, чем вызвана наша просьба. Мы, естественно, не собираемся сдавать власть в ближайшее время. — Свердлов неожиданно коротко рассмеялся, и на его щеках снова проступил тот болезненный румянец, какой возник после первых глотков пива. — Мы будем биться до последнего патрона, но вы не хуже меня знаете нашу обстановку. Республика в кольце врагов, внешних и внутренних, и может так случиться, что ситуация сложится не в нашу пользу и мы будем вынуждены уйти в подполье или даже эмигрировать. Вот на этот случай и необходимо иметь эти паспорта. Как видите, я откровенен перед вами. Мы, естественно, оплатим ваши труды, я могу даже сейчас заплатить вперед любую требуемую сумму в любой валюте.

Свердлов полез в карман, но Рицлер его остановил. Свердлов достал свои данные, положил их перед Рицлером.

— Вы заполните один паспорт на мое имя, а остальные мы заполним сами, — попросил он.

— Хорошо, — кивнул Рицлер.

— Когда мы смогли бы забрать их? — спросил Свердлов.

— Я думаю, дня через два, — подумав, сообщил Рицлер. — Я позвоню вам...

— Хорошо! — улыбувшись, проговорил Свердлов, бросил взгляд на часы, стоявшие на каминной полке. — У меня есть еще двадцать минут, и я мог бы ответить на ваши вопросы, если они у вас есть... Может быть, какие-нибудь просьбы, связанные с посольским бытом?

— Я не хочу обременять вас такими пустяками, тем более что с Наркоматом иностранных дел у нас нормальные отношения и он ни разу нас еще не подводил, — ответил Рицлер.

— Приятно слышать столь лестную оценку работы нашего наркомата! — весело сказал Свердлов. — Кстати, Владимир Ильич давно просит меня заказать у вас какую-нибудь брошюрку по организации концентрационных лагерей: как они устроены не только технологически — железная проволока, вышки, собаки, но нам желательно было бы описание распорядка, количество служащих и нормы питания.

— Я запрошу соответствующее наше ведомство, оно сделает такую брошюру, и я вам передам.

— Чудненько! — обрадовался Свердлов. — А то зачем, как говорится, собственный огород городить. Ничего, скоро мы наведем в этой стране такой же образцовый порядок, как у вас!..

— Мне прислали один запрос из Берлина. — Рицлер достал письмо и положил перед собой. — Родственники по немецкой линии русского царя Николая Романова обеспокоены его судьбой. Он был куда-то вывезен вместе с семьей, кажется в Сибирь?..

По лицу Свердлова проскользнула злая усмешка.

— Романов с семьей сейчас на Урале, в Екатеринбурге, в моем родном городе, — сухо ответил Свердлов. — Я только сегодня разговаривал по этому поводу с нашими уральскими товарищами. Царь содержится в хороших условиях, занимает бывший купеческий особняк, с ним вместе его старый личный врач, несколько служанок, дети чувствуют себя хорошо. Почти каждый день к завтраку им приносят по корзине свежих яиц из местного монастыря, доставляют молоко, мы также подвозим продукты, так что передайте его родственникам, пусть не беспокоятся!.. — насмешливо улыбнулся Яков Михайлович.

— Спасибо, я передам, — кивнул Рицлер. — Но какова будет дальнейшая судьба русского императора? Вы же не хотите, чтобы семья оставалась здесь? Мы могли бы вывезти его в Германию, где много его родственников...

— Подобные просьбы уже были от англичан, — интригуяще сообщил Свердлов. — Они даже предлагали нечто вроде выкупа... — Он хитровато взглянул на Рицлера, потом неожиданно вдруг посерьезнел. — Но мы бы хотели устроить народный суд над тиранами Романовыми, чтобы сам народ решил их судьбу...

— Но это нелепо! — невольно вырвалось у Рицлера. — Извините за это резкое суждение, но за что его судить?!..

— Ну, судить всегда за что найдется! — рассмеялся Свердлов. — А если говорить серьезно, то один расстрел 9 января 1905 года, когда погибло много невинных рабочих, детей, женщин, погибло по вине царя, который отдал приказ стрелять по мирной демонстрации, уже стоит ему виселицы! Я не хочу предрекать событий. Единственное могу обещать: мы не будем его судить за то, что Романовы триста лет измывались над бедной Россией!.. — Свердлов снова коротко рассмеялся и закашлялся.

Рицлер налил ему воды. Свердлов сделал несколько глотков, тяжело задыхался.

— Спасибо...

— Но дети, дочери царя, ни при чем! Вы могли бы отпустить хотя бы их!.. — подсказал Рицлер.

— Да, конечно, мы подумаем над этим вопросом. Я один, как вы сами понимаете, его не решаю... — Свердлов посмотрел на часы, поднялся. — К сожалению, мне уже пора!

— Еще один вопрос, Яков Михайлович. — Рицлер тоже поднялся. — Насколько я осведомлен, Колчак предпринимает решительные действия в сторону Урала и...

— Да, конечно, это нас тревожит! — перебил Свердлов, снова улыбнувшись, точно радуясь, что легко угадал смысл следующего вопроса. — Но я надеюсь, что Екатеринбург мы не отдадим, ну а если это случится, то... — Свердлов выдержал паузу. — Мы не позволим, чтобы царская семья попала в его руки... — выжидающе посмотрел на Рицлера. А что, эти немецкие родственники готовы выкупить Романовых?

Этот вопрос застал Рицлера врасплох.

— Я вас не понял, — смуглившись, пробормотал Рицлер.

— Я спросил: родственники Романовых готовы выкупить царскую семью? — спросил Свердлов.

— Я не знаю, но они люди небедные и могли бы, конечно, предложить какую-то сумму... — пожал плечами Рицлер. — Но какую?.. Вы можете ее назвать?!.. Я попробую с ними связаться...

Рицлера даже затрясло, как в лихорадке, от этих вопросов, словно от него теперь зависела жизнь и смерть этих несчастных Романовых.

— Я пока не знаю, но, видимо, это будет недешево, — задумчиво сказал Свердлов. — Вы можете подсказать этим немецким родственникам, что англичане также готовы вложить свои деньги, чтоб вы-

купить наши музейные реликвии, а мы совсем не против продать их. Стоимость я уточню, посоветуюсь с народом, и мы с вами созвонимся! Свердлов озорно усмехнулся и, как показалось Рицлеру, даже подмигнул ему. — До свиданья, господин Рицлер, рад был вас снова увидеть! Не провожайте, я найду дорогу!

И он легко сбежал вниз по лестнице.

Рицлер испытал вдруг приятное облегчение, точно его перестало мучить страшное чудовище. Эти черные блестящие глазки — веселые, ироничные, этот кожаный черный лоск, сам запах кожи, исходящий от этого маленького нервного, точно на шарнирах, человечка, его самоуверенный вид, разговор — все пугало, настораживало, приводило Рицлера в содрогание.

Он почти не знал русского царя, не знал лично, за исключением одной встречи еще в одиннадцатом году, когда был удостоен приглашения на прием в Зимний дворец, но зато как специалист по России, работая еще в Швеции, он неплохо знал царский двор, их отношения, характеры царя и царицы, Александры Федоровны, знал, какое большое влияние она имела на мужа и что это она сыграла решающую роль в судьбе Столыпина, в его физическом устранении 1 сентября 1911 года на торжествах по случаю открытия памятника Александру Второму в Киеве. Сам император Николай Александрович был человеком совестливым, даже робким, застенчивым и никак не походил на тирана, каковым его хотели выставить большевики. Еще про Александру Федоровну можно было бы сказать нечто подобное, хотя вся ее тирания заканчивалась защитой семьи и дома, мучениями из-за наследника, страдавшего неизлечимой болезнью, и ради него она была готова продать душу Распутину, который коварно этим пользовался и крепко помог падению дома Романовых. И вот теперь их собираются судить, отдать на

глумление дикому народу, который конечно же захочет казни, кровавого зрелища на площади. Рицлер только представил себе эту картину, и у него голова пошла кругом. Угораздило же их стать на время союзниками этих головорезов!

Рицлер только теперь понял причины яростного раздражения Вильгельма против Ленина. «Граф еще агнец Божий, коли до сих пор не взорвался...— вздохнул Рицлер, вспомнив старую русскую пословицу: — Каков поп, таков и приход! И самое-то страшное, что они еще, дай-ка, и удержатся, завоеуют абсолютную власть и станут стремиться завоевать весь мир. Вот уж тогда и настанет конец света!»

Блюмкин после того памятного разговора с Александровичем чувствовал себя прескверно. Наутро следующего дня, проснувшись, он снова хотел застрелиться. Но выручила сестренка Лия, она привиделась ему во сне с большими заплаканными глазами и со смятой красной розой на груди, она словно молила его о помощи, и Блюмкин, вытащив из-под подушки револьвер, неожиданно вспомнил это утреннее сновидение и снова засунул револьвер под подушку. Сестренка пропадет без него. Родители не вечны, а ее красоту, кроме него, никто не защитит. Да, он остутился. И остутился прежде всего потому, что напился как свинья! А боец Чрезвычайной комиссии не может себе позволить напиваться как свинья! И в этом его главное преступление. Что же касается ордеров, то тут он солидарен с товарищем Александровичем: заполнять их в пьяном виде не надо. Их надо аккуратно заполнять на работе. И с этим поэтом, как его... Мандельшпрамом, он еще почитается. Даже судя по фамилии, это немец, а чего еще ждать от немцев! Он найдет, что ему вписать в ордер. Нет, это просто неслыханная наглость: порвать государственные ордера! Да еще бежать жаловаться на него Дзержинскому! Блюмкин сразу почувствовал колючий взгляд этого поэтишки, бритвенный холодок его словечек. Он, наверное, и стихи такие же ядовитые пишет! А зачем советской власти ядовитые поэты? Ей они совсем не нужны!

В гостинице Блюмкин попил чаю с сахарином, вспоминая, как этот Мандельштрам намазывал икру на сухарики и, блаженно сияя всем лицом, отправлял их в рот, нарочно дразня голодных поэтов. А те смотрели на него, как на идола! Какое все же свинство эти поэты! Пьют водку с утра до вечера, сочиняют свои «дыр мыр гиры», а потом за них страдают порядочные люди. Чья это власть? Если это власть Блюмкина, она должна защищать его, а не Мандельштрамов! И фамилия у него нерусская. Блюмкин тяжело вздохнул.

Но, придя на работу, он снова почувствовал себя не в своей тарелке. Ему казалось, что все знают о происшедшем и смотрят на него сочувственно, а некоторые даже с укором. Вот, мол, взяли испытанного бойца, бывшего командира, а он нас подвел.

Блюмкин незаметно проскользнул в свой кабинет и даже не пошел к Ивану Ксенофоновичу за чаем и сушками, хотя тот звал его. Он просидел у себя в кабинете до обеда. Просто просидел, ничего не делая. А что делать? Пустовского он выпустил. Тот обещал написать жалобу Дзержинскому, что его, известного поэта-переводчика, больше недели продержали в тюрьме. Блюмкин ответил: «Пишите, это ваше право! Но у меня есть свидетель, который обвиняет вас в шпионаже в пользу Германии. Вот ваши двадцать немецких писем, мы их перевели. Вы их помните? Помните про комиссаршу, о которой вы отзываетесь как о последней сволочи, и еще ряд моментов, которые объясняют ваше отношение к советской власти. Я на них закрыл глаза. Пишите жалобу, и я на них открою глаза. И на ваш антиквариат в квартире...»

— Это наследство моих родителей! — гордо заявил Пустовский.

— А кто ваши родители? — спросил Блюмкин.

— Какая разница! — хамовато ответил Пустовский.

— Разница в том, каким путем было найдено это наследство, — просто сказал Блюмкин. — Если честным, трудовым, тогда это один вопрос. А если путем порабощения других пролетариев, тут уж извините, мы вас поправим. И поправочка эта будет являть из себя конфискацию с дальнейшим вашим отбыванием в трудовых лагерях для исправления...

— Какого исправления? — не понял Пустовский.

— Вашего морального исправления, — разъяснил ему Блюмкин. — Поэтому хорошо подумайте, прежде чем писать свою жалобу, а то я могу даже сейчас передумать и снова отправить вас в тюрьму! Ну что, мне передумать?..

— Не надо, — тихо проговорил Пустовский.

— Вы мне спасибо еще сказать должны! — усмехнулся Блюмкин. — На вас уже был заготовлен ордер...

— Какой ордер? — не понял Пустовский.

— Расстрельный ордер, — уточнил Блюмкин.

Он видел, как Пустовский побледнел, облизнул пересохшие губы. Блюмкин налил ему воды. Переводчик дрожащей рукой взял стакан, но отпить так и не смог.

— Да вы садитесь, — предложил Блюмкин.

— Я могу идти? — спросил Пустовский.

— Можете...

Но Пустовский стоял на месте со стаканом в руке. Потом он повернулся и пошел к двери. Блюмкин любил эти моменты.

— Стаканчик верните, — попросил Блюмкин.

Пустовский вздрогнул, оглянулся, увидел стакан в руке, вернулся, поставил стакан на стол.

— Я могу идти? — спросил он.

— Я же сказал: можете!

Пустовский кивнул, подошел к двери, обернулся.

— А за что меня хотели расстрелять? — спросил он.

— За агитацию против советской власти. Письмишки-то ваши прямо пыщут злобой!..

— Я просто не всем доволен, — проговорил Пустовский.

— А зачем об этом в Германию сообщать?

— У меня там друзья, — сказал Пустовский.

— А еще утверждаете, что вы не шпион! — усмехнулся Блюмкин. — Да вы, батенька мой, самый натуральный шпион! Эти ваши немцы расстреливают, вешают наших братьев на Украине, а вы с ними записочками перебрасываетесь, дружбу строите! — Блюмкин без злобы смотрел на Пустовского. — Я десятки своих товарищей положил, воюя с вашими друзьями... Зря я, видно, разорвал ваш ордер. Надо было оставить...

Пустовский несколько секунд молчал.

— Спасибо, что не расстреляли, — обронил Пустовский. — Я могу идти?

— Идите!..

Пустовский ушел. Вряд ли он станет писать жалобу. Блюмкин нагнал на него такого страха, что он теперь-месяца три на улицу выходить побоится. Есть еще Мирбах. Но это крепкий орешек. Пусть посидит, подумает. Может быть, станет помирнее. Так Блюмкин и сидел, вспоминая разные глупости. Сидел до самого обеда. И к нему никто не заглянул. Это было хуже всего. Точно его все сторонились, как чумы. После обеда его вызвал к себе Александрович.

— Чем занимаешься? — спросил он.

— Протоколы Роберта Мирбаха оформляю, — соврал Блюмкин.

— Протоколы подождут, — обронил Александрович, — тут такое дело. Он стал искать бумажку, и сердце Блюмкина радостно екнуло: наконец-то ему поручают серьезное дело. — Вот... — Александрович надел очки. — Ты Хлебную биржу знаешь?

— Знаю! — уверенно объявил Блюмкин.

— Там в 17.00 митинг нашей партии, будут това-

рици Голубовский, Прошьян, Спиридонова, это такая отчетная встреча перед съездом, мероприятие серьезное, а тут, как назло, вчера подстрелили двоих наших охранников, слава Богу, не насмерть, — добавил Александрович. — Один товарищ из охраны нашего ЦК... Гусев, — отыскав на столе бумажку, прочитал Александрович, — с ними поедет, но он новенький и может растеряться, а время серьезное, сам понимаешь. Поэтому поезжай и подежурь вместе с ним. С Феликсом Эдмундовичем я этот вопрос согласовал... Договорились?

Александрович пристально взглянул на него, и Блюмкин кивнул. Он постарался не выдать своего разочарования, даже досады, но Александрович все равно заметил.

— Я хочу тебе сказать, что это очень ответственное дело! Более ответственное, нежели ехать брать банду! — нахмурившись, проговорил Александрович. — Потому что тебе вверяются жизни наших вождей, и вот если ты их не сбережешь, проворишь преступника, то тут никакой поблажки не будет. За пьянку мы тебя пожурили, и все. А тут давай смотри в оба!.. Поезжай сразу туда, проверь помещение, входы, выходы, всякие потайные места и отряды несколько активистов, чтоб они внимательно наблюдали за ними. Подозрительных проверяй на наличие оружия и, если такое обнаружится, приводи сюда!

Александрович вытащил две обоймы патронов для револьвера и положил перед ним.

— На всякий случай, — бросил он.

Гусев оказался рыжим рыхлым увальнем, болтливым и нерасторопным. Он ходил по пятам за Блюмкиным и расспрашивал о работе в ВЧК.

— А правда, что вы имеете право расстреливать на месте? — раскрыв рот, спрашивал Гусев.

— Правда, — отозвался Блюмкин.

— Что, прямо любого?! — загорелся Гусев.

— Любого! — Блюмкин обернулся, посмотрел прямо в глаза Гусеву. — Хочешь на себе попробовать?

— Ты че?! — обалдел Гусев.

— Рот закрой!

— Чего?.. — не понял Гусев.

Около пяти подъехали Голубовский, Прошьян и Спиридонова. Мария Александровна, увидев Блюмкина, обрадовалась.

— После собрания поедем к нам чай пить, — шепнула она, и Блюмкин довольно кивнул. «Она не знает, — подумал он, — Александрович не подвел».

Подозрительных оказалось больше, чем он думал. У одного была такая свирепая рожа и он так явно держал руку за пазухой, что пришлось его отвести в соседнее помещение и обыскать. Но оружия у него не нашли, пришлось отпустить. Ребята-активисты, проинструктированные Блюмкиным, вели себя смело и напористо и одного револьверщика все-таки выловили. Он даже попытался оказать сопротивление, но его скрутили, и Блюмкин с двумя рабочими отправил револьверщика в ВЧК. Занятый этой нелегкой работой, Яша не сразу разглядел в толпе Бирзе, махнул ему рукой, и тот подошел, шепнув, чтобы Блюмкин послушал речь Голубовского. Он выступал первым и много говорил о германском милитаризме, о Мирбахе, который плетет здесь, в Москве, тайные сети против революции. О тайном слове Мирбаха с контрреволюционными элементами; говорила и Спиридонова, как всегда ярко, зажигательно, и зал даже несколько раз прерывал ее бурными аплодисментами. Когда она так темпераментно говорила и глаза ее загорались таинственным блеском, на щеках вспыхивал румянец, Мария Александровна становилась необыкновенно красивой, и Блюмкин, открыв рот, смотрел на нее и не мог насмотреться. В эти минуты в нее просто можно было влюбиться.

— Чуешь, что вожди говорят? — шепнул Бирзе.

Блюмкин кивнул.

— Мне Голубовский сказал, что твое отделение прикрыли? — спросил Бирзе.

Блюмкин поразился этому известию. Точнее, не известию, а тому, что Голубовский, а значит, и остальные уже знают про его перемену.

— Большевики прикрывают этих злодеев, вот и ликвидировали твою бурную деятельность! Видать, глубоко ты их копнул! — заметил Бирзе, и Блюмкин обрадовался такому толкованию событий, почувствовав симпатию к этому умному латышу. — Ничего, не дрейфь, надо действовать! — ободрил его Бирзе. — Тем более что и партия тебя к этому призывает!..

— А как тут действовать теперь? — не понял Блюмкин.

— Самостоятельно! — подсказал Бирзе. — План немецкого посольства у тебя есть?

— Нет, — проговорил Блюмкин.

— Это плохо. Надо иметь. Они там развели контрреволюционное гнездо! Уже снюхались с монархистами, а ты ушами хлопаешь!

Блюмкин вдруг вспомнил: электрик Вейсман, что приходит ремонтировать освещение, часто бывает и в Денежном. Блюмкин поделился этим открытием с Бирзе.

— На ловца и зверь бежит! — заметил Бирзе. — Пусть Вейсман осторожно вычертит тебе план расположения комнат. Мало ли что, а он у тебя есть!..

Блюмкин кивнул. Как он сразу не догадался! Все-таки этот Бирзе — настоящий спец по таким делам.

— Надо нам с тобой как-нибудь посидеть вечером, — неожиданно проговорил Бирзе. — Я в разведке не первый год и кое-что подскажу толковое. Вот твои вожди дают установку: Мирбах превратился в оплот реакционных сил. Что это значит?..

Блюмкин пожал плечами. Бирзе усмехнулся.

— А ты плечами пожимать не должен! Ты обязан эти лозунги претворять в действие! — разъяснил Бирзе.

— Какое? — не понял Блюмкин.

— А что есть революционное действие?! — возмутился Бирзе. — Когда ты воевал против немцев на Украине, ты хорошо это знал!

— Но ведь Мирбах посол, он лицо неприкосновенное... — пробормотал Блюмкин.

— Неприкосновенное, когда уважает идеи государства, в которое он послан. А если перестал уважать? Если играет на руку бандитам?! Ты что, будешь смотреть и радоваться?! Тогда какой же ты революционный боец, к такой-то матери?!.. Мне даже удивительно, что товарищ Голубовский считает тебя сознательным партийцем!..

Бирзе тяжело вздохнул, а Блюмкин помрачнел. Он действительно давно уже не был в ЦК и не знает последних установок партии, а это стыдно. Блюмкин вслушался в речь Спиридоновой. Она говорила о соглашательской политике большевиков, предающей ради низменных целей идеалы революции. Блюмкин оглянулся и увидел, как в актовъй зал биржи вошел человек в шинели и солдатской фуражке. Таких было на митинге немало, многие донашивали солдатские шинели, но в этом ощущалась крепкая офицерская выправка. Вошедший не спеша оглядел зал. Одна рука его была засунута в карман.

Блюмкин мигнул Гусеву, приказав занять место у входа. Гусев сразу же занервничал, но приказ исполнил. Блюмкин искал глазами двух активистов, которые еще пять минут назад стояли на левом краю, а теперь куда-то провалились. Если Блюмкин подойдет один, офицерик может наделать глупостей: затеять стрельбу, чтобы легко уйти в суматохе, а вот если б они подошли втроем и предложили гражданину пройти с ними, он вынужден был бы подчиниться.

— Не дергайся, — прошептал ему Бирзе. — Смотри, как это делается, если ты один...

Он обошел вошедшего с другой стороны, подошел к нему со спины и, на мгновение прилипнув к вошедшему, воткнул в его бок револьвер.

— Не дергайся, охрана ВЧК, стрелять буду при первой попытке выйти из-под контроля! — прошептал Бирзе. — Руку вынимай из кармана, только медленно! Медленно, сказал!..

Вошедший уже видел Блюмкина, стоящего рядом, и медленно вытащил руку из кармана. Бирзе тотчас выудил оттуда браунинг.

— Иди к выходу! — приказал Бирзе. — Побежишь, буду стрелять!

Они препроводили офицера во двор биржи, потребовали документы. Это была справка из австрийского плена, выданная Войтову Сергею Дмитриевичу, поручику царской армии, находившемуся в плену с февраля 1916 года по апрель 1918-го. В справке отмечались две попытки бегства из плена.

— Прямо из плена, что ли?! — спросил Бирзе, передал справку Блюмкину. Тот прочитал, вернул ее поручику.

Войтов молчал, равнодушно глядя в сторону.

— Что молчишь?.. Кто оружие дал?

Войтов по-прежнему молчал, глядя в сторону, точно вопросы относились не к нему.

— Да че с ним разговаривать?! — возмутился Гусев. — Шлепнуть, да и дело с концом!

Бирзе посмотрел на Гусева и Блюмкина.

— А вы чего здесь делаете?! — неожиданно удивился Бирзе. — Вы бросили своих вождей без охраны! Сейчас любой бандит может безнаказанно их расстрелять! Кто дал приказ покидать зал?! А ну давай на место! — сурово бросил охранникам Бирзе, и Блюмкин с Гусевым, точно опомнившись, побежали в здание биржи.

Оставшись наедине с Войтовым, Бирзе спросил:

— Ты хоть знал, в кого стрелять собирался? Эти ораторы не большевики, они ненавидят немцев еще больше тебя и хотят воевать с ними и выступают против Ленина по этому и другим вопросам!..

Офицер не без удивления выслушал Бирзе, попавшего в самую точку его сомнений.

Бирзе вернул Войтову браунинг.

— Из такого попасть довольно сложно. Если только в упор...

Он помолчал. Молчал и Войтов.

— Не хочешь говорить, какие у тебя счета с нынешней властью, не говори, у меня тоже есть серьезные разногласия, но передай тем, кто тебя направлял: этак операцию не готовят! Хорошо еще, этих сосунков поставили да я попался. А так бы отвели за угол и шлепнули без разговоров! Цирк шапито какой-то!

— Никто меня не готовил, я сам! — неожиданно проговорил Войтов. — Увидел объявление и пришел... Думал, их Ленин приедет!

— Ты в политике что-нибудь понимаешь? — спросил Бирзе, но, увидев брезгливую гримаску Войтова, вздохнул. — Эти революционеры, — Бирзе кивнул на здание биржи, — они левые, не из ленинской братии. Они за продолжение войны с немцами, за то, чтоб передать землю крестьянам, за Учредительное собрание, ну и так далее. Конечно, публика еще та, но стрелять в нее пока не надо. Это понятно?

Войтов напряженно смотрел на Бирзе, не понимая, куда он клонит.

— Со мной будешь работать? — спросил Бирзе.

Ни один мускул не дрогнул на лице Войтова, точно он вообще не слышал никакого вопроса. «Завидная реакция», — подумал Бирзе.

— Я кого спрашиваю?! — разозлился Бирзе.

— Я не знаю... — хрипло проговорил Войтов.

Бирзе удивленно посмотрел на него.

— Мне надо подумать, — сказал Войтов.

Бирзе выгасил газету, оторвал клочок и карандашом написал номер телефона.

— Позвонишь сегодня вечером! — Бирзе протянул телефон Войтову. — Сумеешь позвонить?

Войтов кивнул.

— И чтоб больше никаких приключений!

Войтов усмехнулся.

— Я сам не из ВЧК, не бойся! — продолжил Бирзе. — Можешь доверять... Я же тебе доверяю! Тоже три года вшей в окопах кормил... По телефону спросишь Петра Андреевича, он скажет, где мы встретимся и поговорим более обстоятельно, а сейчас иди! А то мои юные друзья могут меня не понять!

Войтов кивнул, помедлил и быстрым шагом вышел со двора.

Бирзе, проводив поручика взглядом, нахмурился. Кажется, он опять совершил глупость, влез не в свое дело, да еще отпустил горе-террориста. Бирзе пришел послушать Голубовского и Спиридонову, он гадался, что они не обойдут стороной Мирбаха, но то, что он услышал, превзошло все ожидания. И Голубовский, и Спиридонова клеймили Мирбаха как иуду всего мирового пролетариата, воздав должное и ленинским приспешникам. Но главное зло они видели в немецком после, а значит, Бирзе с Лораном не зря приложили столько стараний. Теперь надо развивать успех. Но зачем он ввязался в грязное дело эсеровских охранников, Бирзе понять не мог. Если ради Блюмкина, то за такую помощь Лоран сдержит свое слово и отстранит его от дел. Зачем он отпустил Войтова? И дураку ясно, почему поручик пришел на биржу с браунингом. Блюмкин доложит Александровичу, тот Дзержинскому, Петерсу, и вот тогда за Бирзе возьмутся крепко. Нужно будет ложиться на дно в тот самый момент, когда

настает горячая пора. «Пожалел бедного военнопленного?! Решил, что он может пригодиться для серьезного дела?! Идиот!» — Бирзе честил себя последними словами, не зная, как объяснить наивному романтику свой странный поступок. Ему вспомнился опустошенный, мертвый взгляд Войтова. Он готов был сегодня умереть за свою честь и достоинство, растоптанное большевиками. Только Блюмкин вряд ли это поймет. Он мечтает выслужиться перед Дзержинским, и царский поручик с браунингом в кармане на митинге вождей партии левых эсеров — неплохая добыча. Нет, Бирзе нельзя заниматься столь деликатными делами. Его заносит, и крепко заносит.

Бирзе подошел к дверям биржи, напрягая все свое скудное воображение, чтобы повесомей со-врать, но ничего, кроме того, что поручик долбанул его в глаз и сбежал, у Бирзе не приходило на ум, а изображать еще больший цирк шапито у него просто наглости не хватало да и язык бы не повернулся. Но история с дракой груба и нелепа. Бирзе разрисовал себя перед Блюмкиным опытным разведчиком, а тут не разгадал примитивную уловку, да и Войтов выглядел явно сломленным, не способным на такое вероломство, поэтому даже заикаться о драке не стоит. Глупо все же он себя ведет, очень глупо.

Митинг все еще продолжался, выступал уже Прошьян, и Бирзе подошел к Блюмкину и встал рядом. Блюмкин оглянулся, точно Войтов должен был стоять у них за спиной. Но Войтова там не было. Блюмкин выдержал паузу.

— Ты его отпустил? — спросил Блюмкин.

Бирзе кивнул. Блюмкин несколько секунд молчал, с мрачным видом слушая Прошьяна, и у Бирзе от этого молчания похолодела даже спина. Блюмкин мог спокойно арестовать его и доставить в ВЧК, за спиной шумно сопел Гусев, выражая таким образом

свое недоумение по поводу отсутствия Войтова, и, мотни ему головой Блюмкин, он легко бы скрутил беднягу Бирзе.

— Правильно сделал, — неожиданно проговорил Блюмкин. — Мужик еще не разобрался в нынешних делах...

Сквозь напряжение на лице Бирзе неожиданно прорезалась улыбка. Некоторое время он стоял неподвижно, потом вздохнул и похлопал Блюмкина по спине.

— Чего? — не понял Блюмкин.

— Цирк шапито, — вздохнул Бирзе.

25

Спиридонова не забыла своего приглашения, и после ответов на вопросы, когда делегация левых эсеров покидала зал биржи, она взглядом выхватила из толпы Блюмкина и кивнула ему. Он радостно пожал Бирзе руку, поблагодарил за помощь и побежал следом за быстроногой Марией Александровной. Она не ходила, а летала по земле, и угнаться за ней было невозможно.

Они поехали в Леонтьевский, где находился ЦК левых эсеров. Еще по дороге Гусев стал расспрашивать о беляке, которого задержал Бирзе, но Блюмкин отмахнулся от него. Заинтересовался Голубовский, спросил, о чем идет речь, и Гусев стал красочно расписывать, как они задержали одну контру, которая заявила на митинг с оружием и наверняка готовила свой вражеский выстрел против вождей революции, а дружок Блюмкина подложил им свинью.

Блюмкин даже не дал Гусеву закончить, сказав, что задержал поручика товарищ Бирзе из Военконтроля и что поручик вовсе никакая не контра, а только что возвращается из австрийского плена, где находился два года, имел два побега, и зашел случайно на митинг. И Бирзе правильно сделал, что отпустил его, потому что выяснил: преступных намерений данный товарищ не имел.

В машине наступило молчание.

— Ничего себе — не имел! — нарушил молчание Гусев. — А браунинг для чего в кармане?

— Он военный человек, он имеет право на ношенные оружия, — сказал Блюмкин.

— Он бывший военный, а сейчас никто, враг! — зло выговорил Гусев. — И вы его отпустили! Значит, вас самих надо поставить к стенке!

— Помолчите, товарищ Гусев! — неожиданно строго проговорила Спиридонова. — Кто вам позволил в таком тоне разговаривать с товарищем Блюмкиным, представителем ВЧК, да еще в нашем присутствии?! Вы что себе позволяете?!..

— Но я ж насквозь чую эту контору, товарищ Спиридонова! — обиженно отозвался Гусев. — Он явно хотел стрелять в вас! Я видел!

— Ты вообще его не видел, ты стоял у дверей! — бросил Гусеву Блюмкин.

— А что касается этого случая, то давайте спросим у товарища Голубовского. Он возглавляет у нас военную комиссию, он нас и рассудит. — Спиридонова повернулась к Голубовскому. — Что скажешь?

— А что тут говорить, — отозвался Голубовский. — Бирзе и Блюмкин поступили совершенно правильно. И я думаю, что товарищ Бирзе, который оставался с полчаса на улице с бывшим поручиком, наверняка разъяснил товарищу из плена цели и задачи нашей партии, поскольку он сочувствует больше нашим идеям, а не догматам товарища наркомвоена Троцкого...

— Так пусть вступает в наши ряды, — отозвалась Спиридонова.

— Я думаю, вступит со временем, — кивнул Голубовский. — Мы с ним говорили уже на эту тему. Просто, работая в таком ведомстве, как Военконтроль, ему не совсем ловко вступать в нашу партию, сами понимаете, Мария Александровна...

— Н-да... — отозвалась Спиридонова.

Блюмкин был доволен, что Гусева крепко щелкнули по носу. До конца поездки он больше не высывался, отмалчиваясь в углу и понимая, что по

этой мимолетной стычке могут быть сделаны серьезные выводы, как оно и произошло в дальнейшем. Спиридонова на следующий же день отправила его красноармейцем в боевой отряд Попова. Формально этот отряд числился за ВЧК, но поскольку в основном состоял из эсеров, то по партийной линии он подчинялся ЦК левых эсеров.

В Леонтьевском они сели чаевничать, но Прощьян убежал сразу, его кто-то ждал, а Голубовский, выпив стаканчик, тоже распрощался, и Блюмкин с Марией Александровной остались одни.

— Выходит, что Мирбах наш злейший враг? — неожиданно спросил Блюмкин.

— Выходит, — ответила Спиридонова.

— И что теперь делать?..

— Сложный вопрос, — думая о своем, проговорила Мария Александровна. — Ты не представляешь себе, какой он сложный. Я думаю, думаю и не вижу другого выхода, как казнить Мирбаха. Иначе и Россия скоро станет немецкой колонией.

— Но как все это организовать? — не понял Блюмкин. — Его ведь просто так не убьешь. Там охрана, и своя, и наша. Туда просто так вообще не пустят!..

— Надо будет думать, — улыбнулась она. — У Луженовского тоже была охрана, а я на тот период из револьвера всего два раза стреляла...— Спиридонова подлила себе и Яше чаю, пододвинула к нему тарелку, на которой лежали две очищенные картофелины, хвостик селедки и ломтик черного хлеба. — Ешь, я не хочу! А ты хорошо стреляешь? Не промахнешься с десяти шагов?

— Я и с большего расстояния не промахивался, — не без гордости сказал Блюмкин.

Мария Александровна посмотрела на него нежно и почти влюбленно, и Блюмкин смутился.

— Ешь! Я не люблю селедку, а нам постоянно ее дают в продпайке.

Блюмкин больше не заставил себя уговаривать и в один миг проглотил все.

— Еще хочешь?

— Нет, я в столовой сегодня обедал, — соврал Блюмкин.

Спиридонова поднялась, достала две селедки и отдала Яше.

— Вот! Я все равно не ем, пропадут! — сказала она. — Я для тебя их приготовила. Ты только их почисти, купи головку лука и будет очень вкусно. А чем вас в комиссии кормят?

— Суп, пшенка, раз в неделю бывают даже котлеты, селедку тоже дают, мне хватает...

— Тебе надо больше есть, — посоветовала Мария Александровна. — А то ты такой худой: кожа да кости! Надо масло подсолнечное покупать на базаре. Оно очень полезное... Да, совсем забыла!

Спиридонова достала плитку шоколада и подвинула к Яше.

— Ты шоколад ел?

— Конечно! Я же из Одессы! А туда привозили товары со всех концов света! Ты...— Яша запнулся. — Вы манго ели?

— Говори мне «ты», — разрешила Мария Александровна. — А манго я не ела. Я и ананасы не пробовала, хотя говорят, что даже сейчас их можно заказать в ресторане. Я нигде не была, кроме Сибири, никогда не видела моря... Оно красивое?

— Да, оно очень красивое, — кивнул Блюмкин, и глаза его засветились нежным блеском. — Море, оно такое... красивое...

— Ничего, мы еще все увидим, все попробуем, Яшенька! Мы счастливые люди с тобой, мы начинаем строить новую республику, которой никогда не было на земном шаре, новую жизнь, о которой мечтает все человечество. Это так здорово! Это...

Мария Александровна вдруг схватилась за грудь,

закашлялась, отвернулась и долго не могла прийти в себя. Потом села у окна и тяжело задышала.

— Я, наверное, пойду, — подождав, пока она придет в себя, пробормотал Блюмкин.

— Посиди, — попросила Спиридонова. — Или у тебя какие-то дела?

— Да нет, — Блюмкин пожал плечами.

— Может быть, тебя дама ждет, а я задерживаю? — грустно улыбнувшись, спросила Мария Александровна.

— Да нет...

— Девушкой еще не обзавелся?

— Да времени все нет, — отмахнулся Блюмкин. — А нас посещают сами знаете кто...

— Ну, там же у вас есть девушки из технического персонала, а потом, я знаю, ты ходишь к поэтам, даже в рестораны, а уж там-то можно познакомиться. — Мария Александровна с интересом взглянула на него, и Блюмкин покраснел. «Неужели ей все же рассказали про историю с Мандельштрамом?» — пронеслось у него.

— Да я редко бываю в этих заведениях, так иногда приятели приглашают, — пробормотал Блюмкин.

— Приятели-поэты, — улыбнулась Спиридонова.

— Откуда вы знаете? — еще больше смущаясь, спросил Блюмкин.

— А мне Коля Андреев сообщил по секрету, — уточнила Мария Александровна. — Он обижается, говорит, ходит один, его не берет!..

— Меня приглашают одного, я же не могу еще кого-то приглашать, — оправдывался Блюмкин.

— И что, там девушек не бывает?

— Нет, иногда бывают девушки, но это девушки поэтов, они приходят и уходят с ними... — ответил Блюмкин.

— Это плохо, Яша! — серьезно проговорила Спиридонова. — Ты молод, тебе положено интересоваться девушками...

Он ничего не понимал. Она словно дразнила, подманивала к себе, разжигая интерес, как сейчас, стирая черту чисто дружеских отношений, но едва он за нее переступал, она отталкивала его. Почему? Он не знал разгадки.

Они сидели за столом друг против друга, и Мария Александровна нечаянно коснулась его руки. Блюмкин вздрогнул, посмотрел на Спиридонову. Она смутилась, отдернула руку и стала помешивать ложечкой чай, хотя он был, наверное, уже холодный.

— Иди, тебе, наверное, пора, — устало проговорила она. — Попробуй шоколад, он такой сладкий.

Блюмкин отломил дольку шоколада и разжевал. Он ел его когда-то давно в детстве и не помнил вкуса. Теперь, когда шоколад растаял во рту, Яша ощутил ни с чем не сравнимое наслаждение.

— Вкусно? — спросила Мария Александровна.

— Селедка вкуснее, — ответил он и поднялся. — Я пойду...

— Ты заходи, — кивнула Спиридонова.

Блюмкин кивнул, вышел за дверь и остановился. В коридоре было пусто, рабочий день давно закончился, лишь в одной из дальних комнат стучала машинка. Блюмкин знал, что Мария Александровна переехала жить в гостиницу и долго засиживаться не будет. «Странно, что и охраны нет, — подумал он, — видимо, отпустила». Он закурил, раздумывая над ее расспросами о его личной жизни, и вдруг услышал чей-то тихий плач. Блюмкин прислушался: плач доносился из кабинета Спиридоновой. Яша потушил папиросу, подошел к двери, не зная, как лучше поступить и что мог означать этот неожиданный плач. «Может, у нее живот заболел, — подумал он, — и надо помочь, за лекарством сбегать». Он заглянул в кабинет, но за столом никого не было. Блюмкин не сразу заметил Марию Александровну, сидящую в уголке на кожаном диване близ окна.

— Мария Александровна... — прошептал он.

Она вздрогнула, повернула к нему заплаканное лицо.

— Что? — удивилась она, вытирая слезы. — Извини, выйди на минуту, я приведу себя в порядок...

Блюмкин вышел. Но уже в последних ее словах зазвучали прежние стальные нотки, и Блюмкин был не рад, что вернулся.

Она появилась через две минуты, на ее лице играла холодная улыбка, с какой она обычно вела приема членов партии.

— Ты что-то забыл? — спросила она.

— Нет, я... — Блюмкин выдержал паузу. — Я подумал, что вы все равно пойдете в гостиницу, и я бы мог проводить вас, то есть мы могли бы прогуляться...

— Это прекрасная идея! — обрадовалась Спиридонова. — Я тысячу лет уже не гуляла, да еще в сопровождении такого кавалера! Ты умница, Яша!

Он проводил ее до гостиницы. Они немного поболтали по дороге: скоро съезд, Мария Александровна жутко устает, а потом, эти митинги, бесконечные заседания, все ее дергают, и к концу дня она не выдерживает и плачет. Плачет, пока никто не видит, потому что стыдно плакать, она все же лидер серьезной партии и должна на людях быть приветливой и энергичной, а сил не хватает. Обычных, человеческих сил. Хотя она еще молода, ей только тридцать четыре, это не так много, а она чувствует себя старухой. Так ужасно в этом признаваться, но что делать...

Она говорила почти без пауз, не давая ему вставить слово, хотя он хотел поговорить совсем на другую тему.

— Я еще сижу, черкаю проект Конституции РСФСР, которую мы должны будем принимать в июле, там есть ужасные вещи. Ленин хочет отобрать гражданские права у определенной части населения, сделать людей лишенцами. К ним он относит членов

бывшего царствующего дома, служителей культа, прежних полицейских чинов, с этим я согласна, но Ильич прибавляет к ним частных торговцев и лиц, «прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли». Вот тут надо крепко поспорить. Старушка выращивает лук на своем огороде и продает его, кто она — крестьянка или частный торговец? Я наняла домработницу. Она делает за меня всю черную работу, а я профессор и успеваю за это время написать на одну статью больше и тем самым получить добавку к своему бюджету. Но можно это расценить и как прибыль. А раз так, я смогу завтра стать лишенкой. Ты согласен со мной, Яша?

— Я с вами всегда согласен, Мария Александровна, — со значением сказал Блюмкин.

Спиридонова замолчала, они подошли к гостинице.

— Ну вот, замечательно прогулялись! Спасибо тебе, Яшенька! Оказывается, это так чудно — гулять по вечерней Москве! — обрадованно проговорила она.

— Я могу каждый вечер заходить за тобой, — предложил он.

— Нет, каждый вечер не надо, но изредка я с удовольствием готова с тобой прогуливаться! — ответила она, подавая ему руку для прощания. Он задержал ее в своей.

— Я поднимусь к тебе? — попросил он.

— Зачем?! — не поняла она, и лицо ее снова напряглось.

— Давай выпьем шампанского! — предложил Блюмкин. — У меня у мамы сегодня день рождения, а мне даже не с кем его отпраздновать, — придумал он тут же.

— Вот как?! — удивилась она. — Что ж ты сразу не сказал?

— Но еще не поздно, еще только десять...

— Да, но... — Мария Александровна замялась. —

Видишь ли, у меня завтра такой тяжелый день, я должна выспаться, а перед этим я хотела немного постирать, принять душ, поэтому раньше двенадцати все равно лечь не удастся... — Она замолчала, с грустью глядя на него. Давай отметим в следующий раз, только не завтра, на этой неделе вообще не получится, а вот на той ты позвони мне, и мы что-нибудь придумаем, хорошо?

— Хорошо, — отозвался Блюмкин.

— Ну вот и договорились! Пока! — Она крепко пожала ему руку и побежала в гостиницу. Потом неожиданно вернулась, чмокнула его в щеку, на мгновение прислонившись к нему всем телом. Блюмкин, почувствовав тугую маленькую грудь и худенькое, охваченное странной дрожью тело, вдруг испытал к нему жалость. Ему захотелось прижать Марию Александровну к себе и долго-долго не отпускать, вдыхая запах мыла, смешанный с табачным дымом, какой исходил от ее кожи. Но она, затрепетав сама от этого случайного объятия, в ту же секунду шарахнулась в сторону, прошептав: «Поздравляю!» — и убежала в гостиницу. Блюмкин еще несколько минут, озадаченный этим поцелуем, стоял неподвижно, понимая, на какое героическое усилие вдруг решилась товарищ Спиридонова, поцеловав его в щеку. Может быть, это предел всех ее любовных сил? Но она права в одном, ему давно нужна девушка или для начала молодая вдовушка, чтоб разговеться и немного почувствовать себя мужчиной.

«Больше не надо приходить туда. И звонить не надо. Ничего не надо». Последние слова Блюмкин проговорил вслух.

— Вы это мне, товарищ? — останавливаясь и приподнимая шляпу, спросил Блюмкина долговязый интеллигент в пенсне, и Яша поневоле вздрогнул.

— Да пошел ты! — испуганный появлением этого интеллигента, выматерился Блюмкин и зашагал прочь.

...Бирзе сидел в маленькой кухоньке одноэтажного деревянного дома — он занимал половину первого этажа прочного купеческого гнезда в Замоскворечье — за праздничным столом, который Аграфена Петровна сочинила из продпайка, с его пшеном, сеledкой, килограммом муки и сухарей, и, купив на базаре тощего куренка, новая экономка приготовила из него роскошное жаркое. А уж холодная анисовая настойка просто сама лилась в рот.

Розовощекую и полнотелую Аграфену Петровну Бирзе взял в кухарки месяц назад, когда приискал на Ордынке этот домик с тихим садиком. За стеной жила старушка с сыном, работавшим столяром в мебельной артели, они нуждались и с большой охотой сдали полдома, у которого с давних пор был отдельный вход и отдельная половина печи, небольшая кухонька и две комнаты, достаточно просторные: одна побольше, другая поменьше.

Из маленькой Бирзе сделал спальню, другая служила ему гостиной, где без опаски можно было принимать любых гостей. Хозяева не знали да и не интересовались, когда их жилец приходит и уходит, что очень даже устраивало Бирзе. Он снял эти полдома еще и из-за Лорана, мало ли что может приключиться в его обстоятельствах, здесь же всегда можно отсидеться пару-тройку дней, а вот теперь из-за предательства Пинки дом стал укрытием и для него.

Поначалу ему готовила старушка хозяйка, но Бирзе вскоре надоели ее пересолы, и он отказался от ее услуг, а еще через неделю появилась Аграфена Петровна. Она приехала к сестре погостить, и, как потом объяснила, с дальним прицелом, чтобы остаться в столице, сестра ее прогоняла обратно, но подвернулась счастливая оказия в приятном виде Яниса Арвидовича, и Груша переехала к нему.

Бирзе отдал ей свою спальню, а сам без ущерба спал на диване в гостиной. Сестра Аграфены Петровны за все это время даже ни разу не навестила

их, не давая тем самым повода возвращению Груши в ее дом. Груша даже всплакнула несколько раз, подивившись на такую злую перемену в сестринских отношениях. В нынешний день после удачного дежурства с Блюмкиным Бирзе возвратился около восьми, предупредив своего знакомого Петра Андреича о звонке и назначив встречу, ежели Войтов позвонит, в полдень у храма Христа Спасителя.

Вернувшись, он удивился праздничному столу — Аграфена Петровна постеснялась ради своего дня рождения накрыть стол в гостиной. Бирзе отругал ее за такую глупость, но перетаскивать его на новое место уже не стали, тем более что сестра Груши с мужем прийти отказались, сославшись на занятость и нездоровье. Поэтому они начали праздновать вдвоем девятнадцатилетие Аграфены Петровны, а поскольку Бирзе узнал об этом лишь вечером и пришел без подарка, то вручил имениннице золотой червонец, полученный от Лорана. Груша брату золото не хотела, объясняя, что столь дорогой подарок вводит ее в смущение, но тогда Бирзе отказался садиться за стол и пригрозил, что уйдет ужинать в ресторан. Лишь после этого Аграфена Петровна приняла золотую монету и поцеловала Бирзе прямо в губы, неумело, по-девичьи, но от этого прикосновения у бесстрашного латыша даже мурашки пробежали по коже. Ему и признаться было стыдно, что в свои тридцать пять лет он ни разу не целовался с женщинами.

Как ушел на японскую после окончания морского училища в Петрограде, так и провоевал всю молодость. После японской плен, бежал, попал в Корею, батрачил у одного богача почти год, пока не наладил связи и не бежал в один портовый город, где завербовался матросом и уехал в Америку. Там скитался два года, потом вернулся в Европу, попал в Германию, где и познакомился с Лораном. Это он заставил его вернуться в Россию, а едва вернулся,

началась первая мировая, и он, как все, пошел на фронт. Аграфене Петровне о Лоране он, естественно, ничего не сказал, но сами скитания по миру обрисовал подробно и честно. Груша слушала, приоткрыв рот, ибо сама она кроме своей Удаловки, так звали ее деревеньку, нигде не бывала. Теперь вот попала в Москву и даже боится далеко отходить от дома — страшно. Бирзе посмеялся над ее страхами. Груша спросила: при таких странствиях можно было завести много женщин, отчего же в такие годы он холостякует? Бирзе честно признался, что он даже и не думал об этом. В детстве его напугала какая-то женщина, хотела украсть, он жил тогда с родителями в Риге, и с тех пор почему-то боится женщин, вот поэтому, наверное, и не женится, и не заводит зазуб, а в бордели не ходит из принципа. Вот так и докатился бобылем до своих тридцати пяти. Вроде не урод и не больной. Не успел вернуться с фронта, прийти в себя, как грянула революция.

— Видать, уж не судьба на этом свете! — махнул он рукой и, чокнувшись с Грушей, опрокинул рюмку.

— Да чирей вам на язык, Янис Арвидович! — в сердцах воскликнула Груша. — Да вы такой!.. — У нее даже слов не нашлось, чтобы выразить свое восхищение, и Бирзе слегка порозовел от такой неожиданной похвалы. Надо отметить, что в отличие от щупловатого, но коренастого Бирзе Аграфена обладала завидным, статным телом с крепкой, пышной грудью и открытым крупным лицом. И все в ней было соразмерно и хорошо, точно рубенсовская богиня в белом льняном платье с красными узорами восседала за одним столом с латышским морячком, и невозможно было не залюбоваться ею, ее нежными сочными губами и сияющими голубыми глазами, устремленными на Бирзе. Он был сегодня ее король, ее повелитель. И Бирзе, не выдержав, поднялся и произнес краткий тост во славу своей красивой эко-

номки. Она ловила его каждое слово, то вспыхивая ярким румянцем и обмахиваясь ладошкой якобы от вечерней жары, то затихая и волнуясь, как в час первого свидания. Казалось, сделай оратор один неосторожный знак, и Груша бы, закрыв глаза, бросилась в его объятия.

— Ваши девятнадцать лет, Аграфена Петровна, представляются мне вершиной вашей девической красоты и телесного благолепия, кое трудно не заметить и не выделить глазом! Но это, так сказать, природные ваши качества, и вы тут неповинны. Но вот другое совершенство, которое обнаруживает вас как незаурядную личность, — ваш кулинарный дар, тут одной природы было недостаточно! Тут нужно было много работать, чтобы вырастить в себе эту, так сказать, черту, от которой я, как на дрожжах, из какого-то дистрофического мужчинки превращаюсь в гладкого, упитанного богатыря!.. Вы тут усердно поработали, Аграфена Петровна!..

— Ой, да плохо я еще поработала, Янис Арвидович, — смущаясь и отмахиваясь, пропела Груша. — Ежели бы вы хоть денечек дома посидели, а не летали бы по всей Москве, как оглашенный, я б привела вас совсем в другой вид!..

— Нет, Аграфена Петровна, я вдруг ощутил в вашем лице свой дом... Поверьте, за много лет скитаний, когда не только крыши, а своего угла не было, когда приходилось жевать коренья, чтоб не умереть с голоду, когда противно было возвращаться в холодный гостиничный номер, где тебя никто не ждал, с вашим появлением здесь душа моя так расцвела, что я теперь и не знаю, как это можно было жить без вас столько лет, я теперь даже не представляю, как это я вдруг окажусь где-нибудь без вас, даже здесь, если вы вдруг уйдете или... — Бирзе выдержал тревожную паузу. — Или захотите выйти замуж, что естественно в вашем возрасте...

Бирзе снова замолчал, держа рюмку и не пони-

мая, как это заздравный тост мог скатиться к такой щекотливой теме. Молчала и Груша, лишь пунцовые пятна на щеках говорили о великой ее взволнованности.

— А вы уезжать хотите? — опомнившись первой, спросила она.

— Да пока вроде нет, — грустно пробормотал он. — Но всякое в жизни случается. Человек, как говорится, лишь предполагает... — Бирзе задумался. — Прожив такую сумасбродную жизнь, что еще можно ожидать?.. Я прошу прощения, что совсем опрокинул свой величальный тост в вашу честь, я все-таки хочу выпить за вас и чтобы все-все в вашей жизни было весело и хорошо!..

Глаза Бирзе даже увлажнились, когда он закончил наконец этот тост.

— Весело не надо, а вот немного хорошего пригодится, — раскрасневшись, ответила Груша. — И у вас чтоб все было хорошо!

Груша чокнулась с ним и лихо опрокинула рюмку. Поднесла Бирзе соленый масленочек для закуски и впервые посмотрела на него открыто и желанно.

Они засиделись допоздна. Потом Груша убрала со стола, помыла посуду, а Бирзе вышел посидеть в сад, где под яблонями были врыты скамейка и большой стол. «Вот где надо было стол накрыть!» — подумал Бирзе. Чуть позже, набросив на плечи цветной платок, вышла и Груша, присела рядом, глядя на крупные звезды, разбросанные по небу.

— Я раньше думала, что это снежинки замерзшие, — проговорила Груша. — Там же холодно, вот они летели и замерзли. Уже потом мне объясняли, что это звезды...

Она неожиданно прижалась к нему своим жарким телом и положила голову ему на грудь. Бирзе осторожно обнял ее, и они долго сидели так молча, не произнося ни слова. Было тихо, лунный свет струй-

ками стекал сквозь плотную листву, и Бирзе увидел, как горят в сумраке ее глаза. Еще обнимая ее, он внушал себе, что за этим ничего не последует, они вернутся в дом и разойдутся по своим комнатам, но все произошло совсем иначе. Они поцеловались, сидя на лавочке, а вернувшись, Груша даже не стала стелить ему на диване, а молча положила две подушки на свою кровать и, смущаясь, призывно посмотрела на него.

Бирзе застыл, как соляной столб. Груша же разделась и, оставшись в ночной рубашке, присела на кровать и стала заплетать косу, ожидая, когда разделется Бирзе. А он никак не мог заставить себя раздеваться. Создалось совсем глупое положение: умом он понимал, что надо смириться, но руки его не слушались, а внутри все обрывалось от страха. Груша, увидев его растерянное лицо, подошла к нему, погладила по лицу и обняла.

— Я тоже еще ничего не знаю, — прошептала она, — но вместе и это осилим, — улыбнулась Груша, и Бирзе крепко прижал ее к себе.

26

Встреча Зинча и лейтенанта Мюллера произошла на следующий же день после того, как кинодеятель побывал у Жоржа. Рассказ Зинча о поездке в Фили, складе оружия, о таинственной организации «Союз союзников», о боевых пятерках и, наконец, представленный шифр — все это чрезвычайно заинтересовало Мюллера. Он подробно записал сведения Зинча и, не моргнув глазом, выложил сто марок, деликатно уточнив, что есть и русские деньги, но все почему-то предпочитают марки.

— Еще бы! — воскликнул Зинч. — Их можно обменивать на все, что угодно, хоть на те же ассигновки, хоть на «керенки», хоть на продукты.

Мюллер взял с Зинча обещание, что при надобности он подтвердит свои слова и более высокому начальству, а также Мюллер попросил его пока не выходить из созданной неким французом Жоржем Мамелюком организации и сообщать ему новые подробности. Мюллер записал также адрес Зинча и попросил разрешения на следующую встречу прийти к нему домой, на что Зинч почему-то согласился. Просто Мюллер ему понравился: вежливый, предупредительный, он угостил Зинча кофе и даже предложил сигару. Зинч хоть и не курил, но от сигары не отказался, спрятав ее в карман и пообещав выкурить дома.

В разговоре Зинч ничего не сказал об Изольде, но упомянул о Бендерской, с кем он должен поддержи-

вать связь, а также об англичанине Уайбере, который является главным среди заговорщиков. Зинч, хоть и знал адрес Уайбера, Мюллеру его не сказал, лишь пообещал достать к следующей встрече, на которой лейтенанту тоже надо будет выкладывать что-то существенное, чтоб получить очередные сто марок, как и не отдал бумажку с шифром, пообещав его переписать, потому что шифр ему может понадобиться даже сегодня для чтения новых посланий, которыми они обмениваются внутри пятерок.

— А как это все происходит? — нервно заинтересовался Мюллер.

— А по почте приходит письмецо, там, к примеру, написано о том, что у тетки Евдокии слегла корова и молоко она берет у соседей, — фантазировал Зинч. — Есть ключевые слова, они отбираются, переписываются в определенном порядке, и с помощью этого шифра получают новые!..

— Понятно, — пробормотал Мюллер, хотя по его лицу было видно, что он ничего не понял. — Хорошо, если б вы давали нам расшифрованные послания, — попросил Мюллер.

— Это можно, но это работа! — Зинч пощелкал пальцами, намекая на деньги.

— Мы заплатим! — твердо сказал Мюллер.

— Тогда другое дело! — обрадовался Зинч. — Когда встречаемся?

— Когда у вас еще появится что-то новое, — загадочно проговорил Мюллер.

— Завтра! — решительно сказал Зинч и, наклонившись к Мюллеру, прошептал: — Завтра у меня будет адрес Уайбера!.. Вы поняли: Уайбера!..

Мюллер закивал, удовлетворенный.

— Тогда жду завтра! Ауфвидерзеен! — Зинч подмигнул Мюллеру и гордо вышел из посольства. «Теперь имеет смысл проявить и какую-то активность, — думал Зинч, радостно шествуя по улице. — Шифровки можно и придумывать! — вдруг мелькну-

ло у него. — И с такими леденящими душу подробностями, что они будут по двести марок за каждую отваливать!»

От этой мысли у Зинча даже захватило дух. Он остановился посреди улицы и долго не мог прийти в себя. «Ведь сто марок дали только за показ! За адрес Уайбера двести как минимум! За каждое расшифрованное послание никак не меньше ста! Для начала я ему составлю два послания. В итоге завтра Мюллер мне будет должен четыреста марок!» Зинч усмехнулся и покрутил головой. Нет, Изольде надо поставить памятник! Но почему Жорж так расписывался из-за нее?.. Ладно, он ее выдавать не будет, но Мюллер теперь его. «Средь шумного бала, случайно...» — пропел Зинч, и прохожий пожарник посмотрел на него как на сумасшедшего.

Через двадцать минут после ухода Зинча Мюллер положил Рицлеру на стол подробный отчет об этой встрече. Рицлер прочитал отчет два раза, похрустел пальцами и отложил его в сторону, минут через десять забыв о нем начисто. Когда через два часа Мюллер напомнил об отчете, Рицлер долго вспоминал, а вспомнив, поморщился и сказал, что все это полная чушь. Этот русский кинодеятель Зинч — авантюрист и хочет просто заработать.

— Поэтому считайте, что вы выбросили две тысячи рублей на ветер! — язвительно закончил Рицлер и удалился. Мюллер готов был его пристрелить. «Корчит из себя аристократа этот профессорский сыночек, а папаша Рицлер происходил из самой обыкновенной семейки! — прокрипел зубами от злости Мюллер. — Другое дело Мирбах, вот это настоящий аристократ, никто не спорит, но он ведет себя приличней и скромнее! А этот...»

Мюллер всегда оставлял один экземпляр отчета у себя, и хоть он не имел права через голову советника Рицлера обращаться прямо к послу, однако сейчас, как показалось лейтенанту, был случай особой важ-

ности. И, подождав до вечера, он набрался храбрости и постучал в комнату посла. Граф Мирбах сидел в кресле и читал книгу. Мюллер, запинаясь, попросил посла ознакомиться с его отчетом.

Граф Мирбах удивленно посмотрел на Мюллера. Само обращение лейтенанта через голову советника Рицлера прямо к нему было вопиющим нарушением установленных правил, каковые Мирбах неукоснительно соблюдал сам и того же требовал от подчиненных. Мюллер, заметив это удивление, сбивчиво объяснил, что обратился напрямую к господину послу в виду чрезвычайной важности того дела, о котором он написал в отчете и которое никак не заинтересовало господина советника Рицлера, а он, лейтенант Мюллер, посчитал, что господин советник не прав, отмахиваясь от тех фактов, каковые приводятся в письменном отчете лейтенанта Мюллера.

— Что это за факты? — устав слушать Мюллера, спросил Мирбах, не закрывая книгу, а лишь повернув лицо к лейтенанту.

— Речь идет о покушении на вашу жизнь, господин посол, которое подготавливает целая организация, состоящая из французов, англичан и русских. Я беседовал сегодня с одним из заговорщиков, каковой, поняв, куда его втянули, испугался последствий и решил предупредить нас. В ВЧК он идти боялся, а кроме того, он нуждается и был рад, что я заплатил ему за эти сведения. Он и вступил в эту тайную организацию лишь потому, что ему заплатил. Он еще не совершал никаких преступных деяний, поэтому счел за благо оповестить нас. Эта организация называется «Союз союзников», а тому, кто убьет вас, господин посол, только англичане готовы заплатить миллион рублей...

Мюллер монотонным голосом перечислил беглые сведения, рассказанные ему Зинчем, и Мирбах ужаснулся тому, что сообщил ему лейтенант.

— Но почему англичане? — не понял Мирбах. — Они меньше всех страдают в этой войне, и если кто-то хочет моей смерти, так это французы, они на грани гибели, и моя смерть может прервать действие мирного договора с русскими...

— Просто во главе этого союза стоит англичанин, его фамилия Уайбер, а завтра я буду иметь даже адрес, где он скрывается, хотя господин Рицлер сказал, что все чепуха и больше этим делом заниматься не стоит. Поэтому я и осмелился потревожить вашу светлость, чтобы спросить: действительно ли мне надо прекратить заниматься этим делом или же я... — Мюллер выдержал паузу.

— Нет, занимайтесь, как это — не стоит! — возмутился Мирбах.

— Я тоже так подумал и поэтому пришел к вам, — ангельским тоном проговорил Мюллер, празднуя в душе свою победу над Рицлером. Теперь он как уж закрутится.

— Вы непременно занимайтесь! — решительно повторил Мирбах. — Больше того, отложите все остальные дела и займитесь только этим! И не жалейте денег! Нужно собрать как можно больше сведений об этой организации, и я сам поеду к Ленину, чтобы большевики немедленно разобрались в этом вопросе! — Мирбах даже отложил книгу, поднялся и налил себе коньяку. Он был так взволнован, что на какое-то время позабыл о Мюллере, а когда его увидел все еще стоящим у порога, очень удивился.

— Хотите коньяку, э...

— Лейтенант Мюллер, — подсказал он. — С удовольствием!

Мирбах налил коньяку лейтенанту.

— Н-да, странно ведет себя господин старший советник в этом вопросе, — пробормотал Мирбах, подавая коньяк Мюллеру.

— Теперь господин советник обрушит на меня свой гнев за то, что я, не спросив его разрешения,

обратился к вам, но я, как человек уважающий вас и по долгу службы обязанный заботиться о вашей безопасности, не раздумывая, пошел на это служебное нарушение, — сделав глоток, заговорил Мюллер.

— Благодарю вас, э...

— Лейтенант Мюллер, — снова подсказал он.

— Да, лейтенант Мюллер! Вы поступили совершенно правильно! А с советником Рицлером я этот вопрос улажу. Вы оставите мне ваш отчет?

— Конечно, господин посол! — Мюллер допил виски.

— Благодарю вас. — Мирбах снова сел в кресло и взял книгу. — Идите отдыхайте!..

— До свиданья, господин посол!..

— Да-да, идите! — Мирбах уткнулся в книгу, но потом, обернувшись, бросил вслед Мюллеру: — И ставьте меня в известность о ваших дальнейших расследованиях!

— Так точно, господин посол! — Мюллер от усердия даже щелкнул каблуками и вышел.

Мирбах снова уткнулся в книгу, но уже через минуту отложил ее и взял в руки отчет. Пробежав его, Мирбах поднялся и направился к Рицлеру. Постучав и получив приглашение войти, Мирбах вошел в апартаменты Рицлера. Он занимал три комнаты, в одной из них, служившей Рицлеру кабинетом, на письменном столе были разложены бумаги, Рицлер что-то писал, когда Вильгельм вошел.

— Я не помешал, Карл? — спросил Мирбах.

— Я заканчивал отчет для Кюльмана, завтра его надо отправить, — пояснил, поднимаясь, Рицлер.

— Тогда оставим этот разговор до утра, — махнул рукой Мирбах, направляясь к двери.

— Я почти закончил отчет, так что вы мне не мешали, Вилли, — улыбнувшись, проговорил Рицлер, глядя на папку Мюллера, которую Мирбах дер-

жал в руках. — Я даже знаю, что вас привело ко мне. — Он усмехнулся.

— Да, — Мирбах вздохнул, бросил папку Мюллера на стол. — Он наговорил мне таких ужасов, что я поневоле пришел в волнение... Но почему ты запретил Мюллеру заниматься этим делом?

— Вы читали эту папку? — спросил Рицлер.

— Да, — кивнул Мирбах. — Это ужасно! Миллион рублей за мою голову... Эти русские так бедны, что, думаю, охотников найдется немало, — вздохнул Мирбах, усаживаясь в кресло. — Объясни мне, почему ты не веришь показаниям этого русского?

— Потому что все это липа, Вилли! — усмехнулся Рицлер. — Какой-то киношник похищает шифр у французского разведчика прямо со стола. Такого даже в детективных романах не прочитаешь. Это явная подстава, только не пойму, чего он хочет?..

— А ты знаешь кто? — удивленно спросил Мирбах.

— Догадываюсь, — улыбнулся Рицлер.

— И кто это?

— Скорее всего, мой старый знакомец господин Лоран, он любит такие розыгрыши, — подумав, проговорил Рицлер.

— Но ты сказал, что его нет в России, — недоуменно пожал плечами Мирбах.

— Значит, появился, — сказал Рицлер. — Может быть, он таким способом извещает о себе? — усмехнулся Рицлер. — Первый раз я не могу понять, что он затеял. Если, конечно, это он...

— Ну вот видишь, — проговорил Мирбах, — ты не знаешь, кто это, что это, да еще запретил Мюллеру продолжать расследование! — Посол помолчал. — Ну а вдруг это все всерьез?! Ты головой ручаешься, что все это игра?

— В этой стране ни за что ручаться нельзя, — усмехнулся Рицлер.

— Ну вот и хорошо! — пробурчал Мирбах, под-

нимаясь с кресла. — Поэтому я приказал Мюллеру продолжить расследование. — Мирбах забрал со стола папку. — Спокойной ночи!

— Я проверю эту организацию, господин посол, и доложу вам через два дня, — пообещал Рицлер.

— Хорошо, а пока пусть Мюллер со своей стороны продолжает начатое! — сердито пробурчал Мирбах, подошел к двери. — А что происходит с этим моим венгерским родственником? — неожиданно вспомнил он.

— Я разговаривал непосредственно со следователем, который ведет его дело, неким Яковом Блюмкиным, меня направил к нему заместитель Дзержинского... — Рицлер выдержал паузу.

— И что? — раздраженно спросил Мирбах.

— Этот Блюмкин утверждает, что ваш родственник виновен в смерти этой актрисы... — проговорил Рицлер. — У него есть убедительные доводы, они ждут сейчас ответ на свой запрос из Венгрии по поводу его отца...

— А что его отец?! — не понял Мирбах.

— Эта актриса когда-то была его любовницей и привела вашего троюродного брата к разорению. Из-за нее умерла и мать Роберта Мирбаха. То есть речь идет о том, что у вашего племянника были достаточные мотивы не только ненавидеть эту Ландстрем, но и отомстить ей. Это серьезное обвинение, Вилли!..

— Ну а Роберт, он признался? — спросил посол.

— Пока нет...

— Н-да... — Граф вздохнул. — Я слышал об этой истории, там была какая-то любовь, но не к шведке. А тебе кажется, что мой племянничек влип?

— Все зависит от этого юноши, Блюмкина, ему лет девятнадцать, но он честолюбив... — Рицлер поморщился. — Хуже нет молодого честолюбия! Я намекнул ему, что наше посольство было бы чрезвычайно признательно, если б эта история не приоб-

рела шумной огласки, речь идет о реноме не только господина посла, ну и так далее. Он обещал подумать.

Мирбах недоуменно посмотрел на Рицлера.

— Этот юноша из еврейского сословия и приучен к гибкости мышления, так что будем надеяться на лучшее...

Мирбах держал в руках папку с донесением Мюллера, и рука его чуть подрагивала. Под глазами лежали глубокие тени, еще больше усиливая странную тоску, застывшую во взоре посла. За эти последние недели граф стал горбиться, у него появилась старческая, шаркающая походка, точно недуг поселился в теле. Кожа на руках стала тонкой, белой, и ярче обозначились пятна, какие появляются у глубоких стариков.

— Я хочу, Карл, чтоб ты уладил это дело. Мне даже не жаль этого повесу, моего племянника, но будет дурно, если этот скандал будут расписывать газетные писаки. — Мирбах допил виски. — Нам только этого сейчас не хватало!

— Мы уладим это, Вилли! — пообещал Рицлер, и Мирбах ушел. «Два месяца назад он приехал в Москву крепкий, энергичный, а тут совсем что-то сдал», — подумал Рицлер. Впрочем, эти месяцы оказались для графа совсем не сладкими.

Уже начиная с конца апреля сигналов о покушении на жизнь посла Мирбаха поступало достаточно. Подметные письма подбрасывали через ограду, присылали по почте, а по утрам изредка на соседней крыше появлялись даже плакаты с угрозами и конкретными датами казни. После первых же объявлений такого рода Дзержинский установил особый секретный пост рядом с посольством, поставил даже охранника на крышу соседнего здания и запретил пускать в посольство кого бы то ни было без мандата, подписанного им лично. Конечно же за ис-

ключением тех лиц, которых приглашали сами сотрудники посольства.

Они жили в этом особняке как в осаде, и больше всех нервничал сам Мирбах, хоть и старался скрывать свой страх. Мюллер же не преминул этим воспользоваться, а заодно и всадить вилку в бок Рицлеру. Он выполнял обязанности военного атташе и постоянно демонстрировал свою независимость от Рицлера, хотя по статусу Карл являлся вторым человеком в посольстве и Мюллер обязан был согласовывать с ним все свои действия. Рицлер не выдержит и когда-нибудь поколотит этого рыжего жеребца, у которого две извилины в мозгу. Впрочем, как это у русских: не мечи бисер перед свиньями...

А Лоран все же появился, Рицлер чувствовал это кожей. И значит, тогда в подворотне он следил за Карлом?! Но это невозможно, невозможно! Лоран хороший разведчик, но привыкший действовать легально, открыто. Рицлер даже оставил свой отчет, взял сигару и закурил, вечерами перед сном он этого никогда делал. Но сейчас ему надо все обдумать. Если Лоран здесь, то от него можно ждать любой каверзы, даже покушения, он человек решительный. И все же Лоран не мог стать нелегалом. Это абсурд. Он, конечно, попросит, чтобы их парижские агенты проверили, где находится Лоран, но пройдет немало времени, пока выяснится, где он и что делает. А эта липа с «Союзом союзников» и появление Зинча, как, кстати, и дамы Изольды, Рицлера очень беспокоит. Эта чаровница Изольда появилась вместе с его подозрениями о Лоране. Рицлер не любит совпадений такого рода. Зачем она, к примеру, вышла на Мюллера? Чтобы ее заметил Рицлер и захотел познакомиться? В другой стране он давно бы запросил подробные данные на гражданку Левину и, возможно, многое бы прояснилось, но в России все связи разрушены, и приходится доверять лишь собственной интуиции.

Рицлер встретился с Изольдой на следующий день — она работала на него, как и прежде на Мюллера, в качестве информатора, собирая те сведения, которые невозможно было достать из официальных источников. Работа, заданная ей, была не такая уж простая, нужно было собрать подробные анкетные данные Леонтьева и Урусова. Изольда попросила четыре дня. И конечно бы не управилась в эти сроки, если б не помощь Лорана. Он подключил своих агентов, работавших в «Правом центре», и те принесли почти всю необходимую информацию. Кое-что достала сама Изольда, пообщавшись со старушками во дворах, где жили Урусов и Леонтьев. В итоге получились крепкие и профессиональные биографии, прочитав которые Лоран засомневался. Рицлер сразу почувствует опытную руку и начнет подозревать Изольду как агента чьей-то разведки, которую столь ловко подсунули ему.

— Нам что, нужен Рицлер? — спросила Изольда. — Ну хорошо, он начнет подозревать, откажется от моих услуг. Но я не думаю, что у них много информаторов...

— Их у Рицлера просто нет, — согласился Лоран.

— А значит, он будет вынужден использовать меня, и моя задача будет состоять в том, чтобы завоевать доверие. А это не такая уж сложная вещь: завоевать доверие у мужчины! — самоуверенно заявила Изольда.

Лоран усмехнулся.

— Я скоро начну чувствовать себя подготовленной перед великой дамой шпионажа, — иронически заметил он.

— Некоторую спесь с тебя сбить не мешает, — кивнула Изольда и сразу же оказалась в крепких объятиях Лорана. С ним что-то творилось ненормальное: он каждую минуту хотел ее. Сексуальная энергия, хранившаяся под замком в кладовых, вдруг вырвалась на волю и полностью завладела им. Он

только и думал об этом, позабыв о Блюмкине и Голубовском. Хорошо, что Бирзе не поддается этой эпидемии, но и он не показывается уже второй день. Лоран, конечно, преувеличивал значение неожиданного романа, ворвавшегося в его жизнь, наоборот, захватившая его страсть придавала ему новых сил, да и Изольда оказалась на редкость талантливой ученицей, быстро усваивавшей уже не азы, а секреты профессии. При ее природной интуиции из нее могла бы вырасти талантливая разведчица. Лоран все время мечтал о такой спутнице жизни, и, кажется, такую он и нашел.

Лоран согласился с тем, чтобы Изольда отнесла Рицлеру полные анкетные данные Леонтьева и Урусова. Рицлер, познакомившись с ними, мгновенно насторожился и стал выспрашивать, как она их собирала. Изольда рассказала, что по счастливой случайности наткнулась на подругу жены Урусова, которая выложила ей немало интимных подробностей из жизни обоих политиков, она была вхожа в семью Урусова, где постоянно встречалась и с Леонтьевым. Многие рассказали и старушки во дворе, остальное же она узнала с помощью одного корреспондента, который приходил брать интервью у Леонтьева. Об интервью Лорану рассказал его агент, доставивший сведения об Урусове и Леонтьеве, поэтому если Рицлер захочет проверить ее источники, он обязательно наткнется на эту подробность.

Рассказ Изольды получался правдоподобным, и Рицлер колебался, не зная, как поступить: продолжать дальнейшее сотрудничество с ней или сначала проверить принесенные данные. Однако выбора у Рицлера не было. На проверку — через Котляревского — у Рицлера уйдет два дня, а он пообещал Вилли послезавтра доложить все об этом террористе Зинче... Рицлер делал вид, что еще вникает в кое-какие подробности биографических данных Урусова

и Леонтьева, хотя на самом деле уже обдумал следующий шаг.

— Ну что ж, блестяще! — Он улыбнулся и посмотрел на Изольду. — У меня такое ощущение, что я столкнулся с профессиональным разведчиком и теперь мучительно думаю, где я уже встречал этот почерк. А где-то я уже его встречал...

— Мне остается только радоваться, что я вас не разочаровала, и гордиться столь лестной характеристикой моих скромных заслуг, — проговорила Изольда.

— Просто фантастическая женщина! — вздохнул Рицлер. — Но коли так, не поможете ли вы мне еще в одном деле?

Рицлер взял в руки отчет Мюллера.

— На нашего лейтенанта Мюллера свалился с неба один террорист, который угрожает жизни господину послу. Угрожает не он, а та организация, в которой он состоит. Его фамилия Зинч...

— Владимир Иосифович, — закончила Изольда.

Рицлер недоуменно посмотрел на Изольду.

— Это я его привела к Мюллеру, — сказала она.

— Извините, — холодно проговорил Рицлер, снял трубку и попросил соединить его с Мюллером. Потом последовал короткий и грубоватый разговор по-немецки. Рицлер еле сдерживал ярость, но даже по отдельным словам, как «швайн», Изольда поняла, что он устраивает Мюллеру солидную головомойку за то, что он обманул его, сказав, что сам вышел на Зинча. Рицлер бросил трубку, достал виски, предложил Изольде, но она попросила чашечку кофе, которую через несколько минут ей принесла секретарша.

— Что ж, это совсем хорошо, — пробормотал Рицлер, приходя в себя. — Тогда вы в курсе всех обстоятельств...

— Мы с Володей давно знакомы, и он как-то попросил у меня совета, я его никогда не видела в

таким паническим состоянием. Из того, что он рассказал мне и что наверняка пересказал Мюллеру, я поняла, что он попал в крепкий переplet. Он хотел идти в ВЧК, но я ему отсоветовала. Его бы сразу арестовали или стали использовать, как подсадную утку, а если те ребята такие серьезные, как он рассказывал, они бы быстро заметили слежку и прекончили б его сами. Нейтральный вариант был Мюллер. С одной стороны, он как бы выполнил свой гражданский долг, а с другой...

— Денежное вознаграждение? — улыбнулся Рицлер.

— Да! — Изольда посерьезнела. — При нашей нищенской жизни, простите, герр Рицлер, но на панель пойдешь, чтобы не умереть с голода...

— Зовите меня просто Карл, — попросил он. — Да, я знаю положение большевиков, оно ужасно, и понимаю вас. Но почему вы ничего не сказали мне, когда я забрал вас от Мюллера?

— Он попросил меня не говорить об этом...

— Понятно, — Рицлер снова помрачнел. — Хорошо, но, когда Зинч вам рассказывал про свои приключения, вы не уловили того, что он сознательно вас вводит в заблуждение?..

— Нет, когда он рассказывал, у него тряслись руки, — усмехнулась Изольда. — Он жуткий трус по натуре, хотя изображает из себя игрока и авантюриста. Видимо, последнее и подкупило тех, кто вовлек его в эту организацию, ну и деньги, конечно. У меня создалось ощущение, что они специально набирают непрофессионалов, чтобы запутать следы, создают первый пенный слой, который никак не соприкасается со вторым, а вот во втором уже работают мастера своего дела, и первый слой им нужен для корректировки своих действий, — высказала свое предположение Изольда. Эту версию они давно уже придумали с Лораном, как раз на тот случай, если в игру с Зинчем вмешается Рицлер.

— Интересно, интересно, — закивал Рицлер, и Изольда почувствовала, что он проглотил наживку. — Даже не знаю, как вас отблагодарить, — улыбался он.

— Лучше деньгами, — чуть смутившись, ответила Изольда. — К сожалению, я осталась без родителей в это страшное время и без поддержки, поэтому чисто инстинктивно стараюсь немного отложить впрок, чувствуя, что дальше будет еще хуже!..

— Вы верно чувствуете, милая Изольда! — ласково проговорил Рицлер. — Я бы даже сказал большее: вам надо уезжать из этой страны, вы рождены для великих дел, здесь ваш талант вряд ли кто-то оценит...

— Куда сейчас уезжать?! — вздохнула Изольда.

— В Америку! — подсказал Рицлер. — Через несколько лет эта страна будет диктовать всему миру. Кстати, у меня там есть друзья, они могли бы вам помочь на первых порах...

— Спасибо, я подумаю, — улыбнулась Изольда. — К сожалению, я плохо знаю английский, так, несколько фраз...

— С вашими способностями вы будете говорить через месяц совершенно свободно... Мои родители тоже собираются уезжать туда... Чуть позже, когда кончится эта война...

— А как она закончится? — спросила Изольда.

— Тут лучше спросить вас, вы у нас Кассандра, — усмехнулся Рицлер.

— Я думаю, что Германия проиграет, — сказала Изольда.

Рицлер помедлил и согласно покачал головой.

— Увы, но, кажется, это так, хотя сейчас на краю гибели стоит Франция, и, если она падет, все может измениться. Немцы могут тогда заключить мирный договор на выгодных для себя условиях, — сообщил Рицлер.

— Почему же вы тогда соглашаетесь со мной? — удивилась Изольда.

— Как ни странно, но у меня тоже есть интуиция, — как бы по секрету прошептал Рицлер. — Расклад фактов говорит одно, а предчувствие диктует совсем другое... Как и наша с вами ситуация: чем дольше я вас слушаю, тем сильнее убеждаюсь в том, что передо мной не новичок в нашем деле... — Рицлер выдержал паузу. — Либо вы редкостный самородок, либо...

Рицлер недоговорил, победно посмотрев на нее, и острые, лукавые искорки промелькнули в его глазах, точно он заранее знал о ней все и сейчас просто притворялся, играя в кошки-мышки. Изольда почувствовала неприятный холодок под сердцем. Лоран предупреждал ее: эти игры сколь увлекательны, столь же опасны, и в один прекрасный миг ей подсыпят в кофе безвкусный яд, она будет умирать долго и мучительно, и ни один из врачей ей не поможет. У шпионских ядов противоядия не бывает.

Перед Изольдой стояла пустая кофейная чашка, и внутренние разводы по ее бокам предупреждали об опасности.

27

Лоран издали смотрел на Войтова, на его густые пшеничные усы, полные упрямые губы и немного отрешенный, холодный взгляд, каким он лишь раз обжег Лорана, но этого оказалось достаточно, чтобы понять, до какого страшного предела опустошена душа поручика и потребуется много дней и поистине милосердного терпения со стороны Тани, чтобы вернуть Сергея к нормальной жизни. Но Таня, кажется, для этого и рождена, она взвалит на себя эту ношу и вынырчит больную душу, оживит ее.

Бирзе разговаривал с поручиком в сквере на Страстном бульваре, Лоран с газетой сидел напротив, и странное чувство ревности терзало его. Он уже знал, что Войтов еще не был в Петрограде, оставшись в Москве ради одной цели — отомстить большевикам за этот позорный Брестский мир, за то, что они предали поручика Войтова и его товарищей, не вернувшихся с фронта и, теперь получается, бесполезно павших на поле брани. Выходит, что зря мучились, мерзли в окопах, страдали в австрийских лагерях тысячи, миллионы людей?! Ему все равно было, в кого стрелять, и, прочитав объявление о митинге социал-революционеров он отправился туда, чтобы послушать их речи и расквитаться за все. Но, вслушавшись в слова оратора, он был удивлен, что революционеры клеймят Мирбаха, немцев и Ленина. В этот миг его и схватил Бирзе.

Еще пересказывая встречу с Войтовым на Хлебной бирже Лорану, Бирзе не упомянул, что самолично отпустил поручика, но Лоран даже не обратил внимания на эту подробность. Он вдруг сказал, что надо отпустить поручика, пусть едет домой, в Петроград, к жене, потому что опасно связываться с человеком в состоянии отчаяния. В любой момент Войтов может опомниться, передумать, и это поставит их самих в отчаянное положение. Бирзе твердил об офицерской чести, которая превыше всего, что он хорошо знает натуру таких людей, они никогда не подведут, и тогда Лоран захотел издали посмотреть на Войтова.

Разговаривая с поручиком, Бирзе спросил его о семье. Войтов ответил, что, конечно, он ответит домой, к жене, которая наверняка получила похоронку или считает его погибшим, поэтому лучше всего было бы ему съездить на несколько дней в Петроград, а потом, вернувшись, он смог бы участвовать в какой-нибудь операции против большевиков, власть которых не принимает и принять не сможет. Поэтому у него все равно остается лишь один путь — жестокой и неравной борьбы с ними. До любого конца: либо он, либо они. Жена и его долг перед ней — единственная забота, которая его мучит. Бирзе слушал Войтова, кивал, ловя себя на мысли, как интуитивно тонко мыслит Лоран, он сразу же сказал, что надо отпустить его домой, к жене, хотя про жену даже Бирзе еще не знал. Лоран мгновенно просчитывает ситуацию и сразу же находит единственно верное решение.

Бирзе дал согласие на отъезд Войтова, сказал, где его можно будет найти, если он надумает вернуться и принять участие в их борьбе. На том они и расстались.

Войтов ушел, Бирзе, подождав, пока он скроется за поворотом в глубине сквера, поднялся и перешел на скамейку, где сидел Лоран.

— Я отпустил его домой, — проговорил он. — Может быть, он вернется, а может быть... — Бирзе развел руками. — Ты был прав. Вообще, я чувствую себя каким-то беспомощным. Может быть, я не го-жусь для этой роли?.. — Бирзе выдержал паузу. — Я не умею просчитывать вперед. То есть я пытаюсь, я что-то делаю, но нарываюсь все время на приключения! Черт-те что! — Он пристально посмотрел на Лорана. — Наверное, этому где-то учат?..

— Этому нигде не учат, — помолчав, сказал Лоран. — Как ни странно, но этому нигде не учат. Может быть, этому просто нельзя научиться, но скорее всего, этому невозможно научить. Ну как можно научиться быть легковверным, придурковатым или чересчур умным сразу? А в нашей профессии пригодится. Актер?.. Но актер исполняет в спектакле лишь одну роль, а ты за вечер должен исполнить сразу три или четыре, причем ты сам должен почувствовать, как неожиданно скатиться с одной роли на другую. Не сумеешь — значит, не просто проиграл, а в некоторых ситуациях расплатился жизнью своих друзей или своей собственной. При этом яд безвкусен, ты пьешь кофе, тебе улыбаются, ты считаешь, что ты выиграл, победил, а на самом деле — проиграл. Зачастую ты даже и узнать об этом не сможешь... А это все игры первого порядка. Уехал, вернется — не вернется. Разведчик твоего класса не должен думать об этих вопросах. Для этого есть другие люди, и мне странно, что ты все время сбиваешься на эти мелкие задачи. У нас есть операция, которую мы должны проделать в две недели. И ты больше ни о чем не должен думать. Ни о чем! При чем здесь Войтов, не понимаю!..

Лоран тяжело вздохнул. Они сидели молча на скамейке, и Лоран вдруг поймал себя на мысли, что чувствует странную душевную горечь оттого, что он не может объяснить Бирзе все по-человечески, а должен рассказывать о каких-то требованиях, нор-

мах, про которые ему когда-то говорили в развед- школе. Именно там, как ему казалось, вдабливали эти жутко банальные вещи, и он всегда этому противился, а сейчас слово в слово пересказывает все это Бирзе. И последний слушает, как великое откровение, этот трехклассный катехизис.

Странно и другое. Лоран за все время этого разговора Бирзе с Войтовым ощущал какую-то непонятную ревность, точно он расстался с Таней только вчера и сейчас решается их судьба: либо она примет мужа опять и позабудет Лорана навсегда, либо останется с ним. Вот о чем Бирзе не знает и, возможно, не узнает никогда. Потому что эти страсти бушуют лишь в его сердце, и никто знать о них не должен. Никогда.

Лоран улыбнулся, тяжело вздохнул и поднялся. На сегодня встреча с Бирзе была исчерпана.

В тот же день, 21 июня утром, Свердлов зашел в кабинет Ленина вместе с Троцким и положил на стол листок с отпечатанным текстом приговора по делу начбалтфлота Алексея Михайловича Щастного.

— У нас тут есть кое-какие сомнения, Владимир Ильич, — кивая на приговор, проговорил Свердлов.

— Сомнения — это хорошо, — хитровато улыбаясь и наклоняясь над листком, пробормотал Ленин. — Так... «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Революционный трибунал при ВЦИК рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, заслушав в открытых заседаниях своих от 20 и 21 июня 1918 г. и рассмотрев дело по обвинению бывшего начальника морских сил Балтийского флота гр. Алексея Михайловича Щастного, 37 лет, признал доказанным, что он, Щастный, сознательно и явно подготавливал условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своей деятельностью восстановить матросов флота и их организации против постановлений и распоряжений, утвержденных

Советом народных комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. С этой целью, воспользовавшись тяжким и тревожным состоянием флота, в связи с возможной необходимостью, в интересах революции, уничтожения его и кронштадтских крепостей, вел контрреволюционную агитацию в Совете комиссаров флота и в Совете флагманов: по предъявлениям в их среде провокационных документов, явно подложных, о якобы имеющемся у Советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о его сдаче немцам, каковые подложные документы отобраны у него при обыске...» — пробормотал Ильич и поднял глаза на Троцкого. — Как все же эти документы попали к Щастному, Лев Давидович?..

— Я вам уже рассказывал, что начштаба Беренс бестолково и преступно отправил ему копию этого соглашения! Я тогда же объявил Беренсу выговор и, не будь он толковым работником, расстрелял бы за такое пакостничество! — сердито отозвался Троцкий.

— Н-да, батенька, никудышный вы стали конспиратор! А в сегодняшнем нашем деле конспирация требуется еще более жесткая, чем при царской охранке! — задиристо сказал Ленин. — Только три человека: я, вы и Яков Михайлович — могут знать многое, да и то не все, а всего, может быть, и мне не надо знать, — залиvisto рассмеялся Ленин и заглянул в концовку приговора. — «Трибунал постановил: считая его виновным во всем изложенном, расстрелять. Приговор привести в исполнение в течение 24 часов». Ну а в чем тут сомнения, Лев Давидович? — не понял Владимир Ильич.

— Это у Якова Михайловича сомнения! — хмуро отозвался Троцкий, курия у окна.

Ленин посмотрел на Свердлова.

— Жалко этого подлеца Щастного? — спросил Ленин.

— Дело не в нем, Владимир Ильич, в левых эсерах, которые входят в Исполнительный комитет. Они тотчас поднимут крик, что мы расстреливаем бедного Щастного лишь за то, что он нарушил секретное соглашение, потребуют разбирательства, и прежде всего у вас: что за соглашение, где оно, и пойдет шум такой, что в очередной раз авторитет партии в массах будет скомпрометирован. Вы же знаете, и без того в местных Советах заправляют эсеры, решения, которые я отправляю на места, бойкотируются, и фактически мы удерживаем власть лишь в Москве. Либо надо кончать с этим либеральничаньем и устанавливать жесткую диктатуру коммунистов на всех направлениях, либо, если мы хотим сохранять двухпартийную систему и честно бороться с эсерами за влияние в массах, воздерживаться от подобных резких приговоров. Можно, к примеру, отправить Щастного в тюрьму, на фронт, где он тихо погибнет, а мы при этом не выкажем себя душегубами. Зачем вот этак, напрямую его расстреливать?!..

Последние слова Свердлов уже обращал непосредственно к Троцкому, дымящему с форточку. Ильич не курил и не любил, когда в его кабинете курили, поэтому Троцкий старался, чтоб весь дым уходил на улицу.

— А для того, чтобы следующий начбалтфлотом знал, что во всем и неукоснительно он должен выполнять лишь мои распоряжения! Шаг вправо, шаг влево — расстрел! — категорично рубанул рукой воздух Троцкий.

Свердлов шумно вздохнул и развел руками.

— Ну я не знаю, Владимир Ильич! — Свердлов сел и закинул ногу на ногу. — Вы сами, Владимир Ильич, призываете нас тщательно анализировать последствия каждого публичного заявления или по-

ступка, думать о том, кому будет выгоден любой наш просчет. Вот тут, я вижу, он будет выгоден левым эсерам! Они тотчас закричат на всех перекрестках: посмотрите, как душегубствуют большевики! Взяли и расстреляли человека, который попытался спасти Балтфлот!

— Крикунов бояться, неча в революцию ходить! — вставил Троцкий, и Ленин усмехнулся.

— Нет, давайте рассуждать логически! — воодушевился Свердлов. — Наша задача изолировать Щастного? Давайте сделаем так, чтобы исчез, растворился, но уже не по нашей вине, а по вине неких злокозненных обстоятельств. И волки будут сыты, и овцы целы!

— А мы кто в вашей поговорке, Яков Михалыч? — хитровато спросил Ленин.

— Мы овцы, бараны в ситуации, предлагаемой товарищем Свердловым! — сердито отозвался Троцкий.

— Нет, я хочу у Якова Михайловича узнать, — настаивал Ленин.

— Мы — «и», Владимир Ильич, соединительный союз, — нашелся Свердлов. — Мы должны соединять собственные интересы власти, власти текущего момента и заинтересованность в поддержании этой власти широкими слоями масс, а у нас такое взаимодействие не всегда получается.

— По вашей теории, товарищ Свердлов, выходит, что мы возводим не светлое здание социализма, а бордель! Ибо мадам управительница там и есть союз «и» — дабы угодить и тому и этому. А мы, батенька мой, обязаны в данных условиях быть волками, и только волками! А волк, если вы помните, чтобы завоевать прочный фундамент своего авторитета в лесу, попросту был обязан показывать остальному зверью свои клыки и повсеместно ими пользоваться, что должны делать и мы! Тут Луначарский мне жалуется: его творцы, видите ли, недовольны, что мы

закрыли ряд буржуазных газетенок. А мы и будем их закрывать, потому что нам нужна только наша, революционная печать, и, если господа писатели думают, что они смогут по-прежнему издавать все, что им вздумается, как это было при Романовых, они глубоко ошибаются. Мы будем издавать только то, что нам нравится и что идет на пользу нашей власти. И Лев Давидович прав: мы не должны думать о том, что скажет о нас княгиня Марья Алексевна...

— Марья Александровна, — поправил Ленина Свердлов.

— Это наша, а я говорю о грибоедовской мадаме. Мы — власть, и нас должны уважать, робеть перед властью. Человек в нормальном государстве всегда испытывает робость перед властью, свою зависимость от нее. А чтобы это была крепкая зависимость, человек должен научиться нас бояться!

Свердлов удивленно посмотрел на Ленина.

— Да-да, батенька, человек должен испытывать самый натуральный страх перед властью. Даже царь это понимал, и если появлялся городской на базарной площади, то самые ретивые и наглые торговки переходили на вежливый разговор! — озорно усмехнулся Ильич. — А что мы за советская власть, если нас никто бояться не будет, если ваши приказы, распоряжения Льва Давидовича никто не будет исполнять? Значит, мы в этом положении уже не власть и нас надо менять. Как царь уже ничего не мог делать в последнее время, и его заменили. Как господа Гучковы и Керенские превратились в болтунов, и мы их заменили. И если мы будем только болтать и нашу власть перестанут бояться, то заменят и нас — левые или правые, кто угодно. — Ленин выдержал паузу, прошелся по кабинету. — Я вам скажу даже больше, Яков Михайлович! — Ленин остановился перед Свердловым. — Мне симпатичен этот Щастный! Я тут почитал на досуге его анкетные данные, просто замечательная биография: потомственный

дворянин, отец — знаменитый генерал, а сам Алексей Михайлович оказывается впервые в истории вместе еще с двумя инженерами установил радиосвязь между Свеаборгом и Эйфелевой башней в Париже! Вы знали об этом?

— Нет, — пробормотал Свердлов.

— Так что в некотором роде наш товарищ Щастный — историческая личность. У него много научных работ, он замечательный специалист, быть может, единственный по минному делу... И нам такие спецы нужны, а чтобы выковать ему замену, потребуется не один год! И что же вот нам теперь делать? — спросил Ленин у Свердлова. — Простить, учитывая прежние звания и заслуги?!.. А? Товарищ Свердлов?!

Яков Михайлович пожал плечами.

— Нет, вы ответьте! — настаивал Ленин.

— Я бы все же отправил Щастного на фронт под присмотр надежного комиссара! — ответил Свердлов.

— Вот вам ответ нашего президента! — воскликнул Ленин. — Человек разгласил сведения секретного характера. По закону он должен быть расстрелян. Все ведь так просто, а мы устраиваем дебаты по каждому поводу!..

Ленин вернулся к столу, отхлебнул чаю, точно ожидая возражений со стороны Якова Михайловича. Но тот молчал.

— А то, что ваши Черепановы и Карелины начнут возмущаться, не обращайтесь внимания! Собака лает, караван идет! Они будут возмущаться и по поводу того, что вы отправите Щастного в тюрьму или на фронт или просто снимете с должности начбалт-флота. Они возмущаются тем, что власть у нас, а не у них, и тем, что мы твердо держим ее в своих руках. И будем держать еще тверже! Честно говоря, мы вконец распустили вожжи! Мы позволяем этим бо-напартикам Спиридоновым и Прошьянам запросто

оскорблять себя! Вот почитайте, голубчик, это быстро прочистит ваши мозги!..

Ленин передал Свердлову листки, где сообщалось о выступлениях Спиридоновой, Голубовского и Прошьяна на Хлебной бирже и пересказывалось содержание их выступлений.

— «Эти выступления, проходившие 17 июня в здании Хлебной биржи, на которых присутствовало около двухсот человек, были пронизаны яркой ненавистью к советскому строю. Так, М. Спиридонова даже сказала, что при царском режиме было больше свободы и демократии, а большевики только и занимаются тем, что истязают, расстреливают, травят голодом измученных людей, которые в Октябре 17-го посмели поверить в прекрасные лозунги революции. А где обещанная свобода? Где обещанная крестьянам земля? Все ложь и вранье банды красных комиссаров, засевших в Кремле. Шкурник и обозник Троцкий казнит своих красноармейцев, Ленин торгует Россией, распродавая ее по частям немцам, а болтун Свердлов каркает о демократии. Руки прочь от крестьян, от рабочих и солдат, вы не рабоче-крестьянское правительство, ибо вас никто не выбирал...» — Свердлов добормотал вслух последние строчки и возмущенно посмотрел на Ленина и Троцкого.

— Это похлеще, чем речи Каутского, не так ли?! — глядя на Свердлова, засмеялся Ленин. — А вы почитайте дальше, особенно выступление Голубовского, он там такие фортеля наворачивает! Откуда-то достал шифровки Мирбаха и Кюльмана, стервец! Ты дай-ка, Левушка, своему Тракману это почитать, пусть он поинтересуется, кто это такой ловкий снабжает Голубовского этими секретами.

— Скорее всего, это англичане, — заметил Троцкий. — В Москве торчат Локкарт, Кромби, Рейли... И уж конечно не просто так!

— У них что, такая сильная резидентура в Берлине? — спросил Ленин. — Сведения-то оттуда!

— А думаете, здесь нет утечки? — засомневался Троцкий.

— Здесь нет! — твердо сказал Ленин. — Я Рицлера давно знаю. Кого-нибудь другого можно было обмануть, но только не его!

— Но это же страшные вещи! — дочитав до конца донесение осведомителей ВЧК Преображенской, Демичева и Соловьева, возмущился Свердлов. — За это к стенке надо ставить!

— Ну наконец-то, — рассмеялся Ленин. — Я думаю, у Якова Михайловича есть шанс на излечение! Как, Лев Давидович? Хирургическое вмешательство не потребуется?

— Пока, думаю, нет! — улыбнулся Троцкий.

— Ну и слава Богу! Все, мои дорогие, мне надо заняться делом, через полчаса у меня важная встреча, к которой я должен подготовиться! Забирайте свой приговор, Яков Михайлович!..

Свердлов забрал приговор.

— Но что делать с этой контрреволюцией, Владимир Ильич? — Свердлов ткнул пальцем в листки с содержанием речей Спиридоновой, Голубовского и Прошьяна.

— Надо выждать момент, — посерьезнел Ленин. — То, что они нам не союзники, это ясно, но пускать под нож целое движение, это не Щастного ликвидировать, тут одними расстрельными методами не обойдешься. Нужна деликатная обертка. Иначе к Колчаку, Деникину и Краснову мы прибавим еще и армию террористов Спиридоновой. Вот тут-то нам очень жарко придется!.. — Ленин потер виски и поморщился. — А жару я переносу плохо! Люблю в холодке посидеть!

Он хитровато усмехнулся.

Троцкий вышел первым, Свердлов двинулся за ним, но на пороге остановился.

— Я забыл сказать, Владимир Ильич, что паспорта готовы, — сообщил Свердлов.

Ленин поднял голову от бумаг.

— А, прекрасно! Пусть будет все пока в вашем сейфе!..

— Хорошо, — согласился Свердлов. — Тут еще один вопрос. Рицлер очень обеспокоен судьбой Романовых. Их родственники в Германии даже предлагают некий выкуп и готовы принять царскую семью у себя. Аналогичное предложение мы получали и от англичан. Я полагаю, что в наших стесненных финансовых условиях можно будет пойти на это, соединив англичан и немцев, — предложил Свердлов. — Скажем, миллионов сорок немецких марок...

— И выставить себя на посмешище перед всем миром! — усмехнулся Ленин. — Продаем царя и его детей! Нет уж, Яков Михайлович, увольте! Я бы подумал на вашем месте о другом: стоит ли нам вообще оставлять Николая Романова и кого-то из его семьи в живых? Романовы — это символ старой России. Со словами «За царя и отечество!» воюют против нас Колчак и Деникин. И пока будет жив любой член семьи Романовых, мира в Советской России не видать. Конечно, надо сделать так, чтобы мы, как правительство, не было бы замешаны в этой акции. Вот, скажем, если бы екатеринбургские чекисты без нашего согласия сами бы вдруг решили провести такое мероприятие, то как вы думаете, стали бы мы их ругать за это?.. — Ленин вопросительно посмотрел на Свердлова.

Свердлов застыл, услышав это предложение Ильича. «Он давно уже принял это решение, а теперь хочет, чтоб я проявил инициативу, — промелькнуло у Свердлова. — Просто виртуоз!»

— Но там дети... девочки... — проговорил Свердлов.

— Это не девочки, это царевны! — напомнил

Свердлову Ленин. — А в России, между прочим, за трехсотлетнюю историю дома Романовых, если вы помните, Яков Михайлович, было несколько цариц: Екатерина, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елизавета и снова Екатерина. Почти весь восемнадцатый век. И каждая, кстати говоря, правила не хуже мужчин, а при Екатерине Второй вообще был золотой век. И если останется в живых хоть одна из этих, как вы говорите, девочек, ее сразу же провозгласят царицей. И мира не будет. А ради мира можно пойти и не на такие жертвы. Как ты думаешь, Яков Михайлович?..

— Я понял вас, Владимир Ильич, — кивнул Свердлов.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Ленин, просяв всем лицом, и снова уткнулся в бумаги. Свердлов вышел, но странный сгусток страха застыл в его сердце. За долгие годы революционной борьбы, опасной, сопряженной с ежедневным риском, он ни разу не испытывал не только страха, но и маломальского испуга. Он любил задирачься, шел напролом, умел рисковать. Он всегда хороводил, но с Лениным робел, чувствовал себя мальчишкой. Он боялся его. Вот и сейчас он отдал страшный, почти нечеловеческий приказ так легко и буднично, словно речь шла о наказании проштрафившегося работника ВЦИКа.

Свердлов остановился в кремлевском коридоре, присел на подоконник, закурил. Из окна были видны церковные купола Благовещенского собора, где обычно короновались русские цари. Иногда Свердлову казалось, что Ильич ничего не боится: ни заговоров, ни покушений, ни собственного политического краха. Как-то они вот так же сидели втроем поздно вечером в ленинском кабинете, пили чай. Троцкий угощал ромом. Ильич, отказавшийся выпить рюмку, попросил ложечку рома в чай и долго восторгался запахом.

— А если нас убьют с тобой, Лев Давидыч, как ты думаешь, Свердлов справится? — неожиданно спросил Ленин.

— Что за глупые шутки на ночь, Владимир Ильич! — рассердился Свердлов.

— А мы сейчас узнаем, что товарищ Троцкий думает о нашем председателе ВЦИК! — подмигнул Ленин Свердлову.

— Ох и любите вы, Владимир Ильич, провокационные вопросы! — усмехнулся Троцкий.

— Обожаю! — загорелся Ленин. — А вы отвечайте, отвечайте!

— Если перед каждым принятием решения будет вспоминать нас и сверять собственные мысли с нашими, то справится! — вздохнул Троцкий.

— Опять выкрутился! — рассмеялся Ленин. — Нет бы честно сказать: без вас лично, Владимир Ильич, революция не выживет! Глядишь, старому дураку было бы приятно! Он бы пришел сейчас домой и сказал Надюше: Наденька, какой все же замечательный у нас революционер Лев Давидыч! Он считает то-то и то-то! И ей бы было приятно!

— Но, Владимир Ильич, вы же знаете, как мы вас любим! — стал оправдываться Троцкий.

— Опять это глупое местоимение «мы»! — возмутился Ильич. — Кто это «мы»?! Николай Второй?! А вот Яков Михайлович меня не любит!

— Владимир Ильич! — запротестовал Свердлов.

— Молчите! — оборвал его Ленин. — Коллективная власть и коллективная ответственность, как и коллективная любовь, — страшные вещи! Пока я руководитель правительства, я единолично буду принимать решения и единолично буду отвечать за них! А с вами иногда буду советоваться. Но очень редко и по пустякам! И тебе, Яшенька, надо это запомнить! И если нас с Львом Давидовичем убьют, берите диктатуру пролетариата в свои руки. Понятно?..

— Что тут непонятного, Владимир Ильич... — пожал плечами Свердлов.

— А он уже готов и без нас обойтись! — поддел Свердлов Ильич и расхохотался. Он вообще любил смеяться. Причем зачастую он смеялся совсем не в тех местах, где обычно смеются нормальные люди. Свердлову запомнился один эпизод. Ильич как-то рассказывал ему об уличной драке, в которой низенький парнишка раскроил камнем голову плечистому здоровяку: «Он ему тюк камнем по башке, и голова треснула, как арбуз!» — энергично жестикулируя, проговорил Ильич и задорно расхохотался. «Тюк, и голова треснула, как арбуз!»

Его земляки екатеринбуржцы все равно будут считать, что приказ об убийстве Романовых пришел из Москвы. И все посчитают, что от Свердлова. А Ленин как бы будет здесь ни при чем. И на нем, бедном еврее, повиснет это жуткое злодейство. Нет, он далеко не праведник, он давно знает, что политика — грязное, гнусное ремесло, и ему каждый день приходится принимать страшные решения о расстрелах, репрессиях, но отдать приказ расстрелять детей, девочек, пусть даже царевен, до такой жути они еще не докатывались. Но самое страшное в том, что он выполнит этот приказ. Он не посмеет его не выполнить. Он слуга. Обычный запуганный слуга.

28

Бирзе заявился к Лорану прямо в гостиницу без предупреждения. Было девять утра, но Лоран еще лежал в постели, ощущая странную слабость во всем теле. Обычно он просыпался рано, часов в семь, при этом было даже не важно, во сколько он лег: в полночь или в час, но сегодня, утром 22 июня, организм точно подменили. Слабость, пот, дурнота, горло обложено, как при ангине, и тяжело дышать. Странная болезнь неожиданно объявилась в теле. Что это? Простуда? Ангина? В разгар лета? Холодного он ничего не пил, не простужался. Позавчера он был на рынке, зашел купить зелени, мяса, овощей. Изольда пообещала приготовить ему настоящий украинский борщ и сделать отбивные. На рынке было много народа, и когда он выбирал мясо, то рядом с мясником сидел какой-то бородатый мужик с воспаленным лицом и время от времени заходил в жутком кашле. Лоран хотел сразу уйти, но мясник предлагал парную вырезку и совсем недорого, поэтому Лоран зацепился взглядом за приличный кусок и остался, проторчав в этом ряду минут десять. У мясника, как назло, не оказалось сдачи, он куда-то ходил, менял деньги, а мужик продолжал кашлять. Только чем он был болен, вот вопрос?.. «Как это не вовремя!» — вздохнул Лоран.

Он с трудом поднялся, поприветствовал Бирзе и, прервав его извинения по поводу неожиданного и

неположенного визита — обычный порядок был через записочки с предложением места встречи, — ушел в ванную. Умывание холодной водой немного взбудрило, но Лоран почувствовал, что болезнь зацепилась основательно. «Что это может быть? — удивлялся он, однако его познания в области медицины не заходили дальше инфлюэнцы и ангины. — Надо зайти к врачу, — подумал он, — и срочно».

— Три часа назад расстреляли адмирала Щастного, начбалтфлота, — как только Лоран вышел из ванной, взволнованно сообщил Бирзе, поднимаясь со стула. — Левые эсеры заявили, что в знак протеста они выходят из Ревтрибунала! Вот последние слова Щастного. — Бирзе выгащил блокнот. — «Смерть мне не страшна. Свою задачу я выполнил — спас Балтийский флот»...

Он помолчал. Лоран налил ему рюмку коньяка. Бирзе удивленно посмотрел на нее, но помедлил и выпил.

— Его расстреляла во дворе Александровского училища в шесть утра команда китайцев. Сегодня. Мне рассказал их командир Андриевский, мы с ним знакомы с давних времен, а ему надо было выговориться. Когда я его встретил, он был в жутком состоянии, точно собственными руками убил человека. Он не дурак и понимает, что все это обычное сведение счетов и он только что расстрелял невиновного. Большевики боялись, что у команды русских расстрельщиков могут дрогнуть нервы, вот и вызвали китайцев. Чтобы те знали, куда целиться, он приложил к сердцу белую фуражку. У адмирала остались жена, сын и дочь. Сыну три года, дочке пять. После расстрела Андриевский отправляет посыльного в Кремль с вопросом, куда девать тело. Приходит ответ, он мне показывал эту записочку: «Зарыть в училище, но так, чтобы невозможно было

найти». Ты видишь, что делают, сволочи! Не подчиниться Андриевский не может, Троцкий тогда его без всякого суда шлепнет. Начали они искать место, а тут нагрянул сам наркомвоен, вошел в пустое училище, в одну из комнат, ткнул в паркет: вскрывайте, говорит, и закапывайте. Даже китайцы обомлели. Но делать нечего, принесли инструмент, разобрали паркет, вырыли яму и закопали. Потом сверху аккуратно снова уложили паркетину, как будто ничего и не было. Ты представляешь, какое варварство?! Ну вы расстреляли, сволочи, так имейте совесть, похороните по-человечески! Что же это за твари такие?!.. — Бирзе стал закуривать, руки у него дрожали. Лоран в первый раз видел его таким потрясенным.

Лоран налил ему еще рюмку.

— Нет, мне, пожалуй, хватит... Я пришел, потому что стоит этим воспользоваться. Левые эсеры сейчас наэлектризованы, а Щастный погиб из-за Мирбаха, Троцкий, спасая секретные соглашения с немцами, расстрелял его, поэтому...

— Я понял, — спокойно сказал Лоран. — Пойдем позавтракаем, я как раз собирался это сделать...

Они спустились в ресторан «Гранд-отеля». Лоран еще надеялся, что, втянувшись в привычный ритм дня, выпив взбадривающего кофе, он отодвинет эту надвигающуюся на него душную полосу болезни, но уже на лестнице у него закружилась голова, а поднявшись на один этаж, он в буквальном смысле взмок, точно пробежал несколько километров.

— Ты чего, заболел, что ли? — удивился Бирзе, взглянув на него. Лоран кивнул.

— Сам еще не знаю, что это такое, — пробормотал он.

— Может быть, тебе отлежаться?

— Надо идти к врачу, это, кажется, не простуда...

Лоран понимал, что расстрел Щастного — мо-

мент подходящий для их игры с левыми эсерами, разжигания антинемецкой истерии. История с Мирбахом слишком затянулась, но хуже не бывает, когда рыба срывается с крючка. Надо бы обязательно встретиться с Голубовским, но так, чтобы встреча произошла совсем неожиданно и чтобы разговор завязался как бы непринужденно. Но для этого надо знать нынешний распорядок дня Голубовского и как-то легко в него вписаться. Все это он стал наговаривать для Бирзе, как вдруг заметил, что его собеседник, который только что с душевным надрывом рассказывал о расстреле Щастного, заморожено смотрит на молодую уборщицу, стоящую на окне. Последняя, подоткнув подол платья и обнажив стройные длинные ноги, протирала стекло ресторана. Лоран даже поперхнулся, глотнув кофе, и закашлялся.

— Ты смотри, как тебя развозит! — увидев красное от натуги лицо Лорана, огорченно проговорил Бирзе, не отрывая косого взгляда от протиральщицы. — Надо действительно к врачу!

— Я тебе о чем сейчас толковал? — спросил Лоран.

— Про Голубовского-то? — не понял Бирзе.

— Про Голубовского, — кивнул Лоран.

— Да я поэтому к тебе и пришел! Надо его брать и раскручивать! Нашпиговать так, чтобы он сам захотел пристрелить Мирбаха! А убеждать он умеет! Я слышал, как он на митинге наши шифровки раскручивал! Кровь в жилах стыла!.. — восхищенно проговорил Бирзе.

— Мы же его просили этого не делать, — нахмурился Лоран.

— Нет, перед митингом он ко мне подошел, спросил, можно ли ему кое-что зачитать из наших телеграмм, ну я разрешил, — пожал плечами Бирзе. — А чего тут такого?

Лоран выдержал паузу, подавляя в себе вспышку гнева.

— Это секретные телеграммы немецкого посольства. Наверняка на митинге присутствовали осведомители ВЧК и добросовестно записали содержание речей. Эта справка уже наутро попала на стол к Ленину и весьма его поразила. Немцам обнародовать такие документы тоже невыгодно, больше того, это скандал для них. Поэтому берлинская разведка тотчас начнет массированную проверку: где происходит утечка секретных циркуляров, а большевики будут шерстить французов и англичан, ибо только им выгодно распространение таких сведений. Ты поставил под удар моего агента в Берлине, и я должен сейчас отдать ему приказ уйти на дно, пока шум не стихнет, а его новые данные нужны нам сейчас как воздух. Я уже не говорю о моих товарищах, которых возьмут под наблюдение, что затруднит мое общение с ними...

Бирзе сидел опустив голову.

— Надо же мозгами немного шевелить и каждый свой поступок просчитывать на четыре шага вперед, чем он может для тебя и для всего дела обернуться... — помолчав, добавил Лоран.

— Но он же мог обнародовать эти телеграммы и без моего разрешения, — предположил Бирзе.

— Мог, но его поступок лишний раз доказывает, что мы имеем дело с умным и осторожным политиком. Он прекрасно понимает, какая бомба заложена в этих телеграммах. Между прочим, почти за это же три часа назад расстреляли Щастного! А ты повел себя в этой истории как подвыпивший купчик, швыряющий миллионы на ветер. Ради одной из этих телеграмм мой агент рискует жизнью, платит огромные деньги, подкупая чиновников.

Бирзе тяжело вздохнул, теперь его окатил болезненный жар, он расстегнул ворот гимнастерки.

— Да что мне с собой делать, прямо не знаю! Ну ведь держу себя клещами! Стоит чуть ослабить зажим, несет, как змея воздушного! Что за натура?! И ведь каждый раз я вроде бы как лучше для дела хочу! Вот в чем зараза! — хлопнул себя по колену Бирзе, чем обратил на себя внимание пожилой четы с соседнего стола.

— Уймись! — коротко бросил Лоран, и Бирзе затих.

Официант принес им по яйцу всмятку, по куску черного хлеба, два крохотных кусочка масла и по половинке редиски и два кофе. Хлеб, масло и яйцо Лоран отдал Бирзе, глотать он совсем не мог, выпил лишь кофе, но он не принес облегчения.

— Как твоя экономка? — спросил Лоран.

Бирзе, не ожидавший этого вопроса, вспыхнул, махнул рукой.

— Даже не знаю, как тебе объяснить. — Он тяжело вздохнул. — Словом, мы это... — Бирзе развел руками, виноватясь взглядом, — мы это... живем с ней...

Он ожидал, что Лоран снова рассердится и начнет выговаривать ему и эту непростительную глупость, которая осложняла теперь всю работу Бирзе, но Лоран лишь грустно улыбнулся.

— Это хорошо, — неожиданно сказал он. — Значит, у тебя много энергии? А сегодня надо крепко поработать... Ты молодец, что нарушил уговор и принес эту информацию. Продать ее надо подороже. Поезжай, ищи Голубовского, вклинивайся в его график дня, нам нужен час! А я схожу к врачу и через час буду ждать тебя у себя в номере.

— Договорились! — кивнул Бирзе.

Врач был знакомый Лорана, старый профессор, который консультировал на дому, и Лоран, придя к нему без звонка, сумел вклиниться в его плотную очередь. Профессор осматривал его сорок минут, и,

когда Лоран, одевшись, присел к нему за стол, профессор тяжело вздохнул.

— По всем признакам это дифтерия, — объявил он. — Вас нужно срочно госпитализировать, вы еще и разносите заразу...

— Но кашля вроде бы...

— Он появится, — пообещал профессор. — У вас только заканчивается инкубационный период, надо срочно принимать меры, это поможет вам выкарабаться. Сейчас при дифтерии до семидесяти из ста смертельных исходов, поэтому вы не шутите! Немедленно в больницу! Я выпишу направление. — Профессор надел очки, взялся за ручку.

— В больницу я не могу! — ответил Лоран.

— Вы что, смеетесь надо мной?! — вспыхнул от гнева профессор. — Это дифтерия, голубчик! Не бережете себя, подумайте об окружающих!

— Я буду лежать в гостиничном номере, — стал жестко диктовать профессору Лоран. — Все, кто будет входить ко мне, будут надевать марлевую повязку и разговаривать в течение трех-четырех минут на расстоянии. Вы будете приходить ко мне, как сможете. Я буду платить за каждый ваш приход. Я напишу вам расписку, что сознательно отказался от лечения в больнице и в случае смертельного исхода всю вину принимаю на себя. Вас это устроит, профессор?..

Профессор отрицательно качал головой.

— Поймите, голубчик, я не имею права... — начал было он, но Лоран его прервал.

— Я узурпирую ваше право, профессор! — жестко проговорил Лоран. — У меня нет другого выхода, я просто не могу рассказать вам всех обстоятельств дела. Если вы не согласны на таких условиях помогать мне, порекомендуйте, кто бы мог на это согласиться.

— Таких докторов вы не найдете! — упрямо ответил профессор.

— Хорошо, спасибо вам, профессор! — Лоран положил деньги на стол, поднялся и двинулся к выходу. Он уже дошел до двери, когда услышал голос профессора:

— Вернитесь!..

Лоран вернулся.

— У вас есть кто-нибудь, кто сможет сходить в аптеку?

— Конечно, — ответил Лоран.

— Я выпишу лекарства, скажу, как надо их будет принимать. Уже к вечеру у вас должна подскочить температура. Она будет достигать 39 — 40 градусов. Кто-то должен находиться рядом с вами... Повязки я принесу, с ними в принципе безопасно, если еще и постоянно проветривать комнату... У вас какой номер в гостинице...

— Две комнаты, — пояснил Лоран.

— Это хорошо, — кивнул, выписывая рецепты, профессор. — Напишите, какая у вас гостиница и номер, — попросил он. — Я буду заходить ближе к вечеру, с утра у меня приемы, по крайней мере всю следующую неделю... Но запомните: если я увижу, что ваше состояние ухудшается, я немедленно вызываю санитаров! Договорились?

— Посмотрим, — сказал Лоран.

Ложиться в больницу Лоран не мог по одной причине: он должен был контролировать и направлять Бирзе, а иногда и действовать сам, несмотря ни на что. Провалить начатую операцию он не мог. Остановить ее могла лишь его смерть, да и в этом случае он должен был бы все предусмотреть для ее благополучного завершения.

Он сам зашел в аптеку, набрал лекарств, а вернувшись в гостиницу, принял таблетки, витамины, прополоскал горло. На мгновение ему даже показалось, что состояние его улучшилось. Болезнь, почувствовав удар, притихла. Вернулся Бирзе, сказал,

что надо ехать, пока у Голубовского есть пара свободных часов, а потом у него всякие партийные совещания.

Бирзе не придумал ничего лучше, как пригласить Голубовского пообедать. Лорану он сказал, что за обед теперь платит он, но Лоран покачал отрицательно головой. Бирзе стал возражать. Они сошлись на том, что поделят расходы пополам.

Едва они сели за столик, как Бирзе с ходу рассказал Голубовскому подробности о расстреле Щастного, которые Троцкий вряд ли когда-нибудь предаст огласке, добавив еще несколько душераздирающих моментов: после оглашения приговора на суде сестра Щастного не выдержала, издав истерический вопль, на что адмирал спокойно сказал ей, указав на дверь: «Выйди, там мы с тобой поговорим». Но после суда ему не дали проститься даже с сестрой и сразу же увели.

Голубовский сам принимал участие в экстренном совещании ЦК, на котором было принято решение о дальнейшем неучастии левых эсеров в работе Революционного трибунала. Он даже пересказал реакцию Ленина, когда Свердлов ему доложил об этой акции.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Ильич. — Теперь с Ревтрибуналом у нас никаких проблем не будет, а значит, надо активизировать его работу!..

— Да этих большевиков надо уничтожать, как худших тиранов! — воскликнул Бирзе, и Голубовский его поддержал.

Лоран, чувствуя, что разговор принимает антибольшевистский характер, осторожно стал разворачивать его в сторону Мирбаха: это ведь в угоду ему был расстрелян Щастный, не стоит об этом забывать, а значит, и основное зло сейчас не в Ленине, в Мирбахе, он, пользуясь трудностями с топливом и продовольствием и предлагая деньги, попросту

покупает у большевиков головы своих врагов. И Щастный прежде всего враг Мирбаха, а не Троцкого. И так будет продолжаться до тех пор, пока не будет разорван Брестский договор, а он останется в силе до тех пор, пока граф Мирбах будет подпитывать большевиков немецкими марками.

Лоран ничего нового не открывал для Голубовского, он лишь знал, что третий съезд эсеров постановил: всеми силами разорвать проклятый Брестский договор с немцами, и ЦК эсеров обязано это решение съезда выполнить, а единственный путь к разрыву договора — убить Мирбаха и создать силовое поле войны между Лениным и Вильгельмом Вторым, другого пути нет, сам Голубовский это понимает, он не глуп, и Лоран специально не упоминает ни о третьем съезде эсеров, ни о его личных обязанностях как члена ЦК, ответственного за военные вопросы. Это с него спросят: почему не выполнено решение предыдущего съезда или хотя бы что для этого было сделано. Голубовский, отчитываясь, должен сказать: сделано то и то. Поэтому Лоран намеренно обозначил эту цепочку: Мирбах — Брестский договор, а Голубовскому ничего не остается, как мысленно увязать ее с решениями съезда, его личными обязанностями и прочим.

— Кстати, есть для вас одна интересная информация, — неожиданно проговорил Лоран и посмотрел на Голубовского, с таким аппетитом уплетающего уху, что ему стало даже завидно. Сам он ничего не ел, пил квас, его мучила жажда, и позволил пару рюмок водки для дезинфекции.

— По просьбе Мирбаха в Москву прибыл Азеф для слежки за вашими товарищами. Просто он вас всех знает, а Рицлер, чтобы облегчить себе шпионскую работу и взять всех членов вашего ЦК под контроль, воспользовался его услугами. Провокаторская личность Азефа вам хорошо знакома, так

что теперь немного понятна и суть самого Мирбаха, пустившего мощные щупальца по всей столице и фактически готовящего немецкий переворот. Гинденбург спит и видит, как бы въехать в Москву на белом коне, и Мирбах делает для этого все... Поэтому и промедление с его казнью весьма опасно...

Лоран говорил, не торопясь, не используя никаких резких красок для усиления смысловых акцентов, как это делал Бирзе, но речь его производила — он видел это сам — на Голубовского более глубокое впечатление. Про Азефа он все придумал. Он знал, что Азеф уже мертв, но здесь в Москве все были уверены, что он сидит в Берлинской тюрьме. Лоран запустил эту фальшивку уже в отчаянии, обычно он избегал таких приемов в своей работе, но уж слишком его ненавидели обе партии эсеров, приговорив заочно к смерти. И как ни странно, но именно этот почти неправдоподобный слух о сотрудничестве провокатора Азефа с Мирбахом и сыграл свою роковую роль в судьбе немецкого посла.

— Кстати, это Бирзе его видел и опознал, — нагло соврал Лоран, выдержав паузу.

— Да, это так! — легко подхватил Бирзе. — Я столкнулся с ним на Никольской нос к носу и даже оторопел от такой встречи, а он понял, что его узнали, поднял воротник, сунул руку в карман и зашепшил, видимо рассчитывая, если я пойду следом, завести меня в какой-нибудь двор и там шлепнуть. Но я торопился, опаздывал на встречу, поэтому за ним не пошел, да и оружия у меня с собой не было.

Рассказ об Азефе потряс Голубовского.

Он представлял себе возмущение Спиридоновой и Прошьяна на сей счет. Да и рассказ о последних минутах Щастного.

Лоран знал и другое: перегружать разными сведениями Голубовского не стоит. Когда их много,

они не срабатывают. Поэтому он выгащал часы, как бы давая Бирзе знак, что пора закругляться.

— Мне тоже пора! — вдруг спохватился Голубовский.

Он махнул рюмку водки, закусив грибком, и поднялся.

— Не провожайте, спасибо за обед, побегу! — пробормотал он и умчался.

— Это он заторопился, чтобы не платить, — усмехнулся Бирзе. — Смешная вещь: человек становится партийным бонзой и спокойно позволяет себе выпивать и закусывать за чужой счет.

— Я думаю, он действительно торопится, — уклончиво сказал Лоран. Его немного коробил грубый меркантилизм Бирзе. Он становился таким, когда немного выпивал, и в нем вдруг странным образом проявлялось совсем несвойственное ему скопидомство.

— А я тебе скажу больше, — почему-то зашептал Бирзе. — Он даже чувствует, что мы снова готовы его угостить. И он понимает, что это небескорыстно, что у нас есть желание подтолкнуть партию левых эсеров к совершению священной казни над Мирбахом. Он только не может понять, для чего нам это? Если мы не за большевиков, то мы в ряду каких-то других мелких подпольных партий, а анализировать их у него нет сил и реальных возможностей. Поэтому он считает, что обед как бы оплачен его будущими стараниями по поводу графа Мирбаха. Так что будем надеяться, что не зря потчевали...

Лоран слабо улыбнулся. В другое время он бы поспорил с Бирзе и больно щелкнул его по носу за такой ресторанный-гастрономический анализ противника, да еще такого, как Голубовский. Он вообще любил такие споры по поводу психологических мотивов того или иного поступка, но сейчас у него

была ватная голова, а водка вконец его расслабила. Он чувствовал, что ему необходимо прилечь и немного поспать. Видимо, уже подействовали и лекарства, и эту борьбу организма с болезнью лучше переносить лежа.

— Что врач-то сказал? — спросил Бирзе.

— Тебе, наверное, пару дней придется поработать одному, — помолчав, проговорил Лоран. — Я подхватил дифтерию.

У Бирзе округлились глаза.

— Я в больницу не лягу, — продолжил Лоран. — Попробую отлежаться в номере, ты будешь приходить и докладывать мне обо всем, что происходит. Я думаю, через пару дней уже смогу подняться. Я купил повязки. Будешь приходить и надевать. Это все-таки заразная штука. Все...

Лоран выложил деньги. Бирзе попробовал сопротивляться, но Лоран махнул рукой, и Бирзе отступился.

Через день, 24 июня, поздно вечером в номер гостиницы вбежал Бирзе и объявил, что только что ЦК левых эсеров вынес смертный приговор Мирбаху. Лоран лежал в поту и не мог говорить: все горло в нарывах. Профессор приходил каждый день, прочищал горло, боясь асфиксии. Температура держалась около сорока. На это его сообщение Лоран лишь слабо улыбнулся и махнул рукой, чтобы он уходил. На листке тетради он написал: «Завтра в полдень». Утром ему становилось полегче. Бирзе закивал головой, отошел к двери, но, вернувшись, написал на листке: «Может быть, мне посидеть или прислать сиделку?» Но Лоран отрицательно покачал головой. Бирзе ушел.

Еще двадцать второго вечером позвонила Изольда. Лоран с трудом — горло уже болело, и он еле двигал языком, — стараясь говорить как можно спокойнее, сообщил ей, что срочно уезжает на не-

сколько дней в Петроград. Как придет, сразу же позвонит. Он любил болеть один. Забившись в нору и позабыв обо всем на свете. С него хватало и доктора, который нудно повторял одно и то же: надо ложиться в больницу, но Лоран держался стоически. Бирзе без него не справится. Завтра обещал заехать Нуланс, хотя это было небезопасно. Но Жозеф, понимая это, пообещал заехать инкогнито. Лоран в тот момент даже не смог сообразить, о чем он говорит. Он и теперь не знал, как это Нуланс инкогнито проберется в отель? За ним могут следить, надо оторваться как-то от слежки, все это не так просто. Посмотрим, как ему это удастся. Во всяком случае, его будет чем утешить.

29

Мюллер заявился к Зинчу лишь через день после их встречи в посольстве. Зинч даже заволновался: сто марок он спустил в тот же вечер с Сарой Бернар, которая неожиданно освободилась и захотела широкой, разгульной жизни. После пьянки у Грындина, куда они заявили с выпивкой и закуской, Сара потащила Зинча к себе и своими любовными воплями перебудила всех — мать и двоих младших братьев. Чтобы сгладить непристойную картину, открывшуюся взору ее домочадцев, Сара представила Зинча как своего жениха, объявив, что в августе у них свадьба. При таких ночных обстоятельствах состоялось знакомство будущих тещи и зятя. Уже потом Зинч предположил, что Сара все продумала заранее. Они могли без хлопот остаться и у Грындина, но Сара занервничала, объяснив, что мать будет волноваться, хотя, когда они пришли, мать и братья уже спали.

Наутро теща приступила к жесткому допросу будущего зятя, ее в первую очередь интересовало, сколько он зарабатывает, где и как думает содержать жену и детей. Зинч сказал, что с деньгами у него все в порядке, завтра придет один немец и принесет тысячу марок, а послезавтра еще тысячу, Зинч выполняет ответственное задание, денег много, но придется рисковать. Рассказ кинодеятеля произвел сильное впечатление на Раису Кузьминичну Норову, мать Сары, и она напоила его чаем с пирожками с

капустой, которыми торговала на рынке. Пирожки будущему зятю понравились, а вот Мюллер все не шел, и Зинч даже сам хотел позвонить в посольство, но в последний миг передумал. «Это будет слишком навязчиво, — подумал он, — и заставит немцев сбить цену».

На второй день он заволновался еще больше, но тут как раз пришел Мюллер. Зинч засиял, обрадовался, стал угощать его чаем. К счастью, маман дома не было, и они могли поговорить, а точнее, поторговаться спокойно. Мюллер от чая не отказался, что означало неплохое начало.

— Вы обещали мне адрес этого резидента... — Мюллер выдержал паузу. — Вейбера, так?

— Уайбера, — поправил Зинч.

— Да, — заулыбался Мюллер. — Уайбера...

— Я вчера рисковал своей жизнью, — сотворив мрачное лицо, начал Зинч. — Вы знаете, что такое достать адрес президента?!

— Какого президента? — испуганно переспросил Мюллер.

— Я имел в виду не президента, а, ну как это на вашем языке, ну шпион?..

— А, резиденз, резидент? — подсказал Мюллер.

— Да, адрес резидента! Меня чуть не убили!..

— Я понимаю. — Мюллер усмехнулся и полез в карман за деньгами. — Вот десять марок...

У Зинча от такого тарифа даже пропала речь, но он ее быстро восстановил.

— Как же это десять, — удивился он, — когда за пустяковый рассказец вы мне выложили сто, а тут я даю адрес самого президента!

Зинч от волнения даже стал брызгать слюной, и Мюллер, отодвинувшись, вытащил платок и вытер лицо.

— Я вам дал сто марок как бы за согласие... э... работать с нами, — стал объяснять Мюллер. — Это ошень большая сумма. А дальше мы просто немного... поощрение...

— Нет, так не пойдет! — заявил Зинч.

— Ви же сказали, что идете к нам, как гражданин, честный человек... деньги ни при чем... — удивился Мюллер.

— Да, но я хотел выйти из этого «Союза союзников», но вы попросили не выходить! Так?.. — вывернулся Зинч.

— Я, я, — закивал Мюллер.

— Вот! Значит, я рискую жизнью! А сколько у вас стоит одна человеческая жизнь? Три-четыре тысячи марок?..

— Да, четыре, — согласился Мюллер.

— Вот, платите мне за риск! Я обыкновенный трусливый обыватель, мне страшно. Но если я рискую, то должен знать за что, — Зинч пощелкал пальцами, — я рискую.

Мюллер задумался. Он думал минуты две, уставясь в одну точку. Потом глубоко вздохнул.

— Хорошо, еще сто марок. — Он полез за деньгами.

— Двести, — предложил Зинч.

— Больше я не могу. Извините! — Мюллер поднялся, чтобы идти к выходу.

Зинч схватил его за руку.

— Хорошо, сто!

Зинч отдал Мюллеру адрес и забрал деньги. Стал пересчитывать.

— Я не имею свойство обманывать... — посмотрев на Зинча, обидчиво проговорил Мюллер.

— Это формальности, — бросил Зинч. — А чтоб вы не думали, что я такой жадный, я бесплатно отдам вам один секрет: Уайбера надо брать немедленно! Завтра его надо брать. Сегодня какое число?

— 27 июня, — сообщил Мюллер.

— Завтра, 28 июня, его надо брать! Иначе уйдет! — твердо объявил Зинч.

— Куда? — не понял встревоженный этим сообщением Мюллер.

— Туда! — махнул рукой Зинч. — За горизонт!

— За го-ри-зонт, — по слогам произнес Мюллер, точно в этом слове был заключен какой-то скрытый смысл.

— Я вам говорю уйдет, значит — уйдет! И ждать вас не станет! — Зинч знать не знал, кто жил по проданному им адресу, но Лорану доподлинно было известно, что на Петровке, 19, в 35-й квартире, хозяином которой был Андрианов, действительно проживал Френсис Уайбер. Ему было двадцать три года, он приехал в Москву еще до революции, чтобы подзаработать частными уроками немного денег и, вернувшись в Англию, жениться на своей милой козочке Дженни. Поехать в Москву Уайбера побудила московская одиссея его друга Джорджа, который, обучая детей одного московского фабриканта, неплохо заработал за год в России и сумел даже открыть свою булочную. И все началось будто бы удачно, учеников набралось много. Френсис трудился с утра до вечера по двенадцать часов, и вскоре у него образовалась солидная сумма. Хозяин квартиры Иван Иванович Андрианов посоветовал Уайберу положить деньги в банк. Глупо хранить их дома — прознают воры, тотчас ограбят, а то и убьют, а потом, в банке идут проценты. Уайбер поблагодарил мистера Андрианова за хороший совет и положил деньги в банк. Грянула революция. Когда Уайбер через неделю пришел за деньгами, его встретил уса-тый матрос и, дослушав, послал английского контрика очень далеко и пригрозил маузером, если еще его увидит.

Так пропали все деньги, а через неделю после революции исчезли ученики. Теперь их осталось у Френсиса пятеро, но трое из них уже учатся в долг, потому что денег нет. Уайбер жил эти месяцы лишь одной мечтой: заработать денег на обратный билет. Но все, что он зарабатывал, уходило на еду, которая дорожала с каждым днем. Уайбер от отчаяния рвал на себе волосы, плакал по ночам, понимая, что он никогда уже не выберется из этой проклятой стра-

ны. Лоран услышал о Френсисе от одного французского посольского чиновника и подумал, что Уайбер дня на четыре сможет занять внимание Дзержинского и его подручных, пока они не допросят всех его учеников и не поймут, что их разыграли.

— Завтра, 28-го, его надо взять! — повторил Зинч.

— Ви еще должен шифр, — напомнил Мюллер.

— Сто марок, — коротко бросил Зинч уже без всяких комментариев.

Мюллер дернул желваками и зло посмотрел на Зинча. Но Зинч хладнокровно выдержал этот взгляд.

— Может быть, чаю? — услужливо спросил Зинч.

— Найд, — ответил Мюллер.

Он не хотел давать больше денег этому пройдохе, видя, как нагло он ведет себя, но граф Мирбах приказал ему не жалеть денег, чтобы собрать доказательства для Карахана и Дзержинского, а шифр все-таки была важная улика. В кармане у Мюллера как раз лежали сто марок, он надеялся еще что-нибудь выудить у Зинча, но тот повел с ним грабительскую торговлю.

— Вот! — Мюллер достал сто марок, а Зинч передал ту самую бумажку, которую он показывал два дня назад и которую хотел переписать. Впрочем, может быть, он и переписал этот шифр. — А послания какие-нибудь приходили? — спросил Мюллер.

— Есть, но мне надо их перевести, то есть расшифровать, — пробормотал Зинч. — Думаю, завтра два послания будут готовы!

Зинч досадовал на себя за свою нерасторопность. С этой Сарой и ее хваткой мамашей, волнениями за Мюллера (придет — не придет) он совсем забыл составить парочку волнующих шпионских посланий типа: выставьте в пятницу с четырех до шести вечера цветок герань на окно, что будет означать: вы сможете со мной завтра встретиться. Нет, не обязательно с кем-то он должен встречаться, но насочинять всякой такой дребедени, это уж он умеет, и так, что у Мюллера забурлит кровь.

Немец поднялся.

— Тогда я зайду завтра или послезавтра, — сказал Мюллер, крепко пожимая Зинчу на прощанье руку.

— Рад! Всегда рад помочь! — взволнованно проговорил Зинч, ликуя в душе и уже прикидывая, как произвести потрясение на эту жадную мамашу. А потрясение он произведет: накупит деликатесов, шампанского и заявится к будущей теще, которая не будет возражать против того, что он останется на ночь с Сарой... Она хоть и стерва, Зинч это почувствовал, но хороша. Где только выучилась всяким выкрутасам?.. Какое счастье, что немцы так глупы и простодушны, а у него есть ум!

Он вытолкал Мюллера за дверь, прижал к груди деньги и закружил в вальсе с ними по комнате. Потом спохватился: скоро должна прийти маман, и ему лучше исчезнуть до ее прихода, чтобы избежать всяких расспросов, а так он сочинит ей нежную писульку: «Вызвали срочно на работу, ночная смена, буду завтра, целую, твой *Волик*». Неужели он влюбился в эту Сару? Конечно, она из простой семьи, ей не хватает культуры, но зато такие формы, и так ловко ведет себя в постели, а этого так недоставало Зинчу. Он теперь понял, чего ему всегда не хватало в жизни: грубой плотской любви. Да-да, грубой плотской любви. И больше ничего. И не надо его убеждать, что он заблуждается. Наоборот, он наконец-то прозрел. И это прозрение подарила ему Евдокия Норова по прозванью Сара Бернар. И тут ничего не поделаешь.

Нуланс заявился к нему в кепке вместо котелка, с короткими, а не длинными моржовыми усами, в старом пальто и длинных сапогах. Крепкий, пузатенький, в смазных сапогах, он теперь походил на русского купчишку, домчал до «Гранд-отеля» на «ваньке» и без всяких подозрений проник в отель. Лоран улыбался, слушая его рассказ.

Услышав о дифтерии, Нуланс опечалился, сказал, что постарается через англичан заказать лекарства, только хорошо бы знать какие. Лоран кивнул на рецепты, по которым он не смог достать нужные лекарства в московских аптеках, сообщил о решении ЦК левых эсеров. Нуланс поздравил его.

— Сейчас самое твое время поднажать на этого Блюмкина! — огорчился Нуланс.

— Бирзе работает, — прохрипел Лоран.

— Да что твой Бирзе! — отмахнулся Нуланс, вздохнул, с грустью посмотрел на Лорана: — Извини, я понимаю, время болезни не выбирают, да еще такой... Это ведь опасно!..

Лоран кивнул. Нуланс сказал, что на фронте затишье, немцы собирают, видимо, силы для решительного прорыва, но есть одна радостная новость: американцы уже перебросили ряд своих частей на Западный фронт, оружие, так что наши тоже укрепляются. Но удар немцам в спину нужен, ох как нужен!..

Лоран написал ему, что в следующий раз рисковать так не стоит, он скажет Бирзе о контрольной встрече на Сухаревке, и тот сам подойдет за лекарствами и сообщениями к машине. Посол оставил ему денег и, пожелав выздоровления, ушел.

В тот же день, 27 июня, около 17 часов Мюллер отвез в Наркомат иностранных дел Карахану секретное послание Мирбаха, в котором говорилось о существовании в Москве подпольной террористической организации «Союз союзников», руководителем которой является Френсис Уайбер, англичанин, официальное прикрытие — преподавание английского языка частным лицам в Москве, проживающий в квартире Ивана Андрианова по улице Петровка, дом 19, квартира 35. Мирбах также просил немедленно, то есть не позднее 28 июня, произвести арест означенного лица, ибо есть сведения, что он

собирается перейти на нелегальное положение. В послании также сообщалось, что господин Мюллер, который привезет его, располагает некоторыми весьма серьезными данными о существовании данной организации и мог бы проинформировать заинтересованных лиц о деятельности злостных террористов более подробно.

Поначалу Мирбах даже сам хотел поехать к Ленину с документами, которые принес Мюллер, но, предвидя, что Ленин опять заведет торговлю с ним, на этот раз разыгрывая карту его безопасности, граф решил ограничиться почти ультимативным посланием к Карахану.

Мюллер Карахана не застал. Он прождал его целый час, в течение которого тот должен был появиться после совещания Совнаркома в Кремле. Секретарша лениво пила чай, предлагая и Мюллеру, но последний лишь нервно кусал губы и от чая отказался категорически. В приемной было душно, на улице стояла жара, и Мюллер, облаченный в военный мундир, тихо потел под прямыми лучами солнца, падавшими на него. Так его посадила секретарша, и он почему-то не решался пересесть. Через час Мюллер взбунтовался. Мирбах не говорил ему, что при отсутствии Карахана его надо непременно дожидаться, а господин Карахан может сегодня и не заехать в Наркоминдел, такое бывало, заседания Совнаркома иногда затягиваются допоздна. Поэтому Мюллер оставил послание у секретаря, попросив, как только появится господин Карахан, тотчас ознакомить его с письмом господина немецкого посла и обязательно позвонить им в посольство: речь идет о жизни и смерти графа Мирбаха.

...Лоран еще не знал, что игра с Зинчем вступала в финальную фазу, как не ожидал и того, что дифтерия властной рукой уложит его в постель. Температура лишь утром опускалась до 38, а к вечеру снова поднималась до сорока, и сбить ее не удава-

лось, хотя профессор делал все возможное и даже готовился к переливанию крови, если положение не изменится. Поэтому раза четыре в день Лоран вставал и умывался холодной водой, это немного освежало, каждые полчаса пил горькие отвары, которые наготовил ему профессор, полоскал горло, стараясь сам вытащить себя из дифтерийной ямы, но проклятая болезнь не сдавалась.

После ухода Нуланса он задремал, и ему неожиданно приснилась Таня. Словно она приехала в Москву и сама пришла к нему в гостиницу объясниться. Она стала рассказывать, что Сережа вернулся чужим, потерянным, он не спит ночами, и ему нужен рядом близкий человек. Она говорила, что никого не любит так, как Лорана, по которому тоскует, но она не может бросить Сергея. У него никого нет, а без нее он пропадет. Она говорила и плакала, потому что он видел, как рвется ее сердце, как она тянется к нему. Достаточно было одного его жеста, и она бы бросилась к нему. Но Лоран почему-то молчал, и Таня так и ушла с заплаканными глазами. Когда она уходила, на пороге в последний раз посмотрела на него с таким отчаянием во взоре, что у Лорана спазмы сжали горло. Они сдавили так сильно, что Пьер почувствовал, что задыхается, и проснулся. Вдохнуть действительно было почти невозможно, так вспухли гланды.

Лоран поднялся, голова закружилась, и ему снова пришлось сесть. Придя в себя, он распахнул окно, чтобы проветрить спальню, — в гостиной окна также были приоткрыты, что и создавало сквозняк, — потом медленно двинулся в ванную, сделал крепкий йодовый раствор и стал прополаскивать горло, чувствуя, как дышать становится легче. Потом он умылся холодной водой. Кожа лица горела от постоянной высокой температуры, и холодная вода немного приносила успокоение. Выйдя из ванной, он немного постоял на сквозняке, правда, ветерок был теплый, даже горячий, за окном полыхала

июньская жара, столбик термометра держался около тридцати.

Лоран уже хотел лечь в постель — надо было сменить простыню и наволочку, прохладное чистое белье тоже приносит облегчение, — как в дверь постучали. Лоран вздрогнул, насторожился. Для профессора было еще рано, он приходил ровно в половине шестого, по нему часы можно проверять, Бирзе обещал забежать около десяти, он сегодня обрабатывал Блюмкина, последний прислушивался к его советам, и грех было этим не воспользоваться. Лоран даже понимал, что Бирзе сейчас может сделать больше, чем он, но был необходим анализ каждого дня, а еще важнее было подготовить «капканы и ловушки» для следующей встречи, в которые бы попался молодой эсер-романтик и загорелся бы единственным и неодолимым желанием убить Мирбаха.

Стук продолжался, он был робкий, стеснительный, «женский», как определил Лоран, но горничная обычно выкликала жильца по фамилии, а телеграммы и письма подсовывали под дверь. Лоран не мог понять, кто стоял за дверью, и это его тревожило. Конечно, это мог вернуться Жозеф, забыв передать что-то важное: шифровку или письмо от родителей. Нуланс тоже стучал робко и стеснительно, да и мало ли что могло стрястись у Бирзе. Какое замечательное он откопал в памяти слово! «Стрястись»... Это Танюша привила ему привычку отбирать слова «повкусней», как она выражалась.

Стук продолжался, незнакомка не хотела уходить, и Лорану пришлось открыть дверь. На пороге стояла Изольда. Увидев Лорана в пижаме, его покрасневшее лицо, воспаленные глаза, сухие губы, она тотчас все поняла и бросилась ему на шею.

— Я знала, знала, что ты приехал! — прошептала она, прижимаясь к нему всем телом.

Лоран отстранил ее, отошел в сторону. Изольда снова было двинулась к нему, но он остановил ее рукой.

— Не подходи ко мне, у меня дифтерия, — проговорил он и, улыбнувшись, добавил: — Я заразный... Лежу пластом...

— Сколько дней?

— Уже пять...

— Значит, ты никуда не уезжал, — прошептала она потрясенно.

— Я всегда болею один, — ответил он.

— Ты просто негодяй, как все мужики! — обозленно проговорила Изольда, бросая сумку в кресло. — Ты что-нибудь ел? — спросила она, уже осматривая спальню.

— Я ничего не могу. — Он потрогал горло.

— Бульон и кашу сможешь!

— Я не буду есть, и прошу тебя: не суетись. — Лорану трудно было говорить, но Изольда решительно взялась за дело. Заставила его прополоскать горло и заявила, что он будет это делать через каждые пятнадцать минут. Потом уложила в постель, смирив температуру, обтерла все тело влажным полотенцем, а на лоб положила салфетку, смоченную в холодной воде. Лоран, ошарашенный этим вторжением, неожиданно почувствовал, как болезнь растерянно отступила, и, если б не горло, он бы мог воскликнуть, что вполне здоров.

— Я принесу поесть. Шампанского, мсье?

— Коньяк, сто грамм, — улыбнувшись, шутливо кивнул Лоран.

Изольда ушла, и сразу выступил пот, голова стала ватной, он почувствовал легкое головокружение и тотчас ощутил, как скакнула температура. «Что это?» — не понял он. Первое, что напрашивалось, самое простое объяснение, — пришла красивая женщина и заставила забыть о болезни. «Может быть», — подумал он. И все же это было что-то совсем другое. Точно мощный пучок энергии прорезал его и вышиб на мгновение в с ю болезнь.

Изольда принесла бульон, рисовую кашу, сама кормила его с ложечки, насильно заставив прогло-

тить все без остатка. Она принесла бутылку коньяка и, налив полстакана, приказала выпить. Лоран сослался на доктора, но Изольда махнула рукой, и он выпил, потребовав, чтобы она надела маску, но Изольда категорически от нее отказалась, и он не смог ее заставить. Странно, но, едва она вернулась, он снова вдруг ожил, и они спокойно обедали в гостиной за столом, и ему совсем не хотелось ложиться в кровать. Но Изольда заставила его лечь, он лег и проспал два часа как убитый.

В половине шестого пришел доктор, разбудил и осмотрел его, заявив, что «состояние больного улучшилось». Изольда навела в номере порядок: вымыла полы холодной водой, вытерла пыль и на окно повесила мокрые простыни. Они давали тень и увлажняли воздух. После сна температура у Пьера спала и застыла на отметке 37,2, да и дышать стало легче. Профессор бросил любопытный взгляд на Изольду и не без иронии заметил, что присутствие медсестры благотворно действует на его пациента.

— Я бы только порекомендовал вам надеть маску, — проговорил доктор, заканчивая осмотр. — Дифтерия передается воздушным путем, и ваш подопечный заразился лишь потому, что несколько минут постоял рядом с таким же больным, каким является теперь сам...

— Значит, я уже заразилась, — улыбнулась Изольда. — Я провела со своим подопечным целых четыре часа и даже целовалась.

Профессор растерянно посмотрел на Изольду.

— Это, мадемуазель, дифтерия, и с ней не стоит шутить, — серьезно заметил он. Профессор ушел мыть руки, а Лоран снова попросил Изольду, чтобы она надела маску.

— Я тебя очень прошу! — добавил он.

— Я не могу... — Она пожала плечами.

— Почему?! — удивился он.

— Да потому! Я не хочу, чтобы ты видел меня в

этой дурацкой маске! Не хочу, я суеверная! Я готова даже раздеться и ходить голой, но только не в маске! — отрезала Изольда.

— Тогда я тебя выгоню! — сказал Лоран.

— А я не уйду! А если ты применишь силу и все же выгонишь меня, я буду колотить в дверь и подниму на ноги всю гостиницу! — пригрозила Изольда, Лоран понял, что она действительно это сделает. — Я согласна, мы не будем спать вместе, я постелю себе в гостиной, хотя не люблю спать на диванах...

— Что?! — опешил Лоран.

Появился профессор, и им пришлось прекратить перебранку. Лоран поднялся, чтобы проводить доктора.

— Но вы не обольщайтесь некоторым улучшением, — напомнил, уходя, профессор. — Дифтерия — коварная болезнь, и вам лучше не хорохориться!

— Соврал бы, что скучал по мне, — проговорила Изольда, когда Лоран вернулся. — Я эти пять дней чуть на стенку не лезла, столько дурных мыслей лезло в голову. Подумала, что я тебе осточертела и ты таким образом хочешь от меня избавиться. Я сразу же поняла, что тебе никуда ехать не надо. Тут такие дела раскручиваются, при которых тебе надо быть неотлучно, а он куда-то уезжает! Нонсенс!.. — Изольда выпила немного коньяку. — Вот видишь, я произвожу дезинфекцию ротовой полости!

— Я скучал по тебе, — улыбнулся Лоран. — Мне так тебя не хватало все эти дни, и я так хотел выздороветь лишь для того, чтоб снова встретиться с тобой...

Она прижалась к нему, и они долго стояли обнявшись.

28 июня Карахан передал послание Мирбаха Дзержинскому, и Феликс поручил Петерсу и Лацису заняться расследованием. На Петровку, 19, был послан наряд, который арестовал Френсиса Уайбера, действительно уже полгода проживавшего по данному адресу и дававшего уроки английского языка частным лицам. Вместе с Уайбером была арестована гражданка Пустохина, 38 лет, которая пришла к Уайберу, как она сказала, на очередной урок, и гражданин Симочкин, 17 лет, также ожидавший урока. Самого хозяина Андрианова в квартире не было.

Лацис произвел обыск в квартире и в романе Диккенса «Оливер Твист» на английском языке обнаружил шесть листков, исписанных стройными колонками цифр. Уайбер заявил, что видит эти листки впервые, хотя книга действительно принадлежит ему.

Лацис всех задержанных доставил в ВЧК и доложил обо всем Дзержинскому. Феликс в тот же день созвонился с Мюллером и Рицлером и попросил их приехать.

Немцы приехали около шести вечера, и Дзержинский просидел с ними два часа. Он сказал, что подробно ознакомился с сообщением на имя Карахана и пришел к выводу, что их кто-то шантажирует. Уж слишком много явных улик: шифр, боевые пятерки, адреса. Если б эта организация действительно суще-

ствовала, то комиссии было бы известно. Мюллер стал возражать, утверждая, что тому лицу, который приносит им эти данные, нет никакого смысла их шантажировать, он действительно был напуган всем происшедшим и не пришел в комиссию лишь потому, что боится ареста.

В разговор вмешался Рицлер. Он сказал, что раньше тоже думал о попытке навести их на ложный след, но он проверил информацию по своим каналам, и ее полностью подтвердили.

— А что это за «ваши каналы»? — заинтересовался Дзержинский.

— Извините, но их я раскрыть не могу, — слегка улыбнувшись, ответил Рицлер. — Но поверьте, они вполне надежные... Я думаю, Леон, — обратился Рицлер к Мюллеру, — вашего осведомителя можно будет свести с господином Дзержинским, пусть он послушает эти рассказы из первых уст.

— Я ручаюсь за сведения своего осведомителя! — холодно ответил Мюллер. — Вы же проверили некоторые из них, и они оказались точными. Так почему же я должен сомневаться в остальных сведениях? — усмехнулся Мюллер.

— Я верю, господа, что ваши источники вполне могут быть надежными, — прервал их пикирование Дзержинский. — Но нам, чтобы окончательно убедиться в существовании данной организации, все же надо встретиться с вашим осведомителем. — Феликс Эдмундович посмотрел на Мюллера. — Я понимаю, вы его ведете?..

Мюллер помрачнел.

— Вы же взяли Уайбера и убедились, что он реальное лицо, проживавшее по данному адресу, — проговорил он. — Вы сказали, что нашли у него зашифрованные листки и даже прочитали их с помощью нашего шифра. Так какие еще вам нужны подтверждения?

— Но не слишком ли много улик? А первые до-

просы Уайбера доказывают, что он никакого отношения к подпольной террористической организации не имеет. Конечно, мы проверим все его ответы, проанализируем, но если вы искренне заинтересованы в нашей помощи, то давайте будем доверять друг другу и раскрывать кое-какие свои секреты, иначе мы не сможем вам помочь, — убежденно высказался Дзержинский.

— Вы правы, господин Дзержинский, поэтому, Леон, вы должны познакомить комиссию со своим осведомителем и удовлетворить законное любопытство советских сыщиков... — Рицлер вытащил из кармана часы и поднялся, считая разговор законченным. Дзержинский же дал Мюллеру слово, что он не будет арестовывать его осведомителя, а только с ним побеседует, выяснит те детали, которые помогут следствию.

Мюллер был зол на Рицлера. Фактически этим распоряжением он отбирал у него Зинча и передавал его Дзержинскому. После этого поддерживать контакт с Зинчем будет бессмысленно, ищейки ВЧК не выпустят Зинча из поля своего зрения, и Мюллеру останется лишь ждать результатов расследования Дзержинского.

Мюллер нашел Зинча дома, последний с нетерпением его поджидал, подготовив два расшифрованных послания и предвкушая получить за каждое, как минимум, по сто марок. Выяснение окончательной суммы гонорара вконец измучило Зинча. Он понимал, что сто марок за каждое послание Мюллер не выложит, но просить по пятьдесят тоже не годится, Мюллер сгонит эту сумму до десятки, как ловко его в свое время объегорил Жорж... Черт, он же должен получить вторую половину его гонорара за вступление. Он ездил в Фили, распространял листовки, этого достаточно. Зинч уже хотел бежать к Жоржу, но вспомнил, что придет Мюллер. Надо выдоить их

обоих до начала съемок, а там пусть ищут господина Зинча. Время смутное и глупое.

Когда Мюллер рассказал Зинчу, что Дзержинский требует встречи с ним, Зинч категорически отказался идти в комиссию. Он вообще заявил, что там откажется от всех своих слов, сказанных Мюллеру, но лейтенант напомнил ему о расписке, заверенной его собственной подписью и подтверждающей правдивость всех показаний, а также расписки на получение денежных сумм, где указано, что выдано три тысячи за адрес Френсиса Уайбера, за копию шифра и так далее. Больше того, Уайбер уже арестован и находится в ВЧК, а сотрудники Дзержинского уже прочитали с помощью шифра, полученного от Зинча, шесть записок Уайбера, и в одной говорится о некоем З. Фамилия обозначена одной буквой, и Мюллер может ее процитировать дословно, если Зинчу угодно знать, что в ней написано. Зинч попросил Мюллера процитировать. В записке говорилось: «Дорогой З. В самое краткое время подыщите исполнителя для убийства Мирбаха. В суммах можете не стесняться, я готов заплатить 2 — 4 миллиона рублей за подготовку и осуществление этой акции. Ф.».

— Кто такой З.? — ревниво спросил Мюллер. — Может быть, это вы?..

— Я не знаю никакого Уайбера, — испуганно пролепетал Зинч. — Что знал, я вам уже сказал. Больше я ничего не знаю...

— Но ведь вы сами сказали, что получили два зашифрованных послания! — возбужденно проговорил Мюллер.

— Я ничего не получал! — отрезал Зинч, побледнев и вскакивая со стула.

— Хорошо, хорошо, — стал успокаивать его Мюллер, понимая, что все может сорваться, и Зинч еще до приезда сотрудников комиссии уничтожит все послания и улики, будет все отрицать, и они

окажутся в тупике. — Я просто хотел предложить вам некоторую сумму за каждое послание, ну, скажем...

— У меня нет никаких посланий! — повторил Зинч. — Это была шутка! Я пошутил, герр лейтенант! Вы понимаете?!..

Зинч был перепуган не на шутку, и Мюллер лихорадочно соображал, как спасти положение.

— Пусть это будет шутка, но за каждую из них я готов выложить по сто марок! По сто марок! — повторил Мюллер, и Зинч приумолк, замороженный небывалой суммой. — Причем сразу же, деньги у меня с собой!

Мюллер даже стал вытаскивать деньги, он знал, что вид купюр всегда действует безотказно. Зинч смотрел на них и не знал, на что решиться.

— Ну что ж, если вы не хотите, я заберу тогда свои деньги, — огорченно сказал Мюллер, забирая деньги и рассовывая их по карманам. Зинч молча следил за этими манипуляциями и наконец не выдержал.

— Хорошо, я согласен, но в комиссию не пойду! — заявил Зинч.

— Конечно, — тотчас согласился Мюллер и стал снова вытаскивать деньги.

Получить за два паршивых послания, которые он сочинил за двадцать минут, двести марок — такую возможность Зинч упустить не мог. Поэтому через несколько мгновений деньги перекочевали в карманы Зинча. Мюллер пробежал глазами послания.

«Шкаф из красного дерева не привозите, у бабушки такой есть, но она будет рада, если вы купите к чаю коробку шоколадных конфет с начинкой из рома. Ждем вас, как обычно, в среду около семи вечера. *Вера*». Второе послание было аналогично, только просили привезти, если возможно, фотографию Дмитрия. Последнее послание Мюллер расшифровал сразу: «Вера» — это Уайбер или кто-то

еще из лидеров организации — просила Зинча нарисовать план первого этажа посольства, в котором Зинч был, потому что «Дмитрий» и Денежный перулок, где находилось посольство, начинались с одной буквы.

— А что это за «шкаф из красного дерева»? — спросил Мюллер.

— Это один работник наркомата, — соврал Зинч, — которого они хотели привлечь к своей деятельности, но в последний момент передумали, а коробка шоколадных конфет — это листовки с призывами убить Мирбаха. Мне их должны занести, а я должен расклеить в среду на улицах после семи вечера, — простодушно рассказывал Зинч, и у Мюллера загорались глаза, как у гончей, идущей по следу.

— А почему «с начинкой из рома»? — спросил Мюллер. — Что означает «ром»?..

— «Ром» — это серия листовок, где буквы набраны красным цветом, — пояснял Зинч.

— А к «чаю»? Почему к «чаю»?! — интересовался Мюллер.

— Скоро же Пятый съезд Советов, — сказал Зинч. — Он открывается когда? — улыбаясь, спросил Зинч.

— Четвертого июля! — радостно вспомнил Мюллер.

— Вот к нему и приурочена расклейка листовок, — договорил Зинч. — «К чаю» — к четвертому...

— «К чаю» — к четвертому! — как заклинание повторил Мюллер.

— Верно! — радостно воскликнул Зинч, подумав, какой он умный и как точно все написал.

Выяснив все детали шифрованных посланий, Мюллер снова заговорил о том, что надо встретиться с Дзержинским и все ему рассказать. Зинч категорически отказался. Тогда Мюллер стал угрожать. Если

Зинч не подчинится просьбе Дзержинского, тогда его привезут как арестованного, и Дзержинский поймет, что Зинч не хочет помочь следствию, а значит, он заодно с преступниками. Зинч заявил, что в комиссию он не поедет, это его последнее слово. Мюллер сказал, что в комиссию ехать и не надо, они договорились встретиться с Дзержинским на нейтральной территории — в «Метрополе».

— В ресторане? — спросил Зинч.

— Нет, там, видимо, есть номер, где Дзержинский принимает гостей... — проговорил Мюллер.

Упоминание «Метрополя» благотворно подействовало на Зинча, и он, немного поупрямившись, согласился, взяв с Мюллера клятвенное обещание, что его не арестуют. Мюллер поклялся, и они поехали в «Метрополь».

Дзержинский принял их в номере на втором этаже. Зинч нервничал, путался, несколько раз повторяя одну и ту же фразу, и Феликс с недоумением посматривал на Мюллера: если все строится на показаниях этого путаника, то грош им цена. К несчастью, от Рицлера примчался посыльный с запиской, в которой Мюллера вызывали в посольство. Лейтенант стал извиняться, объясняя, что должен уехать, Зинч перепугался и тоже объявил об уходе, не желая оставаться наедине с Дзержинским. Его с трудом удалось уговорить остаться, Дзержинский дал слово, что арестовывать его не собирается, и Мюллер спокойно уехал.

После ухода Мюллера, оставшись вдвоем с Зинчем, Дзержинский попросил его еще раз рассказать о встрече с Мамелюком и причине вхождения Зинча в организацию «Союз союзников».

Зинч повторил свой рассказ, опустив при этом, что к ним в ресторане чуть позже присоединился Блумкин. Он почувствовал, что знакомство с Мамелюком может бросить тень на Яшу, а при случае

Зинч напомнит Блюмкину об этом и даже воспользуется его помощью.

— Но почему этот Мамелюк именно вас пригласил в эту организацию? — спросил Дзержинский. — Судя по вашим же рассказам, это военная организация, а вы человек совсем не военный...

— Да, я совсем не военный! — подтвердил Зинч.

— Так почему?! — спросил Дзержинский.

— Не знаю... — Зинч пожал плечами. — Может быть, ему понадобились мои актерские способности, скажем, для разведки, для сбора данных, он всегда восхищался моими способностями мгновенно перевоплощаться в любого персонажа...

— А вы актер? — спросил Дзержинский.

— Да, я учился на актера, — кивнул Зинч.

— И Мамелюк знал об этом?

— Конечно! Мы же давно знакомы! — похвастался Зинч. — Лет двадцать!..

— Но вы сказали, что он француз? — не понял Дзержинский. — Жорж Мамелюк — это ведь его фамилия?

— Да, но он жил в России! В Петрограде! Я знаю еще нескольких французов, которые живут в России! — убежденно заговорил Зинч.

— А почему вы, невоенный человек, решили вступить в этот «Союз»?.. — спросил Дзержинский.

— Честно говоря, мне нужны были деньги, и я не очень понял, куда вступил, надеясь, что Мамелюк об этом забудет!.. — Зинч пожал плечами.

— Но вы же получили деньги, и немалые, — напомнил Дзержинский.

— Ну и что? — удивился Зинч. — Когда я беру в руки деньги, то забываю обо всем на свете. Я начинаю думать о тех наслаждениях, которые могу с их помощью получить! — Зинч шумно вздохнул и, заметив недоумение на лице Дзержинского, рассмеялся. — Вас шокирует такая моя откровенность? Но разве вы не любите деньги, то есть не деньги, а те

удовольствия, которые благодаря им можно получить?!

— Нет, — сухо сказал Дзержинский.

— Что — нет? — не понял Зинч. — Выпить рюмку водки, закусить соленым грибочком или балычком, лечь в кровать с женщиной, которая тебе нравится, но которая просит, чтобы ее тоже угостили, сделали ей подарки, это же нормально и замечательно! — воскликнул Зинч. — Или все революционеры лишены простых человеческих желаний?!..

— Я думаю, что этих желаний они лишены, — с презрением глядя на Зинча, ответил Дзержинский.

Он поднялся, подошел к столу, закурил. Руки у него дрожали. Дзержинский за свою жизнь встречал немало трусов, и записных подлецов, и откровенных врагов, но сейчас был просто потрясен этим простодушным и радостным цинизмом. Революционера-романтика даже бросило в жар.

«Этот господин киношник, пожалуй, опаснее любого матерого преступника!» — подумал он и даже пожалел, что дал Рицлеру и Мюллеру обещание не арестовывать Зинча. Его надо не только лишить свободы, но, хорошенько допросив, лишить жизни, чтобы своим талантом такие вот Зинчи не растлевали окружающих. «И фамилия-то под стать: Зинч!» — промелькнуло у Дзержинского.

Молчал и Зинч, не понимая, на что обозлился Дзержинский. Вон Яша Блюмкин тоже чекист, даже начальник, но и выпить любит, и о женщинах они говорили. Ну а что делать, если раньше за отца матери выплачивали пособие, и они хорошо жили, а теперь пособие выплачивать перестали, и матери денег не платят, и цены стали бешеные... Вот на этот вопрос кто ему ответит?

— И что, этот ваш Мамелюк хорошо говорит по-русски? — спросил Дзержинский.

— Это потрясающе! — проговорил Зинч. — Когда я встречался с ним в Петрограде еще до ре-

волюции, он говорил по-русски с акцентом, и мы в основном говорили по-французски, а теперь шпарит без всякого акцента! Это удивительно!

«Он, видимо, просто выдавал себя за француза, — подумал Дзержинский. — И скорее всего, какой-нибудь монархист из савинковского окружения...»

— Я вам скажу даже больше! — проникновенно зашептал Зинч, приблизившись к Дзержинскому. — Я читал записку, в которой говорилось, что посол Мирбах будет убит между 5 и 8 июля, и больше того, в этой акции будет задействован один из ваших соотрудников!

— А что это за записка? — спросил Дзержинский.

— Это не важно, мне показывала ее одна дама, — ответил Зинч. — Я вам сообщаю эти сведения абсолютно бесплатно, и вы уж располагайте ими в соответствии. Но запомните: 5—8 июля произойдет убийство, и если вы не предпримете никаких мер, то вы будете отвечать за него! — запальчиво сказал Зинч.

— Но что это за записка, кто вам ее показал, почему именно 5—8 июля, я же не оракул, черт возьми! — возмутился Дзержинский. А если вы не сообщите мне сейчас, кто эта дама и как ее фамилия, я вас немедленно арестую за сокрытие важных сведений о преступниках! Как фамилия этой дамы?

— Я могу вам назвать ее фамилию... — испуганно пробормотал Зинч и попытался вспомнить фамилию Изольды, но не смог, она один раз ее называла, а он забыл. Зато в его памяти всплыла другая.

— Бендерская, имени я не знаю, — ответил Зинч. — И чем она занимается, тоже...

Председатель ВЧК все еще плохо верил в существование этой странной организации. Но, привыкший не доверять первым впечатлениям, он решил проверить сведения, подтвержденные Зинчем. В его рассказе приводилось шесть разных адресов, по ко-

торым находились явочные квартиры «союзников», а по одному из них, на Полянке, даже располагался некий арсенал, как утверждал тот же Зинч.

Дзержинский расспросил Зинча о некоей Бендерской, но кинодеятель эту даму видел всего один раз, когда она показала записку, и еще он получил от нее два письма. Одно письмо он даже показал Дзержинскому, на конверте был написан обратный адрес, и Феликс, прочитав его, запомнил.

Отпустив Зинча, Дзержинский взял с него слово, что тот не будет скрываться, а при надобности снова поможет расследованию. Зинч пообещал, что никуда не уедет, и ушел, одарив Феликса лучезарной улыбкой и добавив на прощание, что очень рад был познакомиться с господином Дзержинским.

— Надеюсь, мы еще увидимся! — добавил перед уходом Зинч.

— Обязательно, — кивнул Дзержинский.

Уже вторые сутки Френсис Уайбер находился в ВЧК, не понимая, почему его задержали и чего от него хотят, задавая вопросы о неведомой ему организации «Союз союзников» и спрашивая о шести зашифрованных листках, найденных в томике Диккенса. Уайбер ничего не знал, в десятый раз повторяя, что приехал в Россию еще до революции немного подзаработать денег, а вернувшись, жениться на своей милой Дженни Лейстер. Господа чекисты могут проверить его слова, послав соответствующий запрос в посольство. Он не скрывал причин своего приезда в Россию и того, почему не может выехать, так как все его деньги оказались арестованы. Господа чекисты могут все это проверить, опросить всех его учеников, с коими он вел беседы только об английском языке и более ни о чем.

Лацис зачитывал ему расшифрованные тексты, хранившиеся в томике Диккенса, но Уайбер лишь хлопал глазами, вздергивал худыми плечиками и, поправляя круглые очки, сползавшие на нос, в ко-

торый раз вглядывался в строки, где говорилось о будущем убийстве графа Мирбаха и предлагалось за это 2—4 миллиона. Кто такой З., Уайбер тоже не знал.

— А господина Зинча вы знаете? — в десятый раз ровным тоном спрашивал Лацис.

Уайбер непонимающе смотрел на него, хлопая ресницами. «Либо он действительно ничего не знает и его просто подставили, — думал Лацис, — либо он великий актер».

— Я не знаю никакого господина Зинча, — повторил Уайбер, и губы его дрогнули. — Я не знаю никакого господина Зинча... Я не знаю никакого господина Зинча! — выкрикнул Уайбер. — Я не знаю никакого Зинча!..

Губы у Уайбера задрожали, и он заплакал, закрыв лицо руками. «Только этого еще не хватало», — подумал Лацис.

— А вот гражданин Зинч вас знает, — повторил спокойным голосом Лацис.

— Я не знаю, почему он смеет вытребовать, что знает меня, я же не имеем чести его знать! Не имеем!.. — сквозь рыдания повторил Уайбер.

Лацис налил ему воды.

В эту секунду в комнату вошел Дзержинский. Лацис поднялся, но Дзержинский махнул рукой, давая понять, чтоб он продолжал допрос, а сам сел в углу, позади Уайбера.

Френсис выпил воды, выгащил платок и громко высморкался.

— Я не знаешь, как мне убедиться, чтоб вы поверили моим словам, — успокаиваясь, заговорил Уайбер, — я не знаешь, но, видите, я становлюсь жертвой подлого доношения, и этот же подлый человек, придя ко мне под плащом ученика, наложил в мой том Диккенса эги листки, содержание которых я отказывался понимать. Отказывался!..

Уайбер неплохо говорил по-русски, хоть и с ак-

центом, но сейчас, видимо от волнения, он пугал падежи, и это вызывало у Лациса улыбку.

— Хорошо, но кто из ваших учеников вызывал у вас подозрения? — спросил Лацис.

— Я не знал... Все! Они все вызывали... — Уайбер запнулся и добавил: — ...вали мои подозрения, потому что платят деньги и совсем нет старанья! — проговорил Уайбер. — Нет, один из них, Кисельев, да, один Кисельев может учиться, и когда у него прекратились деньги, я продолживал с ним учиться без платы, он очень мог учиться...

— У вас Киселев вызывал подозрения? — уточнил Лацис.

— Нет, все другие, — ответил Уайбер.

— А фамилии вы можете перечислить? — спросил Лацис.

— Да, я записывать в тетрадь имена и фамилии, но я не просить паспорт, чтобы сверяться, поэтому они говорили любые фамилии, я только записывать, и все... Но эту тетрадь отбирали ваши господа, я не знал, где она сейчас?

Дзержинский поднялся, посмотрел на Лациса. Лацис кивнул.

— Посидите несколько секунд, я сейчас вернусь, — проговорил Лацис и вышел следом за Дзержинским в коридор. Дзержинский закурил, предложил папиросу Лацису.

— Его надо отпускать, — закуривая, махнул рукой Лацис. — Конечно, если он гениальный актер, то тут уж ничего не попишешь, но пока никаких зацепок. Мы прошлись по трем фамилиям из его тетради, все подтверждают, что он учитель, преподавал английский, и ничего больше...

— Пока подождем, — неожиданно сказал Дзержинский. — Организация вроде бы действительно существует, тут я верю Рицлеру, эту старую лису обмануть трудно, поэтому пусть думают, что мы клю-

нули на Уайбера... — стряхивая пепел в ладонь, попросил Дзержинский.

Он вытащил из кармана бумажку, протянул Лацису. Там были написаны две фамилии: «Владимир Иосифович Зинч. Бендерская». Под второй фамилией был указан адрес.

— Эти двое — единственные реальные пока члены «Союза союзников», — обронил Дзержинский. — Их надо арестовать. Сложность в том, что немцам, чьими осведомителями они являются, я обещал их не трогать, поэтому надо арестовать их денька через четыре — через неделю, и тихо. Этого Зинча я бы, не задумываясь, расстрелял, преотвратительная циничная личность! Ну все, мне пора в Совнарком на совещание...

Дзержинский двинулся в свой кабинет. На пороге он остановился, обернулся к Лацису:

— Ты объясни этому Уайберу, что мы ему верим, но пока нужно, чтоб он побыл у нас... — Дзержинский усмехнулся. — Скажи, что это для его же безопасности, ну что-нибудь в этом роде!..

Лацис кивнул и вернулся к Уайберу.

— Чаю хочешь? — спросил Лацис.

Уайбер кивнул.

— Сейчас попьем чайку! — Лацис снял трубку. — Иван Ксенофонович, пару стаканчиков и сушечек побольше!.. А в Лондоне пьют чай с сушками? — спросил Лацис.

— В Лондоне нет сушак, — с грустью вздохнул Уайбер.

Бирзе неожиданно предложил Блюмкину сходить в синематограф. Он заранее отсмотрел всю кинопрограмму, и там среди всяких новостей была и хроника пребывания немцев в Киеве: усатые пруссаки прогуливались по Крещатику, чувствуя себя как дома, а потом показывали кадры страшных немецких газовых атак. Бирзе видел, как на этих кадрах Блюмкин подался вперед, лицо его заострилось, он побледнел и гневом блеснули глаза в темноте.

Потом они пообедали в ресторане «Элит», который размещался на первом этаже гостиницы, где жил Блюмкин. Заказали по окрошке, лангету, взяв и триста граммов водки и соленые огурцы. Блюмкин все еще переживал увиденные кадры, и Бирзе не торопился с разговором.

— Ты знаешь о решении твоего ЦК от 24 июня? — спросил Бирзе, намазывая хлеб горчицей.

Блюмкин вопросительно посмотрел на собеседника.

— Значит, не знаешь... — выдержав паузу, проговорил Бирзе и стал есть окрошку, морщась от горчицы.

— А что за решение? — спросил Блюмкин. — Я просто давно не забегал в Леонтьевский...

— Видишь ли, это секретное постановление, и я просто не имею права разглашать его, мне самому

оказано в некотором роде доверие и уважение, так что... — Бирзе замолчал.

Официант принес в графинчике водку, Бирзе подмигнул Блюмкину, по-гусарски подкрутил усы, наполнил рюмки.

— Э, братец, а огурчики? — обратился Бирзе к официанту. Как же водку закусывать?

— Сейчас принесу! — спохватился официант.

— А почему, кстати, твое отделение в ВЧК сократили? Как они объясняют? — спросил Бирзе.

Блюмкин махнул рукой.

— Мой начальник запретил мне с тобой общаться, что там стряслось у тебя? — спросил напрямую Бирзе. — Я, как ты сам понимаешь, могу и у Петерса об этом узнать, но лучше будет, если ты сам все расскажешь...

Блюмкин помедлил и рассказал историю с Мандельштамом, немного смягчив всю ситуацию и представив дело так, что Блюмкин не успел оформить ордера на работе, стал их заполнять в гостях, а этот сумасшедший поэт выхватил их и порвал. Бирзе знал, что решение по расстрельным ордерам имеет право принимать лишь «тройка» в ВЧК, а подписывал их обычно сам Дзержинский или Ксенофонов, и тут, видимо, у Блюмкина разыгрались амбиции.

— Не переживай, — подбодрил Яшу Бирзе. — У вас в комиссии идет нормальная борьба. Дзержинскому не выгодно, чтобы социал-революционеры занимали какие-нибудь ведущие посты. Он бросил вам, как кость, Александровича, а больше делиться властью не хочет!

Официант принес огурчики, политые подсолнечным маслом и посыпанные зеленым луком и чесноком.

— Вот это закуска! — весело сказал Бирзе и поднял рюмку. Ну, за встречу, что ли?..

Они чокнулись, выпили. Бирзе вдруг сморщился, замахал руками, стараясь отдышаться, и Блюмкин усмехнулся, наблюдая за ним. Сам он махнул легко.

— А что за решение все же?.. — раздраемый любопытством, спросил Блюмкин. — Я все равно узнаю, Мария Александровна мне скажет, она с доверием ко мне относится, — обиженно проговорил Блюмкин.

— Ну ладно, скажу! Коли мы уж с тобой задружили, да ты и действительно узнаешь, только ты от меня ничего не слышал, сам понимаешь!.. — попросил Бирзе, и Блюмкин кивнул. — ЦК вынес смертный приговор Мирбаху. И я думаю, исполнить его надо будет тебе...

Бирзе помолчал, глядя на Блюмкина, но тот был спокоен, словно речь шла о пустяковой просьбе: подежурить на праздники.

— Откуда мои такие соображения появились, — продолжил Бирзе. — Во-первых, ты член партии и к тебе, я знаю, уважительно относятся Голубовский, Прошьян, Спиридонова. Тебе надо зарабатывать партийный авторитет, а если ты исполнишь это важнейшее поручение ЦК, то, думаю, сможешь стать его членом. А что такое член ЦК? Один из вождей партии! И тогда те же Петерс и Дзержинский будут вынуждены считаться с твоим мнением. А стать в двадцать лет одним из партийных вождей... — Бирзе мечтательно вздохнул. — Тогда и я приползу к тебе рекомендацию просить!.. Тракман все агитирует меня в РКП (б) вступать, а я не хочу делить ответственность с теми, кто продает Россию немцам. Если уж говорить откровенно, позиция вашей партии мне ближе всего! — не без пафоса проговорил Бирзе и разлил водку. — Давай выпьем за вашу партийную платформу! Самую верную и справедливую среди крестьян и пролетариев!

Они выпили. Бирзе снова поморщился, замахал рукой, и Блюмкин даже рассмеялся.

— Не выучился ее, проклятую, пить! — Бирзе сердито стукнул кулаком по столу. В ресторане было пусто, и на них никто не обратил внимания.

— А как же на фронте? — спросил Блюмкин.

— Так и на фронте: пил да морщился!

Они доели окрошку, и официант принес по котлете.

— А потом, я тебе скажу, дело даже не в партийной карьере, хотя ничего зазорного я в этом не вижу. Как говорят, плох тот солдат, кто не мечтает стать генералом. Дело в другом. Один умеет взять на себя груз ответственности за человечество, а другой не умеет. Я не оговорился: в данном случае речь идет о таком долге — перед человечеством! Четыре года Россия участвовала в войне против немцев. Не царь, не Временное правительство, а Россия, народ. Тысячи, сотни тысяч наших братьев полегли в этой битве, чтобы сломить великодержавный немецкий империализм, желавший подчинить себе всю Европу. Это была священная война. Большевики растоптали эти идеалы, продали наших братьев на Украине и в Белоруссии в рабство к немцам, и Мирбах, сидящий в Денежном переулке, торгует и дальше: он просит продать ему Балтфлот, остатки непотопленного Черноморского флота, он лелеет планы оккупации немцами Москвы, создает боевые группы, чтобы в час «икс» поднять восстание и ввести беспрепятственно в столицу немецкие войска. Ты об этом не знал, а я знаю, и твои вожди знают. Поэтому они и приняли это решение: казнить его. Теперь от того, кто за это возьмется, зависит и судьба России, и судьба Европы, судьба союзников: одолеют они немца или нет. Если Мирбаха не станет, то Россия подключается к войне, и тогда немцам капут. Вот такая, братец, тут важная штука. Почти цирк шапито выходит!..

Бирзе снова наполнил рюмки.

— Конечно, для такого дела нужен сильный, отважный, мужественный человек. Герой!.. А ты еще молод...

— При чем тут молодость?! — усмехнулся Блюмкин и, не дожидаясь Бирзе, опрокинул рюмку. — Когда я немцев бил, про молодость никто не спрашивал...

— Э, брат! — вздохнул Бирзе. — Одно дело немцев бить, там фронт, ты не один, в тебя палят, ты палишь, а другое, выйти лицом к лицу с врагом, проникнуть в его логово, обхитрить всех и понимать, что, возможно, придется умереть самому. Это совсем другая материя, мой друг...

Блюмкин задумался.

— Да... — помолчав, согласился он. — Это сложнее. Но почему вы думаете, что мне это не под силу?..

— Наоборот, я думаю, что только тебе это и под силу! — наклонившись к Блюмкину, прошептал Бирзе. — Только тебе! Поэтому и говорю с тобой!..

— А почему вдруг вы? — неожиданно спросил Блюмкин.

— Могу и на этот вопрос ответить, — помедлив, проговорил Бирзе. — Но только строго между нами! Дашь слово?

— Какие вопросы! — усмехнулся Блюмкин.

— Голубовский просил прощупать, — соврал Бирзе. — Мы с ним старые товарищи, а он уже сейчас не спеша продумывает кандидатуры и конечно же не хочет, чтоб это решалось в приказном порядке, тут нужна, сам понимаешь, личная инициатива, хотя я сказал ему, еще два дня назад, что ты наиболее подходящий товарищ для этого дела...

Бирзе наполнил рюмку Блюмкина.

— Но только никаких ссылок на меня, на этот разговор, сам понимаешь: его не было!

Блюмкин кивнул.

— Ну давай, за тебя! Надо этим немцам такой цирк шапито устроить, чтоб они у себя в Берлине вздрагивали при фамилии «Блюмкин»! Смогёшь? — Бирзе подмигнул ему.

— Смогём! — резво ответил Блюмкин.

Они чокнулись, выпили, Бирзе снова заморщился, стал махать руками, как клоун, и Блюмкин, улыбаясь, даже подумал, что Бирзе намеренно его веселит.

— Вот чертово зелье!.. — утирая слезы, проговорил Бирзе.

Пообедав, они расстались, Бирзе торопился на какую-то встречу, а Блюмкин поднялся к себе в номер. Было воскресенье, 30 июня, и в выходные Яша не знал, куда себя деть. Поэтому он и согласился сходить с Бирзе в синемаатограф, а потом отобедать. Происшедший разговор сильно взволновал Блюмкина.

Он, не раздеваясь, прилег на кровать.

«Как ни посмотри, а Бирзе прав, — подумал Блюмкин. — С чекистской работой у него не сложилось, и надо себя заявлять в партии. Это единственная у него опора в жизни, не бегать же клерком, письма разносить или дела подшивать, как Ксенофонтов... Надо выходить либо в герои, либо...»

Блюмкин поднялся, заходил по номеру. Он привлечет Андреева как помощника, и они вдвоем все сделают. Конечно, по его плану.

«А если их убьют?.. — Блюмкин ощутил предательский холодок под сердцем и остановился. — Да, Бирзе не врал, говоря, что это совсем другая материя... Цирк Шапито, не иначе!.. Сдюжит ли он тут?...»

Блюмкин вдруг вспомнил рассказ Александрови-

ча о том, как Мария Александровна застрелила черносотенца Луженовского. Ей было тогда почти столько, как и ему, двадцать два года. Поэтому сегодня она и вождь партии. Она это заслужила, прошла через такие страдания, что ему и не снилось. «И сейчас судьба не случайно предлагает мне это испытание, совсем не случайно!..»

Блюмкин выдохнул предательскую дрожь, закурил.

«Александрович думает, что я только по пьянке куражиться умею да лопоухих поэтов пугать! Ему тоже надо доказать, с кем он имеет дело! — думал Блюмкин, имея в виду прежде всего Дзержинского. — Он ликвидировал мое отделение? Хорошо! Я докажу другим способом, кто такой Яков Григорьевич! Со мной так нельзя. Я и на фронте от смерти не бегал, за чужие спины не прятался!..»

Он вдруг улыбнулся, сам не зная чему.

— Если б еще и пожить немножко, в самый раз было бы!.. — весело проговорил вслух Блюмкин.

Под вечер — было еще светло, палило солнце, но жара спала — Блюмкин заскочил в Леонтьевский. Его мучил один вопрос: с чего это Бирзе взялся обсуждать столь щекотливое дело? Да еще заплатил за обед, не разрешив вложить свою долю Блюмкину? Нет, он не видел в этом особого коварного умысла, тем более что Голубовский сам не отказывался от приятельских отношений с Бирзе, Блюмкин даже видел их как-то вместе, но почему с ним никто не переговорит напрямую?..

На его счастье, Спиридонова была у себя. Охранник, оголившись по пояс, лежал на подоконнике, прикрыв глаза, и загорал. Винтовка стояла в углу. Заметив Блюмкина, он поднялся, но надевать гимнастерку не стал и за винтовку не схватился.

— Что еще такое?! Как службу несем?! — строго спросил Блюмкин, подойдя к нему.

— А чего? — берясь за винтовку, вспыхнул охранник.

— Мы охраняем или загораем?!..

— Я же вижу, что свой, — смутившись, пробормотал охранник.

— Был бы я не свой, тебя бы в живых давно не было, и товарища Спиридоновой тоже! — жестко ответил Блюмкин. — Надень гимнастерку и отправься!

Он заглянул в кабинет. Мария Александровна сидела за столом и что-то писала. Увидев Яшу, она заулыбалась, даже расцвела румянцем.

— Заходи, коли пришел! — пропела она.

— Я не помешаю? — спросил Блюмкин.

— Мне нужно еще полчаса. Если не торопишься, то завари чайку! У меня клубника есть с сахаром!..

— Я отпущу охранника? — спросил Блюмкин. — Лучше меня все равно никто не защитит, — со значением сказал он, и Спиридонова чуть порозовела.

— Ну отпусти... — поколебавшись, разрешила она, розовея еще больше. — Жара стоит просто оглушительная!.. Чайник знаешь где...

— Сейчас заварю...

Блюмкин закрыл дверь, подошел к охраннику. Красномордый, с рыжим чубчиком охранник хмуро смотрел на него.

— Иди в отряд, — разрешил Блюмкин.

Охранник кивнул, он слышал предыдущий разговор со Спиридоновой.

— Как настроение у ребят? — спросил охранника Блюмкин.

— Да, большевиков все ругают, — ответил он. — Из деревни пишут, голодно зимой будет, хлеб не уродился...

Охранник ушел, а Блюмкин вскипятил на керосинке чайник и отнес в кабинет к Спиридоновой.

— Вон в шкафу клубника в банке, доставай, ешь, я сейчас! — И она снова склонилась над стопкой

исписанных листов, вода ручкой по строчкам и шевеля беззвучно губами.

Блюмкин выложил клубнику на тарелку, достал ложки, налил кипятку в стаканы.

— А там морковный чай был, заварил бы, — подняв голову, проговорила Мария Александровна.

Блюмкин принес морковный чай, сыпанул по стаканам. Спиридонова отложила в сторону исписанные листки.

— Я только что со съезда и вымотана вконец. Надо еще дописать резолюцию, наши ушли разговаривать с делегатами, как держаться на Пятом съезде Советов, — пояснила она. — Ну, рассказывай, как живешь?

— Да у меня все то же, гоняют, как пацана на посылках, — махнул рукой Блюмкин.

— Знаю, — нахмурилась Спиридонова. — Александрович мне рассказал, что Дзержинский тобой недоволен... Что там произошло?

— Да ничего особенного, — смутившись, проговорил Блюмкин. — А что с Мирбахом? — спросил Блюмкин, давая понять, что он в курсе событий.

— У тебя есть надежный человек? — помедлив, спросила она.

— Есть, — помедлив, кивнул Блюмкин.

— Кто?..

— Я...

Спиридонова вспыхнула, обожглась чаем.

— Я думала, кого-нибудь из отряда Попова можно привлечь к этой акции, — не поднимая головы, прошептала она.

— Это безрассудно, Мария Александровна, — сказал Блюмкин.

Он был на редкость спокоен и смотрел на нее с нежностью. Она встретилась с его взглядом и снова смутилась.

— Почему?..

— Потому что у меня уже есть весь план здания...

— Его можно передать любому, — перебила она.

— План можно передать, но без мандата ВЧК в посольство не впустят! — парировал Блюмкин.

— Мандат можно сделать, — ответила Спиридонова.

— Да и это можно сделать, но Мирбах не будет ни с кем разговаривать, кроме меня! — твердо сказал Блюмкин, и Мария Александровна с удивлением посмотрела на Блюмкина. — Это правда... Они уже подкатывались ко мне. Рицлер, их советник. А я сказал, что буду говорить только Мирбахом. Дело в том, что я арестовал его племянника, помнишь, я о нем рассказывал?..

Она кивнула.

— Племянник подозревается в убийстве, и тому у меня есть веские доказательства. Рицлер это уже понял и начал говорить со мной о том, как бы замять дело, ссылаясь на посла, его фамилию, что газеты раздуют скандал... Я сказал, что готов поговорить на эту тему с самим послом, и Рицлер согласился устроить такую встречу. Ни с кем из отряда Попова Мирбах на контакт не пойдет! — решительно заявил Блюмкин.

— Я бы не хотела, чтоб ты подвергал себя такому риску, — помолчав, проговорила она.

— Если это необходимо для революции, то какие могут быть сомнения, — сказал Блюмкин.

— Клубника сладкая... — улыбнулась Мария Александровна. — Первый раз ем в этом году...

— Я тоже, — кивнул Блюмкин.

— Надо загадывать желание!

— Загадал! — помолчав, объявил Блюмкин.

— О Мирбахе? — спросила она.

— Нет, — посмотрев на нее, ответил Блюмкин.

Он снова провожал ее до гостиницы, она взяла его под руку, и они, не торопясь, шли по тихой,

пустынной улочке, словно семейная пара, совершающая воскресный променад. Спиридонова говорила, что надо перед сном вычитать доклад, а завтра с утра отдать на машинку. Опять настают суматошные дни. Завтра закончится их съезд, а четвертого откроется Пятый съезд Советов, будет много ругачки, но ни на какие компромиссы они не пойдут. На днях она побывала в отряде Попова. Матросы пьют, и это ужасно, полная анархия. Сам Попов тоже был выпивши. Положиться не на кого. Прошьян болен, его надо лечить, ЦК требует, чтоб он ехал на юг — месяца на два. Ленин с Троцким и Свердловым врут внаглую. Нарком юстиции Стучка своим личным постановлением отменил по ревтрибуналам всякие ограничения в выборе карательных мер борьбы с контрреволюцией, то есть теперь они могут приговаривать к расстрелу человека, воровавшего кур в общественном курятнике. Спиридонова встретила Стучку, стала возмущаться, а он мялся, разводил руками, ссылаясь на просьбы с мест, и лишь потом признался, что над ним есть еще Владимир Ильич, послушаться которого он не может. И получается, что приказ этот издал Ленин, но руками Стучки...

Спиридонова отгораживалась от него этим разговором, и Блюмкин понимал, почему она отгораживалась: они подходили к гостинице, и надо было что-то придумывать, чтобы проститься.

— У тебя усталый вид, — остановившись у входа, проговорила она, подавая ему руку для прощания. — Мы еще поговорим о Мирбахе, ты задал мне задачку. Я переложила все на Голубовского, а он, видимо, сам не до конца понимает всю сложность этой акции...

— Я зайду? — тихо спросил Блюмкин.

Мария Александровна вспыхнула, в ее глазах блеснули слезы.

— Я сегодня не могу, — прошептала она, глядя в сторону.

— Почему? — обиженно проговорил Блюмкин.

— Так бывает у нас, лиц противоположного пола, тебе стоит походить на лекции по физиологии человека, — отрывисто сказала она и быстро ушла, не попрощавшись.

Блюмкин захлопал глазами и ничего не понял. И спросить было не у кого, даже Коля Андреев куда-то пропал и третий день не показывался на глаза. «Ну, только появись, — с ожесточением в душе выругался Блюмкин, — я тебе такой цирк шапито устрою, что своих не узнаешь!»

В десять утра к Блюмкину привезли Роберта Мирбаха. Он сам вызвался на допрос и вошел в кабинет худой и обросший.

— Я решил признание, — сказал он, глядя на Блюмкина отчаянно и решительно. — Я готовь все сказать...

Мирбах рассказал, как купил яд, как смешал его с шампанским и дал ей выпить, как ушел от нее, удостоверившись, что она мертва, и весь вечер просидел в ресторане, чтобы обеспечить себе алиби. Да, он хотел отомстить за мать, которая по ее вине так много страдала, и еще за то, что она разорила отца и теперь хотела разорить его. Под конец рассказа Мирбах не выдержал и даже заплакал. Получилось очень натурально. Блюмкин даже засомневался, потому что из Швеции был получен ответ о жизни госпожи Ландстрем, где говорилось, что она никогда не выезжала из Стокгольма, и перечислялись ее мужья и любовники. Никакого графа Мирбаха среди них не было. Конечно, все это мог подстроить и сам посол Мирбах, сведения Ханжонкова, который сразу же отказался их официально подтвердить, могли быть более точными, но суд примет во внимание лишь бумагу из Швеции, а значит, вся версия Блюмкина рассыпалась, как карточный домик. Даже признание самого Роберта Мирбаха не стоило и ломаного гроша, ибо на суде, где его права будет защи-

щать адвокат, он от этого признания откажется и заявит, что на него было оказано давление.

— Я хочью суда! — заявил Мирбах.

— Хорошо, суд будет, — сказал Блюмкин и показал ему бумагу, полученную из Швеции.

Мирбах с жадностью прочитал ее.

— Получается, что ты опять меня обманываешь, — усмехнулся он. — А я хочу услышать правду. И врач дал заключение: госпожа Ландстрем отравилась снотворным, никакого другого яда в ее организме не обнаружено. А ты рассказываешь про яд, который купил на базаре. На нашем советском базаре ядами не торгуют, это вранье!.. Ну и что будем делать?

Мирбах снова заплакал.

— Я ее не убиваль, — забормотал он. — Я не хочью больше тюрьма, я хочью свобода!.. Свобода!.. — выкрикнул он и зарыдал в голос. — Я уже биль плен, я дольго бил плен, я больше не хочью! Не хочью!.. Льибо суд, льибо свобода!

Он вдруг помрачнел, его лицо приняло свирепое выражение, и Мирбах стукнул кулаком по столу. Блюмкин испугался этой внезапной свирепости, вызвал охранника и приказал Мирбаха увести. «Теперь начнет писать жалобы и придется его отпустить», — подумал он. Рушилось последнее дело, которым он занимался, и его концовка рано или поздно выплывет наружу. Как только Роберт Мирбах попадет в руки дядюшки и все ему расскажет, посол непременно отправится к Ленину и потребует наказания виновных. А Ленин, который подкуплен послом Мирбахом, вызовет Дзержинского и обрушит на него весь свой гнев, и Блюмкина вполне могут поставить к стенке.

— Это даже несомненно... — пробормотал Блюмкин и даже вспотел, вдруг ясно представив все последствия. Всплывет дело с Мандельштамом, и из него сделают козла отпущения. Дзержинский с жес-

токой суровостью относился к проступкам своих подчиненных. Даже если он сегодня освободит Мирбаха, Дзержинский тотчас потребует объяснений: на каком основании он держал его столько дней?!..

— Да нет, это невозможно! — пробормотал Блюмкин.

Заглянул Ксенофонов и сказал, что его вызывает к себе Александрович. Блюмкин отправился к нему.

Александрович переписывал какие-то бумаги, кивнул в ответ на его приветствие и предложил чаю. На столе стояли два стакана и тарелка с сушками. Блюмкин стал пить чай, нервно ломая сушки. Александрович закончил писать и, улыбнувшись, спросил: «Как настроение?..» Блюмкин махнул рукой. Тогда Александрович спросил, знает ли Блюмкин о решении ЦК партии левых эсеров от 24 июня. Яша ответил утвердительно.

— Мне интересно знать ваше отношение к этому постановлению, поинтересовался Александрович. — Мы как бы в одной команде с вами...

— Как член своей партии, отношусь к этому положительно, — ответил Блюмкин.

— Да-да, — замялся Александрович, — я сам член ЦК, но на том заседании я голосовал против этого решения и оказался просто в меньшинстве... Я решился поговорить с вами, Яков Григорьевич, по двум причинам. Во-первых, я вижу в вас умного и взвешенного партийца, а во-вторых, человека, имеющего некоторое влияние на Марию Александровну, которую я очень уважаю. Но в данном случае она поддавалась влиянию некоторых наших экстремистски настроенных членов ЦК...

Александрович выдержал паузу, нервно крутя в руках карандаш, точно хотел пофамильно назвать этих экстремистов, но не решился. Дальше он начал обрисовывать общую ситуацию, сложившуюся в стране, стал жалеть большевиков, как им несладко

живется, когда надвигается голод и разруха и что разлад в этих условиях гибелен для обоих политических течений, что надо искать не столкновений, а хвататься за любые возможности союза с большевиками.

— Брестский мир уже существует, на него было затрачено много сил, и не надо пытаться его разрушить! — темпераментно доказывал Александрович. — Это глупость, которую не могут понять Прощьян и Голубовский, мнящие себя Наполеонами и подстрекающие всю партию к войне с большевиками. Ради чего? Ради того, чтобы захватить власть? Но для этого у них нет реальных возможностей! У Ленина кончится терпение, и он будет вынужден объявить нас как политическое течение вне закона. И этой последней каплей может стать убийство Мирбаха, если мы докатимся до этого!.. Вы меня понимаете?

— Я вас понимаю, — кивнул Блюмкин, — но не разделяю вашей точки зрения. Мирбах готовит переворот, он торгует Россией, немцы издеваются над нашими братьями на Украине, я видел это собственными глазами, а Ленин сознательно поощряет немцев и Мирбаха, и мы по вашему совету должны гладить их по головке и бросать шляпы в воздух от восторга? Какие же мы после этого социал-революционеры? Мы тогда буржуазные соглашатели и даже хуже, предатели всего революционного класса!

Александрович поморщился.

— Хватит уже революционной риторики, Яков Григорыч! Надо начинать делать свое дело и поднимать страну, которая до нас еще была развалена. Народ устал от революционных фраз и лозунгов, он хочет мира, хочет спокойно работать, возделывать землю, как вы этого не поймете?! — покраснев от волнения, возмущенно проговорил Александрович. — Я хочу видеть в вас осмысленного человека, а не террориста с наганом!

— Вячеслав Александрович, вы сейчас идейно близки с большевиками, а это опасно, вам надо определиться: с кем вы?.. С нами или с Лениным?..

Александрович неожиданно усмехнулся:

— Вы говорите слово в слово как Спиридонова...

— Мы просто близки с ней, — ответил Блюмкин и, перехватив недоуменный взгляд Александровича, смутился: — Я имел в виду идейно близки...

— Н-да... — Александрович сломал карандаш и, устыдившись этого жеста, спрятал обломки в карман. — Спасибо, я вас больше не задерживаю!..

Блюмкин поднялся, подошел к двери.

— Считайте, что этого разговора не было, — попросил Александрович.

— Да, я так и буду считать! — кивнул Блюмкин и вышел.

Яша был потрясен политической близорукостью Александровича. Он — член ЦК, сотоварищ председателя ВЧК, человек, который мог бы многое сделать для партии, а получается, что Александрович — тайный агент Ленина и сейчас пытался завербовать в свой предательский круг Блюмкина. И только его стойкость, железная принципиальность не позволили Александровичу завербовать Яшу. А будь на его месте какой-нибудь Гусев?..

От этого страшного предположения у Блюмкина даже пересохло во рту. Он заскочил к себе в кабинет, налил воды из графина и залпом осушил целый стакан. И в ту секунду почувствовал, как ствол револьвера уперся в его спину.

— Тихо! Не двигаться! — пробасил незнакомый голос. — Иначе прошью, как рябчика! Руки на стол! Живо!

Блюмкин положил руки на стол, и неизвестный резкими движениями раздвинул ноги Блюмкина, вытащил у него револьвер из кармана, отошел в сторону.

— Теперь медленно разворачивайся!.. Медленно, я сказал!

У Блюмкина за эти секунды промелькнула перед глазами страшная картина: даже если его не убьют, то сдача личного оружия и отсутствие бдительности — проворонить в своем личном кабинете врага — будет стоить ему не только отставки по службе, но и потери авторитета в глазах Спиридоновой и Голубовского, а это равносильно потере смысла жизни. И ему ничего не останется, как только пустить себе пулю в лоб. Блюмкин уже представил свои похороны, как Мария Александровна бросает ком земли в открытую могилу, прощая Блюмкина и возвращая к нему свое уважение за этот решительный шаг, но на этом месте фантазии его внезапно оборвались. Яша увидел конопатую рожу Андреева, которая вмиг расплылась, и Коля заржал, как жеребец, получая удовольствие от растерянного вида Блюмкина.

— Никакой революционной предосторожности, товарищ Блюмкин, — понимая, что перегнул палку, и возвращая Яше револьвер, оторжавшись, заметил Коля, выкладывая фотографии немецкого посольства и схему его охраны.

Блюмкин мог за такие фокусы заехать Андрееву и по роже, но благородно сдержался. Засунул револьвер за пояс и с мрачным видом сел за стол, решив никак не замечать матроса, как будто его вообще не существует в природе.

— Схемочку, между прочим, слямзили по вашей просьбе благодаря чувствительному расположению ко мне Антонины Никандровны, техсекретаря, что говорит о том, что если враг обладает приятной наружностью и душевным напором, то секретов для него нет!.. — похвастался Андреев.

Схема охраны немецкого посольства действительно являлась секретным документом ВЧК, и даже Блюмкин не был с ней ознакомлен. И то, что тех-

секретарь Тоня выдала Андрееву ее для пересъемки, могло, как для нее, так и для Андреева, обернуться плачевно. За это и расстрел недолго схлопотать. Блюмкин подробно изучил схему, уже совсем смягчаясь по отношению к рыжему идиоту Андрееву, который еще и усики подстриг ниточкой над верхней губой, как карточный шулер.

— Ладно, извини, я же пошутил! — промычал Андреев. — Я тебя тут полтора часа сижу жду, как дурак, а его все нет! О чем можно с Александровичем полтора часа варнакать?!

Блюмкин поморщился. Его раздражала эта дурацкая манера Андреева засорять свой язык разными дурными словечками. «Неужели я полтора часа говорил с Александровичем?» — подумал Блюмкин. Ему показалось, прошло минут двадцать.

— Ладно, бутылка с меня! Дог?.. — Андреев протянул руку.

«Дог» — это у Коли «договорились».

— Дог! — Блюмкин шлепнул по его руке. У него и на самом деле прошла злость на Колю. А еще через пять минут он был уже благодарен Андрееву за то, что тот устроил Яше такую проверку: терять бдительность нельзя ни при каких обстоятельствах.

Блюмкин спросил у Андреева про странную болезнь, какая случается у особ женского пола, и Коля весьма похабно объяснил всю ситуацию, отчего Яша даже скривился.

— Ты можешь выражаться приличным языком?! — рассердился на него Яша.

— А че тут неприличного? — не понял Андреев. — Неприлично, когда все наоборот! Это значит, что баба беременна! — брякнул Коля.

— Я тебе запрещаю говорить слово «баба»! — покраснел Блюмкин. — Бабы были раньше, а теперь у нас одни трудовые женщины!.. И вообще, чем ты все время занимаешься?! Ты хоть книжки читаешь? Вот кто такой генерал Ермолов?

— Это из царских, что ли? — не понял Андреев.

— Это из царских, но других! Он революционером был!

— Революционером?! — округлил глаза Андреев.

— Ну не таким, как мы, чуть поменьше, но мыслями в нас!

— Да черт с ним! Пошли, я ставлю! — предложил Андреев.

— У нас с тобой есть одно важное революционное задание, — выдержав паузу, многозначительно проговорил Блюмкин. — Ты готов пожертвовать своей жизнью ради революции? — глядя Андрееву в глаза, шепотом спросил его Блюмкин.

— А зачем? — не понял Андреев.

— Ради светлого будущего всего человечества, — просто сказал Блюмкин. — Наступает такой момент, когда твоя жизнь может изменить весь ход истории... Ты готов к этому?

— Не знаю, — честно признался Коля. — Тут надо вмазать хорошенько!

— Да помолчи хоть раз в жизни! — взъерился Блюмкин. — То, что я тебе сейчас расскажу, это и есть настоящее дело, о котором мечтает каждый революционер! Я готов к нему. Но мне нужен помощник. Если твое сердце жаждет подвига и славы, ты сможешь найти ее!..

Блюмкин вытащил револьвер и положил на стол.

— Давай споем «Интернационал»! — предложил Блюмкин. — Только тихо!..

И он первым запел: «Вставай, проклятьем заклейменный...» Андреев помедлил, потом стал тихо мычать, следуя за Блюмкиным.

— Ты чего? — не понял Яша.

— Да я слов не знаю, — сказал Андреев.

Яша устало покачал головой, и они сели. «Нет, таких помощников мне не надо!» — твердо сказал про себя Блюмкин.

...Лоран вышел из больницы и зажмурился от яркого солнца. Голова кружилась от больничных запахов, он чувствовал себя паршиво, болезнь еще держалась в нем, профессор постоянно напоминал ему, что самое страшное загнать ее вовнутрь, недолечить, стать хроником.

Врач, выйдя следом за ним на крыльцо, пристально посмотрел на Лорана и закурил.

— Мне, кажется, что и вы заразились! — проговорил он.

— Нет, это от запахов, со мной всегда так в больницах, — улыбнулся он. — Она поправится?

— Будем надеяться, — сказал врач. — Хотя положение очень сложное. Если б на день-два раньше!

— Она ни в какую не хотела... — покачал головой Лоран.

— Вы же муж, — усмехнулся врач.

— Да я мотался по делам... — Лоран недоговорил, махнул рукой.

— Звоните, пока свидания разрешить не могу, а из передач только соки. — Врач выбросил окурочек в старое ведро, служившее урной, и поднялся на крыльцо. — Если почувствуете, что горло обложено и температура, приезжайте немедленно! — напомнил он. — До свидания!

— До свидания... — кивнул Лоран.

Врач ушел, и Пьер почувствовал облегчение, можно было расслабиться. При враче он держался молодцевато. Изольда заболела два дня назад, температура сразу подскочила к сорока, она стала бредить. На следующий день пришел профессор и потребовал немедленной госпитализации, но Изольда категорически отказалась ложиться в больницу, профессор отказался вообще к ним приходить, и лишь сегодня Лоран уговорил ее показаться врачу. Он был благодарен ей за те дни, когда она самоотверженно ухаживала за ним, даже обольстила его, стараясь вырвать из цепких дифтерийных лап, и, надо сказать,

ей это почти удалось. Он чувствовал себя уже нормально, несмотря на слабость во всем теле, да и горло было почти чистое, почти...

Профессор, к которому он все же зашел на прием, сказал примерно то же, но приказал еще неделю провести в постели, принимать лекарства, запретив всякие дела. Он обрадовался, что Лоран отвез-таки Изольду в больницу.

— Надо было сделать это сразу же, — покачал он головой. — У нее картина хуже, чем была у вас с самого начала... Она, конечно, энергичный человек, но, боюсь, большая часть этой энергии ушла на вас, хватит ли ей сил теперь справиться с собственным недугом...

Лоран и сам видел, насколько Изольда была измотана за эти дни, она, как львица, защищала его, день и ночь сражаясь с хищной и изворотливой болезнью.

Из-за Изольды к нему перестал приезжать Нуланс, а Бирзе забегал минут на десять, скороговоркой пересказывая новости. Но разговор с Блюмкиным он провел умело, и теперь нужно было хорошенько разогреть Голубовского, как бы замкнуть цепь.

Лоран съездил к Бирзе и, не застав его, оставил ему записку. Груша развешивала в саду белье, глядя на него совсем не экономкой, что свидетельствовало уже о прочности их уз. Бирзе говорил ей, что служит по почтовому ведомству, разносит важные пакеты, поэтому ему и выдали револьвер, и Груша гордилась таким назначением своего мужа. Они хоть и были не расписаны, но она уже считала его мужем — Лоран прочитал это по ее взгляду и усмехнулся про себя, вспомнив о твердых заверениях Бирзе в своем холостячестве.

Бирзе пришел к нему в половине девятого вечера.

— Завтра начинается Пятый съезд Советов, Голубовский мне выдал пригласительный, до сих пор

никак не удавалось перекинуться с ним даже парой слов, — извиняясь, начал оправдываться Бирзе. — Рад, что ты поднялся...

Он покрутил шеей, поморщился.

— Шея болит, видимо, где-то прохватило. А где сестра милосердия? — спросил Бирзе.

— В больнице...

— Тоже заразилась?..

Лоран кивнул.

— Я понимаю, что теперь надо подтолкнуть Голубовского, тут у меня припасен один документец, я по старым своим каналам его раздобыл, наша разведка на него наткнулась, да, видно, положат этот документик под сукнецо. Это соглашение между правоцентристами и Рицлером. — Бирзе протянул Лорану бумагу. — Там есть один пункт о финансовой помощи «заинтересованных сторон» центру. Немцы не могут писать, что посольство или казначейство Германии будут помогать им, поэтому и записали расплывчато, но Голубовскому я объяснить сумею...

— Это хорошо, — проговорил Лоран. — Я бы тоже хотел пойти на съезд...

— Это небезопасно, там будет много иностранцев в качестве гостей, думаю, и Рицлер, — обронил Бирзе.

— Тогда выгони Голубовского пообедать, у них с двух до четырех перерыв. — Лоран налил себе и Бирзе по рюмке коньяка. — Скажи, чем есть кремлевскую похлебку, ушицы отведаем...

— Попробую...

Бирзе махнул рюмку, поморщился, поднялся.

— Побегу, а то с утра на ногах, даже перекусить не удалось!

— А Груша твоя хороша! — провожая Бирзе, улыбнулся Лоран. — Будешь жениться?..

— Да вроде и так уж... — Бирзе махнул рукой. — Вляпался я, Пьер, сам не ожидал!

Лицо Бирзе засветилось радостью.

— Это хорошо, — сказал Лоран. — Чтоб мы всегда только так вляпывались!..

— Ты правда на меня не злишься? — спросил Бирзе. — Делу это не помешает!.. Конечно, если возьмут, и ее потянут, я уж ей объяснял, что опасно со мной связываться, нет, я по части своих почтовых дел объяснял, да она... — он снова махнул рукой, засияв, как начищенный самовар, — говорит, за тобой хоть в тюрьму! Ну вот что это такое?.. Не женщина, а царица египетская!.. А уж готовит!.. Слушай, давай Голубовского ко мне?.. Все не тратиться на эти рестораны чертовы!

— Это лишнее! — сказал Лоран. — И потом, не надо постороннего человека в дом тащить!..

— И то правда! — Бирзе шумно вздохнул. — Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест! — Он по военной привычке застегнул верхнюю пуговицу на рубашке. — Пойду...

Он перехватил насмешливый взгляд Лорана и снова обеспокоился.

— Так ты не против этих перемен моих? — спросил Бирзе.

— Не против, — улыбнулся Лоран.

Бирзе убежал, ошарашенный этим благословением Лорана.

На следующий день они встретились с Голубовским в «Славянском базаре». Встретились на час, но уже на утреннем заседании произошло событие, которое нечаянно помогло замыслам Лорана. После выступления левого эсера с Украины, рассказавшего о зверствах немцев, которые за любую провинность вешают и казнят русских и украинцев, поступая с ними как со своими рабами, зал загудел и потребовал немедленного вмешательства РСФСР в этот диктаторский произвол. Слово взял Троцкий и железным голосом объявил, что если подстрекательские элементы будут и дальше устраивать провокации

против немцев в прифронтовой полосе, то он, наркомвоен России, будет расстреливать таковых на месте без суда и следствия, о чем соответствующий приказ уже отдан. Руководство фракции левых эсеров заявило немедленный протест по поводу этого заявления, запросило слово, но им не дали выступить.

— Сегодня вечером мы собираем экстренное заседание ЦК, — сообщил Голубовский, — и думаю, казнь Мирбаха произойдет днями...

Последние слова он произнес шепотом.

— Есть уже и кандидатура. — Голубовский посмотрел на Бирзе. — Я думаю, он справится...

Бирзе кивнул. Голубовский имел в виду Блюмкина.

Заседание ЦК проходило в кабинете Спиридоновой. Оно началось ровно в десять, Блюмкин опоздал минуты на четыре, заглянул, увидел Голубовского, который вел заседание, кивнул ему и прикрыл дверь, потому что приглашения войти не получил, хотя в половине пятого Голубовский сам ему позвонил и попросил приехать.

Минут через сорок оно закончилось, коридор загудел, и в числе последних из кабинета вышел Александрович. Вид у него был растерянный, он протирал платком свои очки, щури близорукие глаза.

— Ты ко мне? — спросил он, и Блюмкин отрицательно покачал головой:

— Я так, по другому делу...

Александровичу явно хотелось о чем-то поговорить с Блюмкиным, что-то мучило его, но он молчал, протирая очки и выпятив задумчиво губы. Пиджак был обсыпан пеплом, и Блюмкину даже захотелось почистить Александровича — нельзя быть таким неряхой.

Выглянул Голубовский, увидел Яшу, улыбнулся.

— Заходи, дорогой! — кивнул он.

Блюмкин нырнул в кабинет, оставив Александровича в недоумении.

— ЦК приняло решение о том, чтобы приговор над палачом русского народа графом Мирбахом привести в исполнение немедленно. Мы не видим иного способа, как разорвать позорный Брестский

договор и добиться изгнания немцев со всей территории нашей страны. Эта мера вынужденная, но необходимая, — строгим голосом объявил Блюмкину Голубовский.

Спиридонова, пылая нездоровым румянцем на щеках, молчала, глядя в сторону, словно вообще была незнакома с Блюмкиным.

— Мы хотели с тобой посоветоваться, кто бы мог исполнить такой акт. Ты знаешь ситуацию с внешней стороны: где располагается охрана, схему комнат в самом посольстве, сколько нужно человек, какое оружие и так далее. Потом, у тебя по одному из дел проходил племянник немецкого посла, может быть, его как-то использовать? — проговорил Голубовский.

— Я уже говорил Марии Александровне, что лучше меня никто этого не сделает, — волнуясь, ответил Блюмкин. — Посол Мирбах даже искал со мной встречи, чтобы уладить вопрос с его племянником, поэтому со мной посол пойдет на контакт. А в последнее время он никуда не выезжает и ни с кем не встречается. Штурмовать же здание просто смешно...

— А когда бы ты мог произвести казнь над Мирбахом? — спросил Голубовский.

— Когда это надо?..

— ЦК хотело бы осуществить этот акт завтра, пока работает Пятый съезд Советов. Тогда большинством голосов мы смогли бы утвердить законность и справедливость этого приговора...

Блюмкин задумался.

— Завтра не получится, — помолчав, ответил он. — Надо подготовиться: изучить расположение комнат, заготовить материалы по делу Роберта Мирбаха, все обдумать...

— Дня хватит? — спросил Голубовский.

Блюмкин кивнул.

— Тогда 6 июля. — Голубовский посмотрел на Марию Александровну, но она ничего не сказала,

сохраняя холодный и неприступный вид. — Договорились! — Голубовский поднялся, протянул Блюмкину руку для крепкого пожатия. — Мы верим в тебя, Яков Григорьевич!

Глаза Блюмкина вспыхнули.

— Я не подведу!.. — уверенно сказал он. — Даже если придется умереть!..

— Я, наверное, раскланяюсь. — Голубовский снова взглянул на Спиридонову. — Я обещал тебе справку к завтрашнему утру, да и выспаться надо... До завтра!

— До завтра. — Мария Александровна поднялась и пожалала Голубовскому руку.

Он ушел.

— Посиди! — бросила Спиридонова Блюмкину и вышла. Она вернулась через полчаса, принесла два стакана чаю и варенье. Они молча попили чаю.

— У тебя все получится, Яша, — неожиданно проговорила она. — Мне трудно благословлять тебя на такое смертельное дело, потому что я по-товарищески привязалась к тебе, но если, кроме тебя, никто лучше этого не сделает, значит, так и надо. Сегодня я очень устала, а завтра вечером зайди ко мне, мы еще поговорим, хорошо, Яшенька?

Она коснулась его руки и легонько ее сжала.

— А сейчас иди, мне надо еще поработать...

Блюмкин кивнул, двинулся к двери.

— Ты завтра приходи прямо в гостиницу, — хрипло проговорила Мария Александровна ему вслед, — у меня двадцать третий номер на втором этаже, я в десять уже буду дома...

Блюмкин обернулся, но Спиридонова уже что-то писала, склонясь над листами бумаги.

Изольда Сергеевна Левина умерла утром 5 июля. Лоран узнал об этом в середине дня, когда дозволился до больницы. Он бросился туда, еще не веря

этому страшному известию, полагая, что медсестра, поднявшая трубку, просто ошиблась. Но, найдя врача, который принимал Изольду несколько дней назад, и удостоверившись, что это не ошибка, Лоран оцепенел и долго не мог прийти в себя. Врач накапал ему валерьянки, предложил полежать у него в кабинете, но Лоран отказался.

— Вы мне не сказали, что у вашей жены была сердечная недостаточность, — как бы извиняясь, проговорил врач. — Если б не сердце, она бы поправилась... Оно не выдержало этой нагрузки...

Нужно было заниматься похоронами. Лоран не знал, как искать отца Изольды в Петрограде, не знал и московского адреса ее сестры. Он поехал к ней на квартиру, из всех жильцов дома оказался бывший оперный бас, сразу же изобразивший сладкую любовь в словах и фигуре при виде Лорана. Он затянул его к себе в комнату, стал выставлять на стол вино и закуски, но Пьер сообщил о смерти его соседки, и оперный бас печально улыбнулся. Он вспомнил, что сестра Изольды Маргарита Сергеевна живет в самом начале Плющихи, не то первый, не то второй дом. Лоран поблагодарил сладкого певца, который хватал его за руку, тайно пожимая ее, и явно был огорчен спешкой столь «красивого гостя», как он выразился.

Пьер отправился на Плющиху, нашел Маргариту Сергеевну, худенькую, совсем не похожую на Изольду женщину, которая была старше ее на четыре года. Лоран объяснил, что в последнее время они часто встречались с Изольдой Сергеевной, она помогала ему в книготорговых делах, поэтому он и принимает в столь скорбный час такое участие...

— Она, видимо, куда-то в командировку ездила, потому что я заходила к ней, а соседи сказали, что она уже неделю не ночует дома... — заметила Маргарита Сергеевна. — Я даже обеспокоилась и хотела в милицию обращаться...

— Да, Изольда ездила в Орел по моей просьбе и в дороге заразилась дифтерией. Она приехала уже в горячке, слегла, стала бредить, я отвез ее в больницу, а сегодня утром... — Голос его дрогнул, и Маргарита Сергеевна пристально посмотрела на него.

Лоран выгасил деньги.

— Это ее заработок за несколько месяцев... — пробормотал он, отдавая сестре деньги.

— Так много? — испугалась сестра.

— Я же сказал, за несколько месяцев, за полгода, — уточнил Лоран. — Я бы только хотел попристутствовать на похоронах...

Лоран не стал оставлять Маргарите Сергеевне гостиничный адрес, а сказал, что завтра к вечеру заедет сам.

— Вы и сами, кажется, больны, — взглянув на его лицо, испуганно проговорила Левина.

— Это просто слабость, — улыбнулся Лоран.

В гостинице его уже поджидал Бирзе с последней новостью. Он успел повидаться с Блюмкиным, тот бежит с важным лицом, таская с собой какого-то полоумного матроса, поэтому Бирзе не стал его дергать.

— У тебя вид совсем больной, — проговорил Бирзе.

— Пригласи меня на обед, — попросил Лоран. — Мне не хочется оставаться сегодня одному...

— Что-то случилось? — спросил Бирзе.

Лоран кивнул.

— Изольды не стало... — помолчав, добавил он.

Лоран поднялся к себе в номер, захватил бутылку коньяка, и они поехали на извозчике к Бирзе. Уже на Каменном мосту их обогнал грузовик с солдатами. Бирзе успел заметить Лациса, сидящего в кабине, и сердце его дрогнуло, но грузовик свернул на Полянку.

Это была уже шестая явочная квартира, на которую ехал Лацис, проверяя адреса, выданные Зинчем.

Остальные пять были пусты, но везде, будто опытной рукой, были оставлены «следы» неведомой подпольной организации: листовки с призывами убить Мирбаха, какие-то планы, набросанные наспех, карандашом, окна, отмеченные крестиками, и представлено время. Чего? Намеченной операции? На подоконниках следы пороха, ружейной смазки, махорки, пустые стаканы и остатки еды.

И эта квартира на Полянке не стала исключением. В гостиной стояло несколько пустых ящиков, а в одном даже два новеньких револьвера и россыпь патронов к ним. Тугая пачка листовок с теми же призывами, горка золы в печке и разбросанные повсюду свинцовые литеры для печатного станка.

В списке Лациса оставались еще две квартиры, но уже дальние, в разных концах Москвы, и он, присев на подоконник, закурил, думая, куда лучше поехать: в Фили или в Сокольники. Объехать квартиры нужно, хотя бы для очистки совести, но какой-то опытный шутник гоняет их по Москве, и этот шутник весьма матерый. Его бы поймать за хвост.

Лацис приказал опечатать квартиру и всем спустаться вниз. Шел уже пятый час 5 июля 1918 года.

А Блюмкин нервно рыскал по коридору ВЧК, забегая через каждые полчаса к Ксенофонтову и спрашивая Мартина Лациса. Последний еще вчера забрал у него дело Роберта Мирбаха для проверки, а без него Блюмкин не мог отправиться в посольство. Ксенофонтов грыз сушки и разводил руками: Лацис с утра уехал на задание и еще не возвращался. Не появлялся его грузовик и в гараже, когда вернется Лацис никто не знал.

Блюмкин махнул рукой и помчался на явочную квартиру, которую для них отыскал Андреев. Было решено, что после казни они несколько дней будут отсиживаться в ней, показываться в гостинице было опасно. Кроме того, Андреев должен был позаботиться о бомбе и револьверах, а в десять Блюмкина

ждала Спиридонова. Сегодня должно произойти то, о чем он мечтал все эти месяцы, они обязаны быть вместе. Блюмкин станет ее верным рыцарем и спутником жизни. Подумаешь, она старше его на четырнадцать лет! Их связывает большее — революционная борьба, и от таких двух замечательных людей могут народиться замечательные дети. Блюмкин даже вспотел при одной мысли о детях, о том, что Мария Александровна будет принадлежать ему, разделенная перед ним и грозный вождь партии превратится в слабую, подневольную его любовным прихотям женщину. Одна эта мысль обжигала Блюмкина так, что мороз пробежал по коже.

Андреев поджидал его уже с бутылкой, но Блюмкин сразу же наорал на него, и Коля спрятал бутылку. Им доверено такое дело, они идут на верную смерть, а он затевает пьянку.

— Так в том-то и дело, — оправдывался Коля. — Перед смертью надо же пропустить рюмашку... — Как говорил ему отец: «Не торопись на тот свет, там кабаков нет!»

— Это потом! Оружие, бомба у тебя?

— Все проверено, осечек не будет! — заверил Андреев. — Надо, наверное, костюмы поприличней надеть, все же в посольство идем, в гимнастерках не совсем удобно? — спросил Коля, и Блюмкин согласился: это хорошая мысль.

— Теперь пароль, — проговорил Блюмкин. — Нам надо условиться, в какой момент мы начнем стрельбу. Что я предлагаю: мы сначала обсудим с послом ситуацию, связанную с его племянником. Я расскажу о ходе следствия, что удалось установить, и, закончив, скажу одну фразу: «Вот такие пироги, господин посол!»

— Зачем — пироги? — не понял Андреев.

— Хорошо, скажу: «Вот такие дела, господин посол!» И умолкаю. Тогда ты говоришь Мирбаху: «Господин посол, видимо, желает знать, какие меры

будут приняты со стороны Ревтрибунала по делу графа Роберта Мирбаха?» Ты задаешь им такой вопрос, и после этого мы оба лезем в портфели, как бы за бумагами, достаем револьверы и, бах-бах, производим выстрелы во всех, кто там находится, и делаем ноги! Все понятно?

— Слов много, — подумав, сказал Андреев.

— Что значит — много?! Это важные слова! Ты пойдешь со мной как представитель Ревтрибунала, а не как фотограф! Ты же должен что-то им сказать!

— А зачем? — отмахнулся Андреев. — Сделаем проще! Ты скажешь им: «Вот такие дела, товарищи!» Я мякну, и мы палим!

— Ты что, кошка?! — рассердился Блюмкин.

— Да какая разница! Ну крикну, что хочешь, если сигнал нужен, и палим! А слова: какие меры, желают знать, граф, король — к чему?!.. Пиф-паф, и под лавку!

— Ну вот что, — налился гневом Блюмкин. — Операция поручена мне, за нее отвечаю я, и либо ты без всяких мяуканий делаешь то, что я приказываю, либо катись к чертовой матери, я все сделаю один! Понятно?!

— Понятно, — обиженно вздохнул Андреев.

— Повтори пароль! — приказал Блюмкин.

— Товарищ граф желает знать, как мы прикончим вашего племянничка? — начал было Коля, но Блюмкин его оборвал:

— Что ты несешь?! «Как мы прикончим»?! Что это за слова?! Ты должен выучить мою фразу в точности и повторить там без всякой ошибки! Понятно?!

— Понятно, — вздохнул Коля.

— Повтори!..

Андреев начал мекать, бекать, с памятью у него было туго. Блюмкин записал ему пароль на бумаге и приказал к завтрашнему утру знать его как «отче наш».

— Если хоть раз запнешься — сниму с задания! — предупредил Блюмкин.

— Ладно, вмажем по сотке — и начну учить! — пообещал Андреев.

Пришлось уважить Колю. Но было уже полдесятого, и Блюмкин помчался к Спиридоновой.

Она ждала его, нарядившись ярко и торжественно: в белую кружевную блузку с черным бантом и такую же черную юбку. Стол уже был накрыт для ужина, горело две свечи, стояла баночка сардин в масле и два графинчика с вином и водкой (Мария Александровна любила сладкое вино), была порезана колбаса и отварена картошка.

— Ну, как в ресторане! — восхищенно проговорил Блюмкин. — А я даже без цветов, торопился, столько дел оказалось!..

— Ничего, садись, сегодня твое положение извинительно! — У Марии Александровны был особо торжественный вид, она жестом пригласила Яшу за стол и села напротив. — Мужчина ухаживает за дамой, прошу!

Блюмкин сразу же схватился за графинчик, но Спиридонова остановила его.

— Сначала закуски...

Блюмкин взял сардины и подал ей.

— Ты можешь и сам мне положить, только две рыбки, больше не надо, я их не очень люблю...

— Почему? — удивился Яша.

— Селедкой пахнет... Это давняя привычка. От одного подьесаула пахло селедкой, и я этот запах на всю жизнь возненавидела! — обронила она.

Блюмкин разложил закуски по тарелкам, налил даме вина, а себе водки, взял рюмку, чтобы произвести тост, но Мария Александровна его остановила.

— Скажу я. — Она посерьезнела и поднялась со стула. — Завтра, Яшенька, самый ответственный день в твоей жизни. Ты выполняешь опасное зада-

ние, которое поручило ЦК. Ты можешь погибнуть. Но я уверена, ты его выполнишь. Ничего не бойся, Яшенька! Смерть не разлучит нас, я буду помнить о тебе, мы все сохраним тебя в нашей памяти и, может быть, даже назовем в твою честь улицу или фабрику. Завтра ты станешь героем. Это трудный шаг, но ты должен его сделать, потому что природой, родителями тебе даны смелость, отвага и решительность, и я сегодня горжусь, что судьба свела меня с таким человеком!

— Как вы говорите, Мария Александровна, даже плакать хочется! — восхищенно прошептал Блюмкин. — Честное слово!..

— Уметь зажигать глаголом сердца людей я обязана, — серьезно сказала она.

Слезы навернулись у нее на глаза, она сделала глоток, поставила бокал на стол, вынула платок и отошла в сторону. Яша не знал, что ему надо делать. «Наверное, подойти», — подумал он и поднялся.

— Сиди, я сейчас, — проговорила Спиридонова, и Яша сел.

Еще через мгновение хозяйка вернулась к столу, сияя улыбкой.

— Мы не должны давать волю своим чувствам! — объявила она.

— Почему? — удивился Яша.

— Потому что есть дело, революция, которой мы служим, и она требует от нас полной отдачи.

— Ну а любовь, семья? — спросил Яша.

— Пожалуйста, если они подчинены революции и не мешают ей! К примеру, жена требует от тебя купить дом, завести огород, детей, и ты уже изменщик делу революции! А когда двое заняты одним делом и отдают ему все свои силы, то, конечно, они в некоторые свободные моменты могут побыть вдвоем, хотя у настоящих революционеров свободных моментов почти не бывает!

— Ну вот, сегодня же у нас есть такой момент...

— Это тоже дело! — возразила Мария Александровна. — У тебя завтра сложное задание, ты еще молод, и я, как старший товарищ, должна морально подготовить тебя для такого задания. Формы нашей работы, Яшенька... — Она протянула тарелку. — Мне две картошечки!.. Так вот, формы нашей работы не только заседания и съезды. Есть еще индивидуальная работа в массах, и она может носить такой непринужденный характер, — она жестом показала на стол, — чтобы родилось доверие, ну и другие вещи...

Яша был обескуражен. Он думал, что Мария Александровна тоже питает к нему определенные чувства, поэтому и пригласила к себе, а оказывается, все это было нужно только для работы.

— Революция, Яшенька, это не профессия, это судьба, — помолчав, проговорила она, пробуя вино и все еще глядя на него сияющим взором. Она заметила, как у него потухло праздничное настроение, хоть он и старался не показывать этого, и поднялась. — Встань, Яша! — неожиданно сказала Мария Александровна, и он поднялся. — А теперь обними меня крепко-крепко! — попросила она и слегка по-розовела.

Яша подошел к ней и так сильно обнял ее, что почувствовал, как затрепетало, забилось ее худенькое тело в его руках. Она неожиданно закашлялась, отстранилась, отошла в сторону, приложив платок к губам. Она кашляла надрывно и долго, а перестав, тяжело задышала.

— Мне совсем нельзя спиртное, — проговорила она, оправдываясь, — я выпила, и вот... И еще волнение... Ты уж извини, Яшенька, я очень хотела, чтобы сегодня... этот последний наш вечер прошел так, чтобы мы оба его запомнили, но видишь как...

— Это пройдет, — сказал Яша. — Ты успокоишься, и это пройдет... Давай чаю попьем?

— У меня кровь опять пошла. — Она показала

платок, на котором густо краснели большие пятна... — Мне бы на месяц съездить на юг или на кумыс, и все залечится, а тут такая нервотрепка, что с каждым днем мне все хуже и хуже... Прости меня, Яшенька...

Мария Александровна заплакала, и Яша стал утешать ее, говоря, что она обязательно поправится и они всегда будут вместе.

Они еще попили чаю с маковыми крендельками, и он ушел, поцеловав ее в щеку на прощание. Она провожала его до двери, глядя на него грустными, заплаканными глазами, в которых светились нежность и отчаяние. Горло Блюмкина сжали неведомые спазмы, и он прослезился. Ему было жалко и ее, и себя, и судьбу, которая соединила их, но не дала возможности побыть вместе в этот, может быть, последний его час.

Блюмкин не мог заснуть в эту ночь. Он лег, но в три часа поднялся и сел писать письмо, адресуя его мысленно Бирзе, с которым он так много говорил в последнее время о Мирбахе. Он написал о том, что им руководит великий долг искупить тот позор, который из-за предательства большевиков вынужден нести на себе весь русский народ, и что именно ему, простому еврею, выпала честь покончить раз и навсегда с этим проклятием. Долг перед союзниками требует, чтобы он принес себя в жертву. Да, он умрет, но умрет свободным гражданином, ибо восстановит справедливость и вернет торжество революции.

Его бил озноб, утренняя прохлада вползала в окно, свет прибывал, торопя время и час казни. «Как не хочется умирать, — подумалось ему, ведь я никого еще по-настоящему не любил, никого не целовал, я только воевал и мечтал о лучшей жизни, а теперь мне ее не увидеть...» Были ли радости? Наверное, были, но они стерлись, и теперь даже трудно их вспомнить. Маруся все же многое испытала, пережила, многое выстрадала, ей ничего не страшно, а он еще боится смерти, его обступают страхи и не дают уснуть.

Не спал и Лоран в эту ночь, но он думал не о Блюмкине и не о Мирбахе. Напасть немецкая рассеялась, пруссаки не вошли Париж, как ни стара-

лись, они потерпели поражение, их теснят, идут кровопролитные бои, и ввязывание России в войну все еще остается для них с Нулансом задачей номер один — Лоран заезжал к папаше Жозефу, сообщил о завтрашнем теракте, чем его несказанно порадовал.

Лоран не мог заснуть, потому что думал об Изольде, он впервые так остро чувствовал потерю близкого человека, который мог бы стать для него женой и матерью его детей. Он впервые задумался над этой злой причудой судьбы, заставляющей его вот уже двадцать лет сражаться и воевать, но всему есть предел, жизнь пройдет, а эти невидимые сражения исчезнут, как туман, и что останется? Высокие слова о чести и доблести, знаки отличия на подушечках? Останется несколько безумных ночей с Изольдой, свет ее глаз и вспыхнувшая любовь вопреки всему. И даже болезнь благодаря ей была как любовь.

Когда стало светать, он поднялся, налил в чашку холодного кофе, добавил коньяка и вдруг услышал странный шорох в спальне, даже чьи-то шаги. Он прислушался.

Несколько секунд было тихо, а потом снова чьи-то шаги.

— Иля? — тихо спросил он (так Изольду звала мать), и в ответ услышал ее страстное дыхание. Он замер, оцепенел, боясь вспугнуть этот шелестящий призрак, возникший в спальне, а теперь вплывший и сюда, находящийся совсем рядом с ним. Он знал, что это она. Ее душа еще два дня будет с ним. Он вспомнил о ней, и она явилась. Седьмого похороны. — Я люблю тебя, Иля, — прошептал он, и что-то коснулось его щеки, словно прохладная тень накрыла все лицо. — Боже, какой я был дурак! — проговорил он вслух. — Почему мы прозреваем лишь тогда, когда что-то теряем, почему?!..

Он спрашивал и не находил ответа. Его и не было. Ни для кого.

...В девять утра Блюмкин был уже в комиссии. Он сам напечатал удостоверение на бланке ВЧК для входа в посольство, подделал подписи Ксенофонтова и Дзержинского. Забрал у Лациса дело Роберта Мирбаха, объяснив, что нужно составить справку для советника Рицлера в немецкое посольство. Перед отправкой ее в посольство Лацис попросил показать справку и ему, Блюмкин пообещал.

Он зашел к Александровичу, положил перед ним удостоверение, попросив поставить печать. Вячеслав Александрович уже потянулся за печатью, пробегая глазами удостоверение, как вдруг замер, испуганно уставившись на Блюмкина.

— Ты?.. — растерянно спросил он.

Блюмкин кивнул.

— Когда?..

— Сегодня, сейчас...

Александрович обмяк, отвалился на стул, заморгал, снял очки, точно что-то попало в глаз, отложил их в сторону и долго сидел, уставясь в одну точку.

— Я тороплюсь, Вячеслав Александрович.

— Да-да, я понимаю, но почему ты?.. — растерянно спросил он. — Они же не пощадят никого здесь из наших!

— Я не могу отменить решение ЦК...

— Все так глупо, по-мальчишески, как будто это что-то изменит! Но зачем, скажите, зачем?!.. — Александрович был вне себя.

— Вы не хотите выполнять решение ЦК, — проговорил Блюмкин, забирая удостоверение. — Что ж, ваше право!

Блюмкин двинулся к выходу.

— Подождите! Ну вы, ей-богу, как мальчишка!

Он забрал удостоверение, поставил печать.

— Мне нужна еще машина из гаража, — попросил Блюмкин.

Александрович написал записку о выдаче машины.

— Прощайте, Вячеслав Александрович!

— Прощайте, Блюмкин! — холодно сказал Александрович.

Через полчаса он был в гостинице, надел черный костюм, белую рубашку и галстук и поехал в «Националь», где жил Голубовский и где его поджидал Андреев. Было уже два часа.

В половине третьего они подъехали к немецкому посольству. Блюмкин попросил шофера мотор не выключать.

— Если услышишь выстрелы, не пугайся, — предупредил Блюмкин шофера.

— А мы что, посольство берем? — не понял шофер.

— Там бандиты засели, — пояснил Блюмкин. — Будем выкуривать.

Андреев гоготнул, радуясь придумке Яши о бандитах.

— А-а, — промычал шофер.

Еще через десять минут Блюмкин и Андреев вошли в посольство.

Мирбах обедал вдвоем с Рицлером.

Они съели суп из белых грибов и принялись за сазана, зажаренного в сметане с белым чесночным соусом. Рицлер наполнил бокалы рислингом трехлетней выдержки, пять ящиков которого привезли из ВЦИКа от Свердлова в знак благодарности за паспорта. Мирбах попробовал вино и поморщился.

— Хороший виноград, но вкус грубоват, — заметил посол.

— С вами не поспоришь, — улыбнулся Рицлер, намекая на вино, которое производил сам Мирбах, имея несколько виноградников.

— Между прочим, это зависит от целого ряда причин, дорогой Карл, — усмехнулся Мирбах. — Это зависит даже от того, чем мяли виноград: ногами или деревянным прессом, не говоря уже о том, какие бочки, какая температура в хранилище, сотни

мелочей, и, заметьте, каждый раз получается совершенно новое вино! Это удивительно. Через год уйду в отставку и займусь виноделием. Это страсть!..

— А у русских, я заметил, все носит грубоватый оттенок, — отозвался Рицлер. — Как этот сазан! Наши сазаны не так костлявы, как этот...

— Это правда, — заметил Мирбах.

— А возьмите архитектуру, манеру общения русских, — продолжил Рицлер, — даже любовь! Тем, кстати, и славятся русские женщины. Грубость в любовных отношениях придает чувственным наслаждениям особый аромат. У меня тут появилась одна очаровательная осведомительница, которая, получив деньги, на второй день исчезла и до сих пор не появляется. Я думаю, деньги закончатся, она придет. Вот вам пример, хотя внешне роскошная женщина, чувствуется дворянская порода, и, встретить ее где-нибудь на приеме, вы бы приняли ее за европейку и даже стали бы ухаживать...

— Неужели так соблазнительна? — живо заинтересовался Мирбах.

— Она придет, я вас познакомлю! — пообещал Рицлер. — И имя у нее европейское — Изольда!..

— Ммм... — промычал Мирбах. — Обязательно познакомьте. Красивая женщина — как выдержанное вино. Хочется пить и пить!..

Он рассмеялся своей шутке. Улыбнулся и Рицлер. В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Мирбах.

Вошел заведующий канцелярией Вухерфеник, поклонился послу.

— Приятного аппетита, господин посол!..

— Спасибо, голубчик, а вы уже пообедали? — не прерывая еды, спросил Мирбах.

— Так точно, господин посол! Я прошу меня простить, господин посол, но там внизу к вам пришли двое русских из ВЧК и просят принять их. Что им сказать?

— А кто из ВЧК? — спросил Мирбах.

— Какой-то Блюмкин, господин посол...

Мирбах посмотрел на Рицлера.

— Я сейчас разберусь, — кивнул Рицлер, вытирая рот салфеткой и поднимаясь из-за стола.

Блюмкин с Андреевым уже полчаса сидели в гостиной, дожидаясь, когда к ним кто-нибудь спустится.

— Сейчас бы супчику похлевать, — вздохнул Андреев.

Но Блюмкин не ответил. К ним подошел Рицлер.

— Я вас слушаю, господа, я старший советник посольства Рицлер, господин посол занят и просил меня ознакомиться с вашей просьбой, — проговорил он. Переводчик, вышедший с ним, перевел слова Рицлера.

— Мы пришли сюда по делу племянника господина посла графа Роберта Мирбаха, и нам необходимо срочно переговорить с самим господином послом. Дело чрезвычайно деликатное... — сказал Блюмкин.

— Но я уполномочен господином послом решать и эти вопросы, — заметил Рицлер.

— Я пришел не один, — ответил Блюмкин, а с представителем Революционного трибунала, товарищем Андреевым, и нам необходимо видеть самого господина посла. Открылись новые обстоятельства... — Блюмкин выдержал паузу, посмотрел на Рицлера. — А в присутствии господина Мирбаха мы бы решили все вопросы очень быстро...

— Но я готов обсуждать любые проблемы, — пожал плечами Рицлер. — В чем необходимость присутствия господина Мирбаха?

— В своих показаниях Роберт Мирбах ссылается на своего дядю, его близкое родство с ним, и он уверен, что господин Мирбах готов пойти на любые условия, лишь бы выволить его из тюрьмы. А дело дошло уже до процесса. Он может не состояться,

если я лично услышу из уст господина посла некоторые обещания относительно моего подследственного... — весомо сказал Блюмкин. — Все бумаги со мной...

Рицлер задумался.

— Хорошо, я еще раз доложу господину послу вашу просьбу, — проговорил Рицлер и поднялся наверх.

— Ты думаешь, он выйдет? — спросил Андреев.

— А куда он денется... — обронил Блюмкин.

Коля посмотрел на него.

— У тебя лицо белое, — шепнул он на ухо Блюмкину.

— Ну и что? — спросил Блюмкин, глядя в одну точку.

— Ничего, — ответил Андреев. — Господин посол, видимо, желает знать, какие меры будут приняты со стороны Ревтрибунала... — забормотал Андреев, глядя на переводчика, и тот подался к нему, чтобы дослушать всю фразу.

— Помолчи! — оборвал Андреева Блюмкин.

Появился посол Мирбах в сопровождении Рицлера и Мюллера. Рицлер представил всех, и пришедшие сели напротив Блюмкина и Андреева.

— Я вас слушаю, — кивнул Блюмкину Мирбах.

— Видите ли, господин посол, ваш племянник оказался замешан в убийстве шведской актрисы, это печальный факт... — У Блюмкина пересохло во рту, и он еле ворочал языком.

Мюллер поднялся, принес графин с водой и стаканы. Андреев тут же налил себе и залпом выпил целый стакан. После Андреева выпил целый стакан и Блюмкин. Мирбах с Рицлером с удивлением смотрели на мучимых неодолимой жаждой чекистов.

Мирбах, подождав, пока Блюмкин выпьет, проговорил:

— С Робертом Мирбахом из Венгрии мы находимся в очень отдаленном родстве, это другая ветвь

моего рода, поэтому он не является напрямую моим племянником... — Мирбах выдержал паузу, давая переводчику время закончить перевод. — Но, конечно, в любом случае я обеспокоен тем, что с ним происходит, и хотел бы ему помочь, если это возможно...

— А ваш подследственный признался в убийстве? — спросил Рицлер.

— Признался, — подтвердил Блюмкин.

— И что ему грозит?..

— По нашим законам его могут расстрелять, — сказал Блюмкин. — Конечно, окончательное слово за ВЦИКом, они могут смягчить приговор, но зачем доводить дело до трибунала...

— Я тоже считаю, что не нужно, — согласился Рицлер, — тем более это подданный другой страны и он не нанес никакого ущерба вашей стране... Я бы хотел, если это можно, ознакомиться с документами следствия, — попросил Рицлер.

— Да-да... — Блюмкин полез в портфель, стал вытаскивать одну бумагу за другой. Делал он это медленно, точно чего-то ожидая и поглядывая на Андреева, а Коля попросту ждал фразы-пароля от него. Блюмкин должен был сказать: «Вот такие дела, господа!» — и лишь после этого Андреев был обязан произнести свой пароль. Но Блюмкин начисто забыл свою реплику и уже матерился в душе, не понимая, чего тянет Андреев, и бросая на него гневные взгляды. — В чем дело?! — зло промышчал Блюмкин.

Переводчик этой фразы не услышал и нервно дернулся.

— А в том, что я жду твоей фразы! — огрызнулся Андреев. — «Вот такие дела, господа» будем говорить или нет?!..

— Извините, я не расслышал, что вы сказали? — спросил переводчик у Андреева и подался вперед.

— Да это мы о своем, — отмахнулся Андреев от переводчика.

— Странные молодые люди, — наблюдая за поведением Андреева и Блюмкина, шепнул Мирбах Рицлеру, одновременно давая переводчику знак, что эту фразу переводить не надо.

— В этой стране многое кажется странным, — усмехнулся Рицлер.

— Вот такие дела, господа, — быстро пробормотал Блюмкин.

Коля Андреев тотчас поднялся, открыл свой портфель.

— Господин посол, видимо, желает знать, какие меры будут приняты со стороны Ревтрибунала по делу графа Роберта Мирбаха? — отчетливо, точно актер на выходе, продекламировал уверенно Андреев, показывая пример, как надо говорить пароль.

Граф Мирбах, услышав почти синхронный перевод, удовлетворенно закивал и даже улыбнулся Андрееву. И это была последняя улыбка немецкого посла.

— Это я вам сейчас покажу! — крикнул Блюмкин и, выщипав револьвер, выстрелил поочередно сначала в посла, потом в Мюллера и Рицлера. И все три раза промахнулся. На Мирбаха и его советников напал столбняк, настолько все произошло неожиданно. Первым опомнился сам господин посол, он подскочил и торопливо на полусогнутых ногах засеменил в зал, находящийся рядом с гостевой комнатой. Коля Андреев, видя, что Мирбах уходит, выстрелил в него и поразил графа Вильгельма точно в затылок. Мирбах упал. Выстрел оказался смертельным. Для подстраховки Коля бросил в Мирбаха бомбу, но она не взорвалась. Коля бросил вторую. Прозвучал взрыв. Зазвенели стекла, часть стены рухнула, посыпалась штукатурка.

Рицлер лежал на полу, закрыв голову руками, и молил Бога о спасении. В эту страшную минуту ему в голову вдруг пришла странная мысль, что всю эту акцию затеял Лоран. Только он мог придумать столь

отчаянную авантюру: убить Мирбаха руками ленинской ВЧК, чтобы все подозрение пало именно на Ленина и Брестский договор был разорван. Ведь прислали же Рицлеру сообщение из Берлина, что Лорана в Париже нет. А раз он не в Париже, значит, в Москве, попросту никуда не уезжал. Но Рицлеру никто не поверит, что убийство посла Мирбаха организовал французский разведчик Пьер Лоран, не поверит даже Берлин, понимая, что срыв Брестского договора выгоден в первую очередь Франции. Слишком уж невероятно прозвучит из уст Рицлера эта версия. Но в глубине души он знал: кроме Лорана, такое никто не смог бы придумать.

Блюмкин продолжал палить в разные стороны, но ни одна из его пуль никому не причинила вреда, да, впрочем, и не могла. Он стрелял с расширенными от страха глазами, даже не целясь. Взрывом Блюмкина отбросило к стене. Едва дым рассеялся, он увидел, что Андреев выбил окно и исчез. Блюмкин бросился за ним следом. Он выпрыгнул из окна и сломал ногу, но боли в первый момент не почувствовал. Впереди была железная ограда, которую надо было преодолеть. Из окон посольства затрещали винтовочные выстрелы, видимо, очухалась охрана, и теперь он был удобной мишенью для этих идиотов. Перелезая через ограду, Блюмкин почувствовал, как обожгло бедро, но это его и подстегнуло. Он рванулся и мгновенно перевалился через прутья ограды, плюхнувшись мордой прямо на тротуар. Пополз, а потом заковылял к автомобилю. В последний миг уже Андреев втянул его в машину. Сам Коля во всей этой перестрелке не получил даже царапины.

— Гони! — рывкнул Андреев перепуганному шоферу, и машина помчалась прочь из переулка. Вослед еще доносились сухие одиночные выстрелы, и одна из пуль царапнула крышу.

Впопыхах Блюмкин с Андреевым даже забыли про явочную квартиру и примчались в Большой

Трехсвятительский переулок, в штаб Попова. Андреев помог Блюмкину вылезти и на себе затащил его в одну из комнат штаба. Рана оказалась неопасная, чуть пониже бедра, но при прыжке Блюмкин сломал ногу в лодыжке и разорвал связки. Двигаться он не мог. Прибежал начальник отряда Попов.

— Ну что?! — спросил он.

— Мирбаха нет! — сказал Блюмкин.

— Молодцы! — обрадовался Попов. — Хорошую свинью большевикам подсунули!.. — Чего встали?! Где цирюльник?!.. Все это надо сбрить! — Попов показал на бороду и усы Блюмкина. — Будут искать человека с бородой и усами, а его уже нет, а?! — И он весело хохотнул. — Пожрать принесите ребятам, чего встали?! Герои приехали, водки принесите! Ну!

Вмиг появилась водка, шмат сала, Блюмкину налили до краев граненый стакан, и он, не отрываясь, выпил. Второй стакан сглотнул Андреев. Появился цирюльник. Он за час сбрил бороду, усы и даже густую Яшину шевелюру, превратив его в тифозного огольца. Блюмкина переодели в солдатскую одежду, и матросы на руках перенесли его в лазарет, находившийся на другой стороне улицы. И очень своевременно, потому что прибытие Блюмкина наблюдал чекист Беленький, состоявший в ленинской охране, который уезжал из отряда Попова в ту самую минуту, когда Андреев выгаскивал из автомобиля раненого. Беленький знал Блюмкина и был очень удивлен не столько его ранением, сколько приездом в штаб Попова и странным возбуждением, которое сразу же возникло при появлении Блюмкина. В Большом театре шел Пятый съезд Советов, может быть, там что-то случилось, подумал Беленький и помчался туда. Но Ленин был уже в Кремле, и лишь там ему рассказали о смертельных выстрелах в Мирбаха. Брестский мир оказался под угрозой срыва.

...Ленин сидел в своем кабинете вместе с Троцким и Свердловым, обсуждая этот вопрос. Белень-

кий заглянул, и Ленин энергичным жестом попросил его войти.

— Я уже знаю, — кивнул Беленький. — И, кажется, знаю, кто это сделал...

— Какой-то Блюмкин из ВЧК и Андреев, — сказал Троцкий. — Они оставили в посольстве даже свои удостоверения.

Беленький рассказал о приезде Блюмкина в штаб Попова.

— Надо было давно разогнать этих поповских анархистов! — зло бросил Троцкий. — Я говорил Феликсу!..

Ленин связался с ВЧК и попросил Дзержинского немедленно приехать.

— Надо думать, чем немцев успокоить, Владимир Ильич, — проговорил Свердлов. — Со своими разберемся...

— Вот немцы-то меня меньше всего и волнуют! — поднявшись, нервно ответил Ленин. — Придется отдать часть золота, что они давно уже просят, и Людендорф успокоится. А вот левые эсеры задумали что-то серьезное, коли пошли на такое. И то, что этот Блюмкин приехал прямо в отряд Попова, тоже не случайно! Они готовят переворот и специально подгадали все это к съезду! Неужели вы этого не видите?! Сейчас самый удобный момент без всякого кровопролития захватить власть. И большинство делегатов съезда будут на их стороне. Они переизбирают меня и Свердлова, и власть в их руках!..

— Что же делать, Владимир Ильич? — спросил Свердлов.

— Что делать?! — удивился Ленин. — Спасать ситуацию! Немедленно изолировать, арестовать всю фракцию левых эсеров, не дать ни одной малейшей возможности выступить их лидерам на съезде! Провести работу по другим фракциям, разъяснить ситуацию, с тем чтобы одобрить резолюцию, осуждающую это кровавое убийство! Мы висим на волоске,

мои дорогие, и если упустим сейчас инициативу, то можем проиграть!

Ленин посмотрел на Беленького.

— Абрам Яковлевич, Дзержинский поедет усмирять штаб Попова, а вас я попрошу заменить охрану Большого театра. Везде расставьте своих людей и, как только появится Спиридонова и компания, запирайте их в какой-нибудь отсек и не выпускайте без моего разрешения! Договорились?!

— Хорошо, Владимир Ильич! — кивнул Беленький.

— Действуйте!

Беленький ушел.

— Сколько у нас латышей? — спросил Ленин у Свердлова.

— Две тысячи семьсот пятьдесят человек, и еще школа курсантов — восемьдесят человек, — доложил Свердлов.

— Негусто, — вздохнул Ленин. — У Попова шестьсот человек. Но если к ним присоединятся ходыницы и остальные отряды, то нам крышка, господа! Что будем делать?

— Надо, чтоб не присоединились, — ответил Троцкий.

— Вот вы этим и займитесь, Лев Давидович! А вы, Яков Михайлович, поднимайте латышей, надо, чтоб они были в полной боевой готовности.

Троцкий со Свердловым ушли. Приехал Дзержинский.

— Феликс, твой человек только что убил немецкого посла Мирбаха. Его фамилия Блюмкин. Я ни о чем тебя сейчас не спрашиваю, но через два часа я хочу, чтоб ты мне представил о случившемся обстоятельный доклад!.. Между прочим, убийца скрывается в твоём отряде Попова! Вот все, что я знаю на данный момент... Кто такой Блюмкин?..

— Левый эсер, его рекомендовала Спиридоно-

ва, — сообщил Дзержинский. Ленин посмотрел на Свердлова и Троцкого.

— Что ж, все сходится, — пробормотал Ленин. — Они давно готовили эту акцию, и все рассчитали!.. И вы тоже, Феликс Эдмундович, хороши! Эти рекомендуют, а вы и рады стараться! ВЧК — не богадельня, куда надо всех родственников пристраивать! Теперь вот и имеем то, что нас использовали самым гнусным способом! И нам придется оправдываться, а не им! Найти этого Блюмкина и расстрелять немедленно! И вашего Александровича расстрелять!

— Александрович тут ни при чем, Владимир Ильич... — осторожно заметил Дзержинский.

— Очень даже при чем! — взъярился Ленин. — Он, как член ЦК партии левых эсеров, не мог не знать, что там у них творится! И я более чем уверен, что они это убийство провели решением ЦК! И Александрович знал, что замышляет его коллега Блюмкин, и преступно ему потворствовал! А это еще опаснее! На этом удостоверении стоит печать ВЧК! Кто ее ставил?..

— Печать находится у Александровича... — смутившись, признался Дзержинский.

— Ну вот вам и наш нестигаемый Феликс! — воскликнул Ленин. — Печать должна храниться у председателя комиссии в сейфе! — напомнил Дзержинскому Владимир Ильич и шумно вздохнул. — Хорошо, Феликс Эдмундович, мы потом подробно во всем этом разберемся, а сейчас надо дело делать! Иначе проснемся через пару недель снова в Шушенском! Все!

Взгляд Ленина был зол и холоден. Дзержинский кивнул и вышел.

Председатель ВЧК хорошо знал этот ультимативный тон Ленина. И знал, чем может все закончиться. Ильич не посмотрит на прежние заслуги и отстранит его от дел. А без партии и настоящего дела Дзержинский не представлял свою жизнь. Он по-

мчался в немецкое посольство. На первом этаже от взрыва бомбы пострадало несколько комнат. Его с трудом пропустили в посольство. Первый, кого встретил Дзержинский, был Мюллер.

— Что вы на все это скажете, господин Дзержинский?! Приходят ваши сотрудники и убивают господина посла! Это невероятно!..

Мюллер показал ему удостоверение Блюмкина, напечатанное на бланке комиссии и подписанное его рукой. Он всмотрелся в свою подпись. Она была очень похожа, но буква «Ф» в начале подписи явно была не его. Кругляшки на палочке были чересчур объемистые, и достаточно было сравнить их с его подписями, как обман тут же обнаружится. Это его немного успокоило, но все равно не доказывало его полной невиновности. Хуже всего было то, что Дзержинский не уволил Блюмкина сразу же после заявления Раскольникова. Сейчас это могло всплыть и вызвать подозрение в причастности Дзержинского к преступлению.

Дзержинский позвонил Ленину и доложил ему, что его подпись на удостоверении Блюмкина подделана и что второй соучастник преступления — Николай Андреев так же принадлежал к партии левых эсеров.

— Меня волнует сейчас ваш Попов и его шесть-сот головорезов, которые могут выступить с оружием для защиты руководства своей фракции...

— Я не понимаю... — пробормотал Дзержинский.

— И не нужно! — отрезал Ленин. — Это не телефонный разговор! Поезжайте к Попову и займитесь им!..

Дзержинский вернулся в комиссию, нашел Лациса, вкратце обрисовав ему обстановку.

— Арестуйте Зинча и Бендерскую! Немедленно! — приказал Дзержинский.

Он знал, что ни Зинч, ни Бендерская к убийству Мирбаха не причастны, но немцы не отстанут с

этим Зинчем, и придется им пожертвовать. Одним Зинчем больше, одним меньше, теперь уже все равно. Самому бы голову сохранить.

Зинч в пять часов вернулся домой с двумя билетами на 7 июля до Ялты. Второй билет был взят для Сары-Дуси, он забирал ее на съемки, а сегодня в шесть вечера она была приглашена в дом для знакомства с матерью и помолвки. Помолвка была нужна больше матери. Она давно уже мечтала видеть сына женатым, хотела понянчить внуков, и предстоящая встреча была главным событием в ее жизни.

Еще за неделю она обсудила с сыном, какой будет стол, закуски и напитки, как сервирован, где кто сядет, о чем они поведут разговор. Вера Георгиевна то и дело спрашивала сына о Евдокии, о ее характере, семье. Зинч злился, отмахивался от этих расспросов, не понимая, как женщина может испытывать интерес к другой женщине. Он и жениться больше хотел для матери. Его вполне устраивала та любовная жизнь, которую они вели с Сарой, тем более что в последние недели даже Дуськины братья не обращали внимания их ночные развлечения. Теща считала Зинча законным зятем и смело брала у него деньги на всякие хозяйственные расходы. Свадьбу наметили на август, когда они оба вернутся из экспедиции, если, конечно, ничего не случится.

Зинч, как всегда, рассудил все гениально. Эти полтора месяца Сара будет вынуждена вести себя пайнкой и удовлетворять любые его капризы, чтобы стать в конце концов мадам Зинч. А если она покажет все признаки добропорядочной невесты, то они расписываются, как сейчас это модно, а к Новому году венчаются. Таким образом, Зинч как бы давал себе и ей два срока выдержки. За это время они должны были доказать, что созданы друг для друга. И запросто можно найти пустяковый повод

для скандала и все порвать, если Сара ему надоест. Зинч, собственно, на это и рассчитывал. Он и не думал впускать в свой дом еще одну женщину. Ему хватало и мамы. А когда мама умрет, вот тогда он и будет думать о равноценной замене.

Мама уже накрывала на стол, волнуясь и переживая за пирожные, которые должны были поднести только к половине седьмого, за свою рубиновую брошь, у которой в последний миг отвалилась застежка, и вообще она нервничала, потому что в ее жизнь вторгалась невестка. Она мучилась сама и мучила Зинча одним вопросом: кто же его избранница?

— Мам, она простолюдинка, но весьма прекрасна и ликом, и формами, что меня притягивает, — объяснял ей Волик. — Я подумал, что девушка из простой семьи — наилучший вариант для нас с тобой, когда власти требуют забыть о своем дворянском происхождении, а потом, надо кому-то убирать, стирать, готовить, я думаю в первую очередь о тебе. Сара возьмет на себя все заботы по дому, а мы немножко отдохнем, не надо будет брать служанку...

— О чем ты говоришь, Володя?! — вспыхнула мама. — Ведь жена — это мать твоих детей, она должна быть окружена любовью и заботой...

— Только не надо кофе в постель и чего изволите! — суровым тоном приказал Зинч. — Мне можно, а ее баловать нельзя! Простые девушки должны работать!..

— Но, Володя...

— Мама! — Зинч даже притопнул ногой. — Я знаю, что говорю! Я знаю Сару, ее манеры...

— Какую Сару? — не поняла Вера Георгиевна.

— Ну это я так называю Дусю. В шутку... — Зинч поправил перед зеркалом платочек, торчащий из нагрудного кармана, и взбил кудряшки. — Мы вводим Дусю в свою семью, и она должна гордиться таким

доверием... Ты и мой отец — потомственные дворяне, а не какие-нибудь там... — Зинч не договорил.

— Но при чем здесь происхождение? — удивилась Вера Георгиевна. — Главное, чтоб вы любили друг друга!

— Любовь, мама, хороша в семнадцать лет! — Зинч изобразил на своем лице нечто вроде страстного взгляда. — Помнишь, я влюбился в Наденьку Готовцеву, так что подхватил ангину?.. Все это уже было, мама! Я не мальчик, мне двадцать семь лет, и у меня есть свои понятия о семейной жизни. И я хочу их придерживаться... Надо отпустить усы, — сказал он. — Мама, мне пойдут усы?

— Твой отец носил усы, и они очень шли ему, — ответила Вера Георгиевна. — Я думаю, и тебе пойдут...

В дверь позвонили. Было половина шестого.

— Ну вот!.. — возмутился Зинч. — Я ей сказал прийти в шесть, а она приходит на полчаса раньше. Это недопустимо!..

— Володя, я тебя умоляю, не ругай ее! — крикнула Вера Георгиевна из кухни.

Зинч открыл дверь. На пороге в кожанке стоял Лацис. За его спиной торчали два солдата с винтовками. Лацис вошел в комнату, и Зинч растерянно отступил назад.

— Проходите, будьте как дома! — радостно запела Вера Георгиевна, выходя в прихожую, но, увидев солдат, остолбенела.

— Мне нужен Зинч Владимир Иосифович, — Лацис прочитал фамилию по ордеру на арест.

— Вот Зинч Владимир Иосифович, — проговорила Вера Георгиевна, указывая на сына.

— Он должен проехать с нами, — сказал Лацис.

— А в чем дело?! — возмутился Зинч. — Кто вы такие?!

— Всероссийская чрезвычайная комиссия! — Лацис показал удостоверение.

Зинч взял удостоверение, посмотрел его и вернул Лацису.

— Зачем я должен ехать?! — не понял Зинч. — Я все уже сказал вашему товарищу, ну как его... — Зинч защелкал пальцами, пытаясь вспомнить фамилию Дзержинского. — Кстати, мой друг у вас там работает, Яша Блюмкин... Знаете?.. Мы часто видимся...

Лицо Лациса при упоминании Блюмкина посуровело.

— Вы арестованы! — строго сказал Лацис. — Увести!

Солдаты вышли вперед, подхватили Зича под руки и, слегка приподняв, вынесли его на лестничную клетку и стали спускать вниз.

— Что вы делаете?!.. Остановитесь! — растерянно воскликнула Вера Георгиевна.

— Мама! — закричал с лестницы Зинч.

— Верните мне моего сына! — У Веры Георгиевны слезы навернулись на глаза. — Он сегодня женится! Что вы делаете?!

— Извините, до свидания! — Лацис вышел следом за солдатами и захлопнул перед Верой Георгиевной дверь.

— Мама, спаси меня! — орал Зинч, которого солдаты, как куклу, волокли к машине.

— Володенька! — Вера Георгиевна бросилась за сыном, выбежала на улицу, но машина уже выехала со двора и, газанув, умчалась. Вера Георгиевна добежала до перекрестка, вернулась в дом, стала собираться, чтобы поехать в ВЧК за сыном, но в последний миг остановилась.

— Куда же я, сейчас Дуся придет... — пробормотала она, закрыла лицо руками и заплакала.

...Через месяц Зинча и Бендерскую расстреляли.

Дзержинский, отдав приказ об аресте Зинча и Бендерской, немедленно отправился в отряд Попова и

потребовал выдачи Блюмкина. Попов отказался даже с ним разговаривать. Дзержинский рассвирепел и отдал приказ арестовать Попова. Тогда вышел заместитель Попова Протопопов и, самолично разоружив председателя ВЧК, препроводил его в соседнюю комнату и выставил охрану.

— Попытается бежать, стреляйте! — сказал Протопопов охранникам.

Спиридонова примчалась через два часа, увидела обритого Блюмкина, и слезы навернулись у нее на глаза.

— Самое главное, что живой! — прошептала она. — Я все это время места себе не находила!..

— Я выполнил задание Центрального Комитета, — гордо сказал Блюмкин.

— Спасибо тебе, родной мой! — Она обняла его и прижала к себе. — Я вчера так долго не могла уснуть, мне казалось, что ты ушел чем-то обиженный, и подумала, что, если ты погибнешь, я себе этого не прощу! Ты жив, на мое счастье!.. — зашептала Мария Александровна. — Но тебе придется, видимо, уехать. Мы пока арестовали Дзержинского, он требовал твоей выдачи...

— Арестовали Дзержинского?! — удивился Блюмкин.

— Все наши мирные переговоры с большевиками закончились! — решительно сказала Спиридонова. — Но они могут действовать исподтишка и ради этих немцев арестовать тебя...

— Но пусть арестуют, я готов предстать перед их судом! — сказал задиристо Блюмкин.

— Нет, вот тут геройства не нужно! — твердо сказала Мария Александровна и поднялась. — Извини, я должна идти — огласить на съезде прокламацию партии об убийстве Мирбаха, Мстиславский ее уже пишет. Мы еще увидимся!.. — Она с нежностью посмотрела на него и улыбнулась. — Какой ты смешной без усов и бороды! Прямо мальчишечка!..

— Не смотри на меня, я сам знаю, что смешной! — Блюмкин опустил голову.

— Глупый! — Она снова прижала его к себе. — Таким ты нравишься мне еще больше!.. Когда поправишься, мы снова увидимся. Ты придешь ко мне, мы снова накроем стол, теперь уже просто так, — зашептала Спиридонова, — и целый вечер будем вдвоем. Хорошо?

Она поцеловала его.

— Поправляйся! — прошептала она и ушла. Но вечером она не вернулась.

Не пришла Маруся и на следующий день.

Лоран хоронил Изольду на Ваганьковском кладбище под грохот пушек и треск винтовочных выстрелов. Большевики брали с боем казармы отряда Попова. Он дождался, когда бросит горсть земли Маргарита Сергеевна, и бросил следом за ней, потом Бирзе и малыш Жан-Люк. Лоран попросил у Нуланса машину, а Бирзе больше требовался как мужская сила. Маргарита Сергеевна уже два года как овдовела. Ее муж погиб на войне, и она до сих пор носила по нему траур. Совсем недалеко застрочил пулемет.

— Вот и салют, — тихо сказал Бирзе.

Потом они поехали домой к Маргарите Сергеевне, она настояла, чтобы поминки прошли дома, хотя Лоран предлагал пойти в «Славянский базар», но сейчас, очутившись в небольших двух комнатках сестры Изольды, он обрадовался, что они приехали сюда: уютom и теплом пахнуло на него, обжитым домом, вкус которого он уже позабыл, мотаясь последние десять лет по гостиницам и наемным квартирам.

Маргарита Сергеевна пригласила вместе с Лораном Бирзе и Жан-Люка. Последний почти не говорил по-русски и сидел за столом молча, благо и обстановка тому соответствовала. Хозяйка показала семейный альбом с фотографиями. Лоран увидел родителей Изольды, отца и мать, ее детские фотоснимки. Один из портретов был сделан примерно полгода

назад. Изольда снялась в том самом темно-вишневом платье, в котором он ее видел, она смотрела на него такими сияющими глазами, что Лорану стало даже не по себе.

Разглядывая исподволь сестру, Лоран отметил, что она так же красива, как Иля, только красота ее строже, как бы приглушенной, нет лишнего блеска и того бешеного темперамента, которым природа одарила Изольду.

За обедом Маргарита Сергеевна спросила Лорана: если он хочет взять что-то на память из вещей Или, то она не против, они могут подъехать к ней в любое время. Но Лоран отказался. Он хотел попросить фотографию, но не решился.

— А вы постоянно в Одессе живете? — спросила Маргарита Сергеевна.

— Да, но очень часто бываю в Москве, — сказал Лоран.

— Заходите ко мне, я буду рада, — сказала она.

— Обязательно, если буду наезжать, — кивнул он. — Но сейчас такое время, что один Господь знает, что с нами будет через день-два или месяц...

— Да, вы правы, — вздохнула Маргарита Сергеевна.

Они посидели еще час, полакомились чудесными куриными котлетами, приготовленными Маргаритой Сергеевной, и стали прощаться. Перед уходом она протянула Лорану конверт.

— Это та фотография, которая... — Маргарита Сергеевна не закончила фразу. — Мне кажется, вы хотели ее попросить у меня, — проговорила она и еле заметно улыбнулась. Лоран поблагодарил ее и взял конверт. «Но в чем они похожи, так это читать чужие мысли», — подумал он, уходя.

Они вышли на улицу, Лоран отпустил Жан-Люка, пообещав вечером заехать к Нулансу, и они не спеша двинулись с Бирзе к гостинице.

— Войтов объявился, — сообщил Бирзе. — Он хочет встретиться, видимо, надумал. Куда его?

— Давай встретимся, — согласился Лоран. — Если у него всерьез, то работа найдется...

— Ты думаешь, Голубовский со товарищи проигрывает? — спросил Бирзе.

— У них же нет нормальной военной организации! А у Попова шестьсот человек, да и те... — Лоран недоговорил, нахмурился.

— И Восточный фронт, думаешь, не откроют? — удивился Бирзе.

— Вряд ли, — помолчав, ответил Лоран. — невыгодно ни тем, ни этим. Покобелятся да помирятся. Мы сделали что могли... Одна надежда на Савинкова...

— А вот этому я не верю! — твердо сказал Бирзе. — Болтун!

— Когда с Войтовым?.. — спросил Лоран.

— Я на пять назначил. Там же...

Они встретились в том же сквере на Страстном. На этот раз Лоран не прятался, а сидел на скамеечке вместе с Бирзе. Войтов был точен. Он пришел в легкой тенниске, светлых брюках, но военная выправка сразу же бросалась в глаза.

— Познакомься с Ефимом Петровичем, — представил Бирзе Лорана.

— Поручик Войтов, — представился он.

— С родными повидался? — спросил Бирзе.

Войтов кивнул.

— Все живы-здоровы?

— Живы-здоровы, — отозвался Войтов.

— И что решил?

— Я хотел бы в действующую армию, — проговорил Войтов. — В конспираторы не гожусь, из-за угла стрелять тоже не хочу. К Деникину, к Колчаку, куда угодно, но в армию... Вот поэтому и позвонил.

— Ну а как жена? — спросил Бирзе.

— Она понимает, — помолчав, ответил он. — Я

эти две недели кухонной жизни с трудом осилил. Я военный. Больше ничего не умею. Идет война, надо определяться с фронтами. А большевиков в Питере насмотрелся! Шкуры! Отсиделись в тылу, морды нажрали, в кожанки разделись и мародерствуют, гады! Ненавижу!..

Он закурил, помолчал, потом заговорил опять. Ему хотелось выговориться.

— Жену, конечно, жалко... Но я не выпячивался, она похоронку имеет, это для мародеров питерских, чтоб в кутузку не засунули. Говорила, даже замуж хотела выйти за француза какого-то, но я не против... Что-то во мне сломалось, господа! Мозги не в ту сторону повернулись. Я за эти две недели только три раза из дома вышел, и один раз чуть не придушил гада краснорожего, злость просто до края доходит. Чувствую, если не выплесну, то либо пристрелю кого-нибудь, либо сопьюсь. А зачем это? Вот и рвусь на фронт... — Выкурив одну папиросу, он прикурил следующую. — Она меня даже одного боится отпускать. Вот и в Москву за мной увязалась... Хотя она умница, все понимает...

Лоран не вмешивался в разговор. Он вдруг невольно почувствовал чей-то пристальный взгляд на себе и, осторожно оглядев скамейки на соседней аллее, увидел Таню. Она, застыв, испуганно-восторженными глазами смотрела на него. Лорана даже бросило в жар. Таня держалась из последних сил, чтобы не закричать, не броситься ему на шею. Но каким-то невероятным чутьем она понимала, что делать этого не стоит, что Лоран — это не Лоран, а кто-то другой, ведь муж шел на встречу не с капитаном французской миссии, а руководителями некой подпольной антибольшевистской организации. И, дав ей разрешение издали понаблюдать за разговором, он категорически в любой ситуации запретил даже приближаться к ним.

Они молча смотрели друг на друга, и взгляды зна-

чили больше, чем слова. Она говорила глазами, говорила, как тосковала по нему, как плакала, просыпаясь ночами, как обрадовалась, получив его письмо из Парижа. А потом почувствовала, как он куда-то уходит от нее, уходит к другой. Потом вернулся Сергей, она начала выхаживать его и даже побоялась одного отпустить в Москву. И вот...

— А что за француз? — спросил Бирзе.

— Какой француз? — не понял Войтов. — А, француз... Не знаю, был какой-то француз, так она говорила, они даже хотели пожениться. Я больше ее не спрашивал, а она не рассказывала... Так что, мне рассчитывать на вас или самому как-то... — Он впервые посмотрел на Лорана.

— Если это твердое решение, то через два дня получишь направление, — сказал Бирзе. — Но добраться придется самому, сам понимаешь...

— Это понятно...

— Позвони завтра в то же время, — сказал Бирзе.

— Спасибо за помощь! — Войтов поднялся, встали и Лоран с Бирзе, пожали друг другу руки, и Войтов энергично зашагал по направлению к Тверской. Лоран видел, как поднялась Таня и тоже медленно пошла в том же направлении, оглядываясь на Лорана. Войтов постепенно замедлял шаг, поджидая ее, и Таня догнала его. А догнав, она вдруг повернулась и стала откровенно смотреть на Лорана. Был миг, когда Лорану показалось, что Таня сейчас бросится к нему: ведь они встретились. Войтов тоже посмотрел в сторону Лорана, не понимая, что с ней случилось. Он что-то сказал ей, двинулся вперед, и она вдруг опустила голову и ушла следом.

Лоран остановился. У него впервые за все это время вдруг так сжало сердце, что потемнело в глазах.

— Что скажешь? — спросил Бирзе.

Лоран пожал плечами.

— Тебе плохо? — спросил Бирзе.

— Почему? — не понял Лоран.

— Да вид у тебя... — Бирзе недоговорил. — Даже губы побелели... Давай сядем, я не тороплюсь.

Они снова сели на скамейку.

— Тебе надо все-таки отлежаться!.. Может, ты у меня поживешь?.. Старуха с сыном на две недели в деревню уезжает, мы на ее половине поживем, а ты на нашей... Груша тебя бы откормила! А потом, знаешь, она мне тут призналась, мать у нее знахарка в деревне, и она все секреты знает! Она тебя за неделю на ноги поставит! Ну что, полегче?

Лоран кивнул.

— Я вижу, кровь прилила... Сердце?..

Лоран качнул головой.

— Болезнь, нервотрепка, похороны — эти события богатыря в гроб загонят... А насчет переезда я вполне серьезно! Давай-ка, а?! Ты не отмахивайся! Сам учил: разведчик болеть не имеет права! Кто говорил? Словом, все! Сейчас собираем вещички и перебираемся!.. Не улыбайся, я знаю, что ты скажешь! Но я прав, прав!.. Самоварчик в саду, в тенечке, птички поют... Как на природе!..

Вечером Нуланс передал Лорану шифровку из штаба. Его благодарили за операцию «Мирбах» и просили определиться с заменой. Руководство считало, что в России ему далее оставаться было опасно.

Узнав об аресте Дзержинского, а потом и Лациса, которых держали как пленников в отряде Попова, Ленин приказал взять заложниками всю фракцию левых эсеров, присутствовавших на Пятом съезде Советов в Большом театре, и любой ценой освободить Дзержинского и Лациса. Вскоре по казармам в Большом Трехсвятительском ударили пушки, и хмельные матросики, отрезвев и поняв, что пощады не будет, бросились удирать. В той суматохе и

стрельбе, начавшейся 7 июля, Попов и его доблестные анархисты начисто забыли о Блюмкине, спохватившись часа через два. Попов отрядил медсестру с машиной, и она успела вывезти Блюмкина за пять минут до прихода чекистов и пристроить в Первую городскую больницу.

Ленин временно назначил Петерса председателем ВЧК. 7 же июля был освобожден железный Феликс. Чувствуя угрызения совести и вина себя в случившемся, он написал заявление с просьбой освободить его от обязанностей председателя ВЧК и принес его Ленину.

Владимир Ильич прочитал заявление и сказал: «Хорошо». Он был чем-то раздосадован, его дергали, звонил телефон, и Дзержинский, не ожидавший столь равнодушного к себе отношения, не решался уходить, точно ждал какого-то разговора. Он и сам готов был объяснить Владимиру Ильичу, что эсеры предали их и его вины в этом нет. Разве в Ревтрибунале у Свердлова не было эсеров? Но они нанесли удар по ВЧК, и теперь страдает Дзержинский.

Ленин за это время успел написать две коротеньких записочки, Каменеву и Цюрупе, он любил такую форму общения — а Дзержинский все еще в ленинском кабинете. Он хотел знать, что означает это ленинское «хорошо». Хорошо — вы принесли заявление, я разберусь, вас вызову или хорошо — я согласен с вашей отставкой, идите ловите рыбку. Что значит «хорошо»?!

Ильич бросил взгляд на Дзержинского, точно ожидал, что он давно ушел.

— Что вы хотите, Феликс?! — неожиданно зло заговорил Ленин. — Вы хотите, чтобы я возмущался тем, как вас ловко разоружили и посадили под арест бойцы вашего же отряда?! Вы этого хотите?!.. Или тем, что ваш сотрудник застрелил немецкого посла?!.. Когда революционный отряд ВЧК арестовывает собственного начальника, значит, он уже не

начальник, несмотря на все его заслуги в прошлом! Мы не будем ценить человека по его прошлым заслугам, мы будем его оценивать по тому, что он умеет сегодня! ВЧК — святыня революции — становится прибежищем убийц и анархистов! Я в этом виноват, председатель Совнаркома?! Если я виноват, то к чертовой матери выгоняйте и меня! И хорошо, что вы сами понимаете всю тяжесть собственных просчетов. Вот они где!..

Ленин похлопал себя по шее. Дзержинский молчал, как проштрафившийся ученик перед учителем и, опустив голову, выслушивал упреки. Ленин тяжело вздохнул и стал что-то записывать на листочке бумаги.

— Я могу идти? — спросил Дзержинский.

— А я вас и не задерживал, Феликс Эдмундович, — пожал плечами Ленин.

Ленин знал, что у Дзержинского ничего больше нет в жизни, кроме работы и долга партийца, и теперь, вышвыривая его из ВЧК, он понимал, сколь тяжело будет переживать Дзержинский эту отставку. Ленин вернет Дзержинского в ВЧК через полтора месяца, 22 августа 1918 года. Чекисты выйдут на одну из крупных антиленинских организаций — «Национальный центр», и надо будет разгрести авгиевы конюшни новых заговоров. С хладнокровным Петерсом у Ленина не сложилось тех домашних отношений, какие были с Дзержинским. Петерс всегда говорил «Есть!», когда Ленин о чем-либо просил его. Он был исполнительным и ревностным работником, но связь с ВЧК у Ленина вдруг потерялась. И пришлось возвращать Дзержинского.

А Петерс, исполняя приказ Ленина, в те июльские дни искал Блюмкина, дав распоряжение по больницам не выпускать ни одного раненого и больного. И, несмотря на то что Блюмкин назвался Бе-

ловым, его личность хорошо знали чекисты и стали прошаривать все больницы и госпитали. 9 июля они добрались до Первой городской. Блюмкин бежал. Но идти ему было некуда. Он знал лишь квартиру Пустовского, в которой проводил обыск, и приказал извозчику ехать туда.

Неожиданное появление Блюмкина произвело на Пустовского даже более сильное впечатление, чем явление Христа. Переводчик остолбенел и минуты три не мог произнести ни слова. Потом он понял, что его пришли снова арестовывать, и, покорно отступив, впустил к себе Блюмкина.

— Вы один? — спросил Блюмкин.

— А с кем мне еще быть? — не понял вопроса мрачный Пустовский.

— Помогите же сесть! — потребовал Блюмкин.

Пустовский помог Блюмкину сесть в кресло. Оттого что Якову пришлось наступать на сломанную ногу, он от боли обкусал все губы, и теперь они кровоточили.

— Водка есть? — спросил Блюмкин.

— Я не понял? — спросил Пустовский.

— Водка есть, спрашиваю?! — рассердился Блюмкин.

— Есть, — ответил Пустовский.

— Несите! И закусить чего-нибудь! — потребовал Блюмкин.

Пустовский достал водку, принес осьмушку хлеба, две луковицы и два стручка свежего гороха. Это все, что у него было в доме из еды. Блюмкин повозмушался тем, что нечего жрать, но, выпив полстакана водки, съел хлеб, луковицу и два стручка.

— Хочешь? — кивая на бутылку, спросил Блюмкин, заметив, как удивленно смотрит на него переводчик.

— Я работаю, — сказал Пустовский.

— Ну и что? — спросил Блюмкин.

— Когда работаю, я не пью, — сказал Пустовский.

— Тогда сегодня работать не будешь! — объявил Блюмкин. — Неси стакан!

— Если вам непонятно, то я повторю: я работаю — и пить не буду!

Блюмкин помрачнел и тихо проговорил:

— Я сейчас все здесь спалю, к такой-то матери! Неси стакан, я сказал!

Пустовский покорно принес стакан.

— Не люблю пить один, — объяснил Блюмкин.

Он налил полстакана Пустовскому.

— Садись! — приказал Блюмкин.

Пустовский сел.

— Тебя как зовут-то? — спросил Блюмкин.

— Вениамин Казимирович, — хмуро ответил Пустовский.

— Веня, значит!..

— Я вам не Веня, а Вениамин Казимирович! — надменно уточнил Пустовский.

— Вот я с тобой пока по-хорошему, Веня! Ты хочешь по-плохому, да? — Блюмкин выложил на стол револьвер.

У Пустовского округлились глаза от страха.

— Давай, Веня! — Блюмкин чокнулся с Пустовским. — Поехали!

— Куда? — затаив дыхание, спросил Пустовский.

— Пей давай! — обозлился Блюмкин.

Пустовский махнул полстакана с полным равнодушием на лице и даже не поморщился.

— Молодец! Водку пить умеешь! — похвалил Блюмкин. — А то у меня товарищ один есть, он у Троцкого в разведке работает, так тот рюмашку хлопнет, а поморщится на стакан! А ты силен, брат!..

— Я вам не брат, — закусывая луковицей, отрезал Пустовский.

— Опять?! — рассердился Блюмкин и посмотрел на револьвер. — Я ведь сейчас быстро: выпишу рас-

стрельный ордер, отведу за угол и чик-чирик! Сейчас это быстро! И никто не вспомнит: был Пустовский или нет! Пусто, Веня, и прохладно... — Блюмкин откинулся в кресле, выгасил папиросы, закурил. — Хорошо у тебя, Веня, душевно. А я вот лодыжку сломал. Слышал, что немецкого посла убили?

— Пустовский кивнул.

— Вот так вот! Это серьезно! Поэтому придется мне поночевать у тебя ночки три, посидеть в засаде! — объявил Блюмкин.

— В какой засаде? — не понял Пустовский.

— В такой! — загадочно сказал Блюмкин. — Убийца может зайти к тебе!

— Я не понял... — пробормотал Пустовский.

— А тебе и понимать не надо! Будешь водку и харч обеспечивать, вот твои обязанности!

— Но позвольте...

— Не позволю! — стукнул кулаком по столу Блюмкин. — Драматург Заревой, часть лица обожжена при пожаре и голос как из бочки, вам, надеюсь, знаком?.. — с подковыркой спросил Блюмкин.

Пустовский замер.

— А что он?.. — удивился Пустовский.

— А то, что состоял в антисоветской организации и готовил смерть посла Мирбаха... — Блюмкин снова налил себе и Пустовскому водки.

— Он его не любил, — согласился Пустовский. — И что, он сам?..

— Стрелял-то не он, но Заревой являлся одним из активных членов этой подпольной организации, писал листовки с призывом убить Мирбаха!.. — Блюмкин чокнулся с Пустовским и залпом выпил. Переводчик последовал примеру Блюмкина.

— Вот идиот! — проговорил Пустовский. — И что он теперь, скрывается?

— В бегах! — жуя сало, кивнул Блюмкин. — Дзержинский предлагал и тебя арестовать, но я отстоял. Решил только ночки три подежурить. Если не

поймаю, то... — Блюмкин выдержал паузу, взглянул на Пустовского, который со страхом ожидал концовку фразы. — То, может быть, уйду... Если хорошо принимать будущее и хорошо себя вести, а также оказывать всяческое содействие представителю власти...

Блюмкин разлил остатки водки.

— Чем будем дальше заниматься? — спросил Блюмкин.

— У меня еще одна есть, — мрачно сказал Пустовский.

Заревой заявился к Пустовскому через день с единственной целью: опохмелиться. У Блюмкина был дневной сон, несколько больничных дней выработали в нем эту привычку. Пустовский вытолкал драматурга на улицу и рассказал, что его разыскивает ВЧК из-за убийства Мирбаха и засада сидит у него дома.

— А я тут при чем?! — не понял Заревой.

— Листовки писал? — спросил Пустовский.

— Да стишок небольшой! Вот послушай...

— И слушать не хочу! — отрезал Пустовский. — Беги из Москвы! Отсидись в Торжке у тетки, как все успокоится, я дам знать!..

— Да у меня и денег на дорогу нет! — сказал Заревой.

— Пешком иди, дуралей! Жизнь надо спасать!..

— Спасибо, Веня! — пробормотал Заревой и пешком отправился в Торжок, прибыв туда через неделю в таком виде, что тетка узнала его лишь по родимому пятну на спине.

Блюмкин пробыл у Пустовского четыре дня. Все четыре дня они пили водку и вели душевные беседы. Пустовский даже почитал Блюмкину свои переводы Гейне, и Блюмкин, прослезившись, стал бить себя в грудь и говорить, что он был не прав, арестовав Пус-

товского, и что Сара Бернар — сушая дрянь, с чем переводчик тотчас согласился. Блюмкин даже приказал притащить Нюрку сюда — для развлечений, но в последний момент опомнился и передумал: она могла растрезвонить, донести, а попадать в ВЧК Блюмкин не хотел. Поэтому он вернул Пустовского и сказал, что Нюрку приглашать нельзя: он в засаде, и она может спугнуть Заревого.

Однажды, побежав за водкой, Пустовский принес газету с правительственным сообщением и вслух зачитал Блюмкину: «6 июля около 3 часов дня двое негодяев — агентов русско-англо-французского империализма проникли к германскому послу Мирбаху, подделав подпись т. Дзержинского под фальшивым удостоверением, и под прикрытием этого документа убили бомбой графа Мирбаха. Один из негодяев, выполнивших это провокационное дело, давно уже и многократно связывавшееся в советской печати с заговором русских монархистов и контрреволюционеров, по имеющимся сведениям, левый эсер, член комиссии Дзержинского, изменнически перешедший от службы советской власти к службе людям, желающим втянуть Россию в войну и этим обеспечить восстановление власти помещиков и капиталистов...»

— Какая чушь! — возмутился Блюмкин. — Я хотел восстановить власть помещиков и капиталистов?! Совсем с ума сошли!..

— А где про Заревого? — искал Пустовский. — Россия теперь на волосок от войны... А где про Заревого?! — спросил переводчик у Блюмкина.

— Заревой же не стрелял! — напомнил Блюмкин. — А стрелял левый эсер из комиссии Дзержинского, тут все правильно написано.

— А ты его знал? — спросил Пустовский.

— Конечно!

— И что ему теперь будет? — спросил Пустовский.

— Да ничего не будет, — ответил Блюмкин. — Поругают для отвода глаз, и все! Приказ-то шел от Дзержинского, понимать надо!..

У Пустовского округлились глаза.

— Только об этом — сам понимаешь! За язычок могут чик-чирик сделать!.. — предостерег Блюмкин.

— Но это же... — Пустовский недоговорил. — Что же это за власть у нас такая теперь?

— Лучшая в мире! — ответил Блюмкин.

На четвертый день Блюмкин послал Пустовского по одному адресу и вызвал к себе связника, к которому велел ему обратиться в случае нужды Голубовский. Связник достал машину, и они на пятый день укатили в Рыбинск. Долечив ногу, Блюмкин уехал в Кимры. Там под фамилией «Вишневский» он работал в комиссариате земледелия. В конце года он связался со своим родным левозэсеровским ЦК и, получив приказ, перебрался под Петроград, стал ждать партийного задания.

Там, встретив товарищей по партии, он узнал, что Вячеслава Александровича Александровича расстреляли 7 июля в числе тринадцати солдат из отряда Попова. Схватили первых попавшихся и расстреляли вместе с Александровичем. Последний пострадал ни за что, и получается, что за Блюмкина, ибо Александрович всегда выступал против террора. Но оправдываться перед большевистским трибуналом он не стал. Лишь только снял очки, положил в карман, чтобы не разбились, и закрыл глаза, подумав в последний миг о том, как глупо все получилось в его жизни.

Заканчивался ноябрь, Блюмкин каждый день бегал покупать газеты, следя по ним за процессом над членами ЦК партии левых эсеров — Голубовским, Спиридоновой и другими. В числе прочих была и фамилия Коли Андреева. Значит, его поймали. 27 ноября был вынесен приговор. Голубовского, Прошьяна, Андреева и еще пятерых членов ЦК при-

говорили к расстрелу. В расстрельном списке стояла и фамилия Блюмкина. Спиридоновой дали один год тюремного заключения, учитывая ее прежние революционные заслуги, и через два дня амнистировали.

Блюмкин рвался в Москву, но его пока не пускали. Не выдержав, он сорвался и поехал на свой страх и риск. Формально он хотел получить направление на Украину для организации диверсий в немецком тылу, но больше всего ему хотелось увидеть Марию Александровну. Это было опасно, он был приговорен к смерти, но Блюмкин плюнул на все и поехал.

Спиридонова жила в той же гостинице, в том же номере, и Блюмкин с бьющимся от волнения сердцем постучал в дверь номера. Она открыла ему и несколько секунд, оцепенев, стояла на пороге, словно перед нею возник призрак.

Они обнялись, она закрыла дверь и стала ругать его за то, что он приехал, подвергая себя страшному риску. Он не стал ей возражать, поцеловал ее, и они долго, не говоря друг другу ни слова, стояли обнявшись...

Она кормила его селедкой с картошкой и рассказывала о себе.

— Они хотят нас уничтожить, совсем, чтобы не было никакой партии левых социал-революционеров, и они своего почти добились. Эта сволочь Бухарин мне недавно сказал: «Будешь шуметь, мы тебя объявим сумасшедшей и в психушку упрячем!» Представляешь?!.. Ленин уже не стесняется говорить о личной диктатуре. И вообще, они сделали одолжение моей чахотке, амнистировав меня!.. Боже, как я их ненавижу! Видишь, уже и Господа поминаю от бессилия своего... Маруся, ты блаженная у нас, какой с тебя спрос! Вот все их слова. Но я буду бороться! Теперь я буду бороться с ними... Что ты молчишь, Яшенька?..

Яша молчал, потому что думал совсем о другом. Он хотел ей сказать: давай уедем к морю или в степи

на кумыс и поживем для себя, только для двоих, но он не сказал, потому что Мария Александровна застыдила бы его за эти мысли. Ее не исправишь. Она действительно блаженная, только совсем в другом смысле: она настоящая революционерка, без всяких примесей, в том, наверное, ее и беда, потому что нужны торгаши, обманщики, каратели, но не революционеры. Теперь она будет бороться против них. А они будут вынуждены с ней что-то делать. Только вряд ли у них поднимется рука упрятать ее в психушку. Тут Спиридонова не права. Он так ей и сказал, но она ему ответила: «Ты их еще не знаешь!» Он действительно тогда еще не знал большевиков.

Еще через день Блюмкин уехал на Украину. Позже он узнал, что в феврале 1919 года Спиридонову снова арестовали за яркие митинговые речи против Ленина и Троцкого.

Уже позже, работая в секретариате Троцкого, Блюмкин случайно натолкнулся на стенограмму заседания Московского революционного трибунала по делу Спиридоновой. Стенограмма была датирована 24 февраля 1919 года. Председательствовал Дьяков, обвинителем выступал Смидович, свидетелем Бухарин. Листая желтые листки стенограммы, Блюмкин обратил внимание на то, как согласованно выступали обвинитель и свидетель, больше того, Бухарин даже ожесточенней расправлялся со Спиридоновой, нежели старавшийся держаться лишь фактической стороны дела Смидович.

«Я обращаю внимание суда на эмоциональный тон, в который были окрашены все ее речи, — говорил Бухарин, — который показывает, что основанием этого была чрезвычайная неуравновешенность психической структуры подсудимой. Все ее речи походили на истерические выкрики, она топала ногой, истерически кричала, предлагала записывать фамилии, умученных большевиками. Атмосфера была

чрезвычайно тяжелая, напоминающая сцены из Достоевского...»

Блюмкин не раз слышал, как Маруся выступает. Она действительно всегда говорила ярко и эмоционально, но за это надо тогда судить Ленина и Троцкого. Последний не только любил стучать кулаком по столу или трибуне, но однажды на митинге выхватил револьвер и несколько раз выстрелил в воздух, показывая, как надо расправляться с трусами и дезертирами на фронте. Мария Александровна по сравнению с ним была чрезвычайно уравновешенным человеком, если использовать выражения того же Бухарина. Последний наверняка получил наставления Ильича перед судом и честно отработал все судебное заседание. К листам стенограммы была приколота записка со словами: «Читал. *В. Ленин*». Потому что окончательное слово приговора выносил лично он.

Дальше Бухарин приводил один случай, о котором Маруся как-то рассказывала Блюмкину. Это случилось еще в январе 1918-го, когда большевики разогнали Учредительное собрание. «Мы ехали на автомобиле с гр. Спиридоновой по улицам Петрограда. Были страшные заносы, рабочие и работницы чистили снег по трамвайным линиям, чистили с самоотвержением, потому что это даже не было их обязанностью. Когда мы проезжали, они замахнулись на нас лопатой, я не успел сказать шоферу, чтобы он не мешал им, как гр. Спиридонова достала браунинг и стала махать им, угрожая. Мне с большим трудом приходилось ее сдерживать, говорить ей: «Что вы делаете, разве можно?» Она же мне кричала с судорожным видом: «Представьте, я не могу допустить, чтобы кто-то замахивался на меня чем бы то ни было». Я ей говорил на это: «Мы сами виноваты», но душевное состояние Спиридоновой было таково, что никакие доводы не могли воздействовать. Мне с трудом удалось предупредить самосуд,

потому что толпа нас выгнала из автомобиля. У меня был так же браунинг, как у Спиридоновой. Был один момент, чтобы и мне, и Спиридоновой толпа раскроила череп, может быть, поделом, потому что нельзя выгаскивать револьвер и быть таким неуравновешенным...»

Мария Александровна рассказывала совсем иначе: их остановили, заставили выйти из машины и стали издеваться, выкрикивая всякие обидные глупости, и Спиридонова, не выдержав, выгнала браунинг и бросилась на толпу. Она расступилась, и они уехали. Бухарин так перепугался, что Мария Александровна его долго успокаивала.

И далее в своих показаниях на суде Бухарин все время напирал на эту «прыгающую психику» Спиридоновой, точно ему была поставлена именно такая задача. А что может быть страшнее, чем объявить революционерку, вождя партии сумасшедшей. Блюмкин вспомнил ее страхи тем вечером, и ему стало не по себе.

В этой же папке был подшит приговор Московского ревтрибунала по делу Спиридоновой от того же 24 февраля, и он прочитал: «На основании изложенного, однако принимая во внимание болезненно-истерическое состояние обвиняемой Спиридоновой... изолировать Марию Александровну Спиридонову от политической и общественной жизни сроком на один год посредством заключения Спиридоновой в санаторию с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда».

Эта «санатория», как потом узнал Блюмкин, размещалась в караульной казарме охраны Кремля. К делу была приколота записочка Спиридоновой на волю, в которой она писала: «Я живу в узеньком закутке при караульном помещении, где находится 100—130 человек смены красноармейцев (инструкторская школа красных офицеров, большей частью коммунисты)... Грязь, шум, гам, свист, нечаянная

стрельба, стук и все прочее, сопутствующее день и ночь бодрствующую караульную казарму».

Блюмкин представил эту «санаторию», и ему стало не по себе. Что должна была чувствовать эта издерганная каторгой и изнурительной работой, чухоткой слабая женщина? «Сволочи, вот сволочи!» — читая эти документы, бормотал Блюмкин.

Левые эсеры чуть позже организовали ее побег, но она недолго пробыла на свободе. Ее снова изловили, упрятали за решетку, поставив уже настоящую охрану, и с той поры ее практически не выпускали на волю, держали то под домашним надзором, то в больнице, то в тюрьме, ссылали в Казахстан и Башкирию и, устав с ней бороться, расстреляли в 1941-м в орловском центре, незадолго до прихода в Орел фашистов.

Яша с той встречи в ноябре 1918 года с ней больше не виделся. Он неплохо поработал в Киеве, организуя диверсии и убийства, его самого чуть не убили, а в 1919 году Блюмкин явился в киевскую ВЧК с повинной. Его простили, он порвал с левыми эсерами и вступил в партию большевиков. В конце гражданской войны он уже командовал 79-й бригадой 2-й Омской дивизии Южного фронта. Потом уехал в Москву, стал учиться в Военной академии РККА. И снова появился Вася Грындин, у которого Яша познакомился с Есениным и Мариенгофом, и снова пошли холостяцкие попойки и гульба. В Доме печати Блюмкин однажды встретил Мандельштама. Увидев его, пьяный Яша выхватил револьвер и закричал «Застрелю!», но друзья успокоили Блюмкина и тихо увели Мандельштама. В тот же вечер Мандельштам бежал от грозного террориста в Петроград, сильно опасаясь за свою жизнь, а Блюмкин, проснувшись на следующий день от дикого похмелья, даже не вспомнил этот случай.

Закончив академию, Блюмкин работает в секретариате Троцкого и пользуется его доверием и ува-

жением. В 1925 году Яша возвращается на работу к Дзержинскому, теперь это уже ОГПУ, он работает в Закавказье, потом в органах безопасности Монголии. В 1929 году его посылают в Турцию создавать там широкую шпионскую сеть, с чем Блюмкин успешно справляется.

16 апреля 1929 года в Константинополе Блюмкин встречается с Троцким. Бывший наркомвоен был выслан из СССР еще в 1927 году и стал личным врагом Сталина. Но Блюмкину льстят просительные, робкие интонации когда-то всемогущего Троцкого. Он обещает бывшему красному вождю свое покровительство, но, вернувшись в СССР, понимает, что всякая связь, вольная или невольная, с Троцким опасна и выполнить его просьбы означает приговорить себя к расстрелу. Блюмкину уже тридцать, он все еще холост, правда, изредка он встречается с Лизой Горской, они вместе работают в ОГПУ, и Блюмкин присматривается к ней, заводит речь о женитьбе. Лиза не против: авторитет Блюмкина как разведчика высок, к нему прислушивается председатель ОГПУ Менжинский, с ним консультируется Молотов, у Блюмкина героическое прошлое, он почти живая легенда, и Лизе приятно его ухаживание. Но Блюмкин страшно нервный, мнительный, пугливый. Ему кажется, что за ним уже следят, и все знают эту историю с Троцким, которому он наобещал с три короба. Они лежат в постели, и в приступе откровенности Блюмкин рассказывает Лизе об этой встрече, о некогда могущественном наркоме, превратившемся в жалкого просителя. Блюмкин ищет в Лизе надежного друга, каким когда-то была для него Спиридонова. Она была еще жива, отбывая очередную ссылку и покорясь своей страшной судьбе: вождь партии, легендарная женщина, из которой сделали городскую сумасшедшую. «Страшное время, — бормочет Блюмкин, — у кого искать защиты, неизвестно...»

В Москве установилась ранняя зима, шел мягкий снег, прикрывая грязь и наготу осени.

Лиза Горская, услышав от Яши о встрече с Троцким, тотчас написала донос, и Блюмкина арестовали. Относительно его судьбы заместитель Менжинского Генрих Ягода ходил консультироваться со Сталиным. Но Сталин сказал просто и ясно: расстрелять. Резидентская кличка Блюмкина была Живой. Живой помер, пополз по коридорам Лубянки зловещий шепоток. Перед расстрелом Яша запел «Интернационал». Он успел спеть лишь одну строчку: «Вставай, проклятем заклеянный», и пуля оборвала его жизнь. Жизнь странного террориста-романтика, который и в свой последний час не знал, кто направлял его руку в тот жаркий день 6 июля. Он встречался с Лораном всего один раз, но и в ту ночь не знал, с кем говорил до утра в своем номере гостиницы «Элит». Теперь и названия такого нет, но гостиница есть. Она называется «Будапешт».

Лоран через несколько месяцев исчезнет из Москвы. Первая мировая война закончится поражением Германии, и Лорана снова перебросят работать в Берлин.

Бирзе уедет с Грушей в Париж. Изредка он будет наезжать в Германию, встречаться с Лораном по делам службы. Дифтерия, пересенная на ногах в июле 1918 года, даст о себе знать через несколько лет и раньше жизненного срока сведет Пьера Лорана в могилу. Бирзе перевезет тело друга в Париж и похоронит на одном из парижских кладбищ.

В июле 1919-го в одном из боев в районе реки Белая в Башкирии исчезнет Войтов. Таня так и не узнает, когда и где он погиб, у нее родится сын, который падет смертью храбрых во время переправы на Днестре в сентябре 1943 года, а сама Таня окончит свои дни в середине шестидесятых, намного пережив всех участников тех событий. Изредка во время

осенних бессонниц она будет вспоминать красивого французского офицера Пьера Лорана, их любовь летом 1917 года и то, как революция помешала их союзу. «Кому она вообще была нужна? — вздыхала Таня. — Одному Ленину, чтоб отомстить за брата? Какой он все же засрапец!» С годами она научилась подмешивать в свой словарь и такие грубые словечки, жалея, что нет Лорана. Он любил острое словцо и был талантливым учеником. «Таких уж нет...» — проборматовала она вслух и засыпала. Шел 1966 год, и казалось, советская власть будет существовать вечно.

Литературно-художественное издание

Романов Владислав Иванович

УБИТЬ ШЕСТОГО ИЮЛЯ

Редактор *М. К. Холмогоров*
Художественный редактор *О. Н. Адаскина*
Технический редактор *Н. Г. Новак*
Корректор *О. В. Борисова*

Подписано в печать 27.03.97. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 11 000 экз. Заказ 687.

«Олимп».

Изд. лиц. ЛР № 07190 от 25.10.96.
123007, Москва, а/я 92.

ООО «Издательство АСТ».

Лиц. ПИМ № 01372 от 16.04.96.
366720, РИ, г. Назрань, ул. Фабричная, 3.

При участии ГОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.
OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

РУССКИЕ ТАЙНЫ

Впервые!

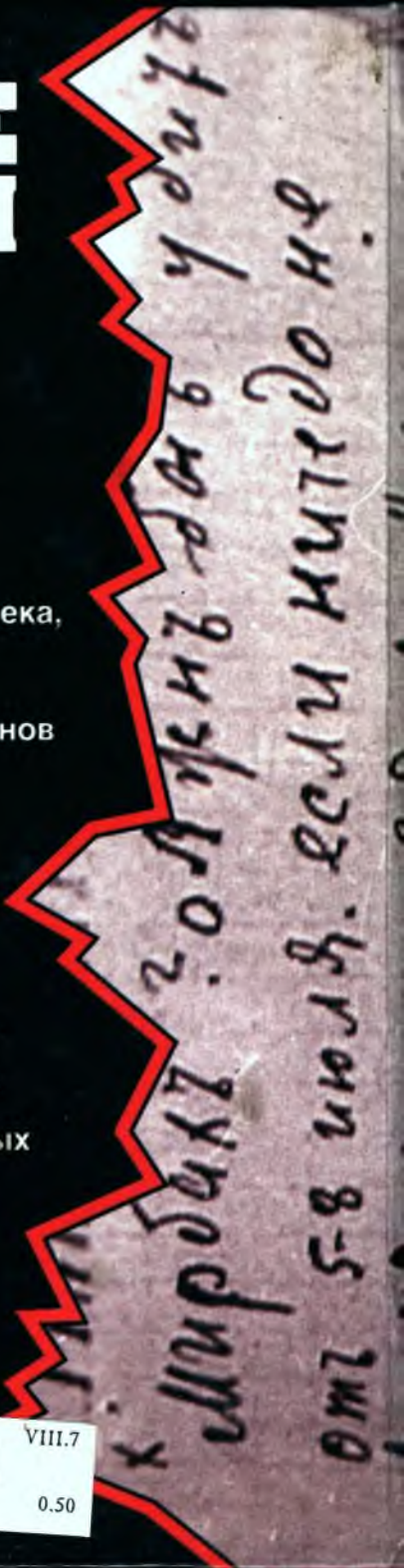
Правда о ключевых моментах истории России!

Величайшие преступления XX века, без тайн и искажений!

Подлинные документы спецхранов и советских архивов!

За каждой тайной – новые, за каждым преступлением – цепь других. История нашей страны – впервые без прикрас.

История, полная безжалостных сражений за власть, изощренных интриг и кровавых секретов...

49
N * 3 3 2 * VIII.7
26,00 0.50